

-
-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Глава 1 Родина Гурджиева

Глава 2 Учителя Мудрости

Глава 3 Существует ли "Внутренний Круг" человечества?

Глава 4 Поиски Гурджиева

Глава 5 Миссия Гурджиева

Глава 6 Институт в Фонтенбло

Глава 7 Гурджиев как писатель

Глава 8 Вопрос Гурджиева

Глава 9 Закон взаимного поддержания

Глава 10 Гурджиев как Учитель

Глава 11 Человек

Глава 12 Путь к новому миру

Приложение 1 Стиль и терминология Гурджиева

Приложение 2 Великие законы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гурджиев умер двадцать девятого октября 1949 года. Он был необычайным человеком, умевшим оказывать колоссальное воздействие даже на едва знакомых с ним людей. Впервые приехав в Европу вначале двадцатых годов, он привлек к себе всеобщее внимание. Во Франции Гурджиев открыл школу, которую часто называли "школой лесных философов", и собрал вокруг себя замечательных людей, полностью изменив их жизнь. Именно они познакомили мир с идеями Гурджиева. Это был в основном англоязычный мир, и идеи Гурджиева повлияли на него сильнее, чем принято считать.

Тем не менее после 1935 года о нем практически ничего не было слышно, и конец его жизни был овеян тайной. С Гурджиевым оставалось лишь небольшое число преданных последователей, большинство из которых после его смерти сочло своим долгом продолжить его работу и взять в свои руки публикацию его работ. Из четырех книг Гурджиева только одна, "Вестник грядущего добра", была опубликована при его жизни, но уже через год от нее было решено отказаться, и книгу изъяли из чтения. Основную же часть трудов Гурджиева составляют три книги: "Рассказы Вельзевула своему внуку", опубликованная через несколько месяцев после его смерти; "Встречи с замечательными людьми", опубликованная по прошествии десяти лет; и, наконец, "Жизнь реальна, только когда "Я Есть", которая сейчас находится в

печати.¹ Гурджиев объединил эти три книги под общим названием, "Все и вся", но получилось так, что это название поначалу связывали только с первой книгой.²

Книги Гурджиева и книги о Гурджиеве разошлись довольно быстро, но вряд ли их настолько же активно читали. Многие признавались мне в том, что, "погрузившись" в гурджиевские "Рассказы Вельзевула" так и не поняли, о чем, собственно, там шла речь. Дочитать книгу до конца подавляющему большинству людей оказалось не под силу, и еще меньшие читатели отваживаются утверждать, что поняли смысл и цель этой работы. Этим отчасти объясняется то обстоятельство, что после своей смерти Гурджиев все еще остается малоизвестным, несмотря на публикации его работ и большую популярность книги Успенского, "В поисках чудесного", которую принято считать наиболее полным и достоверным изложением идей Гурджиева. Книги Гурджиева лежат на полках многих библиотек, причем преимущественно в разделах религиозной и оккультной литературы. Они редко попадают на научные и философские стеллажи, хотя сам Гурджиев и утверждал, что его труды относятся как к науке, так и к философии. Я бы назвал их манифестом к человечеству, которое, похоже, только теперь готово прислушаться к нему.

На это указывает тот факт, что сегодня, почти через двадцать пять лет после смерти Гурджиева [Беннетт написал это предисловие в 1974 году], люди вновь стали проявлять интерес к нему и его книгам. Появилось много различных интерпретаций работ Гурджиева, и по всему миру, прежде всего в англоязычных странах, группы интересующихся поставили перед собой задачу изучения и претворения в жизнь его идей. При этом значительная часть руководителей таких групп знают о Гурджиеве и его методах исключительно из книг. Сам же Гурджиев говорил, что книги не могут в полной мере передать всю суть того, чему он учил, и это ставит под сомнение значительную часть происходящего сегодня.

На самом деле, ситуация вполне обычная: незаурядному мыслителю, намного опередившему свое время удастся изменить жизнь своих ближайших последователей, но в целом современники не признают и не понимают его. Одно поколение сменяется другим, а иногда и несколькими, прежде чем его работа оказывается в центре внимания. Так случилось и с Гурджиевым. Интерес к его деятельности сегодня проявляют в основном молодые люди. Они интересуются учением Гурджиева, потому что видят в нем пророка Новой Эры, которой, как они надеются, должен смениться нынешний кризис. Они видят в этом учении уход от прошлого и понимание нужд будущего времени. Вместе с тем, у этого обстоятельства есть еще одна сторона, а именно понимание того, что Гурджиев отнюдь не является "одиноким волком" и принадлежит к вневременной традиции, а его учение не зависит от преходящих тенденций и способно принести свет в наш меняющийся мир.

Появились книги и статьи в различных изданиях, где совершенно разные люди как работавшие с Гурджиевым в течение долгих лет, так и едва с ним знакомые рассказывают о своих впечатлениях от общения с ним. При этом следует иметь в виду, что Гурджиев был загадочным человеком, и для каждого человека и ситуации он создавал особый образ себя. В этом смысле больше всего откровений содержит в себе "Третья серия" его работ, "Жизнь реальна, только когда "Я Есть"", которая сейчас готовится к изданию. В дополнение ко всему сказанному выше главная причина, по которой личные впечатления о Гурджиеве не имеют большой ценности, заключается в том, что он от начала до конца своей жизни вел постоянный поиск, экспериментируя с различными образами жизни и поведения и различными способами достижения цели всей своей жизни.

У меня лично он всегда вызывал любовь и полную уверенность. У меня никогда не возникало сомнений в том, что он искренне желал помочь мне в деле моей жизни и что нас сближала друг с другом единая цель: предложить человечеству более приемлемое понимание "человека, мира и Бога", чем современный психологический, научный и религиозный подходы к этому вопросу. Этой грандиозной цели Гурджиев посвятил первую половину своей жизни, а в течение всей второй половины делился с окружающими его людьми итогами своих изысканий. Впрочем, последнее ему удалось лишь отчасти, поскольку подавляющее большинство приходивших к нему людей были погружены в свои личные проблемы и нужды и были готовы рассматривать его исключительно в качестве "своего" учителя. Сам же он проявлял необычайное сострадание в отношении этих людей и отдавал всего себя работе с ними. Время от времени неразумие и ограниченность собственных последователей вызывали у Гурджиева крайний протест, и тогда он уходил в сторону, чтобы найти лучший способ реализации своей миссии. Следует также добавить, что впечатление, складывавшееся о нем у людей, обычно искажалось тем образом жизни, который он умышленно культивировал, чтобы вызывать чувство неприязни, "со всей силой наступая на самые болезненные мозоли всех встречавшихся ему людей". На самом же деле, всерьез следует принимать только его учение, обращенное к нашему современному миру. При этом важно четко определить для себя, является ли это учение просто результатом собственных изысканий Гурджиева, или же это часть грандиозного послания, исходящего свыше.

В настоящей книге я постарался прояснить этот вопрос в отношении жизни и работы Гурджиева, а именно следует ли считать Гурджиева изолированным феноменом, или же он представитель культурной традиции, которая существовала прежде и существует по сей день, будучи сопряжена с нынешними и будущими потребностями человечества. Две главы посвящены аргументам в пользу того, что "школы мудрости" существовали в Центральной Азии и скорее всего существуют и сегодня. Для того чтобы убедиться в предполагаемой связи Гурджиева со "школами мудрости" необходимо проследить ход его собственных поисков, что как раз и составило вторую тему, которую я развивал в настоящей книге параллельно с первой. Наконец, третью линию

изложения составляют собственно идеи Гурджиева и те методы, которые он использовал для того, чтобы передать их последователям. Все написанное объединяется тем, что я назвал в восьмой главе "гурджиевским вопросом". Этот вопрос и тот ответ, который сам Гурджиев дает на него, не оставляют сомнений в грандиозности его послания современному миру, и мы должны, внимательнейшим образом изучив это послание, претворить его в жизнь. Вопрос звучит следующим образом: "В чем заключается смысл и значение жизни на Земле в целом и человеческой жизни в частности?"

В первой и второй сериях работ Гурджиева этот вопрос не отражен в явной форме, и, вне всяких сомнений, это одна из причин, по которым лишь очень немногим людям удалось увидеть в Гурджиеве предтечу Новой Эры, а не только удивительного человека и учителя. Грядущая эра потребует от человечества всерьез задуматься над вопросом: "Для чего мы нужны здесь?" Однако прежде чем этот великий вопрос станет краеугольным камнем жизни всего человечества, и произойдут небывалые изменения во всем укладе существования мира людей, нам придется избавиться от вульгарного по своей эгоистичности и абсурдности отношения к жизни на Земле и к Земле как таковой.

Несмотря на объединяющий вопрос, было совсем не просто выделить эти три нити в запутанном клубке жизни Гурджиева без некоторых повторений и перекрестных ссылок. При этом я в большей степени старался приводить излагаемое в соответствие идеям Гурджиева, нежели хронологии событий его жизни или даже структуре его "системы". Сам Гурджиев избегал слова "система", утверждая, что структура процессов нашего мышления не подходит для восприятия реального мира. В этой связи он использовал понятие "объективного разума", подразумевая под ним сочетание в полноценном человеке непреходящего бытия, религиозного мистического восприятия и чистого разума по Канту. Целью каждого человека должно быть достижение как можно более высокой градации объективного разума, как бы ни было трудно пожертвовать ради этого верой в надежность привычного для нас образа мышления. Способы, которые Гурджиев использовал для выражения своих идей, на первый взгляд зачастую казались сумбурными и даже противоречивыми, однако при более пристальном их изучении мы безошибочно обнаруживаем глубокое единство стоящей за всем этим цели. Именно это я и постарался показать в настоящей книге.

Все перечисленное выше заставляет нас с огромной внимательностью изучать как опубликованные работы Гурджиева, так и еще не изданную "Третью серию" его трудов, а также все доступные конспекты его лекций и бесед, начиная с 1915 года. С этой целью я также использовал собственные записки и письма, которые я написал между 1923 годом, когда я впервые оказался в Институте Фонтенбло, и 1948 - 1949 годами, когда я довольно часто виделся с ним в Париже. Кроме того, мне посчастливилось познакомиться с подробными записями и дневниками Мисс Глэдис Александер, которая знала Гурджиева с

1922 года, провела много лет в его Институте и поддерживала общение с ним вплоть до самой его смерти. Мисс Глэдис была одной из лучших учениц Гурджиева и любезно согласилась предоставить мне такую возможность. Я также воспользовался записями еще одной англоязычной ученицы Гурджиева, Мисс Элеоноры Крауди, которая в дальнейшем стала сама преподавать его идеи. Еще я очень благодарен группе Гурджиева, которая работала с ним в Париже в военные годы, с 1941 по 1948. Члены этой группы позволили мне воспользоваться записями встреч, из которых я узнал много ценного о последних годах работы Гурджиева. Наконец больше всего я признателен семье Гурджиева, члены которой разрешили мне просмотреть его личные записи, паспорта и официальные документы, что позволило мне уточнить даты и географические названия - те сведения, которые, в противном случае остались бы неуточненными. Я также получил от них разрешение по собственному усмотрению цитировать его неизданные произведения.

Моя задача была бы почти невыполнимой, если бы я не был знаком со странами Ближнего Востока, в которых Гурджиев провел основную часть своей жизни. К сожалению, мне так и не удалось осуществить свою давнюю мечту и попутешествовать по Туркестану, но среди моих знакомых было много жителей этого района: сартов, узбеков, туркмен и татар, некоторые из которых были дервишами, понимавшими важность своих традиций. Я довольно часто отмечал то отчетливое ощущение "потепления", которое возникает по пути на восток из Стамбула в Каре и далее на восток через Персию к Амударье, к древнему Оксусу, удивительной реке, которая в течение десяти тысяч лет была свидетельницей переселений народов, объединявших древние культуры и порождавших новые. Эта река и сегодня словно магнит притягивает всех интересующихся историей человечества.

Увы, времена величия эн-Нехир, или "реки", как ее любовно называют, ушли в прошлое. Теперь это не более чем просто водная граница, водяной занавес, разделяющий людей, которые бы должны были делиться друг с другом своим пониманием, как это и происходило тысячелетиями. Бухара, Самарканд и Ташкент - места, названия которых пробуждают столь яркие образы прошлого величия, были превращены в современные города и промышленные центры. Древняя мудрость теперь ищет новые луга и просторы на Западе, и одна из причин, по которым Гурджиев и история его жизни настолько привлекают молодежь, заключается в ощущении, что ему удалось вновь открыть каналы для потока жизни. Многие утверждали, что знакомы с Учителями Мудрости, но именно Гурджиев заново открыл их учение и, основываясь на нем, предложил практический путь жизни для современного мира, причем не только для отдельных людей, но и для всей человеческой семьи в целом.

С точки зрения надежд и намерений самого Гурджиева, его жизнь может показаться неудавшейся. Его институт прекратил свое существование, и он оставил после себя всего лишь нескольких выдающихся учеников. Его книги вызывали интерес скорее как

нечто диковинное, нежели как весть о приближении нового времени.

Гурджиев предпринимал все возможное и невозможное, чтобы не быть возведенным в культ. Тот мощнейший эффект, который он производил на каждого, кто с ним встречался, Гурджиев называл тзаврнобар-но - то же самое, что и авестийское хвареио - "печать высшего существа" или "царская аура". Одним из методов, которые он использовал для предотвращения личного поклонения ему, было его скандальное поведение. Такого курса Гурджиев придерживался до тех пор, пока в 1935 году не оставил надежды создать институт. С тех пор и вплоть до конца своей жизни Гурджиев в основном занимался отдельными людьми, которые по его мнению были способны нести в мир его идеи. Поначалу он преимущественно занимался писателями, которых сам готовил особым образом. Среди них было много писателей, так и не ставших известными, включая Кэтрин Гульм и Рене Домала, которые тем не менее написали ряд замечательных книг. У Гурджиева также было несколько весьма способных учеников в Америке, но он сделал все, чтобы предотвратить создание какой-либо организации. Людей, проявлявших инициативу, Гурджиев подталкивал к созданию своих собственных групп. При этом он довольно часто поручал одни и те же задания двоим или троим людям одновременно и независимо, что не могло не вызывать недоумение и ревность.

Еще одной предосторожностью с его стороны было то, что он использовал множество форм выражения своих идей, причем что-то всегда оставалось недосказанным, а иногда и обманчивым. Таким образом ни у кого нет права утверждать: "Вот учение, которое мы получили от Гурджиева. Оно целостно, убедительно и неизменно. В нашу задачу входит передать вам именно это". И все же, к сожалению, некоторые последователи Гурджиева придерживаются такой точки зрения. Гурджиев не оставил после себя ни организационной базы, ни однозначного учения, ни официального наследника. Он оставил лишь небольшую группу любящих и преданных ему учеников, которые обязались сохранять его работу в том виде, в котором они ее получили и передавать ее людям, способным принять ее без каких-либо оговорок или добавлений из других источников.

Я избрал для себя несколько иной путь. Я всегда считал Гурджиева своим учителем и за несколько дней до его смерти пообещал способствовать лучшему пониманию и распространению его идей, насколько это будет в моих силах. Вместе с тем я почувствовал, что должен с этой целью внести и свой вклад в развитие этих идей. Теперь я готов поделиться с читателями результатами собственной работы и своим пониманием.

В последнюю субботу перед смертью Гурджиева, мне довелось беседовать с ним в течение двух часов в его любимом кафе на Авеню де Терн. В ходе беседы я сказал, что видимо никогда не смогу отплатить ему за все, что он сделал для меня лично и моей жены. Он помолчал немного, после чего пристально

посмотрел мне в глаза и сказал: "Только ты. Только ты сможешь отплатить мне за все". Ни сейчас, ни тогда я не рассматривал это как вверение мне роли наследника Гурджиева: на самом деле у меня эта мысль тогда даже не появилась. В то же время я хорошо осознавал, что он возлагает на меня огромную ответственность. Теперь прошло уже почти тридцать лет, с тех пор как я познакомился с Гурджиевым в Константинополе в 1920 году. Тогда же мою жизнь полностью перевернули его идеи и учение, и с 1932 года я начал работать с группами, сначала под руководством Успенского, а позже - со своими собственными группами. Я знал, что должен "отплатить", делаясь с другими тем, что узнал сам, однако, я считал для себя возможным просто повторять услышанное, подобно попугаю. Много лет назад мадам Успенская сказала мне следующее: "Зачем вы имитируете мистера Успенского? Вы не можете выполнять его работу так, как делает это он. Вы должны делать свое дело, полагаясь на свое собственное понимание". Я на всю жизнь запомнил этот мудрый совет. Мы не выполняем свое предназначение, имитируя других людей, какой бы высокий уровень они ни занимали. Сам Успенский хорошо понимал это. Получилось так, что у меня оказалось несколько страниц из первой рукописной версии его книги "Фрагменты неизвестного учения", которая позднее была опубликована под названием "В поисках чудесного". Эти страницы входили в первоначальную рукопись, но так и не были включены в саму книгу. В то же время они несомненно отражают мнение Успенского на тот период, когда они были написаны, то есть приблизительно на 1923 год. Я решил процитировать здесь часть написанного, поскольку этот отрывок проливает свет на суть взаимоотношений между Успенским и его учителем. И я признателен внучке мадам Успенской, Татьяне Нагро за разрешение сделать это.

"Гурджиев излагал свои мысли совершенно не так, как мы привыкли считать правильным, и я должен сказать несколько слов на этот счет. Он никогда не заканчивал своего изложения. Он всегда высказывал лишь начало мысли, оставляя ученикам додумывать ее до конца. При этом его никогда не волновала терминология или номенклатура, и он использовал для своих целей первые попавшиеся слова. Иногда таким образом он симулировал чрезвычайно точные описания, но они как правило сопровождались таким количеством примеров, что нужно было очень хорошо знать предмет обсуждения, чтобы вообще понять, к чему они все относились. В то же время Гурджиев всегда подчеркивал, что нужно сначала понять идею в целом, прежде чем переходить к осмыслению деталей.

Гурджиев часто упрекал лекторов, по европейским стандартам обладавших значительными риторическими способностями, в том, что они "не умеют говорить". "Следует изъясняться "приблизительно". Нет нужды вдаваться в подробности; нужно лишь указать точку отсчета".

Однако главным в его методике было то, что он, рассказывая своим слушателям и ученикам лишь начало мысли, похоже, всегда старался выяснить, как они будут развивать эту мысль. И если

кому-нибудь удавалось добиться определенных результатов в работе с услышанным, то этот человек всегда мог рассчитывать на получение следующей порции мыслей, а те, кто просто старались удержать в памяти услышанное, не потерять это или по крайней мере не подать виду, что потеряли, в конце концов неизбежно теряли все ...

Мне это всегда напоминало притчу о талантах. Гурджиев всегда действовал, как "человек, отправляющийся в далекую страну, который позвал своих слуг и распределил между ними свое имущество. Одному он дал пять талантов, другому два, а третьему один - каждому по его возможностям, - и отправился в путь. Тогда тот, кто получил пять талантов, вложил их в дело и заработал на них еще пять талантов. И подобно первому тот, у которого было два таланта, превратил их в четыре. Тот же, кто получил один талант, зарыл его в землю и спрятал деньги своего господина".

Подобным же образом дело обстояло и с Гурджиевым. Кто-то получал больше, кто-то меньше, в зависимости от возможностей и уровня подготовки. Все упиралось в самостоятельную работу. Если человек пытался развить услышанную мысль, обнаружить новые связи, найти смысл схем в реальной жизни и передать все это окружающим, услышанная им мысль становилась все значительнее и значительнее, и сам он начинал удивляться, какой глубиной смысла могли быть наполнены две-три фразы будто бы случайно произнесенные Гурджиевым. Если же человек не считал нужным работать над услышанными мыслями, если он старался просто запомнить услышанное дословно и полагал, что этим вопрос и исчерпывался, или же наоборот думал, что ему было сказано не все и что он должен подождать еще, пока ему не откроют секрет, то этот человек не только не развивался дальше, но и постепенно забывал изначальную мысль, пока она вовсе не покидала его память. В то же время то, что происходило с этим человеком, довольно часто оказывалось полезным для предыдущего, то есть для того, кто пытался работать над услышанными мыслями.

Ибо тому, кто имеет, прибавится и у него будет еще больше, а кто не имеет, у того отнимется даже то, что он имеет.

Наблюдая все это и многое другое, я полностью убедился в том, что идеи Гурджиева - это "живые" идеи, которые растут и размножаются, если подходить к ним правильно, то есть, если они ложатся на подходящую почву. Они никогда не остаются в изначальной форме и либо развиваются, либо исчезают, и в человеке, который усвоил их основополагающие принципы и правильно их воспринял, начинается чрезвычайно интересный процесс развития и комбинации этих идей".

На этом изначальный вариант предисловия Успенского заканчивается.

Порвав отношения с Гурджиев в 1924 году, Успенский стал придерживать той точки зрения, что систему как таковую

следует рассматривать обособленно от самого Гурджиева, хотя и настаивал на том, чтобы система сохранялась насколько это возможно в форме, изложенной Гурджиевым в 1915 - 1918 годах. Успенский знал, что Гурджиев значительно пересмотрел способ изложения системы, а также что он начал писать книги. Успенский всегда получал mimeографические копии "Рассказов Вельзевула", как только это становилось возможным, но он никогда не говорил с нами об этом. Напротив, он говорил, что мы должны воспринимать эти идеи в той форме, в какой они были выражены, ничего не добавляя и ничего не пропуская. Этому принципу и следовали наиболее приближенные к Гурджиеву группы. Я не могу назвать это неправильным, поскольку такой подход позволяет быть уверенным в том, что открытое Гурджиевым всегда будет доступно в чистом виде, и не нужно будет отслеживать присоединившиеся источники. Материал настоящей книги основывается не столько на каких-то посторонних источниках, сколько на тех, из которых сам Гурджиев черпал свои мысли. По моему глубокому убеждению, идеи Гурджиева можно понять в полной мере, только выстраивая связи с их источниками, или Учителями Мудрости, как я их называю. Причем значение самих идей для всего мира в большой степени определяется тем, что они представляют собой часть великого и согласованного действия, которое, как я уверен, разворачивается сегодня, чтобы составить у человечества новое представление о человеке, вселенной и Боге. Именно так Гурджиев рассматривал свою миссию, и в настоящей книге я постараюсь показать, что ему удалось сделать многое для достижения поставленной цели.

В заключение я должен еще раз подчеркнуть, что настоящая книга не является биографией Гурджиева, хотя я и сделал все возможное, чтобы воспроизвести историю первых тридцати лет его жизни, о которых практически ничего не известно на Западе. Это и не изложение гурджиевско-го учения, хотя я счел необходимым подробно рассмотреть некоторые из наиболее важных идей Гурджиева. Наконец это и не дневник ученика. Мне очень хотелось написать о некоторых событиях последних двух лет его жизни, когда я видел его довольно часто, но я не хочу писать здесь о своих собственных впечатлениях. В связи с этим я старался быть объективным и использовал всю доступную документацию, однако читатель наверняка заметит мою собственную точку зрения, несомненно закрашивуюся между строк. Безусловно, она отличается от отношения других людей, но по крайней мере она основана на пятидесяти двух годах знакомства с Гурджиевым, его идеями и методами.

Эта книга так и не дошла бы до читателя, если бы не содействие Лорда Турлова, который, отойдя от государственных дел, великодушно посвятил значительную часть освободившегося времени редактированию моей рукописи. Не изменив смысла, ответственность за который целиком и полностью несу я, он удалил из книги много лишнего, а также сделал изложение более понятным и последовательным. Конечно книга далеко не лишена недостатков, но виноват в них я, а не он. На определенном этапе работы к Лорду присоединился Алик Бартоломев, который к моей радости стал теперь моим новым издателем, после двадцати

четырёх лет моего плодотворного сотрудничества с Ходдер энд Стоутон (Hodder & Stoughton). Достаточно будет сказать, что он был так же добр ко мне, как и они. Кроме того, я должен поблагодарить Грилби Нун, которая, будучи моей секретаршей на время написания настоящей книги, тактично боролась с напористыми посетителями, и в добавок умела разбирать мой ужасный почерк.

Глава 1

РОДИНА ГУРДЖИЕВА

Начав свое путешествие из Туркестана или Афганистана на Запад сто лет назад, путешественник, вероятнее всего, двигался бы по "реке", то есть по Амударье, древнему Оксусу, пока их направления совпадали бы. Раньше эта река впадала в Каспийское море, а теперь течет в Аральское море. Он покинул бы ее там, где она делает поворот невдалеке от Мерва, до Хамадана, он, возможно, пошел бы на юго-запад через Кирманишах или на северо-запад через Тебриз. Если бы он был паломником-мусульманином и держал путь на Хеджас, то пошел бы через Багдад и скорее всего посетил бы пыльный городок Кербела, чтобы поскорбеть вместе с Алеви о смерти Хуссейна, внука Пророка. Если же он был бы купцом, и его целью был бы Константинополь, тогда еще столица увядающей Оттоманской империи, то он пошел бы через Тебриз. При этом он держался бы подальше от прикаспийских районов, где российская тайная полиция была начеку и следила за каждым подозрительным странником, который вполне мог быть турецким шпионом, поскольку приближалась Русско-турецкая война. Поэтому он придерживался бы широкой долины, ограниченной по его правую руку Кавказской горной цепью с величественной горой Арарат, вечная снежная шапка которой показалась бы на второй или третий день пути. Оставив позади себя слева озеро Резайе, он шел бы вдоль бесконечного горного хребта Курдистана. Еще через несколько дней он увидел бы перед собой колоссальную горную преграду с трехтысячным пиком Аллахуэмба Даглари, которая отделяла бы его от Черного моря.

Затем перед ним открылась бы долина Карса. Пейзаж во многом определялся бы временем года, и, например, зимой вся долина была бы покрыта снегом. Кое-где можно было бы увидеть атары овец, спасающиеся в укрытых частях долины, которые были тогда заселены преимущественно турками и отчасти армянами. Летом земля долины была бы выжжена палящим солнцем, и лишь по берегам многочисленных горных потоков, пересекающих долину, сохранялась бы скудная растительность. Весной снег бы начал таять и шли бы проливные дожди. В то время в долине скапливалось больше грязи, чем можно себе представить. Осенью жители долины собирали богатый урожай зерна, который обеспечивал их существование в течение следующих месяцев дождей и снега. Тогда перед ним предстала бы процветающая страна с густыми ельниками, покрывавшими склоны гор, полезными минералами в холмах и огромным

количеством рыбы в речушках. Торговля между Персией и Турцией тогда была в самом разгаре.

Тысячелетиями эта территория была самой соблазнительной частью Леванта. Каре стал ареной жестоких боев между русской и турецкой армиями в четырех войнах 1807 — 1877 годов. Четыре раза он оказывался в осаде, но туркам каждый раз удавалось удерживать его в своей власти, пока в 1877 году он все-таки не был занят русскими. Во время же странствий нашего путешественника, когда он проходил бы через Каре, пятидесяти тысячная турецкая армия укрепляла бы город, а шестьдесятю километрами восточнее русские ожидали бы приказа начать его штурм.

Каре, в котором вырос Гурджиев, был знаменитым городом. В течение пяти веков он был столицей Армении. Так же как и его сосед, Ани, наибольшего расцвета Каре достиг в девятом веке от Р.Х., во времена правления Багратидской династии.

Век от века, волны завоеваний из Центральной Азии докатывались до коридора между Курдскими горами и Черным морем. Большинство завоевателей на этом останавливались и поворачивали назад, и между периодом ассирийского правления, закончившимся в 500 году до Р.Х., и нашествием турков-сельджуков в начале второго тысячелетия от Р.Х. на этой территории главенствовали армянские царства. На армян, которые некогда говорили на греческом языке и даже называли себя греками, халдейская культура и Зороастризм оказали настолько сильное влияние, что они развили свой собственный язык, свою собственную форму Христианства и необычайную национальную гордость самостоятельного народа. Мать Гурджиева принадлежала к этой расе, и именно к ней он ощущал наибольшую близость.

Отец Гурджиева происходил из семьи каппадокийских греков. Это одна из самых древних рас на Земле, населявшая одну и ту же территорию в течение восьми или даже десяти тысяч лет. Какой язык был у коренного населения Малой Азии неизвестно, однако мы знаем, что главенствующей культурой была культура Великой Матери, о чем можно судить по признакам этого культа, которые были недавно обнаружены археологами при исследовании древних городов в районе Катар Гойюка и в прочих местах. Нет никаких сомнений, что именно там впервые появилось оседлое сельское хозяйство. Судя по всему, уже восемь — девять тысяч лет назад жители Малой Азии умели выращивать несколько видов зерновых культур, и стали первыми в мире земледельцами, за исключением, возможно, лишь жителей Центральной Азии. Только в четвертом тысячелетии до Р.Х. арийская культура начала проникать в этот район и смешиваться с местными традициями, что стало первым примером слияния культур. В результате этого появился греческий язык, первый язык абстрактного мышления.

Малая Азия располагалась между вавилонским и греко-римским мирами, двумя великими центрами цивилизации, которые оказывали на ее жителей огромное влияние в течение всего первого

тысячелетия до Р.Х. С приходом Христа Малая Азия стала одним из первых районов мира, обращенных в Христианство св. ап. Павлом и его сподвижниками. Причем христианская литургия была создана именно в центре Малой Азии, в Каппадокии. Это обстоятельство, на мой взгляд, чрезвычайно важно для понимания истоков гурджиевского учения.

Первое тысячелетие нашей эры стало для Малой Азии относительно стабильным историческим периодом, в сравнении с бурными событиями, раздиравшими Европу на части. Возможно это одна из причин, по которым христианское мировоззрение в этом районе развивалось последовательнее, чем где-либо еще. Конец первого тысячелетия ознаменовался для Малой Азии началом великих турецких завоеваний. Первыми и в определенном смысле самыми великими завоевателями были турки-сельджуки, к тому времени уже создавшие ряд сильных государств в северной Персии. Сельджуки главенствовали в Малой Азии около двухсот лет. Им на смену пришли османские турки, и Малая Азия постепенно становилась такой, какой она предстала перед поселившейся туда семьей Гурджиева. Культуру Малой Азии того времени правильнее всего было бы назвать смешанной, христианское и мусульманское влияния в ней были практически равнозначными. Центральная Азия с ее некогда величайшими центрами мировой культуры Самаркандом и Бухарой к восемнадцатому веку пришла в упадок и стала легкой добычей для Российской империи. Тем не менее даже в конце девятнадцатого века древнее мусульманское влияние все еще в значительной мере сохраняло былую силу на территории Туркестана, и Кавказ, преимущественно христианский, с востока, запада и юга был окружен мусульманскими культурами. Такова Родина Гурджиева.

Как и многие из нас, Гурджиев родился во время войны. Страна едва успела оправиться от Крымской войны 1855 года, во время которой туркам под предводительством местного героя, Османа Ага, удалось защитить Каре. Я имею в виду осаду, начавшуюся 16 июня и окончившуюся 29 сентября, через две недели после падения Севастополя. Парижский договор от 30 марта 1856 года подтвердил власть Турции на этой территории. Тогда много христиан перешло на другую сторону границы, через реку Арпа Чай. Среди них был и отец Гурджиева, который затем поселился в Александрополе, бывшем Гумру, где Гурджиев и родился во время русско-турецкой войны 1877 года. Эта война чаще всего ассоциируется с защитой Плевны в Болгарии, но защита Карса турками была не менее героической. На это раз город был захвачен, и по Стефанскому договору от 3 марта 1878 года все восточные провинции Турции - Эрзурум, Батум, Ардахан и Каре - отошли к России в качестве контрибуции. В составе России они оставались вплоть до революции 1917 года, когда Турция вновь оккупировала эту территорию до реки Арпа Чай, разделив таким образом древнюю Армению на христианскую и нехристианскую части.

В паспорте Гурджиева указано, что он родился 28 декабря 1877 года. Сам он утверждал, что родился гораздо раньше. причем 1 января по старому стилю. Надо сказать 1877 год как дата

рождения с трудом вписывается в хронологию жизни Гурджиева, но его семья утверждает, что так оно и есть. Если это так, то Гурджиев начал свой поиск в возрасте одиннадцати лет, поскольку по его словам именно в 1888 году он увидел мир в новом свете. В Константинополь он впервые приехал в 1891 году. Поскольку сам он говорил, что в то время был еще "отроком", в этих датах нет ничего удивительного. Вместе с тем странно, что, родившись в 1877 году, он ни разу не упоминал, что это произошло во время русско-турецкой войны.

Семья Гурджиева жила на территории Российской империи, в Гумру, всего в нескольких километрах от реки Арпа Чай, по которой тогда проходила русско-турецкая граница. Русская армия под командованием Генерала Бориса Меликова переправилась через реку 24 апреля 1877 года. Битва за Каре, защитой которого руководил Гази Мухтар Паша, продолжалась все лето. В октябре город уже бился в агонии, и царь послал своего брата, Великого Князя Николая возглавить решающий штурм. Превосходя турецкий гарнизон по количеству и вооружению, русские взяли город ночью с 17 на 18 ноября. Шестью неделями позже Гурджиев родился в Гумру, который к тому времени уже был переименован в Алек-сандрополь в честь отца царя.

Условия Стефанского договора, продиктованные русскими, подразумевали полный развал Османской империи. Однако под давлением Германии, Австрии и Англии 13 июля 1878 года был заключен новый, Берлинский, договор. Согласно этому договору русским отходил весь Кавказ и округ Эрзурума. Тем не менее, объектом вождения русских были Балканы и Босфор, а с интересами Кавказа никто не хотел считаться, что имело весьма плачевные последствия для населявших его тогда народов.

Можно сказать, что Кавказ находился в состоянии хаоса. У Российских властей в далеком Ст.-Петербурге не было практически никакого представления о положении дел на Кавказе, и они посылали туда миссию за миссией с противоречивыми указаниями, то переселяя народы, то возвращая их обратно. Строились железные дороги и порты и постоянно велись попытки искусственного объединения разных народов. Возможно даже, что Иван Георгиадес, позже взявший кавказскую фамилию "Гурджиев", не хотел регистрировать рождение своего сына, Георгия, именно потому, что не знал, где ему в конце концов придется жить.

С 1878 по 1893 год происходили кошмарные насильственные переселения, включая переселение 80 000 турков, которые бежали на запад от русской армии. Каре, еще недавно бывший процветающим городом, превратился в маленький приграничный госодок, население которого составляло менее 10 000 человек. Чтобы заместить 100 000 турков, иммигрировавших в Анатолию, русские пригласили греков, армян, езидов и ассирийцев поселиться на этой территории. Население всей этой провинции тогда складывалось из 93 000 мусульман, 37 000 армян, 23 525 греков и 10 695 переселенцев из России, включая эстонцев, айзоров, и бессарабских цыган, а также переселенцев из Карпат. Таким образом на Кавказе было 24 000 русских солдат и офицеров, но не

так уж много поселенцев. Эти цифры показывают, почему Гурджиев с детства так же хорошо говорил на турецком, как и на своем родном армянском языке, но так толком и не выучил русский. Все греки и армяне знали турецкий, на котором тогда между собой общались самые разные народности Азии. Русского тогда практически никто не знал, пока в 1880 году российские власти не ввели draconовы меры по его повсеместному использованию. Знание турецкого, особенно его восточного диалекта очень помогло Гурджиеву в его странствиях по Центральной Азии. От Албании на Адриатике до Китайского Туркестана девятью тысячами километров восточнее, люди говорили на множестве тюркских диалектов. В отличие от европейских языков, тюркские диалекты сохраняли весьма близкое сходство, и македонские турки могли свободно общаться с узбеками или даже с буддистами калмыками и таджиками. На самом деле, книги Гурджиева наилучшим образом свидетельствуют о том, насколько ему помогло знание турецкого. Вряд ли он знал какой-либо исконно персидский диалект, но разговорным тибетским владел свободно. Со своим талантом имитировать произношение и, владея центрально-азиатскими диалектами, Гурджиев чувствовал себя как дома, от Кавказа до пустыни Гоби.

По словам самого Гурджиева, отчасти подтвержденным его сестрой Софьей, которая вышла замуж за Федора Анастасьева, грузина по национальности, предки Гурджиева были состоятельными животноводами, иммигрировавшими в район Трабзона из Каппадокии еще до войны 1856 года. Потеряв практически все свое имущество в результате эпидемии скота, его отец переселился в Россию, где стал плотником. Нужно сказать, что о жизни Гурджиева до 1915 года, когда он встретился с Успенским, мы знаем практически только из его собственных книг и рассказов. При этом его книга "Встречи с замечательными людьми", строго говоря, не является автобиографической работой. Цель этой книги заключалась не в том, чтобы рассказать о жизни Гурджиева как таковой, а в том, чтобы поведать читателю об иной системе ценностей, малознакомой современному западному человеку.

Гурджиев жил в Карее с раннего детства и до четырнадцати лет, а затем часто приезжал туда, пока его семья не переселилась в Александро-поль, когда ему было уже за двадцать. Я побывал в Карее через несколько лет после смерти Гурджиева и нашел там много достопримечательностей, о которых рассказывал Гурджиев. Я нашел собор русской армии, хотя и в заброшенном состоянии, а также крепость, русскую школу и центральную площадь города. Старый греческий квартал расположен невдалеке от крепости, однако это не объясняет, каким образом Гурджиев, сын бедного иммигранта практически с нулевым социальным статусом, мог быть близко знаком со священниками и офицерами русского гарнизона. Сам он связывал это с со своим чудесным детским сопрано, благодаря которому его пригласили в соборный хор. По его словам, так он оказался под

влиянием настоятеля собора, который затем стал его первым учителем.

Сначала мне трудно было поверить, что один из самых замечательных людей моего века мог родиться в таком захолустном приграничном городе, почти что полностью отрезанном от основных центров цивилизации. Однако со временем я понял, что более благоприятных условий и быть не могло. Практически в любом другом месте Гурджиев попал бы под мощное воздействие той или иной преобладающей культуры. Конечно, ему пришлось столкнуться с практически непреодолимыми трудностями, но это лучше, чем оказаться в смертельных объятиях падшей цивилизации или в душном однообразии культуры, утратившей творческую активность. В 1952 году мне показали старый греческий квартал, и я был поражен, увидев дома, которые по сути дела были построены под землей. Входить в них нужно было через крышу, и можно было пройти над домом, не зная, что происходит внизу. Только очутившись в Катал Гойуке через много лет, я понял, что в Малой Азии люди жили так более восьми тысяч лет. Корни Гурджиева уходят в колыбель истории, если конечно не оставлять это название за Туркестаном. На самом деле между Малой Азией и Туркестаном есть много общего. И там, и там климатические условия очень суровые. Зимой очень холодно. При мне температура опускалась там до нуля, тогда как жарким летом температура может подниматься до 40° в тени. Для таких условий подземные дома с толстой глиняной крышей, возможно, подходят лучше всего. Наверное именно поэтому такие дома просуществовали там многие тысячи лет. Вместе с тем это также может быть одним из факторов, определивших столь живой интерес Гурджиева к прошлому.

Его детство прошло на фоне бурных исторических событий. После войны 1877 года русские смешали самые различные культуры, которые раньше были более или менее обособлены друг от друга. Собрав вместе езидов и ассирийских христиан с юга, армян с востока, греков с запада и цыган с эстонцами с севера на равнинах Карса и Ардахана, русские создали весьма своеобразную культурную мозаику. В этой ситуации люди разных культур и рас просто не могли не пересекаться и не влиять друг на друга, и смысленный юноша, стремившийся понять окружающий его мир, мог, не выходя из Карса, многое узнать о жизни самых разных народов.

В своей книге "Встречи с замечательными людьми" Гурджиев много пишет о полиэтничности Карса. Среди его друзей были русские, аизоры (ассирийские христиане), армяне и турки. Он даже описывает несколько странных событий, в которых принимали участие татарский, цыганский и езидский мальчики. Такая необычная компания могла сложиться далеко не в каждом городе.

Довольно трудно абстрактно представить себе настолько разнородное общество, возникшее за столь короткое время. Когда Гурджиев еще был ребенком переселения людей из севера, юго-

востока и запада все еще продолжались. Причем у этих народов пока еще не было времени наладить отношения друг с другом. Они прежде всего заботились о том, чтобы свить семейные гнезда и как-то выжить. То, что творилось в километре от собственного поселения никого не волновало. Ассирийские христиане придерживались совершенно иных социальных порядков, нежели эстонцы и цыгане. Езиды вели себя еще более странно и непонятно для прочих народов. Большинство диаспор продолжали подчиняться наследственным главам своих общин или церквей, которые могли жить в сотнях километров от Карса. Все это ослабляло социальные запреты и побудило Гурджиева искать ответы на собственные вопросы вне дома. Одной из этнических групп, вызывавших особый интерес у Гурджиева были молокане, белокурые кавказцы, которые жили обособленной жизнью со своей музыкой и традиционными танцами. Возможно именно контакт с ними пробудил у Гурджиева интерес к ритуальной гимнастике и был одной из причин, заставивших его пуститься в странствия.

Судя по всему, отец Гурджиева принадлежал к традиции бардов, очень уважаемой в прежние времена. Гомер и северные барды, авестийские и ведические поэты донесли до нас традиции, возраст которых насчитывает многие тысячи лет. Некоторые их саги и гимны были рождены еще во время последнего ледникового периода. Поэтому вполне вероятно, что отец Гурджиева мог знать Песнь о Гильгамеше, которая была весьма популярна среди жителей равнин к югу от Карса три тысячи лет назад. Несомненно, Гурджиев напоминает об этой истории в начале своей книги, чтобы создать у читателя ощущение непрерывной традиции, настолько же актуальной сегодня, как и тысячи лет назад. Другой важный эпизод связан с беседами между Гурджиевым и Отцом Настоятелем Борцем (по всей видимости, псевдоним), в ходе которых упоминался Сарикамиш, где "Господь сделал двухстороннюю лестницу, и на ее вершине поместил счастье, чтобы люди и даже целые народы могли подниматься и спускаться по этой лестнице". (Сарикамиш расположен в сорока километрах к юго-западу от Карса в степи, неподалеку от равнины, по которой лежит дорога на Эрзурум. Это единственная дорога в Малую Азию, не поднимающаяся выше трех километров над уровнем моря.) Казалось бы бессмысленная игра "кастусмилия", в которую играют два "старца", на самом деле символизирует тот способ общения, который использовал Гурджиев вплоть до конца своей жизни. Он всегда старался сделать так, чтобы нужные мысли доходили только до нужных людей, оставаясь при этом незамеченными другими. Гурджиев был непревзойденным мастером этого искусства. Для тех, кто приучен считать высшим проявлением риторики недвусмысленность речи, трудно сразу оценить преимущество передачи смысла при помощи туманных намеков, аллегорий и даже противоречивых высказываний.

Однажды Гурджиев попросил своего отца назвать принцип, которым он руководствовался в своей жизни, и отец ответил, что для любого человека должно быть очевидным, что жить нужно так, чтобы старость была счастливой. Этот ответ может показаться тривиальным, если не понимать под этим свободу от

прошлого, или, как Гурджиев называл это позже, "оплату долга своего существования". Успенский пишет о теплых отношениях и взаимопонимании между Гурджиевым и его отцом. Я в свою очередь могу засвидетельствовать, что особое место в его жизни занимала мать. Сам он всегда очень горячо отзывался о своей бабушке и о том влиянии, которое она оказала на его отношение к жизни. В первой главе "Рассказов Вельзевула" Гурджиев приводит ее предсмертное напутствие: "Никогда в своей жизни не поступай так, как поступают другие. Или вообще ничего не делай — просто иди в школу — или делай то, чего больше не делает никто". Пытаясь осмыслить деятельность Гурджиева, следует иметь в виду, что эту позицию он принял как свою собственную, и она часто придавала его действиям окраску, не соответствовавшую его глубоким задачам. Он мог заставлять себя быть эксцентричным, даже когда это препятствовало достижению его самых заветных целей.

В своих работах Гурджиев постоянно подчеркивал важность семьи. Это вполне естественно для грека или армянина из Малой Азии, где в девятнадцатом веке семья была единственным источником счастья и уверенности. Общественной жизни практически не было, так же как средств и возможности путешествовать и встречаться с мудрыми людьми. Вместо этого было сильное чувство долга оберегать семейную культуру и традиции, и даже устремившись на поиски опыта и знания, Гурджиев никогда не терял любви к своему дому. За время нашего личного с

ним знакомства, я убедился в том, что семья для него имела совершенно иное значение, нежели ученики и друзья. Он практически ничего не предпринимал, чтобы расширить горизонты понимания своих родственников и никоим образом не побуждал их следовать его учению. Вместе с тем между ними существовало нечто большее, чем просто личная связь: его семья была частью него самого, и он содержал ее в том же безжалостном презрении к комфорту, что и себя. Он делал все возможное, чтобы научить членов своей семьи быть практичными и, в особенности, старался привить им понимание человеческой природы, но, судя по всему, в равной степени активно удерживал их от той системы обучения, которую мы больше всего ценим.

На самом деле в такой позиции Гурджиева вовсе не было ничего необычного. Я был знаком с греческими семьями из Каппадокии и армянскими семьями из восточных губерний, образ жизни которых был таким же тяжелым. Века жизни под гнетом турецкой власти и безжалостных набегов горских курдов сделали этих людей осторожными. Когда родился Гурджиев, "армянских погромов" еще не было, но жизнь христиан в восточной Турции была весьма и весьма опасной. Россия только что освободила крепостных от настоящего рабства, но положение безземельных крестьян было тяжелее, чем мы сегодня можем себе представить. На Кавказе и в Армении покоренные народы были на грани открытого восстания. Люди не доверяли ни Российской, ни Османской империям, и государство отнюдь не

воспринималось как оплот уверенности и безопасности. Методы тайной полиции, которая обрела все большее влияние как в России, так и в Турции, были крайне жестокими, и ее ненавидели решительно все. Все эти обстоятельства способствовали укреплению семейной жизни и в определенном смысле чувства национальной принадлежности. Вокруг каждого человека выстраивались концентрические барьеры семьи, клана и нации, препятствовавшие более широкому общению. Это следует иметь в виду, если мы говорим об удивительной открытости жителей Карса между 1880 и 1890 годами, то есть во время детства Гурджиева. Я думаю, что отчасти это было заслугой политики российских властей, поселявших в Карее и его предместьях иммигрантов самых разных национальностей.

Во время моего путешествия по Малой Азии в 1919 году, до греческой оккупации Смирны, ситуация там оставалась по большей части такой же, как в предыдущие пятьдесят лет. Люди разных рас, или национальностей - турки, греки, армяне, евреи, татары, лазы и курды, - хотя и вели себя достаточно дружелюбно по отношению друг к другу, были замкнуты в своих общинах. Города, причем даже небольшие, были разделены на "кварталы", в которых каждая "райа", или немусульманская община, держалась особняком. После русского завоевания ситуация в Карее стала совершенно иной. Именно поэтому Гурджиев мог без особых ограничений встречаться и даже тесно общаться с людьми из самых разных культурных миров, в то же время, сохраняя преданность семье.

Гурджиев часто говорил о своем интересе к цыганам, которые пришли в Каре из Бесарабии, и без каких-либо трудностей продолжали следовать своим традициям. На Кавказе и даже в Центральной Азии тогда тоже были цыгане, так что переселение 1880-ых годов обеспечило воссоединение древнего народа. Тем, что я собираюсь рассказать далее, я обязан Мисс Анне Дурко, которая впервые встретила Гурджиева, будучи девочкой двенадцати лет, на Всемирной выставке 1934 года в Чикаго. Гурджиев стал для нее таким другом, которым он всю свою жизнь был для детей. Семейные традиции дали ей возможность говорить с Гурджиевым на его любимой смеси русского и английского языков, а также слов из самых разных языков, которые наилучшим образом выражали то, что ему хотелось передать в тот или иной момент. Он назвал ей свое имя и попросил повторить его несколько раз. Он рассказал девочке, что ранней весной много племен кочевников и полукочевников пересекало Каре недалеко от его дома, и некоторые останавливались недалеко от реки Арпа Чай. Гурджиев сказал: "Я ходить и находить этих людей. Иногда я есть и ходить вместе с "чаваль" [ребятами]. Я ходить на много дней от дома. Мы спать снаружи под небом. Три раза чуть не поймать за воровство безделушек на базаре. Мы бежать - не поймать. Такие люди видеть, уметь видеть". Она вспоминает: "Он спросил, знаю ли я, что значит "дрикерин мехетне". От отца я слышала, что это означает предсказывать будущее и видеть прошлое. Затем он рассказал мне, что убеждал с цыганами-полукочевниками, пришедшими из Карпат и направлявшимися на лошадиные рынки.

Гурджиеву было одиннадцать, когда он ушел с цыганами. Он добавил, что, хотя отец и наказал его строжайшим образом, и хотя он любил своего отца, он не мог не пойти с цыганами, поскольку очень многое узнал от этих людей. Однажды они остановились в пустынном месте, недалеко от большого города, который ему потом так и не удалось найти. В этом городе он увидел человека со змеей и пошел за ним в старую разваливавшуюся мечеть, где он жил. Он пробыл с этим человеком пять дней, после чего заболел лихорадкой. Гурджиеву не хотелось покинуть этого человека, не узнав все его секреты, но однажды он исчез, и Гурджиев вернулся к своим цыганским друзьям".

Подобные истории свидетельствуют о том, что Гурджиев начал свой поиск еще в очень юном возрасте. Это не удивительно для общества, в котором образование заканчивалось к одиннадцати годам, и мальчик четырнадцати лет фактически оказывался независимым от своей семьи.

Судя по всему, Гурджиев начал интересоваться тем, что он называет "абстрактными" вопросами с одиннадцати лет. Он неоднократно указывал на 1888 год как на время, когда он уже с жадностью допытывался объяснений необычных феноменов. К четырнадцати годам, то есть к 1891 году, Гурджиев уже побывал в Константинополе и многих других частях Армении.

В конце девятнадцатого века Черное Море было международной транспортной артерией, обеспечивавшей свободное сообщение между Россией, Турцией и Балканами. В принципе Гурджиев мог добраться до Константинополя по морю, через Трабзонд, если бы пересек долину 365 церквей, которая сбрасывает почти три тысячи метров высоты за восемьдесят километров своей протяженности от Эрзурума. Эта долина хранит в себе множество свидетельств древних культур, и в то время там еще существовали христианские и мусульманские общины, сохранявшие знание мистических тайн. Гурджиев почти наверняка упомянул бы об этой долине, если бы побывал там тогда. Вероятнее всего он воспользовался железнодорожным маршрутом и доехал на поезде до Сив. Из его слов можно понять, что он бывал в районе истоков реки Евфрат, долина которой соединяет Эрзурумскую возвышенность с центральной Анатолийской степью. Скорее всего Гурджиев побывал в Кесари, или "Кайсери", как называли турки Родину его предков, но направлялся он к Средиземноморью. Первое далекое путешествие Гурджиева привело его за полторы тысячи километров от дома, в турецкую столицу, которая тогда отличалась довольно большой и активной греческой диаспорой, жившей на восточном берегу Золотого Рога, в Татавле и Галатии. По словам самого Гурджиева у этого путешествия не было никакой иной цели, кроме как "увидеть мир", оно также и дало ему возможность познакомиться с турками совершенно разных социальных слоев от грузчиков и рыбаков до пашей и князей. Когда я впервые встретился с Гурджиевым в Константинополе через много лет, в 1920 году, наша беседа состоялась в дворце Куру Чешм, резиденции князя Сабахеддина, и было вполне очевидно, что их знакомство восходит к тем временам, когда отец князя, Дамад

Махмуд Паша, был великим визирем при Султане Абдул Хамиде. Гурджиев прекрасно знал турецкий язык, и его речь никоим образом не отличалась от речи большинства армян или греков Леванта - весьма беглая, но с очень характерным акцентом.

Я не думаю, что Гурджиев планировал остаться в Константинополе, и скорее всего он надеялся попасть на Крит и присоединиться к "греческим партизанам", которые всячески досаждали турецким властям острова. Наверное он был слишком молод и может быть уже тогда начал проделывать аферы со своим паспортом, что в дальнейшем весьма осложнило выяснение его подлинного возраста. Он возвратился в Каре через Малую Азию, попутно посетив Конию, Хаджи Бекташ и другие активные центры Суфизма. Его восхищение легендарным турецким мудрецом, хаджой Насрэддином по-видимому также берет свое начало с этого времени. Вполне возможно, что существовал такой реальный исторический персонаж, современник Тамерлана, с которым связаны многие рассказы о хадже.

Гурджиев неоднократно рассказывал о своем довольно долгом пребывании в Каппадокии, где он, судя по всему, занялся пристальным изучением истоков христианской литургии, введенной в церковную практику св. Василием Великим и другими теологами третьего и четвертого столетий. Они выстроили мост между Христианством и древними религиями, никоим образом не нарушая при этом чистоту христианского учения. В конце девятнадцатого века еще существовали монастыри, известные богатством своего теологического арсенала. По словам Гурджиева это так называемый "легоминизм" посредством которого древняя мудрость выражается в форме, казалось бы, преследующей совершенно иные цели.

Если я не ошибаюсь в том, что Гурджиев хотел привлечь наше внимание к Каппадокии, то по-видимому он провел в ней некоторое количество времени в поисках источников. Книга "Встречи с замечательными людьми" отчасти подтверждает это предположение. После своих приключений с Погоссяном, он возвратился на Кавказ, причем не самым обычным способом, то есть не по морю, а по суше, через Малую Азию. Наверное он провел довольно много времени с жителями Малой Азии, говорившими по-гречески и по-армянски, то есть с представителями той расы, из которой произошли его собственные родители.

По возвращении в Каре, Гурджиев безраздельно посвятил себя поиску "древней мудрости", в реальность которой он начинал свято верить. Однако прежде чем мы перейдем к собственно поиску Гурджиева, на мой взгляд будет правильным рассмотреть объективные доводы в пользу существования в Азии братств, которые обладали высшими знаниями, и члены которых могли использовать недоступные обычному человеку возможности. Далее я буду называть членов этих братств собирательным термином "Учителя мудрости".

Глава 2

УЧИТЕЛЯ МУДРОСТИ

Легенды, сохранявшиеся веками и даже тысячелетиями, как правило, основаны на исторических фактах. За последние сто лет археологам удалось установить исторический смысл многих, казалось бы, фантастических легенд. Так, Джоуэт в свое время назвал моралистическим вымыслом легенду об Атлантиде, собранную Платоном по частям из египетских описаний. Сегодня же предполагается, что рассказ Платона основывается на колоссальной катастрофе, уничтожившей Мinoйскую цивилизацию приблизительно в 1550 году до Р.Х. Судя по всему, с этой катастрофой отчасти связана и история случившегося тогда же Исхода Израильтян из Египта. На самом деле реально произошедшие события не менее удивительны чем легенда, которая кажется невообразимой только потому, что в изложении Платона все преувеличено в десять раз. В свою очередь легенда о вавилонской башне почти наверняка связана с разрушением Зиг-гурата Борсиппы метеоритом из железистых пород, упавшим на Землю около четырех тысяч лет назад. Этот метеорит обладал таким запасом энергии, что тысячи тон глиняных кирпичей в одно мгновение превратились в стекло. При этом образовалось настолько интенсивное магнитное поле, что его и сегодня можно определить на расстоянии восьми километров. Я побывал на этом месте в 1953 году и привез домой несколько осколков остеклевенных кирпичей. Изучив эти осколки, наши химики заключили, что кирпичи были нагреты до температуры 2 700°, которая чрезвычайно редко встречается на открытой поверхности Земли. На километры вокруг не могло остаться ни одной живой души, чем вероятно объясняется отсутствие письменных записей о событии. Тем не менее легенда была сложена. Евреи затем применили эту легенду к Вавилону и сделали из нее поучительную историю о людях, которые попытались подражать Богу и погибли во грехе.

Совершенно иные легенды рассказывают о появлении человека. Например в Книге Бытия (7, 1-5) описано время, когда "сыновья Бога" жили на Земле и брали себе в жены дочерей человеческих. Похожие легенды имеются практически во всех традициях. По моему глубокому убеждению, эти истории относятся к далекому прошлому, возможно к прошлому сорокатысячелетней давности, когда буквально из ниоткуда появился современный человек, *Homo sapiens*, наделенный творческими возможностями, которых не было и не могло быть у его предков. Недавние анатомические исследования голосового аппарата человека и приматов показали что неандертальцы не были способны выговаривать ряд звуков необходимых для нормальной речи. Это и ряд других обстоятельств убедительно подтверждают указание Книги Бытия на то, что современный человек появился при участии существ другой расы. Кроме того у народов всех рас сохранились легенды о Золотом Веке, когда люди жили счастливо и беззаботно, "лев и ягненок ладили между собой", и мир не знал борьбы.

В этой и следующей главах будет обсуждаться легенда, или традиция, согласно которой, начиная с самых истоков истории, судьба человечества находилась под надзором узкого круга мудрых людей, или Учителей. Эти Учителя время от времени вмешивались в ход событий, чтобы предотвратить надвигающуюся беду или изменить положение, введя новый образ мышления, соответствующий нуждам нового времени. Это мнение весьма распространено среди жителей Центральной Азии и Ближнего Востока. Явно заимствованная форма этой легенды также присутствует и в мировоззрении буддийских общин, которые придерживаются традиции великого вместилища и связанной с этой традицией концепции бодхисаттв и архонтов. На Тибете мы находим другую форму этой же традиции - перевоплощение лам Ринпоче. Суфийские школы, и в особенности те из них, корни которых ведут в Бактрию и Согдиану, исповедуют идею постоянно действующей иерархии, возглавляемой Кутб-и-Заманом, или Осью Эпохи. Ему непосредственно открывается божественный промысел, а он в свою очередь передает его человечеству через Абдал, то есть Преображенных (Трансформированных) и их последователей.

Концепции постоянно действующей иерархии придерживаются такие непохожие друг на друга в прочих вопросах суфийские ордена, как Бек-ташийя и Накибандийя. Оба ордена, почти диаметрально противоположные по своим представлениям и методам, были образованы в Балхе, некогда бывшем столицей Бактрийской империи. Основную часть суфиев Бекташийя составляют турки. Этот орден выдвинулся на передний план во время неурядиц четырнадцатого века, когда империя турков-сельджуков трещала по швам, а Малая Азия пребывала в состоянии хаоса. Тогда Хаджи Бекташ Вели (вели означает "святой") обратился непосредственно к народу. Он был реформатором и предложил отказаться от многих традиционных практик. Например, он разрешил женщинам становиться полноправными членами общин Бекташийя и приветствовал общение с каппадокийскими христианскими монахами. В свою очередь орден Накибандийя всегда отличался своим аристократизмом, не вмешивался в политику и настаивал на строгом исполнении предписаний Ислама. Этот орден оказывал колоссальное влияние на весь исламский мир и считалось, что его члены обладают тайной мудростью и силами.

Как Бекташийя, так и Накибандийя утверждают, что в мире всегда есть кутуб, или высший духовный руководитель. Суфии обоих орденов верят в таинственного пророка Хидра, который мистически связан с Архангелом Гавриилом и постоянно ищет среди людей тех, кому можно передать секрет спасения.

Таковыми были Учителя Мудрости - Ходжаган, появившиеся на исторической сцене около тысячи лет назад.¹

Как это ни странно, о традиции Учителей практически ничего не знают в Индии. Основное притязание Елены Блаватской в связи с публикацией ее книг "Тайная доктрина" и "Открытый Изис" заключалось в том, что она якобы лично общалась с одним

из тибетских или затибетских Учителей. С тех пор вера в Учителей стала неотъемлемой частью теософской доктрины, которая, к сожалению, обрела оккультный характер, что значительно подорвало доверие к ней. При этом таинственность, которой укутаны теософские Учителя во многом основана на мнении, что они живут на Тибете, хотя сама Блаватская утверждала, что их главное месторасположение находится за горами в легендарной Шамбале. Я всегда считал это название чистой выдумкой, пока Идрис Шах не высказал предположение, что оно могло быть образовано от "Шамс-и-Балх", бактрийского храма солнца, развалины которого до сих пор можно обнаружить у северной границы Афганистана. Рудольф Штайнер в свою очередь считал Балх Хранираттой, центром поклонения солнцу в Митраизме.

Для нас в данном случае важно то, что вера в древнюю непрерывающуюся традицию особенно распространена среди жителей тех частей Центральной Азии, на которых Гурджиев сосредоточил основную часть своих поисков. В этой главе мы не будем обсуждать вопрос о существовании высшей духовной иерархии как таковой, однако, необходимо подчеркнуть тот факт, что понятие Учителей Мудрости связано с Ходжаганом (также Хваджаганом), чью роль в событиях, происходивших в Центральной Азии одиннадцатого - пятнадцатого веков христианской эры, трудно переоценить. Слово Ходжа (также Хваджа) означает "мудрый человек", или Учитель, и правильнее всего будет называть таких людей Учителями Мудрости. К сожалению, как и слово "Мастер", слово "Учитель" сегодня потеряло свой высокий смысл и теперь означает немногим больше, чем слово "преподаватель". У меня практически не возникает сомнений в том, что Гурджиев еще в детстве слышал об этих Учителях, и одна из основных целей его путешествий по Туркестану, Афганистану и Тибету заключалась в том, чтобы узнать их учения.

Основную часть сведений о Ходжагане я почерпнул из турецких переводов замечательной серии книг, написанных на персидском языке в пятнадцатом - шестнадцатом веках, и в особенности, из работ Хасана Лутфи Шушуда, с которым я познакомился много лет назад в Турции, и который сам был выдающимся суфием. Книга Хасана Шушуда, "Хвад-жаган Ханедани", или "Династия Учителей" была опубликована в 1958 году и частично переведена на английский язык. При этом наиболее ценными персидскими первоисточниками были "Рашихат Айн аль Хай-ат", "Нафахат аль Уне" и "Рисалей Бахайе". Кроме того я использовал работу Вильгельма Бартольда, "История турок Центральной Азии, опубликованную в "Вельт дез Исламз" в 1926 году. О Ходжагане также упоминают многие русские источники, посвященные изучению Туркестана, и Гурджиев почти наверняка был знаком с ними еще в очень юном возрасте. В 1901 году он уже хорошо осознавал важность этой школы, но, насколько я знаю, он упомянул ее название только в программе храмовых танцев для парижского театра на Елисейских полях в декабре 1923 года. Несмотря на то, что настоящая книга прежде всего посвящена Гурджиеву, я считаю необходимым рассмотреть

само понятие Ходжагана и его историческую роль. Дело в том, что о подлинном значении Гурджиева можно судить, только изучив историю его собственных поисков. Так, многократные беседы с преемниками Ходжагана, суфиями ордена На-кибандийа, убедили меня в том, что многие идеи и техники, использовавшиеся Гурджиевым были взяты им именно из этого источника.

Прежде чем продолжить изучение событий в Центральной Азии, следует сказать несколько слов о том, что происходило в Европе тысячелетием ранее. Между третьим и седьмым веками от Р.х. Европу сотрясали набеги орд из Центральной Азии, в итоге предпринимавшие участие Римской империи. Посреди всех этих бурных событий в Европе возник удивительный феномен христианского монашества, начало которому было положено по всей видимости св. Бенедиктом и его последователями. Европейские монастыри восстановили стабильность и уверенность, наладили земледелие и создали новую культуру, которая продержалась восемь столетий, пока не наступила так называемая Эпоха Возрождения. Наверное немногие были бы готовы связать эти события с деятельностью Учителей в теософском смысле этого понятия, то есть высших существ, скрытых от обычных смертных. Тем не менее, это исторический факт, который, впрочем, не совсем просто доказать. То, как орды варваров были превращены из разрушителей в созидателей, предполагает что среди них, так же как и среди покоренных народов Европы, проводили работу духовные силы. Вполне вероятно, что источником этих сил была Центральная Азия.

Можно проследить потрясающую аналогию между описанными выше европейскими событиями и волной потрясений, прокатившейся по большей части Азии между одиннадцатым и шестнадцатым веками от Р.х. Орды варваров и татар, турков и монголов прошли огнем и мечом по уже и без того разваливавшимся Китайской и Индийской империям. Они сравняли с землей только что образованные Хорезмское и Азербайджанское царства, а также Багдадский и Каирский халифаты. Кульминация пришлась на 1220 - 1230 годы, когда Чингисхан и его монголы сломали последние очаги сопротивления и погубили древние культуры. Чингисхан был одним из ключевых людей в истории человечества. Его завоевания привели к возникновению совершенно новой ситуации на огромной территории, от Китая до Европы. Монголы, из которых состояла победоносная армия Чингисхана 1210 - 1225 годов, были кочевниками, а значит чуждыми культуре земледельческого и городского общества, и не имели никакого представления о смысле теистической религии. Они поклонялись Великому Духу и полагались на одержимость духовными силами. При этом изменения, произошедшие всего за каких-то двадцать пять лет, могли быть только результатом особого воздействия, одна из форм которого явно проявила себя в случае христианского монашества шестью веками ранее. Всего двадцать пять лет потребовалось монголам, чтобы принять Ислам, а вместе с ним персидский язык и культуру. На ум сразу приходит параллель с ассимиляцией варварами европейского языка и культуры, и по всей видимости это не просто совпадение. К началу четырнадцатого века потомки Чингисхана уже заслужили себе репутацию

величайших покровителей искусства в мире, и Самарканд, ранее называвшийся Согдианой, стал известнейшим образовательным центром. Хотя не менее потрясающие перемены происходили и в Китае, их результаты оказались временными, и через сто лет монгольское влияние практически уже не ощущалось.

То, что главная роль в преобразении Центральной Азии принадлежала обществу, или братству, мудрых людей под названием Ходжаган, или Учителя, у историков сегодня не вызывает сомнений. Хотя они были мусульманами, и люди всегда считали их суфиями, их принципы коренным образом отличались от принципов арабских, африканских и испанских суфийских школ. Ходжаган практически не упоминается в книгах о Суфизме, хотя правопреемник Ходжагана, суфийский орден Накшбандийа на сегодняшний день является самой многочисленной и влиятельной суфийской общиной в мире. Причина заключается в том, что Запад узнал о Суфизме в основном из сохранившихся письменных источников. Наверное большинству людей знакомы имена великих суфийских поэтов: Низами, Хафиза, Джеллалудина Руми и Аттара. И, пожалуй, не

меньшую известность снискали такие великие философы, как Мухиддин ибн Араби и Имам Газали. В то же время члены Ходжагана до пятнадцатого века почти ничего не писали, за исключением практических наставлений. К счастью, они содержат подробные описания жизни и работы многих великих Учителей, а остальное можно восполнить из прочих источников того времени. Кое-что можно узнать из рассказов европейских путешественников, например, Ги де Рисбрука, монаха, совершившего путешествие в Монголию через Туркестан в 1253 году, и более известного Марко Поло, которому довелось побывать в Китайской резиденции Кублай Хана, внука Чингисхана. Арабский исследователь, Ибн Баттута, также пишет о значительности влияния Ходжагана в районе Согдианы и Корин-Лина. Персидские историографы, такие как, например, Ибн Ра-шид, ненавидевшие монголов лютой ненавистью, хоть и не напрямую, но упоминают о Ходжагане, и в частности о том, что его члены наладили дружественные отношения с Ханами ради пользы всего своего народа.

Кем же тогда были эти люди, о которых практически ничего не известно на Западе, но которые оказывали столь важное влияние в течение пяти веков. На самом деле появление Учителей не было чем-то неожиданным. Центральная Азия стала источником духовности задолго до их появления. Зороастр, живший в Балхе, Матери Городов, в шестом веке до Р.Х., подхватил еще более древнюю традицию. Определенные черты древних арийских гимнов говорят нам, что они были сочинены на крайнем севере десять тысяч лет назад. По моим представлениям, непрерывная традиция уходит в прошлое более чем на тридцать тысяч лет. В то время Центральная Азия была плодородным районом и точкой пересечения различных культур, гораздо более древних, чем египетская, месопотамская и индийская, возникшие

шесть или семь тысяч лет назад. Мы обсудим эти древние традиции в следующей главе.

Мы не сможем в полной мере понять Гурджиева, если не постараемся пробудить в себе ощущение исторического смысла духовных традиций, которое было у него. Он знал, что периодические пересмотры принципов неизбежны, но был убежден при этом, что есть вечный и неизменный источник мудрости, и человечество всегда имело возможность к нему обращаться. Гурджиев часто упоминал о четырех- или пяти-тысячелетних традициях, которые ему довелось обнаружить во время путешествий по Азии, а также о еще более древних учениях, восходящих ко времени появления современного человека.

На смену зороастрийской традиции пришли христианская и манихейская, которые, в свою очередь, были поглощены Исламом. В то же время Ислам обязан некоторыми из своих наиболее ценных положений контактам с персидской и центрально-азиатской культурами. Согласно мусульманской легенде, Сельман, перс по происхождению, первым обратившийся в Ислам из Зороастризма и бывший одним из ближайших сподвижников Пророка, принадлежал к школе мудрости, которая просуществовала в Балхе почти две тысячи лет. Это была школа Учителей.

Титула "Ходжа" впервые удостоился Йусуф из города Хамадан в северо-западном Иране. Через Хамадан пролегал один из главных путей из Туркестана в Турцию и Месопотамию, и Гурджиев наверняка посетил его в одном из своих первых путешествий. Йусуф Хамадани родился в 1084 году в деревне Бозенджирд недалеко от Хамадана, который тогда был резиденцией первого султана сельджука, Магриба Бега. Йусуф был воспитан его наследником, Шахом Маликом, на службе у которого в свою очередь состоял удивительнейший человек, Низам-уль-Мулк, противник известных эльбрусских убийц, которые в конце концов его и убили. Тогда же Йусуф покинул Хамадан и отправился в Багдад, чтобы учиться у весьма известного наставника, Ибн Ишака, одного из преемников Ибн Ханифа. Ишак затем отправил его на обучение к самым различным учителям, жившим от Испахана до Бухары и Самарканда, где в то время все еще преобладало Христианство, в его несторианской и униатской формах. По-видимому на него была возложена особая миссия, поскольку в Фас.ч уль Кзппабе говорится, что ему было велено оставить светское образование и встать на путь молитвы, аскетизма и самоочищения. В одном из сохранившихся источников сказано, что Йусуф был посвящен Шейхом Али Фармади, учителем Имама Газали, одного из величайших философов и мистиков Ислама.

К тридцати годам Йусуф уже заслужил репутацию Учителя, и со всей Азии к нему стекались ищущие люди (саликип). Это было довольно необычно, так как Ходжи обычно брали себе в ученики только помощников или подмастерьев, проработавших в этом качестве двадцать — тридцать лет. Йусуф пробыл некоторое время в Хорасане, долгое время жил в Бухаре, после чего поселился

в Мерве, где и был похоронен. Судя по описаниям, Йусуф был высоким, худым человеком со светло-рыжими волосами и улыбающимися карими глазами. Он был добрым и сострадательным и умел находить общий язык с людьми разных религий. Говорят также, что он был рябым и всегда носил заплатанный шерстяной халат. В качестве главного духовного упражнения он выбрал зикр с задержкой дыхания, и практиковал его с таким усердием, что во время молитвы все его тело покрывалось потом.

Он постоянно работал. Сотни ищущих стекались к нему со всех концов, но особенно интенсивно он работал с группой из одиннадцати учеников, которые последовали за ним из Хамадана в Бухару. В 1205 году Шейх Эвхаддуддин Кирмани рассказал Мухиддину ибн Араби о том, что Ходжа Йусуф по праву был "учителем учителей" в течение шестидесяти лет. Йусуф умер в 1140 году по пути из Герата в Мерв в возрасте девяносто двух лет.

Литература Ходжагана содержит множество описаний жизни Йусуфа и чудес, совершенных им и его учениками. Как нам расценивать это? Он был настолько известен и почитаем, что его называли высшим духовным лидером своего времени — Кутуб-и-Заманом. Несколько наиболее значительных братств дервишей считают его своим основателем. Хотя он и избегал политики, правители не только почитали его, но и следовали его советам. Таким образом, словом "Ходжа", или "Учитель Мудрости" называли удивительных людей, в течение пяти веков оказывавших огромное влияние на жизнь Центральной Азии. Ходжи коренным образом отличались от тех укрывшихся от всего мира Учителей, о которых писали теософы и Алиса Бэйли в своих книгах о Тибете. В Ходжаган входили исключительно практичные люди, решавшие практические задачи. При этом мистицизм был способом подготовки к решению этих задач, и отнюдь не являлся самоцелью.

Далее имеет смысл проследить судьбу некоторых из одиннадцати учеников Йусуфа. Первым преемником Йусуфа Хамадани был Ходжа Хасан Абдулла из Берка, уроженец Хорезма. Он был наделен удивительными духовными способностями и прежде всего даром передачи барака, или "действующей благодати". Этот дар безусловно является высочайшим духовным достижением, и он был одним из даров, которыми вне всяких сомнений обладал и Гурджиев. Более того, по его собственным словам он активно разыскивал людей, наделенных даром барака. Легенда говорит нам о том, что Ходжа Абдулла был настолько усерден в своих духовных упражнениях, что не был способен должным образом содержать жену и семью. Однажды Йусуф Хамадани упрекнул его в этом, но следующей же ночью в видении Бог сказал ему: "Я даровал тебе глаз разума, а Хасану я дал глаз сердца. Пусть он идет своим путем".

Третьим преемником Йусуфа был Ахмед Йесеви, первый турецкий Ходжа. Ахмед Йесеви стал очень влиятельным духовным лидером в районе Ферганы, который простирался на полторы

тысячи километров от того города, который теперь называют Ташкентом до монгольской границы. Древняя река Джаксарт, сегодняшняя Сырдарья, была главной восточно-западной артерией на этой территории. Ташкент стоит на Сыр-дарье, практически в центре огромного Туркестана. До мусульманского завоевания Ташкент называли Бинкатом, и это был большой город, окруженный двумя крепостными стенами. Во внешней стене было семь ворот, а во внутренней - десять. Дворец, крепость и базар имели огромное значение и о них знала вся Азия. Позднее название Бинкат было заменено на Йеси, а еще позднее, когда Йеси стал столицей Ферганского ханства, его переименовали в Ташкент. Ахмед родился в Йеси, предположительно в 1042 году. Так как он совершенно точно умер там же в 1166 году, то прожил он долгие 124 года. Ахмед Йесеви был основателем турецкой духовности. Воспитывался он в шаманской среде и первым его учителем был известный шаман-алхимик, но однажды его посетило видение, и он получил указание отправиться в Хамадан и разыскать Йусуфа. Так он попал в круг одиннадцати учеников, последовавших за Йусуфом в Бухару. Пробыв несколько лет с Йусуфом, он вернулся в Йеси (Ташкент), где в нем сразу же увидели человека необычайных духовных способностей. Ему присвоили статус Ходжи, но турки предпочитали называть его "Баб-Арслан", или Отец-Лев.

Ахмед Йесеви основал свою собственную школу, которая продолжала свое существование после его смерти в качестве Братства Йесевийа. Гурджиева очень интересовало это братство, поскольку оно в большей степени, чем все остальные суфийские общины развивали музыку и упражнения, непосредственно воздействовавшие на физическое тело и эмоции человека. В их текке, или общинных центрах, священные танцы и музыка, сохранявшиеся еще с древних до-исламских времен Бинката, получили новое развитие. Некоторые из этих священных танцев свидетельствуют о высоком уровне космологических знаний жителей Туркестана. Суфии Йесевийа также разработали свои собственные психологические методики, которые во многом были заимствованы у шаманских школ, все еще процветавших в Туркестане. Мы привыкли считать шаманов колдунами, которые действительно могли обладать определенными возможностями, но вовсе не обладали никакими научными знаниями об окружающем мире. Однако мы не должны забывать, что та же самая центрально-азиатская культура Великого Духа легла в основу глубочайшей китайской доктрины Дао и триадической концепции Гурджиева, которую он рассматривал как один из двух фундаментальных космических законов.

Сам Гурджиев некоторое время жил в Ташкенте, когда Ферганское ханство было еще относительно независимым от России. Похоже, он нашел школу Йесевийа, поддерживавшую контакт с Учителями Мудрости. Он прекрасно владел той разновидностью тюркского языка, на которой там говорили. При этом, хотя Ташкент находился приблизительно в трех тысячах километров от границы Китая, между ними был довольно интенсивный обмен путешественниками и миссионерами в двенадцатом веке, когда приходившая в упадок династия Сун,

которая все еще сохраняла свою власть над большей частью территории Китая, уже не могла препятствовать проникновению иностранцев. Более того, Ван ан Ши (1020 - 1086), великий социальный реформатор, явно способствовал взаимообмену с "мудрыми людьми Запада". Религиозный реформатор, Чу Хси (1120 - 1200), возрождая Конфуцианство ввел элементы космологических концепций, которые очень напоминают нам то, что в свое время удалось узнать Гурджиеву в центрах современного ему Туркестана. Китайцы всегда очень неохотно признавали участие посторонних идей в их культуре, и поэтому невозможно сказать с уверенностью, были ли такие духовные направления, как, например, "Дзен Буддизм" основаны на центрально-азиатских источниках: можно лишь констатировать сходство подходов.

К сожалению, никаких первоисточников учения Ахмеда Йесеви до наших дней не дошло, и мы располагаем только несколько раз сурово отредактированными версиями его стихов в таких сборниках, как "Хази-неи Джевахир уль Обрав (Бриллиантовая сокровищница Учителей)". Тюркские народы всегда считали Йесеви одним из своих величайших святых. В девятнадцатом веке его имя все еще звучало среди поволжских татар, и вполне вероятно, что о нем знали и татары, с которыми Гурджиев был знаком в Карее.

Об известности Ахмеда наилучшим образом свидетельствует тот факт, что правитель Йеси распорядился построить специальное здание, где Ахмед мог бы размещать и учить паломников, стекавшихся к нему с востока, запада и юга. Описано много случаев исцеления, духовного преображения и даже чудес, происходивших на глазах посторонних людей. Ахмед с радостью помогал как своим друзьям и ученикам, так и людям, не принимавшим его и противодействовавшим ему. Великий Могол, известнейший средневековый завоеватель Тамерлан, живший двумя веками позже Ахмеда, отмечает в своей автобиографии, Вахиат-и-Тимур, что во время молитвы у могилы Ахмеда Йесеви ему было видение, в котором святой научил его зикру и велел повторять его в трудные моменты. Несколько лет спустя, во время малоазиатской кампании Тамерлану предстояло сражение с турецким султаном Байазидом Громовержцем; наблюдая за атакой кавалерии, он повторил четверостишие Ахмеда семьдесят раз, после чего враг неожиданно пустился в бегство.

Учеников Ахмеда: Мансура, Абдулмелика, Таджа, Сайда и Сулей-манна - называли "Ата", что значит "отцы". Все они входили в Ходжа-ган. Один из шейхов Йесеви, Хаким Ата, поселился с группой своих учеников на Волге и основал общину Йесеви, которая значительно позднее переродилась в Орден Бекатийи. В двадцатом веке основатель современной Турции, Мустафа Кемаль, принял тот же титул и взял себе имя Ататюрк. Южные суфии считают йесевитов неортодоксальными и обвиняют их в использовании магии, заимствованной у шаманов. Центром этого Ордена стал Каишгар.

Однако давайте вернемся к основным событиям жизни Ходжагана. Одним из одиннадцати учеников, отправившихся из Хамадана в Самарканд вместе с Ходжой Йусуфом, был Абд Аль-халик Гудждувани. В истории Ходжагана он значится как "глава внутреннего круга Учителей". Его семья имела Анатолийские корни, и происходила из Византийской провинции Малатия. Абд Аль-халик родился в городе Гудждуван неподалеку от Бухары, но отец отправил его на обучение к нескольким учителям, и в конце концов он оказался в Хамадане, где поступил в распоряжение Ходжи Йусуфа. По собственным словам Абд Аль-халика, в Хамадан ему велел отправиться "таинственный пророк" Хидр, который явился ему в видении, когда ему было двадцать два года. Абд Аль-халик оставил после себя сжатое описание суфийских духовных техник, использовавшихся членами Ходжагана. В его книге "Сущность традиции Учителей Мудрости" сформулированы следующие принципы:

1. *Хаши дер дем.* Присутствуй при каждом вдохе и выдохе. Не позволяй своему вниманию ускользать ни на мгновение. Помни себя всегда и во всех ситуациях.

2. *Назар бер кадем.* Будь внимателен к каждому своему шагу. Ты стремишься к свободе и не должен забывать об этом.

3. *Сафар дер ватан.* Ты идешь домой. Помни, что ты направляешься из Мира Обличий в Мир Реальности.

4. *Хальват дер енджуман.* Одиночество в толпе. Что бы ты ни делал внешне, оставайся внутренне свободным. Старайся ни с чем себя не отождествлять.

5. *Ѓад джерд.* Помни своего Друга, т.е. Бога. Пусть молитва (*зикр*) твоего языка будет молитвой твоего сердца (*колб*).

6. *Баз гаит.* Возвращайся к Богу. Единственная цель - обрести Реальность.

7. *Нигах даит.* Борись с посторонними мыслями. Сосредотачивай свой ум на том, что делаешь как снаружи, так и внутри.

8. *Ѓад даит.* Всегда помни о качестве Божественного Присутствия. Приучи себя ощущать присутствие Бога в своем сердце.

Когда Абд Аль-халик умер в 1190 году, его преемником стал Ходжа Ахмед Садик из Бухары. Похоже, что в это время внутренний круг Учителей переместился в Бухару, где, по словам Гурджиева, он и оставался в течение нескольких веков. Тучи уже сгустились, и монголы уже объединялись под руководством

Темурджина, который на великом Курултае 1206 года взял себе имя Чингисхан и был избран великим ханом всех

монголов. К тому времени его имя уже наводило ужас на жителей всех граничивших с Монголией территорий. В следующем году произошло не имевшее такой огласки, но не менее важное событие. В Балхе, по ту сторону Амударьи (Оксуса), через которую войска Чингисхана переправились тринадцатью годами позже, родился Джаллал Ад-дин Руми, величайший персидский поэт-мистик. Его имя связывают с одним из главных суфийских братств - Мевлевийа, или "кружащимися дервишами". На самом деле не совсем правильно называть Джаллал Ад-дина основателем Ордена Дервишей Мевлевийа, так же как и не вполне правильно считать Абдулу Кадира Джилани основателем Кадирийа, а Ходжу Бекташа Вели - основателем Бекташийа. В каждом из этих случаев Ходжа решал определенную задачу, и после завершения своей миссии оставлял группу хорошо подготовленных посвященных, которые могли передать своим последователям учение и методики. Обычно лишь после полной смены поколения образовывалась организация. Примечательно, что собственно организатором и в полном смысле этого слова основателем братства практически всегда оказывался последователь Ходжи второго поколения. Гурджиев указал на это обстоятельство в своей доктрине "священных образов", которую мы будем обсуждать в десятой главе.

На территории, которую сейчас занимают Иран, Афганистан и Туркестан, существовало несколько влиятельных духовных направлений. Центром одного из них был Балх, Мать Городов. Живший в Балхе отец Джаллал Ад-дина, Бахауддин Велед, был известен как теолог и мистик Западной школы, а также последователь Ибн аль Араби.

Основу другого направления составляло братство Кубравийа в северо-западной Персии, которое состояло из шиитов, посвященных в але-вийский экстатический мистицизм. По всей видимости они использовали гипнотические наркотики и другие средства вхождения в мистический транс. Третьим источником влияния был Ходжаган, центр которого располагался в Бухаре, а влияние распространялось на весьма большую территорию, от Каракумов до пустыни Гоби.

Теперь имеет смысл сделать небольшое отступление с тем, чтобы рассмотреть ситуацию, с которой было сопряжено появление учителей. В 1206 году неизбежность надвигавшегося бедствия была очевидна даже для людей, не входивших в Ходжаган. В условиях монгольской угрозы были подготовлены три линии действия. Как это и было всегда свойственно суфиям, часть из них переселилась в безопасные районы. Другие оставались на своих местах и старались влиться в новый режим, хотя он и был совершенно им чуждым. Наконец третья часть оставалась и сохраняла традицию нетронутой, завуалировав лишь видимую форму.

Наиболее известным переселенцем стал Бахауддин Велед из Балха, отправившийся в Багдад, а затем в Дамаск и, наконец, обосновавшийся в столице турков-сельджуков, Конии, со своим сыном Джалал Ад-дином. Последний позднее был назван "Руми", поскольку он жил на анатолийском полуострове, который в Центральной Азии считали частью римского владычества. Другим переселенцем, принадлежавшем к той же школе, был Ниджемеддин Дайа. Он также обосновался в Конии, которой суждено было стать крупнейшим центром духовного влияния, просуществовавшим вплоть до конца девятнадцатого столетия.

Мы не будем с вами подробно рассматривать деятельность тех, кому было предназначено сотрудничать с монгольскими завоевателями. Некоторые из них, как, например, Махмуд Йаваладжи и его сын, Масуд Йава-ладжи стали близкими советниками Чингисхана и могут по праву считаться создателями удивительно успешной, хотя и организованной на скорую руку, системы управления завоеванными мусульманскими территориями. Другие организовывали работу ремесленников, которые вскоре стали создавать потрясающие произведения искусства и архитектуры, а также добились небывалых успехов в агрономии и металлургии. Другие же занимались математикой и астрономией, превзойдя в этом самих арабов.

Однако нас больше будет интересовать третья часть суфиев, которым удалось сохранить традиционные учения, несмотря на все превратности этого тяжелого времени. Даже до монгольского нашествия в районе Амударьи не все было спокойно. Султан Хорезма, Мухаммад Шах, завоевал восточный Афганистан в 1202 году и Самарканд в 1212 и к 1217 взял под свою власть весь этот район. Тем не менее не прошло и трех лет, как его империя распалась. Чингисхан взял Бухару в феврале 1220 года, а в декабре Мухаммад, укрывшийся после скитаний по Азии на одном из каспийских островов, умер от печали и истощения.

Арабские и китайские историки зачастую по-разному описывают монгольское завоевание. Тайная история, написанная в 1240 году, предлагает еще один взгляд на эти события. Безусловно, Чингисхан был жестоким завоевателем, но он также был весьма суеверен и обладал просто сверхъестественным знанием людей. Общеизвестные рассказы о том, как монголы превращали целые города в груды камней и вырезали все их население до одного человека, относятся в основном к действиям генералов Чингисхана. Они еще совсем недавно жили кочевой жизнью в Сибири, и поэтому города им казались неестественными образованиями которые просто должны быть разрушены. Так или иначе, ужасные страдания и разрушения, причиненные монгольскими завоевателями оставили после себя неизгладимые следы. Административная система рухнула, и у незнакомых с проблемами земледельческого и городского населения монголов не хватало опыта, чтобы восстановить порядок. В этой ситуации как раз и проявились мудрость и проницательность Чингисхана. Ему удалось наладить жизнь в этом районе при помощи отлично подобранных мусульманских советников. В то время он правил величайшей империей за всю историю человечества,

простиравшейся от Тихого океана до границ Европы. Ему было суждено прожить всего семь лет после своей блистательной кампании, но его потомки расширили границы монгольских завоеваний. Они распространили свою власть на основную часть Индии и Китая, и дошли до западных границ России. Старый мир, основные центры которого были изолированы друг от друга, навсегда ушел в прошлое, уступив место новому порядку. Потомки Чингисхана, если включать в их число Тамерлана, удерживали мир в страхе двести лет; однако это состояние положило начало великому обновлению.

Несмотря на все происходившее вокруг, Ходжаган продолжал свою деятельность, уча пути ускоренной духовной трансформации и подготавливая элиту для распространения своего влияния на всю Азию, Европу и Северную Африку. Нам лишь отчасти известны секреты их деятельности в этом направлении. Как правило члены Ходжагана вели размеренную жизнь, никоим образом не чуждаясь ее практической стороны; часто это были ремесленники, должным образом исполнявшие свои религиозные обязанности, но практически не интересовавшиеся философией и богословием. Их отличие от южных суфиев, таких, например, как поэты Ат-тар и Хафиз и философ Аль Газали, показывают многочисленные истории о том, как Ходжи пресекали любые попытки втянуть их в философские или богословские споры. В равной степени они отвергали экстаз и мистический восторг. Это отчетливо видно из слов Ходжи Азизана Али: "Если бы в свое время хотя бы один из учеников Ходжи Абд Аль-халика был начеку, Хуссейн Мансур не попал бы в беду. Он бы поставил Аль Халладжа на свое место и позабыл о своих глупостях". Мансур Аль Хал-ладж (865-930 от р.х.) — самый известный из суфиев-мистиков, учивший о полном отождествлении очистившегося человека с Богом. Его отвергли и предали мученической смерти, но позднее он стал олицетворением совершенной любви к Богу.

Понимание различий между южными суфиями, с их доктриной любви к Богу и единения с Богом, и северными суфиями, с их доктриной освобождения от себя, весьма важно для понимания гурджиевского учения. На мой взгляд вполне очевидно, что на северных суфиев значительное влияние оказала буддийская концепция освобождения от мира обличий. Северные суфии поддерживали тесные контакты с буддийскими школами Тибета и Шинкьяна и привнесли в свое мусульманское мировоззрение исконно буддийскую концепцию достижения абсолютной индивидуальной свободы через отказ от себя.

Эта концепция в корне отличается от всего, что можно обнаружить в мистической литературе арабских и даже индийских суфиев. Ходжаган придерживался пути полного и окончательного освобождения. В школах Ходжагана использовались духовные упражнения, заимствованные из буддийских и тантрических источников, но они оставались при этом правоверными мусульманами, вполне ортодоксальными с точки зрения внешнего мира. Я также думаю, что на Ходжаган значительное влияние оказала Несторианская Церковь, чьи унитарные представления о Боге были вполне приемлемы для

мусульман. На так называемых несториан в свою очередь повлияли буддийские и даже шаманские верования, корни которых уходят в древнюю культуру Великого Духа.

Учителя Мудрости, безусловно, не были учеными, равно как теологами или экстатическими мистиками. В чем же тогда заключались их учение и методы? Мы постараемся разобраться в этом, изучив их деятельность на протяжении следующих двух веков. Изначально основу учения и работы Ходжагана составляли: халка, или группа; доверительные отношения между учителем и учениками, сохбат; духовное упражнение, зикр; постоянная бдительность; и моджахед, или борьба с собственными слабостями. Кроме того использовались различные методы пробуждения посредством встрясок и неожиданностей. Наконец далеко не последнее место в деятельности членов Ходжагана занимали практические мероприятия. После разрушительного монгольского нашествия Ходжи взяли на себя инициативу по восстановлению мечетей, школ и больниц; они работали сами и руководили своими халками, в которые иногда входило до нескольких сотен людей.

Эта тема возвращает нас к Чингисхану и разграблению Бухары в феврале 1220 года. Чингисхан был язычником в полном смысле этого слова. Монголы изначально были шаманистами и придавали большое значение силам своих шаманов. Чингисхан не менее своего народа был убежден в том, что шаманы могли приносить удачу или беду и даже держали в своих руках жизнь и смерть людей. Долгие годы он находился под влиянием, а иногда даже и под контролем своего шамана Кокчу, который сопровождал его во всех кампаниях. Все эти обстоятельства следует иметь в виду, если мы беремся за обсуждение событий 1210 - 1223 годов, когда Чингисхан из небывало удачливого предводителя орд монгольских кочевников превратился в не менее удачливого правителя высоко цивилизованных земледельцев и горожан района Амударьи и Персии.

Мусульманский историк Рашид-эд-дин не вдается во все эти подробности, равно как и не скрывает своей ненависти по отношению к Чингисхану, тогда как китайский биограф Чанг Чуен донес до нас интересный рассказ о Чингисхане. Проезжая одну из деревень в двух часах ходьбы от Бухары, которой вполне могла быть деревня Рингерв, где Ходжа Ариф прожил большую часть своей жизни, Чингисхан увидел почтенного человека с быком, поливавшего деревенское поле при помощи остроумного устройства, аналогов которого он еще не встречал. Это устройство оказало на Чингисхана такое впечатление, что он выдал этому человеку бумагу, освобождающую его от всех поборов. Через несколько дней монголы взяли Бухару, и Чингисхан позволил своему войску разграбить город, распорядившись, однако, убивать только тех, кто будет сопротивляться. Вполне возможно, что, как написал персидский историк Джунайди в 1260 году, Чингисхан собрал мусульман Бухары в главной мечети и объявил им о своей миссии основателя нового мира. Так или иначе, мечети действительно остались нетронутыми. При этом рассказы о том, что монголы устроили страшную резню, по

крайней мере в отношении Бухары оказываются бесосновательными. Только некоторых фанатичных улемов, возглавивших сопротивление, жестоко казнили. Самарканд, павший несколькими неделями позже, отчаянно сопротивлялся, и все его защитники были безжалостно убиты. Религиозные власти тогда предпочли не вмешиваться в противостояние, и никого из религиозных лидеров преднамеренно не убивали.

Несмотря на все прочие различия, персидские, китайские и монгольские версии биографии Чингисхана в основном сходятся с записями Ходжагана, в особенности с Решахат айн-эль-Хайатом. Кроме того быстрое распространение группы, связанных с Учителями, сразу после монгольского нашествия говорит о том, что им удалось убедить новые власти не только в своей лояльности, но и в своей полезности для нового общества. Судя по всему, именно они организовали одно из наиболее важных событий в истории - обращение монголов из их первобытного шаманизма в Ислам с последующим установлением мусульманской власти по всей юго-западной Азии, включая Индию.

В1273 году Бухара подверглась повторному разграблению монголами, но на этот раз их армия пришла с юга, переправившись через Амударью в противоположном направлении, нежели Чингисхан пятьюдесятью годами ранее. За это время между Китаем, Центральной и Юго-западной Азией были установлены прочные связи, и в том числе образовались крупные торговые маршруты, что стало важным шагом в организации великого сообщества народов от Атлантического до Тихого океана, население которого сегодня составляет пять шестых всей человеческой расы.

Таким образом, то, что на первый взгляд может показаться очевидной катастрофой, с более широкой исторической точки зрения оказалось необходимой стадией движения человечества к созданию единого сообщества.

По всей видимости Ходжа Ариф Ривгерев был главным Учителем Мудрости в период монгольского владычества в районе Амударьи. О Ходже Арифке известно очень мало, и возможно, что центральная группа Учителей скрывалась в горных ущельях вдоль Сырдарьи. Там на протяжении очень долгого времени - по некоторым данным около двенадцати тысяч лет, жили малоизвестные пещерные сообщества. Вполне вероятно, что именно эти пещеры посетил Гурджиев в 1890-х годах во время одной из своих экспедиций, упоминавшихся в его книге "Встречи с замечательными людьми".

Преемником Арифа Ривгерев стал Ходжа Махмуд Фагневи, больше известный в качестве учителя Ходжи Азизана Али из Рамийтина. К тому времени основные ужасы миновали. Чингисхан умер в феврале 1227 года. Его наследником стал третий сын, Огодай, однако в соответствии с монгольским обычаем лучшая часть Золотой Орды досталась младшему сыну, Тулюю. Монголы покорили Русь, но не смогли перебраться через кавказские перевалы. Именно тогда Каре вошел в турецкую историю,

поскольку турецкая армия, выдвинувшаяся на восток, чтобы остановить монголов, которыми командовал Хулагу, решила занять оборону в горах западнее Карса. В результате Хулагу повернул на юг и в феврале 1258 года разрушил Багдад. На этом закончилась пятивековая история Абба-сидского Халифата, и в мире осталось всего три независимых мусульманских державы: Турция, Египет и Испания. Второй сыя Тулуя, Куби-лай (Кубла Хан в записях Марко Поло), покорил Китай и основал династию Юань. К этому времени монголов уже знали и боялись буквально все народы от Атлантического до Тихого океана, но их завоевания уже достигли конечной точки.

Пришло время более открытой работы Ходжагана. Множество историй описывает, насколько ортодоксальные суфии были потрясены духовными техниками, раскрытыми Ходжей Азизаном Али. Он был первым из Учителей, имя которого при жизни было известно далеко за пределами района Амударьи. Мевлана Джалал ад-дин Руми был его современником, и вот, что писал он в одном из своих стихов:

Если бы состояние (хал) речам (кал) не предпочли,

Разве предала бы себя знать Бухары

В услужение

Ходже Нассаджу Азизану Али?

Ортодоксальный суфий, ставший учеником Ходжи Азизана, задал ему три вопроса:

Ученик: Как и вы, мы служим всем странникам, которые к нам обращаются. Вы не кормите их бесплатно, как мы, и все же народ любит вас, а нам не доверяет. Почему так происходит?

Азизан: Многие умеют быть щедрыми и услужливыми, но немногие понимают, что значит служить щедро. Постарайтесь научиться служить щедро, и люди придут к вам.

Ученик: Говорят, что вы практикуете зикр-и-джерхи ("предсмертный зикр"). Что это означает?

Азизан: Мы знаем, что вы практикуете безмолвный зикр. Это означает, что и ваш зикр тоже станет джерхи. Секрет настоящего, результативного зикра состоит в том, чтобы произносить каждую фразу, как если бы она была последней в жизни, и поэтому наш зикр называется "предсмертным"!

Ученик: Говорят, что вас посвятил Хидр, мир да прибудет с ним. Что это значит?

Азизан: Хидр любит истинно любящих Бога. Его посвящение в глубине сердца, там, куда ум не проникает.

Упоминание о Хидре подтверждает, что Ходжаган считали внутренним кругом мудрых людей, получавших непосредственное

руководство от Хидра - "того, кто стоит перед лицом Божьим". Различные "Деяния Учителей", написанные приблизительно в это время содержат много рассказов о чудесах Ходжи Азизана и его окружения. Из этих же описаний следует, что он прожил 130 лет.

Давайте теперь перенесемся на одно поколение вперед и поговорим о Ходже Мухаммаде Бахауддине из Бухары. Он был великим Учителем четырнадцатого века. К этому времени Ходжаган завершил первую стадию своего саморазвития - обучение элиты, и готовился занять исходные позиции. На этом этапе произошло разделение на движение внутрь, то есть концентрацию, и движение наружу, то есть проявление. Между четырнадцатым и пятнадцатым столетиями Ходжаган, до тех пор не имевший общеизвестного названия или внешней формы, начали называть орденом Накибандийа, или "символистами". Некоторые источники рассказывают о Бахауддине как о талантливом художнике, занимавшимся символическим отображением тайн творения. Ортодоксальные же мусульмане, принципиально порицающие любые формы изобразительного искусства, замалчивают эту сторону жизни Бахауддина и превозносят его способность выразить глубокие истины в простых действиях.

Сохранилось несколько описаний жизни и деяний Бахауддина, сделанных его современниками, и все они сходятся в том, что он с самого детства считался исключительным человеком. Бахауддин родился в январе 1340 года в деревне Каири Арифан, недалеко от Бухары. Он умер в 1413 году и был похоронен в той же деревне.

В своей автобиографической работе, "Хайат Намэ" (Книга моей жизни), Бахауддин пишет: "Я был еще маленьким мальчиком, когда отец взял меня в Самарканд, и мы познакомились с великими духовными лидерами этого города. Мне даже доводилось разделять с ними молитву. Через некоторое время мы вернулись в Бухару и поселились в Каири. Наверное тогда же мне подарили головную накидку дервиша, которую раньше носил великий святой, Азизан Али-Римийтони. Надев эту накидку, я тут же почувствовал полное преображение своего состояния. Мое сердце наполнилось любовью к Богу, и с тех пор я никогда с ней не расставался, куда бы ни кидала меня судьба. Вскоре Сейид Эмир Кулаль сам посетил Каири Арифан и проявил по отношению ко мне большую доброту. Я провел у него в обучении несколько лет.

Однажды, будучи в Бухаре, я встретил Ходжу Азизана. Он окликнул меня: "Эй, Бахауддин, Я видел тебя среди друзей Божьих!" Я ответил: "Я надеюсь, что на то будет воля Божья, и я действительно стану таковым". Тогда он спросил меня: "Если ты чувствуешь в себе сильное побуждение или желание получить что-либо, что ты делаешь?"

"Если я получаю это, то благодарю; если нет, то жду со смирением".

"Это легко, но тебе нужно другое. Я скажу тебе, что нужно делать. Удались в какое-нибудь пустынное место на неделю и

постись там. Не позволяй своему телу одерживать верх над тобой, и ты почувствуешь вкус свободы". Я последовал его указанию.

Вскоре после этого Азизан снова нашел меня и сказал: "Твое следующее задание заключается в том, чтобы служить людям; делай все, что в твоих силах, чтобы они были счастливы. Всегда будь начеку и не упускай случая помочь слабому и бедному".

Я последовал указаниям Азизана, и некоторое время так все и продолжалось. Однажды я вновь отправился к нему, и он сказал: "Итак, Бахауддин, ты теперь готов заботиться о животных. Будь теперь особенно Добр к животным, помня о том, что они, как и ты, создания Божьи. У них есть своя тайная молитва к Богу. Если ты увидишь перегруженных или вообще страдающих животных, сделай все возможное, чтобы облегчить их бремя и помочь им.

Я выполнил повеление моего шейха. Увидев тяжело нагруженную лошадь, я освободил ее от части груза. Я ухаживал за ранеными и больными животными. Однажды в самом разгаре лета, в середине августа, я

вышел из Кашири Арифана и отправился в пустыню, на краю которой я увидел кабана, неотрывно смотревшего на солнце. Внезапно в моей голове промелькнула мысль о том, что я должен попросить кабана помолиться обо мне Богу. С этой мыслью я протянул руки в знак приветствия и подошел к кабану. Вдруг, придя в состояние некоего экстаза, он бросился на землю и стал кататься в пыли. Как только он снова встал на ноги, я произнес "Аминь" и возвратился к своему шейху. Не дав мне опомниться, он сказал: "Очень хорошо, мой мальчик. Теперь иди на улицу, туда где много людей, и убирай там мусор и вообще все, что мешается у них на пути". Я сделал то, что он повелел мне, и таким путем шло развитие моей души. На самом деле это простое служение действительно открыло мне некоторые божественные секреты".

Бахауддин также рассказывает о своем детском видении, в котором святой учитель велел ему следовать двум принципам.

"Бахауддин, первый принцип символизирует горящая свеча, которую ты видишь. Это означает, что ты способен следовать по этому пути, но твоя способность подобна фитилю свечи: ты должен бдительно следить за пламенем. Чтобы достичь цели, способный на это человек должен трудиться над собой, сообразно своим возможностям. Второй принцип заключается в следовании верному пути, указанному Пророком, стяжателем благодати. После нашего Пророка было множество так называемых "традиций". Не обращай на них внимания. обращай за руководством к деяниям Пророка и его сподвижников".

Ходжа Накибанди верил себя Мевлане Арифу из Диккерана и вступил в его холку.

Позднее Бахауддин написал: "Начав практиковать повторение (зикр), я почувствовал, что где-то близко спрятан величайший секрет, и стал искать его. Тридцать лет с Мевланой Арифом не были пустым времяпрепровождением. Мы были в постоянном поиске Хранителей Истины (Аль-и-Хакк). Дважды мы вместе совершали хадж. Мы не закрывались в кельях или пещерах, и узнав о человеке, который мог обладать знанием истины, мы отправлялись искать его. Тем не менее, если бы я и нашел другого Учителя, подобного Мевлане Арифу, и даже если бы он был несколько ближе к истине, чем Ариф, я бы не перешел к нему. Можете ли вы представить себе человека, который бы сидел рядом с вами и открывал глубочайшие небесные тайны и более того разъяснял их внутреннее и внешнее значение?"

После смерти Мевланы Арифа Бахауддин провел три месяца с одним из турецких шейхов по имени Касим, а затем получил духовное указание отправиться к самому почитаемому турецкому шейху, Халилу Ате.

Через некоторое время в районе Амударьи был создан султанат, и Халил Ата принял предложение стать советником султана. Он пробыл в этом качестве шесть лет, а Бахауддин повсюду следовал за своим наставником и позднее так писал об этом времени: "Он проявлял ко мне большое внимание. Иногда ненавязчиво, а иногда и весьма сурово он учил меня принципам служения. Этот опыт очень пригодился мне, когда мне пришлось выполнять свою задачу. Служба у султана, Халил Ата любил говорить своей группе: "Тот, кто ради любви Божьей служит мне, станет великим среди людей". Он часто повторял эту фразу, и я хорошо понимал, к кому она относилась". Это был не самый спокойный период в истории. Монгольская империя распалась на части, и Туркестан, Персию и Кавказ сотрясали набеги, переселения и войны между наследниками. Редко султан мог прийти к власти без гражданской войны, и все же Халилу удавалось сохранять порядок на его территории и поддерживать добрососедские отношения между мусульманами противоборствующих суннитской и шиитской сект, христианами и даже волхвами (зороастрий-цами). Бахауддин все это время был рядом с ним и в последствии рассказывал о необычайной способности Халила пробуждать в людях их самые лучшие качества. Кроме того Халил посвятил Бахауддина в тайны Учителей Мудрости. Но, к сожалению, последние слова Чингисхана: "Пусть монголы никогда не воюют с монголами", — были забыты, и южные монголы, захватив Туркестан, разрушили все плоды трудов Халила. По этому поводу в своей автобиографии Бахауддин написал следующее:

"Все эти события вытеснили из моего сердца всякое стремление к земной власти, и все мои желания с тех пор были направлены на стяжание богатства мира невидимого. Чтобы как-то продержаться в это тяжелое время я занялся торговлей и возвратился в Бухару".

До нас дошли записи некоторых бесед Бахауддина Накибанди с его халкой. Несколько отрывков помогут вам лучше представить его учение:

"В дни своего ученичества, следуя наставлениям Ходжи Бабы Сема-си, я прислушивался к различным традициям и беседовал с разными учеными людьми. Но самым благотворным на моем пути были смирение и унижение. Я вошел этими воротами, и всем, что мне довелось найти, я обязан именно этому".

"Мы все обсуждаем на встречах группы. Изоляция - это путь к славе, а в славе таится погибель. Благо следует искать в группе. Идущие по этому пути находят огромную пользу и благословение во встречах группы".

"Не многие способны постичь секрет единства (тохид). Раскрыть же секрет практической мудрости (марифат) трудно, но возможно".

"Мы принимаем не всех и устраиваем тяжелые испытания тем, кого принимаем".

"Известный своей образованностью человек спросил, в чем заключается смысл нашего пути. Ходжа Бахауддин ответил: "В пробуждении практической мудрости". "Что вы имеете в виду?" - спросил собеседник. "Надежные люди донесли до нас определенные принципы, которым следует доверять, но они изложены весьма сжато. Пробуждая практическую мудрость мы показываем людям, как обнаруживать эти принципы в собственном опыте".

На самом деле, как это довольно часто отмечают, основная роль Ходжи Бахауддина Накибанди заключалась не в основании нового ордена дервишей, а в обогащении традиции. Он привнес в нее практическую мудрость (марифат), которой обладали обособившиеся учителя и группы, разбросанные по огромной территории. Именно в этом заключался смысл многолетних странствий, которые были предприняты им вместе с Мевланой Арифом Диккерани. Ходжа Бахауддин очень заботился об объединении и сохранении для будущих поколений собранного им марифата. Сменилось два поколения, и его последователи стали учителями правителей и наставниками наций, чье колоссальное влияние было очевидным для всех, но сам он избегал подобных дел. Когда правитель Герата пригласил Бахауддина к себе, он сказал: "У нас нет общих дел с правителями и султанами, но если мы не придем к ним, то они придут к нам, а это было бы соблазном для дервишей и бременем для народа. Поэтому будем собираться в путь". Приехав в Герат, он вел себя сдержанно и даже безразлично. На устроенном в его честь богатом празднике Бахауддин ничего не ел и отказался принять подарки от правителя, даже одежду с его собственного плеча.

Появление Ходжи Бахауддина Накибанди разделило историю Учителей Мудрости на два периода. После него тоже были великие учителя, но братство разделилось на отдельные "ордена", то есть распалось или ушло со сцены. При этом орден

Накибандийа считает себя преемником Ходжагана, унаследовавшим его секреты.

Один из членов Ходжагана, живший во время Тамерлана, пользовался странной репутацией, и о нем рассказывают множество историй и преданий. Это был Ходжа Насреддин, могила которого, как говорят, находится у Акиехира в Малой Азии, примерно в девяносто километрах от Конии. Гурджиев часто высказывал свое глубокое уважение по отношению к Насреддину, которого народ стал называть "Мевлана" ("наш Господин"), или просто "Молла". Гурджиев приписывал много своих собственных афоризмов как разумных, так и нелепых Ходже Насреддину, которого большинство читателей считает в лучшем случае легендарным героем, или же просто вымышленным персонажем. Однако мы вынуждены с этим не согласиться, поскольку имя Ходжи Насреддина упоминается в турецкой и персидской литературе далекого шестнадцатого века. Согласно этим же источникам, ему удалось войти в доверие к Тамерлану и уберечь много жизней и имущества своего народа при помощи красноречивых просьб. В традиционных рассказах о Ходже Насреддине много глубокого смысла, что подтверждает его связь с Учителями Мудрости. Недавно я услышал такую историю: "Однажды на базаре Насреддин увидел, как человек продавал попугая за пять драхм — довольно большую сумму денег. Ничего не говоря, Ходжа пошел домой и вернулся назад с индюком, которого стал предлагать всем за десять драхм, утверждая, что его птица гораздо лучше попугая. Окружавшие его люди начали насмехаться на нем, поскольку он не мог понять, что вся ценность попугая заключалась в его способности говорить. Насреддина это нисколько не смутило, и он сказал: "Может быть попугай и умеет разговаривать, зато мой индюк умеет думать".

¹ Следует, тем не менее, отметить, что Накшабандийа в настоящее время является одним из наиболее многочисленных суфийских орденов (прим. перев.)

У этой истории есть по меньшей мере три скрытых смысла, незаметных для неискушенного слушателя. Использование скрытого смысла было одной из характерных черт Ходжагана.

Ходжаган сохранял свое могущество и влияние в течение двух веков после смерти Бахауддина. Поскольку я не ставлю здесь перед собой цель изложить историю Учителей Мудрости, и лишь стараюсь создать у вас впечатление о той обстановке, в которой проходило обучение Гурджиева, мы не будем подробно обсуждать деятельность таких великих Ходжей, как Мухаммад Парса, Аледдин Аттар, написавший биографию Бахауддина Накибанди и Саад Ад-дин из Кашгара, основавшего школу, которая просуществовала вплоть до девятнадцатого века. Однако я считаю необходимым сказать несколько слов о Ходже Убайдаллахе Араре, которого я почитаю особым образом. И хотя он жил пять столетий назад, я считаю его одним из своих учителей и шейхом, чей пример так же актуален сегодня, как и во времена разрушительных завоеваний Тамерлана.

Ходжа Арар был самым известным членом Ходжагана и выдающимся духовным учителем-суфием. Он родился в Ташкенте в 1404 году и умер в Кемангиране, небольшой деревушке недалеко от Самарканды, в возрасте восьмидесяти девяти лет в 1490 году. Его могила находится в Самарканде.

Если верить составителю Решахата, то весть о молодом Убайдаллахе разошлась по всему миру. Еще ребенком он производил впечатление человека, особо одаренного Богом. Его глаза сияли таким достоинством и разумностью, что у всех встречавшихся с ним сразу же возникало желание молиться и прославлять Бога. Сам Ходжа никогда не видел в себе никакой гениальности и не считал себя каким-то особенным человеком, вселяя в окружающих ту же любовь, радость и веру, которые были в нем. Он прошел стадию потери личности, чего даже выдающиеся люди достигают только после долгих лет поиска. Он писал: "В то время мой внутренний мир был настолько переполнен самоуничижением, что я поклонялся каждому человеку на своем пути. Для меня было неважно, свободный ли это человек или раб, белый или черный, знатный или простолюдин, хозяин или слуга, - я припадал к его ногам и молил помочь моей душе". Зикр восемнадцатилетнего Арара был уже настолько усердным, что, подобно последователям Абдуллы Гудждувани, он не слышал и не видел ничего, даже посреди шумного базара.

Проведя два года в Самарканде, в возрасте двадцати четырех лет Арар отправился в Герат, где в течение пяти лет был учеником величайших суфийских учителей этого города. В двадцать девять лет он вернулся в Ташкент и занялся фермерством. Поначалу его хозяйство насчитывало около гектара земли и пару быков, но он был наделен таким талантом и удачливостью в своем деле, что через некоторое время стал крупнейшим ташкентским фермером и владел огромными земельными угодьями. Ему принадлежало много скотоводческих ферм, но особенного мастерства он достиг в выращивании зерновых. Он был непревзойденным знатоком в том, что, где и когда следует выращивать. При этом он любил говорить: "Всемогущий Бог был столь милостив к моей земле, что каждый год я посылал нашему сюзерену, Султану Ахмеду Мирзе из Самарканды тридцать тысяч тон зерна, чего вполне хватило бы на пропитание целого города".

В этой связи Ходжа однажды разъяснил фразу: "Инна атайна" - "Мы открыли тебе глаза". По его мнению, эта фраза означает, что целеустремленным людям Господь дает возможность засвидетельствовать силу Бога. "Господь не показывается своим созданиям непосредственно, но о Нем можно знать по действиям тех, кому было даровано внутреннее виденье. Их действия становятся проявлением силы Бога, и наилучшим образом свидетельствуют о Его присутствии в тварном мире. Те, у кого есть такие возможности, должны реализовывать их. Здесь не должно быть места стыду или утаиванию".

Прежде чем стать Учителем, Убайдаллах постоянно и неустанно служил. Живя в Герате, он ходил к Хамману, "старейшине Герата" и совер-

шенно бесплатно служил приходившим к нему. Арар часто говорил: "Я научился пути суфиев не из книг, а через служение людям. Господь приводит к себе каждую душу своим путем: я пришел по пути служения. Именно поэтому я так люблю и ценю служение. Если я желаю пришедшему ко мне блага, я рекомендую ему проникнуться искусством служения". Арар встречался и поддерживал постоянное общение с величайшими последователями Ходжи Бахауддина Накибанди и Учителей Мудрости из основных центров Туркестана, от пустыни Гоби до Гиндукуша, Каспийского моря и Кавказа. Его считали кутубом (духовным столпом) своего времени, и одним из немногих, чья деятельность была в значительной степени открыта. Он был посвящен Сейидом Касимом из Теб-риза.

Решахат и другие современные источники рассказывают о сверхъестественных способностях Убайдаллаха Арара. Один из бывших с ним рассказывает:

"Мы были в Фирхете вместе с Ходжной Араром. Однажды он попросил кусочек бумаги и ручку. На бумаге он написал имя Ибн Сайда Мирзы, и, тщательно сложив, положил за складку своего тюрбана. В то время никто еще не слышал об Ибн Сайде Мирзе. Несколько близких друзей Ходжи попросили его объяснить, чье имя он написал. Ходжа сказал: "Это тот человек, который должен править мной, вами и всем Ташкентом, а также Самаркандом и Хорасаном".

Очень скоро Султан Ибн Сайд Мирза стал известен даже за пределами Туркестана. Ибн Сайд увидел Арара во сне и лично приехал к нему. Через некоторое время Мирза получил власть над всем Туркестаном, и, плененный словами и делами Ходжи, с тех пор всегда обращался к нему за советом и помощью.

Арар никогда не высказывал желания быть учителем (шейхом). Однажды он сказал: "Если бы мне пришлось быть учителем, ни у одного шейха больше не осталось бы учеников. Моя задача не учить, а защищать честных верующих от тиранов и предотвращать гражданские и прочие войны. По этой причине мне приходится общаться с правителями и султанами, завоевывая их сердца".

Люди приписывали Арару сверхъестественные способности. Его имя присутствует во всех летописях Центральной Азии пятнадцатого века. В следующей главе я расскажу, почему, по моему мнению, он был прототипом гурджиевского Ольмантабура, председателя Ассамблеи Просветленного, которому удалось на два поколения прекратить междоусобные войны, раздиравшие Азию.¹ В отличие от многих суфиев, живших в то же время, Арар был приверженцем абсолютного освобождения, что говорит о его близости к Буддизму. После смерти Арара прошло одно поколение, и Ходжаган ушел со сцены. Значительная часть того, чем

располагал Ходжаган, была унаследована братством Накибандийа, но вполне вероятно, что внутренняя составляющая братства вернулась в лоно общества, в течение трех тысяч лет называвшегося сарманским, или сармунским. Далее я собираюсь привести доводы в пользу существования этого братства, или традиции.

¹ См. Рассказы Вельзевула, стр. 1001-1003.

Глава 3

СУЩЕСТВУЕТ ли "ВНУТРЕННИЙ КРУГ" ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?

Многочисленные упоминания об обществах, члены которых обладают мудростью и возможностями, более важными и значительно отличающимися от тех, которыми обладают обычные люди, заставляют нас со всей серьезностью отнестись к предположению об их существовании. Говоря о существовании в прошлом Внутреннего Круга человечества, мы подразумеваем то, что в прошлом были люди с необычайными свойствами, которые оказывали определяющее влияние на жизнь человечества, причем способами, не доступными для понимания обычных людей. Если распространить это предположение на нынешнее время и обозримое будущее, то мы получим гипотезу непрерывно действующей иерархии. Эта гипотеза присутствует в большинстве суфийских учений, и ее же придерживается Гурджиев. Он связывает ее с понятием эзотерических школ. При этом под "школами" он подразумевает организации, чья роль заключается в передаче Внешнему Кругу, то есть обычным людям, тех знаний и возможностей, которыми располагает Внутренний Круг.

Однако не следует отождествлять существование школ с концепцией существования Внутреннего Круга человечества. Последнее можно либо принять в качестве догмы, либо рассматривать в качестве гипотезы и искать для нее доказательства. Мы с вами пойдем по второму пути. Гипотезу можно трактовать в "широком" или в "ограниченном" смысле. В широком смысле эта гипотеза предполагает людей, обладающих несравнимо более значительными возможностями и знаниями, по сравнению с обычными людьми, включая тех, кто занимает главенствующие положения в церкви, государстве и учебных заведениях. Эти люди составляют иерархию, во главе которой стоят сверхчеловеческие существа. Они могут существовать или не существовать в человеческой форме, но в любом

случае непосредственно узнают о космических процессах и целях и обладают недоступными для простых смертных возможностями. Такими людьми, например, являются Учителя, о которых говорят теософы, антропософы и члены некоторых закрытых обществ. Как мы убедились в предыдущей главе, они совершенно не похожи на исторических Учителей Центральной Азии, то есть на Ходжей, которые не окружали себя завесой

таинственности. В последние годы к этой форме гипотезы прибавили также предположение о том, что в рамках плана "спасения" человечества на Землю спускаются инопланетные существа на "летающих тарелках".

Гипотеза в такой форме весьма привлекательна для писателей фантастики, которые дискредитировали ее до такой степени, что сегодня лишь очень немногие склонны рассматривать ее серьезно, за исключением тех, кто a priori верит в существование сверхчеловеческих существ и их участие в судьбе человечества. Обычное возражение против концепции существования сверхъестественных существ, участвующих в судьбе человечества, состоит в том, что они якобы плохо справляются со своей работой. Однако более существенным возражением является то, что столь значительный фактор в человеческой истории мог бы быть более известным.

Нет очевидной причины, по которой бы Внутреннему Кругу человечества, если конечно он настолько могущественен, насколько это предполагает "расширенная" трактовка гипотезы, нужно было бы скрывать себя. Логично предположить, что Внутреннему Кругу необходимо взаимодействовать с непосвященными, которые в свою очередь, вроде бы, должны с готовностью идти на такое взаимодействие, если им сообщить об ожидающей их помощи и о том, что нужно делать.

Возражение о том, что "если бы они существовали, мы бы знали о них" лишь отражает заблуждение, что они обязательно должны быть "доступными для нашего знания". Мы можем представить себе мудрых людей, способных влиять на ход текущих событий. Однако известная нам история человечества за последние семь - десять тысяч лет не подтверждает такую форму "расширенной" трактовки. Так или иначе, расширенная трактовка противоречит закону вероятности, согласно которому время, которое требуется для изменения, есть параболическая функция от количества взаимодействующих между собой факторов, которые необходимо изменить. Возможно правильнее будет предположить, что Внутренний Круг не занимается мелкомасштабными событиями, а контролирует ход истории в масштабах веков или даже тысячелетий.

В нескольких эпизодах "Рассказов Вельзевула" Гурджиев ясно дает понять, что "забота о далеких потомках" является одной из обязанностей человека, который обрел "объективный разум". Кроме того он упоминал об ошибках высоко разумных людей, последствия которых человечеству пришлось расхлебывать тысячи лет. Вместе с тем в "Рассказах Вельзевула" ничего не говорится о непрерывно действующей иерархии, которая бы влияла на ход истории. В "Драматической Вселенной" (Том IV, стр. 360, 413) я высказал предположение о том, что влияние, направляющее ход истории человечества, может исходить непосредственно от скрытого руководства, которое контролирует развитие человечества от эпохи к эпохе. Сегодня по прошествии десяти лет я считаю более вероятным, что вмешательство происходит опосредованно. Хотя я сегодня более

чем когда-либо уверен в реальности сознательного контролирования истории человечества, я считаю, что оно осуществляется с уровня бытия, коренным образом отличающегося от знакомого нам человеческого. Вряд ли могла бы существовать группа людей, которая была бы способна влиять на крупномасштабные исторические события. При этом расширенная трактовка нашей гипотезы вообще наивна с той точки зрения, что высший уровень бытия невозможно охарактеризовать при помощи нашего повседневного языка. В связи с этим, если согласиться с утверждением Гурджиева: "обычный человек воспринимает мир вверх тормашками", -то вполне может случиться так, что Внутренний Круг окажется полной противоположностью тому, как мы его себе представляем. Я вернусь к этой мысли после того, как мы обсудим "ограниченную" трактовку нашей изначальной гипотезы. В любом случае, не следует рассматривать "расширенную" трактовку гипотезы Внутреннего Круга с позиции видимой истории.

Ограниченная трактовка предполагает наличие у Внутреннего Круга высшей мудрости и возможностей, но не всемогущества. При этом может быть множество форм этой ограниченной трактовки от веры в существование добрых и мудрых людей, которые в большей или меньшей степени сообща работают на благо человечества, до веры в то, что некое традиционное учение передается людьми, достигшими высокого уровня бытия, благодаря собственным усилиям и использующими свои знания и возможности настолько, насколько это позволяют делать условия их жизни. Второй подход согласуется с историей Ходжагана, кратко изложенной в предыдущей главе. На самом деле, практически любая форма гипотезы о том, что человек способен достигать высших уровней бытия, предполагает также и то, что такие люди жили в прошлом и возможно живут сегодня. Пройдя трансформацию, они лучше понимают предназначение человека и обладают большими возможностями в плане взаимодействия, нежели обычные люди. Если действительно есть люди, достигшие высших уровней бытия, то логично было бы предположить, что они узнали друг друга и делят друг с другом бремя помощи миру. Однако недостаток такого подхода состоит в том, что он похож снова приводит нас к "расширенной" трактовке, которую мы только что отвергли.

¹ Здесь и далее ссылки делаются на соответствующие страницы оригиналов (прим. перев.).

Наша основная ошибка заключается в неверном предположении, что мы можем экстраполировать принципы деятельности обычных людей и их обществ на работу высших существ. К сожалению, в своей обычной деятельности человек сегодня проявляет поразительную недалекость. Для всех политических систем в современном мире характерна последовательная смена кризисных правительств, мечущихся от одного трудного положения к другому. Лишь в очень и очень немногих сферах жизни общества учитываются интересы обозримого, но относительно отдаленного будущего. В основном учитываются только потребности сегодняшнего дня. Мы не

попеваем за своими желаниями, поскольку наша деятельность слишком часто направлена на достижение целей, которых уже нет там, где мы их ищем. Кроме того большинство наших решений вряд ли можно назвать в достаточной мере обоснованными. Мы оцениваем ситуацию с позиции факторов, якобы понятных нам, и оставляем без внимания те, что находятся вне нашей компетенции. Мы не видим, что происходящее подчиняется законам, значительно отличающимся от признаваемой всеми "причинности". Впрочем, это обстоятельство мы будем подробнее обсуждать несколько позже, когда подойдем к космологии Гурджиева. Сейчас важно понять, что бессмысленно оценивать деятельность, о принципах которой мы ничего не знаем. Можно "судить по результатам", только если мы знаем, какие результаты предполагались изначально. Горожанин видит крестьянина с плугом и думает, что тот хочет очистить поле от всех растений. Через полгода он видит, что результатом стал урожай пшеницы. На следующий год горожанин видит, что крестьянин оставил поле невспаханым, и обвиняет его в нерадивости, поскольку никогда не слышал о необходимости время от времени оставлять землю под паром. Наше положение гораздо хуже, чем у впервые попавшего в деревню горожанина. Мы рассматриваем события в неверном временном масштабе и не имеем никакого представления о процессе, который просто необходимо привести в действие, если мы хотим продолжения творческой эволюции человечества.

Для того чтобы вписать понятие Внутреннего Круга в контекст существования, необходимо сначала рассмотреть некоторые непривычные для обычного мышления категории. Можно выделить три сферы человеческого опыта:

Сфера Факта: Сюда относится все, что входит в контакт с нашими телами, будь то посредством чувственного восприятия или механического взаимодействия. Именно с этой сферой в основном работают наука, технология и экономика. С точки зрения материалистических и механистических картин мира эта сфера вообще является всей полнотой реальности.

Сфера Ценностей: Она включает в себя все неуловимые влияния, определяющие наши суждения и мотивы. С этой сферой прежде всего связаны мораль, эстетика и юриспруденция. В нее входит то, что должно быть. Обычно под "ценностями" подразумевают те или иные принципы или точки зрения, которых придерживается человек. Тем не менее они обладают собственной реальностью, не зависящей от нашего существования. Сфера ценностей - это "идеальный мир", и для идеалиста, считающего голые факты иллюзией, эта сфера представляет собой "реальный" мир.

Сфера Реализации:¹ Понятие нефактической сферы, в которой постоянно происходит творение реальности, непривычно для нашего мышления, но теснейшим образом связано со всем, чему Гурджиев учил и что делал. Более того, это понятие лежит в основе всей работы, которая, по определению, осуществляется исключительно посредством творческой деятельности.

Последнюю в свою очередь невозможно свести только к факту или только к ценности, или даже к комбинации обоих.

Одним из двух величайших и печальнейших заблуждений человечества является вера в реальность сферы факта, другим - вера в то, что ценности могут существовать в нереализованной форме. На основе чувственного опыта и эмоциональных побуждений в наших "умах" складываются картины мира, и мы считаем эти картины отображениями реальности. Гурджиев не переставая изобличал такой подход как самообман, буквально отрезающий нам путь к самореализации. При этом "реальными" он называл тех людей, которые способны творить свою собственную "реальность", что приводит их в сферу, недоступную для людей, считающих сами по себе факты и ценности "реальными".

Мы теперь можем перефразировать нашу гипотезу Внутреннего Круга, сформулировав ее как предположение о существовании людей, открывших для себя секрет реализации. Если не считать их воплощениями из другого мира, то своего положения они должны были добиться собственными усилиями. Однако то, что они приобщаются к сверхъестественным знаниям, говорит об их избранности, а также о том, что им оказывается особая помощь. Они "избранные", от которых зависит судьба мира. Если такие люди действительно существуют, они должны гораздо лучше понимать мир, чем обычные люди. В данном случае к обычным

¹ В Драматической Вселенной эту третью сферу Дж. Г. Беннетт называет также сферой гармонии (прим. ред.)

людям я причисляю философов, ученых, социологов, историков и экономистов, равно как и руководителей Церкви и государства, если их деятельность и восприятие распространяются только на сферы фактов и ценностей. На самом деле религиозные люди и люди, работающие в сфере искусства, должны были бы создавать ценности, но большинство из них в своей деятельности стремится опираться исключительно на веру. При этом, поскольку они не знают, как изменить свое восприятие, они вынуждены в практических делах следовать тем же принципам, что и все окружающие. Они утверждают, что их ведет вдохновение или дух, но редко у кого действительно хватает смелости отказаться от аргументации человеческого ума, не способного выйти за рамки сферы фактов.

Отбросив то, что никак не может быть Внутренним Кругом человечества, мы теперь подошли ближе к ответу на вопрос о том, существовали ли такие группы людей в прошлом и существуют ли они сегодня. Следует иметь в виду, что по-настоящему значительные выводы могут быть сделаны только из относительно "широкой" трактовки нашей гипотезы. Теперь мы можем трактовать ее как предположение о существовании на Земле самореализовавшихся людей, которые действуют в сфере реализации с целью спасения человечества от последствий его чрезмерного упования на возможности манипулирования фактами.

Это сильные люди, но при этом они не могущественны и не влиятельны. Они мудрые, но это не связано с ученостью. Учитывая все сказанное выше, вряд ли они будут привлекать внимание тех, кто поражает своих сограждан видимыми достижениями.

Вполне вероятно, что в ходе своих поисков, Гурджиев убедился в том, что люди со столь значительными возможностями жили на Земле в прошлом и живут с нами сегодня. Он говорил о них с Успенским всего лишь однажды в 1916 году, но не сделал это краеугольным камнем своего учения. Я слышал множество объяснений этого обстоятельства. Некоторые утверждают, что у Гурджиева никогда не было возможности попасть во внутреннюю группу, и ему пришлось собирать воедино фрагменты учения, заимствованные из различных источников. Другие полагают, что ему была отведена роль предтечи, или посланника с тем, чтобы **Он** подготовил почву для более решительного внедрения хранителей традиции в жизнь Запада. В связи с этим Гурджиев наверняка должен был Оставить после себя явные указания на свою истинную миссию. Задача настоящей книги как раз и заключается в том, чтобы разобраться с этим предположением. Как уже было отмечено, ни в одной из своих известных работ Гурджиев явным образом не говорит ни о существовании Внутреннего Круга, ни о признаках его деятельности. Хотя он и упоминает "всемирные братства", в частности во "Встречах с замечательными людьми", он представляет их как закрытые от окружающих, скрытые от остального мира и имеющие своей целью личное спасение весьма ограниченного количества людей, которым посчастливилось вступить в орден. Однако из некоторых указаний, расставленных Гурджиевым в различных местах, складывается несколько более оптимистичная картина.

В качестве одного из таких указаний Гурджиев несколько раз называл Сармунское или Сарманское общество. Судя по всему, это древнеперсидское слово, и оно используется в некоторых Пахлавийских текстах, где обозначает хранителей доктрины Зороастра. Есть три перевода, а значит и трактовки этого названия. Во-первых его можно перевести как "пчела", тогда как пчела всегда символизировала тех, кто собирает драгоценный "мед" традиционной мудрости и сохраняет его для будущих поколений. В тринадцатом веке, современник Чингисхана, несторианский архимандрит, Мар Саламон, собрал известные армянские и сирийские легенды в одну книгу под названием "Пчелы".¹ В этой книге говорится о мистической силе, переданной во времена Зороастра и явным образом проявившей себя при жизни Христа.

Однако более естественная трактовка названия Сарманского общества получается при переводе с персидского языка. Так, слово "ман" на персидском означает "качество, передаваемое по наследству" и, в частности, "избранная семья или раса". Кроме того таким словом могло обозначаться сохранение наследия, или традиции. Слово "сар" означает "глава", причем может иметься в виду и собственно голова, и руководитель.

Таким образом, корень "сарман" можно перевести, как "главный хранитель традиции", или в терминологии Гурджиева, "непреходящая философия", передаваемая из поколения в поколение "посвященными существами".

Еще один вариант понимания слова "сарман": "просветленные", или "те, чьи головы очистились". Возможно в этом как раз и следует видеть один из ключей к намерениям Гурджиева. В главе "Мнение Вельзевула о войне" говорится о существующем в Центральной Азии братстве под названием "Собрание Просветленных". Гурджиев пишет, что в те дни братство было весьма почитаемым другими трехмозговыми существами, в него не входившими, и поэтому его иногда называли "Собранием всех живущих на Земле святых". Пожалуй, из всего написанного Гурджиевым этот эпизод наиболее близко подходит к нашей гипотезе Внутреннего Круга человечества.

Гурджиев утверждает, что это братство было много веков назад образовано группой существ, обнаруживших в себе действие органа кундабуффер¹ и объединивших усилия, чтобы сообща избавиться себя от его влияния. Далее Гурджиев рассказывает об основании этим Собранием общества по предотвращению войны и вполне однозначно указывает на месторасположение его центра. По его словам центр общества находился в Мосуле, то есть по другую сторону реки Тигр от Нумруда и Ниневии. Гурджиев также указывает и на время этих событий, утверждая, что в общество входили личные представители знаменитого завоевателя Тамерлана. Тамерлан вне всяких сомнений был в Мосуле и, о чем уже шла речь в предыдущей главе, покровительствовал суфизму и был приверженцем Ходжи Ахмеда Иесеви из Ташкента.

Читатель может разумно заключить, что Гурджиев явно указывает на особенно важные исторические события. Об этом свидетельствует удивительный список народов, представленных в обществе: монголы, арабы, киргизы, грузины, малороссы и тамилы.² Таким образом, общество состояло из представителей большинства основных религиозных групп — шаманистов, мусульман, буддистов, христиан и индусов, за примечательным исключением зороастрийцев и иудеев.

Мы знаем как исторический факт, что после двух столетий непрекращающихся войн в Азии наступил относительно мирный период пятнадцатого и шестнадцатого веков. В предыдущей главе я высказал предположение, что определенную роль в этом сыграл Ходжаган. В то же время гурджиевское Собрание Просветленных не могло олицетворять Ходжагана, по той простой причине, что члены Ходжагана никогда не объединялись для осуществления каких-либо совместных действий. Учителя Мудрости были в полной мере независимыми людьми, уважавшими и поддерживавшими друг друга, но не образовывавшими обществ, вплоть до основания в шестнадцатом веке таких орденов дервишей, как, например, Накшбандийа.

Несмотря на то, что Ходжаган и Сарманское братство по всей видимости не следует идентифицировать друг с другом, отдельные Ходжи вполне могли входить в Сарманское братство. На это указывал Гурджиев, и, сопоставляя даты и жизнеописания, можно убедиться в том, что брат Ольмантабур³ - это никто иной, как Убайдаллах Арар. Биограф Арара и величайший литературный гений Центральной Азии, Мевлана Джамии, хорошо знал о том, что влияние Ходжи ощущалось далеко за пределами его непосредственного окружения. При этом одним из основных объектов его пристального внимания было предотвращение войны. Вообще говоря, такая позиция была совсем не характерна для суфиев, которые до этого времени, как правило, считали мир с его жестокостью злом, которое следует обходить стороной, а не сферой плодотворной деятельности.

¹ В библиотеке Британского Музея есть латинский перевод этой книги, сделанный Епископом Басры, Соломоном.

² Там же, Гл. 11. Там же, стр. 1093. Там же, стр. 1092.

Судя по всему, первоначальным оплотом традиции было Сарманское братство, и следовательно мы должны как можно тщательнее разобраться в его происхождении и деятельности. На этот счет Гурджиев также имел свою довольно неожиданную точку зрения. Он утверждал, что общество под названием "На Земле все в равной степени свободны" поставило своей целью установить на территории Азии единую религию, единый язык и единую центральную власть. В качестве основы единой религии выбрали "религию парсов, изменив ее название".¹ Общим языком должен был стать туркменский - один из тюркских диалектов, на котором говорили в Туркменистане, от Самарканда до Балха. Резиденцией центральной власти должен был стать Маргилан, столица Ферганского ханата. Интересно, что нигде больше Гурджиев не упоминает о Парсизме, религии, основанной Зороастром. Особенно бросается в глаза, что о Зороастре ничего не сказано в главе, посвященной религиям. Его имя также не фигурирует среди тех мудрецов, которые собрались в Вавилоне и основали Общество последователей легоминизма.² Дату основания этого общества определить нетрудно - это 510 год до Р.Х., так как именно в том году Камбис переселил ученых из Египта в Вавилон. По утверждению Ямблиха, одним из них был Пифагор. Все это вполне соответствует рассказу Вельзевула.

Гурджиев не мог не быть знакомым с греческими легендами о Зороастре, или Заратустре. Апулей называет Зороастра духовным наставником Кира Великого и учителем Пифагора. В греческой литературе довольно много подобных утверждений. Ямблихий в своей книге "Жизнь Пифагора" (Глава 4) пишет, что Пифагор провел в Вавилоне двенадцать лет, тесно сотрудничая с волхвами. Все это очень напоминает гурджиевское описание Общества приверженцев легоминизма ("Рассказы Вельзевула", Глава 30). Гурджиев вне всяких сомнений читал Ямблихия, и его институт в определенной степени был построен он принципу пифагорейских школ. Мы должны либо поставить знак равенства

между Ашиата Шиемашем и Зороастром, либо признать, что в рассказах Вельзевула о Вавилонском периоде Зороастр вообще никак не упоминается. Почему же тогда в главе, посвященной историческому периоду, наступившему по прошествии двух тысячелетий со времен Зороастра, Парсизм называется в качестве возможной основы для общеазиатской религии?

Мы должны вспомнить здесь о написанной в 1911 году Рудольфом Штайнером книге "Духовное руководство человечества", в которой он утверждает, что, благодаря своим ясновидческим способностям, смог воспроизвести историю зороастрийского влияния на жизнь человечества за восемь тысяч лет, то есть с самых истоков арийской культуры. Судя по тому, что в "Рассказах Вельзевула" Гурджиев несколько раз упоминает антропософию, он знал о той важности, которую Штайнер приписывал зороастрийской традиции. Впрочем, Гурджиев всегда довольно пренебрежительно высказывался об антропософии как о заблуждении, стоящем в одном ряду с теософией и спиритизмом. Из этого, тем не менее, ни коим образом не следует, что он отвергал все выводы, к которым пришел Рудольф Штайнер. Судя по различным его высказываниям, он просто возражал против неаргументированных заявлений, не имеющих под собой исторической основы.

Некоторые считают, что под "космическим индивидуумом, воплотившимся Свыше", то есть Ашиата Шиемашем из "Рассказов Вельзевула", Гурджиев подразумевал Зороастра (Заратустру). Вместе с тем, сам Гурджиев по-разному высказывался об Ашиата Шиемаше: во-первых Шиемаш был исторической личностью, жившей в Азии несколько тысяч лет назад; во-вторых ему еще предстоит стать пророком Новой Эпохи; и, наконец, он олицетворяет самого Гурджиева. Гурджиев неоднократно говорил: "Я Ашиата Шиемаш". Помимо того, было предложено считать главы об Ашиата Шиемаше чисто аллегорическими и не имеющими никакого исторического смысла по отношению к прошлому, настоящему или будущему. По моему мнению, все четыре точки зрения имеют право на существование, и поэтому мы сейчас приступим к обсуждению первой из них, которая, возможно, поможет нам разобраться с гипотезой Внутреннего Круга.

Гурджиев пишет, что после своего просветления Ашиата отправился в "столицу страны Курландтек, город Джулфалал, располагавшийся в центре азиатского континента". Если речь идет о путешествии, в которое отправился Заратустра в возрасте тринадцати лет, то этим городом должен был быть Балх. Правителем страны был Кав Гушаспа. В Балхе Заратустра познакомился с двумя советниками правителя, Джамаспой и Фрашаострой, стремившимися к мудрости. Он привел их к просветлению и посвятил правителя. Вот, что написано в Авесте (пятая Гата, стих 16) по этому поводу:

"Каву Куштаспе были даны во владение тайны Волхвов. В то же время он был посвящен в путь Воху Манах внутренним видением.

¹ Там же, стр. 1093.

² Там же, стр. 455.

¹ Там же, Главы 26 и 27.

Таким был путь, избранный Аюрой Маздой, согласно Аше".

В более поздней персидской священной литературе имя "Аша" было заменено на "Аштвахашт". Последнее довольно созвучно с Ашиата Шиешем.

Согласно легенде, Кав Гуштаспа во всем подчинялся Заратустре, в результате чего наступил век "хороших законов". Возможно, что именно это имел в виду Гурджиев, но никаких указаний по этому поводу он не оставил. Имя Ашиата Шиешем также могло быть образовано от турецкого слова "аш" - "пища" и слов "иат" и "нем" - "есть". По этой версии, Ашиата Шиешем олицетворяет собой принцип взаимного питания (поддержания).¹ Интересно в связи с этим, что, как мне удалось выяснить, этот принцип имеет зороастрийское происхождение (см. Гл. 8).

Наверное наиболее похожим на общество, оказывающее влияние на историю, в работах Гурджиева была "Организация в поддержку существования человечества, основанная Великим Святым Ашиата Шиешем".² Эта организация, получившая название "Братство Гичтвори", была создана на основе общества, которое он организовал в Джулфапале (Балхе?). Гурджиев так переводит это название: "Только тот будет призван и станет сыном Божьим, кто обретет сознательность". Это общество не занималось ни социальным благоустройством, ни реформами, равно как и не стремилось к власти. Оно представляло собой центр подготовки, в который люди обращались в поисках "просветления ума": то есть, во-первых, чтобы реально ощутить наличие у человека сознания, а, во-вторых, чтобы узнать, как человек должен его "использовать, чтобы привести свою жизнь в соответствие подлинному смыслу и цели своего существования".³ При этом Гурджиев отмечает весьма существенные внешние социальные результаты такой подготовки. Возникли новые виды взаимоотношений; люди стали более заинтересованы в руководстве, чем в авторитетах; социальные и политические конфликты разрешились естественным образом. Причем это случилось не в результате реформ или реорганизации, а исключительно благодаря изменениям, произошедшим в людях. Я думаю, что история об Ашиата Шиешеме нужна была Гурджиеву прежде всего для того, чтобы подчеркнуть центральное значение сознательности в его учении, а также чтобы показать свое недоверие к разного рода оккультным "действиям на расстоянии". Помощь к людям должна приходиться в виде понятных им действий,

и люди должны иметь возможность воспроизвести их в приемлемой для себя форме.

¹ Там же, Глава 27, стр. 368.

² Там же, Глава 27, ар. 368.

³ Там же, стр. 369.

В представлении жителей Центральной Азии имя Зороастра всегда было связано с борьбой между тюркскими племенами кочевников и арийскими поселенцами, которая продолжалась тысячелетиями. В авестийских гатах тюрки часто олицетворяют злых духов, несмотря на то, что некоторые тюркские племена приняли Зороастризм. Общество "На Земле все в равной степени свободны", о котором упоминал Гурджиев, выбрало для своих планов один из древних тюркских языков, арийскую религию Парсов и Фергану в качестве центра своей деятельности. Единственное объяснение такой комбинации может заключаться только в том, что это общество по своему уровню было выше межнациональных и межрелигиозных конфликтов. Все это указывает на "Собрание всех святых, живущих на Земле".

О связи между этим обществом и Сарманским братством говорят как его название, так и месторасположение: сначала Мосул, а затем Бухара. Во "Встречах с замечательными людьми" Гурджиев рассказывает о том, как он вместе со своим армянским другом Погоссяном нашел древние армянские тексты, включая книгу "Мерхават", в которых общество "Сармунг" фигурировала как известная эзотерическая школа. Согласно легенде, эта школа была основана в Вавилоне в 2500 году до Р.Х. и просуществовало в Месопотамии вплоть до шестого века христианской эры. Судя по всему, школа обладала колоссальными знаниями и владела ключами ко многим важным тайнам.¹ Указанная в этих источниках дата основания школы предполагает, что она начала свое существование за несколько веков до рождения Хаммурапи, величайшего законодателя древности, что впрочем ничему не противоречит. На самом деле это очень интересная дата, поскольку именно тогда произошли переселения, соединившие семитов, аккадийцев и древнюю индоевропейскую расу - шумеров. Вполне вероятно, что тогда была создана школа мудрости, повлиявшая на ход событий истории, продолжением которых стали удивительные достижения Саргона I и Хаммурапи. Если такая школа действительно существовала, то она по всей видимости покинула Вавилон после правления Дария II, приблизительно в 400 году до Р.Х., и очень может быть, что затем переместилась на север, обосновавшись в верховьях Тигра. Здесь, в горах Курдистана и Кавказа через некоторое время парфяне надолго установили свою власть. Парфяне принесли с собой зороастрийскую традицию в чистом виде. Последовавший за этим периодом промежуток, закончившийся завоеваниями турков-сельджуков в первом тысячелетии нашей эры, был заполнен армянской гегемонией. В то время караванные пути по всем направлениям пролегли через верхнюю долину Тигра, что создавало прекрасные

условия для отслеживания самых различных традиций, от китайских до египетских.

См. Встречи с замечательными людьми, Глава 5, стр. 90.

Итак, мы подошли к следующему этапу знакомства Гурджиева с Сарманским братством. Он пишет, что, находясь в Ани, одной из столиц Багратидского Армянского царства, они с Погоссяном обнаружили ряд писем, написанных на пергаменте в семнадцатом веке нашей эры. В одном из этих писем было указание на то, что один из главных центров Сарманского братства располагался вблизи города Сирануш. Затем они отправились на северо-восток и остановились в долине Изрумун, в трех днях пути от Нивси. При этом Гурджиев пишет, что их дальнейшие изыскания убедили их в том, что Нивси и Мосул - это один и то же город, который уже упоминался в связи с "обществом просветленных". К тому времени, о котором мы сейчас говорим, Ниневия уже превратилась в мертвый город, но Нимруд, древняя столица правителя Ассирии, Ассур-банипала, все еще был крупным торговым центром, благодаря тому, что располагался рядом с тем участком Тигра, начиная с которого он пригоден для круглогодичного судоходства.

Три дня караванного перехода по практически пустынной местности отделяют Нимруд от зеленой равнины, в центре которой расположен Шейх Ади - главное святилище Езидского братства. Езиды являются общепризнанными наследниками древней зороастрийской традиции, и Гурджиев особо выделяет их, среди ассирийских поселений в окрестностях Мосула, самого сердца Ассирийской империи. Я посетил Мосул в 1952 году и убедился в том, что езиды обладают некоторыми секретами совершенно неизвестными востоковедам, большинство которых склонно считать их верования пережитками язычества. Общепризнанна также их связь с Митраизмом, о которой свидетельствует их главный праздник белого быка, празднуемый каждый октябрь в Шейх Ади. Однако еще более близкими потомками они приходятся последователям Манов, влияние которых было весьма распространено в Азии в третьем и четвертом веках нашей эры, то есть всего за два века до того, как главный центр Сарманского братства переместился в Изрумун.

По всей видимости в Вавилоне существовала очень древняя традиция, на которую Гурджиев довольно часто ссылался в своих книгах и беседах с учениками. При этом похоже, что в тяжелые времена хранители этой традиции поступали так, как было описано в предыдущей главе: они разделялись на три части, одна из которых переселялась, другая адаптировалась к новому режиму, а третья удалялась из поля зрения.

Во времена мусульманских завоеваний семнадцатого и восемнадцатого веков активно формировались такие группы, как Езиды и Аль-и-

Хакк. Доктрины, которых они придерживались были более или менее приемлемы для арабов, не сумевших разобраться в

тонкостях персидской духовности. На несториан практически не оказывалось никакого давления, поскольку их убеждения по своей сути вполне сочетались с Кораном. Однако больше всего в этой ситуации нас будет интересовать третья группа, переселившаяся в Центральную Азию. Именно эта группа больше всего соответствует гурджиевскому описанию Сарманского братства.

Сам Гурджиев не предпринимает попыток объяснить причины этих переселений. Описывая свои странствия с Погоссяном, он утверждает, что братство "Сармунг" располагалось в Халдее. Далее, рассказывая историю князя Юрия Любовецкого,¹ Гурджиев отмечает их переселение в Центральную Азию, в местность, отстоящую на двадцать дней пути от Кабула и на два от Бухары. Он также упоминает в этой связи долины рек Пянж и Сырдарья, что указывает на горную местность на юго-востоке от Ташкента.

Теперь нам следует изучить те завалуированные указания, которые Гурджиев оставил нам, чтобы желающие могли получить представление об учении, с которым он познакомился в монастыре между реками Аму-и Сырдарья. Об этом он местами открыто, а местами завалуировано пишет во Встречах с замечательными людьми.

Гурджиев не говорит ничего определенного относительно того, что ему удалось узнать во время своего трехмесячного пребывания в сарманском монастыре. Для такого быстросприимчивого человека как Гурджиев, три месяца - это довольно большой срок, и он вполне мог ассимилировать все, что его шейх счел нужным открыть. Вместе с тем Гурджиев нигде не говорит, как долго он еще оставался в монастыре после отъезда Князя Юрия. В другом месте он упоминает о двухлетнем пребывании в одном из монастырей Центральной Азии, и вполне вероятно, что он имел в виду именно этот сарманский монастырь.² Так или иначе, он однозначно дает читателю понять, что этот опыт имел для него колоссальное значение и что в монастыре ему были открыты секреты совершенно иного порядка, по сравнению с теми, которые он узнал в различных суфийских общинах.

Привлекая внимание читателя к "аппаратам", которые использовались для подготовки жриц, Гурджиев еще раз подчеркивает огромную важность "Закона Семи". Это были очень древние устройства, изготовленные из черного дерева, с инкрустацией из слоновой кости и перламутра. Поскольку черное дерево привозили из Африки, а перламутр из Индии, аппарат символизировал сочетание семитских и арийских техник. В комплект аппарата входили пластинки с паттерном (структурой) передаваемых идей. Пластинки были золотыми и, так же как и сам аппарат, очень древними. Аппарат включал в себя вертикальный столб, к которому было присоединено семь рук, и у каждой из этих рук было по семь суставов, напоминавших по строению плечевой сустав человека. На каждом из сорока девяти суставов и рычагов было по знаку. Положения устанавливались в соответствии с пластинками и выражались в позах и жестах

танцовщиц. Таким образом танцы играли роль языка, который был известен братии и позволял монахам узнавать истины, записанные тысячи лет назад. Судя по всему, у этих танцев не было никакого другого предназначения, и Гурджиев подчеркивает это сравнением с книгами.

* См. Встречи с замечательными людьми, Глава 7, стр. 149. ²
См. Вестник грядущего добра, стр. 20.

Гурджиев утверждает, что по мнению специалистов возраст пластин насчитывал по меньшей мере сорок пять веков. То есть это был приблизительно 2600 год до Р.Х., или указанный в главе о Погоссяне год основания Сарманского братства в Вавилоне. Кроме того, это совпадает также и с обозначенным в Рассказах Вельзевула периодом расцвета Тиклиамишской цивилизации, то есть Шумерского и Аккадского царств в Месопотамии, до хеттских набегов в конце второго тысячелетия до Р.Х. Даты указывают на время правления Саргона I, первого семитского правителя. Он много сделал для налаживания межгосударственных отношений, и при нем Киш, находившийся всего в пятидесяти километрах от Вавилона, стал одним из первых культурных центров. При этом, хотя Гурджиев и однозначно идентифицирует Тиклиамишскую цивилизацию с шумерами, он проводит различие между легендарным периодом - до разрушения культур сухими песчаными бурями в четвертом тысячелетии до Р.Х. - и историческим периодом третьего и второго тысячелетий. Слово "Тиклиамишская", так же как и многие другие термины в Рассказах Вельзевула следует рассматривать как в аллегорическом, так и в историческом смысле. В тех случаях, когда Гурджиев называет определенные даты и дает возможность привязать то или иное утверждение к известным историческим событиям, я думаю, что он тем самым призывает читателя предпринять исторический анализ, чтобы дополнить то или иное скудное описание.

Однажды в 1949 году я спросил Гурджиева, следует ли рассматривать некоторые истории из Рассказов Вельзевула в строго историческом контексте. Ответ был весьма категоричным: "В Вельзевуле все исторически достоверно". Он добавил кроме того, что просто необходимо вести поиск достоверных знаний о событиях далекого прошлого, причем не только, чтобы лучше понять сегодняшнюю ситуацию, но также и потому, что мы связаны с прошлым и должны уметь пользоваться этой связью.

Среди всех описаний того, что удалось обнаружить Гурджиеву в этом и других монастырях, он ни разу не упоминает о каких бы то ни было высших силах и вообще о возможности контролировать энергии, способные производить видимые изменения в мире. Если бы Гурджиев действительно считал Сарманское братство Внутренним Кругом в широком смысле той гипотезы, о которой шла речь в начале этой главы, он несомненно сказал бы об этом, или по крайней мере оставил бы какие-нибудь указания.

Эпизод с приглашением Князя Юрия свидетельствует о весьма распространенном влиянии. Он встречает старца в доме Ага Хана и ощущает, что тот каким-то образом связан с человеком, который посетил его в России много лет назад и поставил его на путь поиска. Исмаилиты, наследственным духовным лидером которых был Ага Хан, были тогда широко распространенным братством, оказывавшим огромное влияние на все части света. Хотя Гурджиев и нигде не упоминает этих названий, он наверняка встречал множество исмаилитов в своих долгих путешествиях.

Похоже, что Гурджиев либо не предполагал найти, либо вообще не искал Внутренний Круг человечества в широком смысле соответствующей гипотезы. При этом он несомненно верил в традиционную мудрость, сохраняющуюся не в книгах, а в опыте людей. Поиск, сохранение и передача "высшего знания" занимает настолько важное место во всех работах Гурджиева и его беседах с учениками, что было бы абсурдным допустить, что он не относится к этому со всей серьезностью.

Что же подразумевал Гурджиев под "истинами", доходящими до нас из прошлого? Он периодически напоминает о важности достоверной информации о прошедших событиях и о том, как трудно узнать ее откуда-либо еще помимо легоминизмов,¹ смысл которых доступен только посвященным. Эта информация нужна каждому поколению, чтобы преодолевать трудности, встающие на пути как развивающихся, так и переживающих упадок культур. Люди как правило склонны считать, что эти трудности уже никогда их не потревожат, поскольку "мир изменился". В то же время по мнению Гурджиева есть паттерн событий, который предназначен для регулирования эволюции человечества, но нормальное положение вещей постоянно нарушается нашей собственной эгоистичной глупостью и "неадекватными условиями существования".

Для того чтобы понять, что от нас требуется, мы должны хорошо знать не только себя, но также и "законы мирозидания и мироподдержания". По словам Гурджиева Ашиата Шиемаш назвал своим ученикам пять принципов правильной жизни. Он велел им:

¹ См. Рассказы Вельзевула, Глава 1, стр. 16.

Обеспечивать свое планетарное тело всем необходимым и полезным в условиях своего обычного бытие-существования.

Поддерживать в себе постоянное и неслабеющее стремление к самосовершенствованию в плане бытия. Расширять свои знания о законах мирозидания и мироподдержания.

Постараться как можно скорее отплатить за свое возникновение и индивидуальность, чтобы потом делать все возможное для утешения нашего Общего Отца в Его печали.

Всегда способствовать скорейшему развитию других существ до уровня индивидуальности.

Поиск, который Гурджиев продолжал в течение всей своей жизни, безусловно, представляет собой воплощение третьего принципа. Еще в детском возрасте он пришел к выводу, что в прошлом люди время от времени делали важные открытия в сфере функционирования мира, которые затем по большей части либо терялись, либо искажались. И поскольку знания о человеке и мире необходимы для ведения правильной жизни, часть наших усилий должна быть направлена на повторное открытие этих законов.

Судя по всему, во время своего пребывания в сарманском монастыре Гурджиев познакомился с удивительной системой мышления, которую он позднее отобразил в виде эннеграммы.¹ Я подробнее расскажу об этом символе и его значении несколько позже, а сейчас лишь отмечу, что в нем использованы свойства чисел три, семь и десять, причем таким образом, что в его халдейском происхождении сомневаться практически не приходится. Шумеры, или возможно их семитские соседи аккадийцы первыми стали использовать систему исчисления из первых шести цифр с цифрой шестьдесят в качестве основы и заметили, что цифра семь в нее не вписывается. Таким образом мы переносимся на сорок пять веков в прошлое, и попадаем в то время, когда по мнению Гурджиева было основано Сарманское общество. Вообще говоря, наука чисел в широком смысле этого слова зародилась в Месопотамии и развивалась в течение четырех тысяч лет с 2500 года до Р.х. по 1500 год от Р.х. К этому моменту братство переместилось в Согдиану, то есть в район Самарканда и Бухары. В принципе у нас нет поводов сомневаться в том, что Сарманское братство было основано в Кише по соглашению между арийской (шумерской) и семитской (аккадской) традициями приблизительно в 2400 году до Р.Х., при Саргоне I. Братство переселилось в Вавилон несколькими веками позже и стало развивать активную деятельность во время наиболее величественного, если даже ни самого прославленного периода в истории Вавилона, который увенчался правлением Хаммурапи.

Этот период в ближневосточной истории получил название Золотого Века мира и справедливости. По его окончании Сарманское братство переселилось на север в Хорсабад и лишь намного позднее возвратилось в Вавилон. Странные силы, которыми обладал Навухаданоср и его крах могли быть сопряжены с периодом активных взаимоотношений с братством, которые были прерваны из-за зависти священнослужителей Иштара. Насколько можно судить Сарманское братство тогда ушло в горы и вернулось лишь значительно позднее, когда Кир Великий покончил с властью ассирийцев и положил начало одному из редких периодов духовного оживления. Этот период включил в себя освобождение израильтян из вавилонского плена, распространение "нового закона" (Второзакония) и вероятно также появление в иудейских преданиях вавилонской трактовки сотворения мира и человека. Именно в это время Пифагор и Эпиминонд, два основателя греческой философии, побывали в

Вавилоне. Династия Акеменидов, основанная Киром, была первой династией со времени Хаммурапи, жившего ста тридцатью годами ранее, которая имела под собой истинно духовную основу. Однако сменилось всего два поколения, и от этой основы практически ничего не осталось. Покорив Египет в 524 году, внук Кира, Камбис, уничтожил культурный центр, существовавший там в течение тысячелетий, и увел с собой всех инженеров и работников искусства, которые могли обогатить и украсить Вавилон.

Кроме того, Камбис взял с собой священнослужителей, которые тогда были и учеными в одном лице. Гурджиев пишет об этом в 24 и 30 главах Рассказов Вельзевула. В связи с этим, было сделано весьма важное замечание, а именно, что "самая высокая по своему уровню школа из существовавших тогда на Земле была основана в Египте и называлась Школой материализации мыслей".¹ Материализация мыслей, или создание мыслеформ, является одним из главных методов, посредством которых можно влиять на события и предавать силы из одного места и времени в другие. Гурджиев впервые упоминает об этом несколько раньше, в связи с Обществом Ахалдан, переместившимся в Египет. "Симпатичный ассириец"¹, Хамолинадир,² рассуждавший о неустойчивости человеческого разума, хотя и прошел подготовку в "школе материализации мыслей", тем не менее явно понимал бесполезность развития умственных способностей в отсутствие определенной системы убеждений. Это подтверждает, хотя и не напрямую, что у Сарманского братства было более практическое понимание нужд человечества, чем у египетских мудрецов. Все это соответствует часто цитируемому утверждению Гурджиева о том, что в разных районах мира с незапамятных времен существовали различные школы. "В Индии - философские; в Египте - теоретические; в Центральной Азии и на Ближнем Востоке - практические".¹

¹ См. В поисках чудесного, стр. 285-94.

¹ См. Рассказы Вельзевула, стр. 232.

² Там же, стр. 235-7.

Однако не следует преуменьшать значение контактов между различными культурными течениями Вавилона в середине первого тысячелетия до Р.Х. На самом деле это обстоятельство стало одним из самых судьбоносных эпизодов в человеческой истории, последствия которого мы до сих пор ощущаем на себе. Главный центр Сарманского братства оставался в Вавилоне вплоть до событий 320 года до Р.Х. Тогда братство снова переместилось на север, чтобы избежать соприкосновения с Александром Македонским, "тем тщеславным греком", как его называл Гурджиев, и деградировавшим эллинистическим периодом, который предшествовал приходу Христа. Участие Сарманского братства в евангельской драме остается

нераскрытой тайной, если конечно не считать "мудрецов с Востока" из Евангелия от св. Матфея его членами.

Судя по всему, Ман, замечательный пророк третьего века от Р.Х. (родился в 216 году, принял мученическую смерть в 276 году) был определенным образом связан с Сарманским братством, тем более, что согласно Гурджиеву, братство в то время находилось в Нивсси, то есть наверное, в древнем Нимруде, который сегодня называется Мосулом. Ману принадлежала настолько значительная роль в сохранении традиционной мудрости, что остается только удивляться, почему Гурджиев нигде не называет его имени. Манихейское учение проникло на все уровни. Ман впервые в истории полностью поставил искусство и музыку на служение священной религии. Надо сказать, что литургия Григория и его Каппадокийской школы была заимствована из ритуального поклонения арийской традиции и основана на четырехступенчатом ритуале из гат Авесты. Вполне вероятно, что, создавая свою литургию, Ман в свою очередь опирался на митраические и христианские источники. Несмотря на то, что он умер довольно рано, его идеи имели колоссальное влияние.

По всей Европе, включая Англию, можно обнаружить свидетельства того, что манихейские идеи получили широкое распространение в период с тринадцатого по пятнадцатый век нашей эры. Они оказали влияние даже на жителей Центральной Азии, распространившись таким образом на север за Амударью. В то время как Гурджиев путешествовал по Центральной Азии, российская экспедиция в центральный район пустыни Гоби обнаружила в Турфане собрание рукописей, предположительно написанных Маном, и вне всяких сомнений принадлежавших его школе. К сожалению мне не удалось ознакомиться с переводом этих рукописей,

изданном в России, но о них наверняка знал Гурджиев, поскольку они напрямую относились к предмету его изысканий. Судя по нескольким прочитанным мной выдержкам, эти рукописи содержат учение о сотворении мира, значительная часть которого согласуется с тем, что Гурджиев пишет в Рассказах Вельзевула, и в первую очередь это относится к концепции взаимного поддержания. Гурджиев утверждает, что эту концепцию обнаружил один курдский философ пятнадцатого века в древней рукописи, написанной "неким древним ученым существом" и содержавшей гипотезу о том, что "по всей вероятности в мире есть определенный закон взаимного поддержания всего, что существует".¹ Поскольку это открытие напрямую связано с Собранием Просветленных, которое, по моему мнению, возможно, следует идентифицировать как Сарманское братство, мы таким образом получаем подтверждение его связи с Маном, жившим на двенадцать столетий раньше в верховьях Тигра, где предположительно родился курд Атарпах. Вообще же, можно найти множество таких связей. Тем не менее они не могут служить доказательством в полном смысле этого слова, и цель Гурджиева заключалась не в том, чтобы "доказать" что-либо, а

скорее в том чтобы побудить читателя начать свои собственные поиски и размышления.

Задача, которую ставит перед нами в этом случае Гурджиев состоит в том, чтобы определить место Мана в эзотерической традиции и выяснить, был ли он связан с Сарманским братством. Ман утверждал, что в двух духовных видениях, пережитых им в возрасте шестнадцати и тридцати лет, ему было возведено стать пророком Христа, посланным в мир, чтобы объединить религии. Он принимал доктрину искупления св. Павла, по считал, что многие исключительно важные для человечества аспекты учения Зороастра не вошли в Христианство. В частности, дуализм миров материи и духа, то есть предположение о том, что между ними нет ничего общего, проникло в греческую мысль и, будучи ассимилированным христианскими теологами, явно приближает упадок религии. Кроме того, Ман подчеркивал, что израильтяне, приняв доктрину Сао-шиан, или Божественного Спасителя, превратили ее в полуполитическое ожидание Мессии, который по их мнению должен был вернуть былое величие царству Иудейскому. Однако еще большей ошибкой было выделение в человеке на той же дуалистической основе бессмертной, духовной души и смертного физического тела. К сожалению пагубный дуализм, несмотря на всю свою нелепость, так и не был изъят из христианской доктрины.

Изучив зороастрийское и мнтранческое психологические учения, Ман прекрасно понимал все это, и оставил после себя внушительное количество последователей. Гурджиев в свою очередь критикует "вавилонский дуализм" практически в том же ключе, что и Ман.¹ Однако еще большие сходства между гурджиевским учением о сознательности и концепцией "зова Свыше" Мана, которая была изложена в рукописи, найденной в Египте и предположительно была написанной лично им. "Зов сознания" - это призыв доброго духа, Аюры Мазды, к пробуждению человека от его иллюзий.

¹ См. В поисках чудесного, стр. 15.

¹ См. Рассказы Вельзевула, стр. 1096.

О связи между Маном и Сарманским братством свидетельствуют описание жизни Мана, его учение и его местожительство, а также указание Гурджиева на то, что главный центр этого братства находился в Нив-си с четырнадцатого по пятнадцатый век. На раннем этапе своей истории Манихейство было основной религией на внушительной территории, от Месопотамии до Ирана и Кавказа, вплоть до установления армянского владычества, продолжавшегося с восьмого по двенадцатый век. И снова мы встречаем в этом случае три способа самосохранения. Одна часть манихейского наследия вошла непосредственно в армянское Христианство и сделала его столь непохожим на западное. Часть приверженцев переселилась на север, а часть ушла в подполье, появившись затем вновь в форме общины Иазиди и других сект, которые существуют и по сей день, представляя собой особую духовную

силу в этом районе. Тот интерес, который проявил армянский монах, записи которого Гурджиев и Погоссян обнаружили в руинах Ани, наилучшим образом подтверждают то, что еще в двенадцатом или тринадцатом веке армянские христиане не считали Сарманское братство чуждым себе. Однако в последствии оно было вытеснено "византийцами", которые при Палеологе II вторглись в Ассирию и загнали ассирийское Христианство в горы.

Вполне вероятно, что в двенадцатом веке Сарманское Братство переселилось за Амударью во время активного развития Ходжагана, с которым братство несомненно поддерживало связи. Судя по всему, братство не решилось остаться в районе Амударьи, который в течение двух лет будоражили войны, и переселилось севернее на Сырдарью, бездонные известняковые пещеры которой оставались постоянно населенными в течение последних десяти тысяч лет. В связи с этим вполне вероятно, что рассказанная Еленой Блаватской легенда об уединившихся Учителях, живших в огромных пещерах Центральной Азии, возможно имеет сарманские корни. Гурджиев (Встречи с замечательными людьми, стр. 148) утверждает, что братство было известно среди дервишей под названием "Сармун". Здесь же следует упомянуть о намеке, который он заложил в имени дервиша Богга Эддина, от которого в Бухаре Гурджиев узнал о Сарманском монастыре. Гурджиев всегда произносил букву h как g, по-

скольку ни в русском, ни в армянском, ни в греческом языках нет адекватного эквивалента буквы /?/. Поэтому Богга Эддином, он по всей видимости называл Бахауддина, основателя дервишеского ордена На-кибандийа, местом появления которого также была Бухара. В Рассказах Вельзевула встречается имя еще одного дервиша - "Ходже Зафир Богга Эддин". Сказанное выше дает основание предположить, что и это имя также основано на одном из известных мусульманских имен, которое произносится как Ходже Зафер Бахауддин. Сочетание Ходоке, производное от Ходжа и Зафер, означающего завоеватель, по-видимому говорит о том, что Гурджиев хочет указать на различия между внешним успехом Ходжагана и скрытностью Сарманского братства. Пещеры, в которых по словам Гурджиева он встретил "последнего по-настоящему великого мудреца на Земле", Ходжу Асваца Трува, по всей видимости были пещерами Сырдарьи. Это как раз та часть Туркестана, с которой он был лучше всего знаком. Как он и пишет, до этих пещер можно добраться от Бухары на лошади.

Я думаю в главе "Бухарский дервиш" Гурджиев рассказывает в том числе и о своем собственном контакте с этим источником знания. Вместе с тем он использует различные способы, чтобы скрыть этот источник. Во-первых в главе о бухарском дервише в качестве источника Гурджиев называет отшельника, жившего в пещерах на северо-западе от Бухары, а в главе о князе Любовецком в Рассказах Вельзевула Гурджиев пишет о монастыре на юго-востоке от Бухары в районе реки Пянж, одного из притоков Амударьи. Весь этот удивительный край, расположенный выше центрального плато Бухары, Самарканда и Ташкента, был и

остаётся домом нескольких весьма примечательных общин. Между Тирмидхом и Балхом был город, называвшийся Сармаджан или Сармаджин, расцвет которого пришелся на восьмой - четырнадцатый века. Пожалуй, это единственное место, название которого созвучно с Сарманским братством. В этом городе бывали китайские и индийские путешественники, и вполне вероятно, что в нем тогда располагался один из сарманских монастырей (В. Бартольд, История Туркестана вплоть до монгольского завоевания, 1958, стр. 73-4). Среди поселений различных общин в этом районе есть также монастыри братств, занимающих удачное положение вдали от торговых и транспортных путей, и я даже допускаю, что они могли сохранить свой обычный уклад вплоть до сегодняшнего дня. При этом я вынужден сказать, что собранные мной сведения не позволяют однозначно утверждать, что братство под названием Сарман или Сармун существовало в действительности, однако это никоим образом не противоречит гипотезе о существовании древней традиции, объединившей в себе много различных учений и о том, что в течение более чем тысячи лет центр этой традиции находился в Туркестане.

'Там же, стр. 338-45. буква h в английском языке дает звук, который произносится как среднее между слышимым выдохом и русским звуком х". Тем не менее по принятым ранее правилам реверберации, в основном ориентированным на немецкий язык, буква h при переводе должна заменяться на г, но в последнее время при переводе английских слов это правило к счастью соблюдается все реже, и используется буква х-(прим. перев.).

Если же мы допустим далее, что традиция долгое время была сопряжена с Центральной Азией и время от времени распространяла свое влияние на другие части света, а иногда, наоборот, возвращалась к своему источнику, то мы должны задать себе следующие вопросы: Что это за традиция? и Какую роль она играла во всеобщей истории человечества? В связи с этим мы должны будем обсудить два направления деятельности, а именно внедрение идей и образование энергии.

Обсуждая внедрение новых идей мы обратимся к 500 - 600 годам до Р.Х., когда произошли глубокие перемены в отношении людей к значению отдельной человеческой жизни. До того времени считалось, что бессмертие, открывавшее перед человеческой душой особые перспективы, было привилегией лишь очень немногих людей, тогда как к подавляющему большинству это никоим образом не относилось. Такая точка зрения самым явным образом проявляла себя в Египте, а также в древних шумерских учениях. Этот период в истории человечества я называю Героической или Полубожественной эпохой, поскольку тогда люди верили в существование на Земле полу-людей полу-богов, участь которых коренным образом отличалась от судьбы обычных людей. В определенном смысле это создавало ощущение защищенности, поскольку подразумевало существование людей, обладающих высшими силами и способных непосредственно общаться с богами, в чем и заключалось их особое положение. С этой точки зрения они были преемниками магов или шаманов, которые в свое время могли напрямую взаимодействовать с высшими, или духовными,

силами. Однако у этой идеи была и своя ужасная оборотная сторона. Я имею в виду те ситуации, когда привилегированное духовное положение сочеталось с деспотичной политической властью. Самая печальная ситуация в этом смысле сложилась в период власти ассирийских царей над всей Юго-западной Азией, к которому относится и время правления Навухадносора и его ближайших потомков, пока конец этому не положили персы, установившие после завоевания свой собственный режим.

Следует отметить, что ранее, например при Хаммурапи законодатель, а также в Шумерии, и во времена великих Египетских реформаторов, существовали законы, оберегавшие благосостояние людей, но они были не более чем проявлением милости правителя или фараона, или наместника богов, и только у него были настоящие права. Простые же люди по своей природе не обладали никакими правами, и как раз в основном их беспомощность и то, что они были низшей расой, вменяло правителям в обязанность защищать их и оберегать от несправедливого обращения. Тем не менее, пока эти законы оставались просто милостью полубожественных правителей, в любой момент их действие могло быть прекращено; сам же полубожественный правитель вполне мог стать безжалостным деспотом, что неоднократно и случалось в разных частях мира.

Идея, о которой идет речь, зародилась в Китае, Индии, Месопотамии, Египте, Греции и Риме приблизительно в шестом веке до Р.х. и была связана с такими именами, как Лао Цзы, Конфуций, Гаутама Будда, Махави-ра, Джайн, Зороастр, а также с еврейскими пророками Исхода, Солоном, Пифагором и другими греческими философами. Эти удивительные люди провозглашали право каждого человека стремиться к своему собственному спасению, работать над своим собственным развитием. Так возникла идея священности личности, постепенно распространявшаяся все шире и прочно удерживающая свои позиции в течение двух последних тысячелетий. Как бы часто мы сегодня ни отклонялись от этого принципа, и каким бы коварным и жестоким ни был наш мир, у нас сегодня совершенно иные представления на этот счет, нежели те, которыми жило человечество ранее шестого века до Р.Х.

Выше мы уже обсуждали то обстоятельство, что у всех этих пророков и основателей новых религий была возможность общаться между собой, что и происходило, по одним сведениям - в Вавилоне, а по другим - в городе Балх в северном Афганистане. Так или иначе, прозорливые и мудрые люди предпринимали совместные действия, целью которых было распространение в мире нового образа мышления. Является ли это действительно историческим фактом или нет, именно так, наверное, следует представлять себе деятельность Внутреннего Круга человечества. При этом нужно принимать во внимание то, что современники не видели ничего особенно значительного в этих событиях на фоне великих политических свершений происходивших в сфере завоеваний, образования торговых путей и научно-технического прогресса, след которых так хорошо отпечатался в истории двенадцатого — седьмого веков до Р.Х. Новые идеи, открывшиеся миру были

сначала восприняты лишь очень немногочисленными группами людей, но затем постепенно распространялись, отчасти благодаря собственной значительности, а отчасти в силу очевидности того преобразования, которое происходило с людьми, ответственными за их распространение. Именно поэтому появление новых идей всегда сопровождалось религиозным и духовным возрождением.

Люди, изучающие истоки великих религий обычно обращают свое внимание преимущественно на суть учений и действия их основателей, деятельность апостолов, взявших на себя задачу распространения учений, а также на последующие социальные и политические события, позволившие им развиться. Так, например, большинство историков считает важнейшими стадиями развития религиозной мысли принятие Христианства Римской империей, пропаганду Буддизма царем Ашокой в Индии и успех Аббасидского халифата в превращении Ислама во всемирную силу с центром в Багдаде.

Однако среди этих элементов зарождения новых религий одного все же не хватает: переход от деятельности небольших эзотерических групп к масштабной общественной организации, каковой является церковь, требует участия определенного вида энергии. Эта энергия должна быть накоплена и находиться под контролем людей, знающих как с ней обращаться. Это мы смутно предполагаем, когда слышим о мучениках и первых апостолах великих религий - о том, что они были способны делать и на какие страдания они были готовы идти ради собственных убеждений. Мы чаще всего приписываем это их личным принципам, а также силе их веры и характера. Тем не менее, происходило нечто большее, поскольку такие люди становились центрами образования энергий очень высокого уровня. Гурджиев хорошо это понимал. Его понимание процесса человеческой трансформации и истории человечества подразумевает невидимую деятельность высших энергий, благодаря которой возможна эволюция.

Итак, нам следует теперь рассматривать понятие Внутреннего Круга не только с точки зрения источника важных идей, которые в конце концов изменяют человеческое мышление, но и с точки зрения образования энергий высокого уровня. В Рассказах Вельзевула, в особенности в первой книге, Гурджиев утверждает, что роль человека на Земле заключается в том, чтобы быть аппаратом для трансформации энергии и что некоторые энергии, которые может вырабатывать человек, необходимы для космических целей. По его словам, люди, которые знают, как образуются эти энергии, в полном смысле этого слова исполняют предназначение человека на Земле.

Таким образом, мы снова возвращаемся к вопросу о том, был ли Гурджиев лично знаком с людьми, не только понимавшими смысл трансформации энергий, но и активно ее осуществлявшими. Все написанное им в своих книгах указывает на то, что он не только считал эту задачу целью существования человека, но и знал многое о практических методах и практическом значении трансформации энергий. Если все это верно, то наверное в этом и

состоит самое убедительное доказательство того, что во время своих путешествий по Востоку Гурджиев нашел источник высокого уровня. Мы можем предположить, что этим источником были Учителя Мудрости, или Внутренний Круг человечества. Конечно это не означает, что Гурджиев получил доступ к внутреннему кругу этого источника, но, судя по всему, он смог узнать основные принципы учения и соответствующие практические методы. В связи с этим возникает вопрос, является ли понятие трансформации энергий только лишь особенностью системы Гурджиева, или же его следует рассматривать в более широком масштабе, например, применительно к великим мировым религиям?

В этой связи уместно вспомнить о древней христианской концепции передачи достижений. Согласно этой концепции, человек, уже достигший определенного духовного уровня может либо при помощи молитв и аскетизма, либо просто по чистоте своей жизни стать источником помощи для тех, кто не способен помочь себе. В первом случае, монахи или монахини могут способствовать раскаянию грешников, даже без их ведома и, возможно, даже вопреки их желанию. В другом случае происходит передача благодати, благодаря которой возможно духовное преображение тех, кто еще находится на более ранних стадиях духовной эволюции. Подобные же представления существуют также в Индуизме и Буддизме, согласно учению которых, достаточно войти в даршан праведного человека, чтобы обеспечить себе постоянную помощь в духовном развитии. Одно из преданий Ислама также гласит, что уже просто общение, сахбат, с человеком высокого уровня духовного развития может преобразить того, кому посчастливилось с ним общаться.

Однако все эти представления не отражают механизм такой помощи другому человеку в той степени, в какой его отражает система Гурджиева. Гурджиев утверждал, что передача осуществляется посредством определенной субстанции или комбинации субстанций, которые вырабатываются более духовно развитым человеком и могут быть переданы другим. В Рассказах Вельзевула сказано, что эта субстанция вырабатывается путем сознательного труда и преднамеренных страданий, то есть того же самого, о чем говорит и религия: работы, аскетизма, жертв и молитвы.

Вопрос в том, был ли сам Гурджиев связан с источником или центром выработки таких энергий. Ничего определенного по этому поводу он не говорит, но в 1923 году он рассказывал мне о людях, способных вырабатывать определенную субстанцию, которая может помочь другим людям достигать результатов, недостижимых без посторонней помощи. Он также сказал, что такие люди считались "особой кастой Внутреннего Круга человечества". Это обстоятельство особенно интересно в сопоставлении с представлениями христианского монашества о том, что такая передача достижений возможна при определенных условиях. Опять же существуют особые монастыри или ордена, основу деятельности которых составляют молитвы

за других людей, и в особенности за тех, кто признает себя грешниками.

Подобные представления можно обнаружить во многих традициях по всему миру. Разница же заключается в том, что Гурджиев, похоже, нашел конкретное объяснение этого процесса и даже научился сам вырабатывать соответствующую энергию. Он часто говорил о так называемом ханбледзоине, или энергии жизни второго тела, то есть тела кесджан.¹ Он также называл эту энергию кровью тела кесджан. Гурджиев утверждал, что сам мог вырабатывать ханбледзоин в количествах, превышавших нужды его собственного духовного развития, что давало ему возможность передавать ее другим людям. Иногда, когда кто-нибудь не справлялся с трудным заданием, Гурджиев говорил: "используйте мой ханбледзоин, и вы сможете выполнить эту работу". Таким образом, Гурджиев называл себя источником высшей энергии, которую могли использовать другие люди. Кроме того, хотя и не настолько же определенно, он давал понять, что контактировал с высшим источником и что благодаря этому контакту работа, за выполнение которой он нес ответственность, получит дальнейшее развитие во всем мире.

В одной из чрезвычайно интересных бесед за несколько месяцев до своей смерти Гурджиев высказался на этот счет довольно загадочно, но вполне определенно. Он сказал, что в то время происходило формирование организации, в которую могли войти только те люди, уровень духовного развития которых позволял вырабатывать высшие энергии. В свою очередь те, кто был способен взаимодействовать с этой организацией, должны были получить возможность участвовать в образовании и передаче высших энергий. Гурджиев говорил об этом как бы от третьего лица как о чем-то происходившем и известном ему, с чем он был связан, но не в качестве главного действующего лица, то есть руководителя или основателя. Я думаю он хотел показать нам, что после его смерти в том случае, если мы будем достаточно подготовлены и способны выполнять необходимую работу, у нас по всей видимости будет возможность связаться с этим источником и в свою очередь стать звеном передачи этой высшей энергии тем людям, которым она необходима.

В заключение этой главы мы должны обсудить еще одно, пожалуй, самое важное описание деятельности Внутреннего Круга. Я имею в виду Четвертый Путь о котором так часто говорил Успенский, но упоминаний о котором нет ни в одной из собственных книг Гурджиева. Гурджиев придавал слову "путь" особое значение, подразумевая под ним трансформацию, переводящую человека из Внешнего Круга во Внутренний. Наверное многим из вас знакомо буддийское понятие марга, то есть путь освобождения, однако Благородный Восемиступенчатый Путь коренным образом отличается от гурджиевского Четвертого Пути. Отличие прежде всего заключается в том, что в Буддизме нет концепции Внутреннего Круга человечества. Четвертый Путь не имел бы смысла, если бы не было Внутреннего Круга, к которому он ведет. Тем не менее еще важнее обратная ситуация, то есть то, что Четвертый Путь может находиться в активной

или пассивной фазе, в зависимости от решения Внутреннего Круга, соответствующего нуждам человечества. Приняв эту точку зрения, мы делаем выбор в пользу довольно широкой трактовки гипотезы Внутреннего Круга. У тех из нас, кто в начале 20-х годов стал учениками Гурджиева и Успенского, не было никаких сомнений в том, что мы были приняты в школу Четвертого Пути. Единственное, в чем мы сомневались, так это в том, что мы были достаточно подготовленными к раскрывшимся перспективам.

' Там же, глава 4 (об астральном теле).

С тех пор прошло почти пятьдесят лет, и сегодня все кажется уже не настолько однозначным. Вполне очевидно, что наша работа действительно соответствовала тем методам, которые Гурджиев приписывал школам Четвертого Пути. Тем не менее не все столь же очевидно в отношении цепочки преемственности. Не вдаваясь сейчас в обсуждение собственно миссии Гурджиева, что непременно будет сделано несколько позже, я полагаю, можно со всей уверенностью утверждать, что Гурджиев действительно верил в существование Внутреннего Круга в довольно широкой трактовке этого понятия. В 1953 году во время своего путешествия по Ближнему Востоку и Центральной Азии я предпринял поиск подобных организаций, не связанных с Гурджиевым. Я познакомился с деятельностью нескольких школ дервишей Накибандийа и обнаружил, что эта организация и ее методы на удивление точно соответствуют гурджиевскому описанию. Сам Гурджиев всего лишь один раз упоминал о Накиши, в связи с демонстрацией движений в 1923 и 1924 годах. Орден Накибандийа известен как продолжатель работы Ходжагана, и дервиши, к нему принадлежащие, так же занимаются практической работой на благо общества. Это считается одной из отличительных особенностей школ Четвертого Пути. Кроме того они придают особую важность гармоничному развитию всех аспектов человеческой природы. Однако еще больше меня удивило то, что каждый дервиш этого ордена, с которым мне довелось беседовать рассказывал мне о "высшем учителе", которого я мог бы встретить на своем пути, если бы был достаточно настойчив в своих поисках. Хорошо известно, что, хотя Накибандийа и является самым многочисленным и распространенным из суфийских орденов, никто не знает или не хочет рассказывать о его иерархии или центральных группах. Это дает нам возможность предположить, что орден Накибандийа тем или иным образом связан с настоящим Внутренним Кругом.

В конце концов я должен сказать, что не все так просто, как бы хотелось. Если Внутренний Круг в действительности существует, он не может быть чисто мусульманским. Значение этой группы людей заключается в их миссии. Чем больше мы осознаем духовную реальность, тем больше убеждаемся в том, что в мире сегодня разворачивается чрезвычайно важное действие. Перед нами стоит задача помочь человечеству совершить трудный и опасный переход к новой эпохе. Если нам удастся показать, что Гурджиев преследовал именно эту цель и более того дал нам возможность участвовать в этой

деятельности, это будет серьезнейшим свидетельством его связи с Внутренним Кругом.

Глава 4

Поиски ГУРДЖИЕВА

Ни у кого из встречавшихся лично с Гурджиевым, не возникало сомнений в том, что это был необычайный человек. Те же, кто знал Гурджиева лучше, были убеждены в том, что он был величайшим человеком, и многие верили в чрезвычайную важность его миссии. Вместе с тем в книгах о Гурджиеве и рассказах знавших его людей, меня поражала всеобщая тенденция рассматривать его как обособленный, уникальный и самодостаточный феномен. Сам Гурджиев всегда выступал против подобного к себе отношения. Я неоднократно слышал от него следующее: "У каждого человека должен быть учитель. Даже у меня, Гурджиева, есть учитель". Иногда он прибавлял: "Я никогда не разлучаюсь со своим учителем; даже сейчас я общаюсь с ним". В отличие практически от всех остальных писавших о Гурджиеве людей Успенский очень интересовался его биографией и источниками его учения. Успенский был убежден в том, что Гурджиеву как-то удалось найти следы древней школы мудрости и собрать фрагменты ее учения в единую "систему", которая и легла в основу его собственного учения.

После смерти Гурджиева в 1949 году, некоторые его ближайшие последователи предприняли ряд поездок на Восток в надежде установить контакт с источниками его учения. Мадам де Зальцман сказала мне, что Гурджиев оставил ей один адрес в Кабуле, и как-то предложила мне отправиться туда вместе с ее сыном Мишелем, но этим планам не суждено было осуществиться. Насколько мне известно, ни одна из поездок не дала положительных результатов.

В недавно опубликованной книге,¹ автор, воспользовавшийся псевдонимом, утверждает, что ему удалось обнаружить источники гурджиевского учения и даже лично пообщаться с некоторыми из его учителей. Поскольку автор пишет, что его писки пришлись на шестидесятые годы, очень маловероятно, чтобы кто-либо из "учителей" Гурджиева был тогда еще жив, так как сам Гурджиев начал свои странствия семьдесятю годами ранее. Книга, написанная в форме рассказов, явно выражает точку зрения автора, но никак не может считаться источником подлинной фактической информации. Часть из приведенных в книге эпизодов заимствована из других источников, а часть представляет собой весьма занимательные измышления. Очень жаль, что некоторые читатели, незнакомые с обычаями азиатских народов, приняли все написанное в книге буквально и были введены в заблуждение утверждением, что Гурджиев не принес человечеству ничего ценного. То, что эта книга разошлась довольно большим тиражом, делает еще более важным пересмотр истории поисков Гурджиева с позиции собственно миссии Гурджиева и той информации, которую мы можем

собрать о положении дел на Ближнем Востоке и в Центральной Азии в конце девятнадцатого века и первой декаде двадцатого.

1 Рафаэль Лефорт, Учителя Гурджиева.

По словам Успенского Гурджиев в свое время предупреждал, что нельзя доверять учителю, если он не поддерживает контакт, хотя бы и опосредованный, с источником своего учения. Эти слова лишний раз подтверждают важность наших поисков. В предыдущей главе я уже приводил доводы в пользу того, что школы мудрости в Центральной Азии не были настолько тайными и недоступными, как об этом пишут теософы. В этой главе, намеренно не обращаясь к гипотезе Внутреннего Круга, я буду обсуждать только те источники гурджиевского учения и сведений о его жизни, подлинность которых можно установить наверняка. Гурджиев искал "скрытое знание" а не "тайную силу". Мой собственный скромный опыт дает мне основания утверждать, что и сегодня можно найти отдельных людей и группы, чьи знания и возможности происходят из школ мудрости. При этом большинство из тех, с кем я был лично знаком, принадлежали к ордену Накибандийа или другим суфийским тарикатам, непосредственно связанным с Ходжаганом. Конечно, во времена поисков Гурджиева было больше возможностей, чем сегодня. Кроме того, он провел по крайней мере двадцать лет в путешествиях и обладал необычайными способностями в том, что сам он называл "проникновением в так называемые святая святых практически всех закрытых организаций, в том числе религиозных, философских, оккультных, политических, мистических, различных конгрегации, партий, союзов и т.п., недоступных для обычных людей, а также беседами и обменом мнениями с бесчисленным количеством тех людей, которые в отличие от других по-настоящему авторитетны".

Даже учитывая все эти качества, для людей, глубоко изучивших гурджиевское понимание человека, вселенной и Бога (как он говорил), остается удивительной загадкой то, что он смог свести воедино так много новых и революционных концепций. В 1950 году замечательный ученый и писатель Дени Сорат, директор лондонского Французского института, написал мне о своем выводе, что некоторые части учения Гурджиева "не могли иметь земное происхождение. Либо ему было открыто то, что открывается только пророкам, либо он поддерживал связь со школой на сверхъестественном уровне".

Весь спектр точек зрения на деятельность Гурджиева можно разделить на две основных группы. Большинство из тех, кто писал книги, основанные на своем личном опыте в качестве учеников Гурджиева, описывали его деятельность как деятельность отдельного человека и не смотрели дальше этого. Экстраординарное учение Гурджиева они считали его собственным достижением, и хотя он использовал различные традиционные источники, все собранное им было изменено до такой степени, что получившуюся систему можно считать совершенно новым творением. При таком подходе, поиск источников был бы чисто академическим изысканием, значение

которого было бы невелико. Эти ученики считали важным сохранить все, чему учил Гурджиев, в неизменном виде и этим ограничиться.

Второй подход раскрывает перед нами более широкие перспективы. Если Гурджиев нашел школу, а может быть и не одну школу, на сверхъестественном уровне, то такие школы должны быть и сейчас, и значит они всегда были и всегда будут. Если это так, то у нас есть надежда связаться с ними. Гурджиева таким образом следует считать путем, а не целью: муришидом, то есть тем, кто показывает путь, а не аватаром — воплощением цели.

Гурджиев говорил о себе неоднозначно. Иногда он практически называл себя аватаром, космическим индивидуумом, воплотившимся чтобы помочь человечеству. Некоторые его ученики верили в это и, пожалуй, слишком буквально понимали его высказывания, цель которых иногда заключалась скорее в том, чтобы шокировать, а не сообщить что-либо существенное. Однако даже если отбросить такую трактовку, роль Гурджиева все равно остается незаурядной. Он показал реальность деятельности Учителей Мудрости на уровне истории человечества. Для жителей Азии это понятие отнюдь не является чем-то новым, поскольку вера в людей, превратившихся в сверхлюдей, распространена там почти повсеместно. На Западе же эта концепция приобрела революционный характер, и ее восприняли только люди с нестерпимой жаждой чудес. Вместе с тем, сохранив центральный элемент этой веры, Гурджиев отбросил сопутствующие оккультные и эмоциональные наслоения. Отчасти этой цели ему удалось достичь при помощи книги Встречи с замечательными людьми, но основная заслуга принадлежит его практическим методам, которые показали нам, что достижение высших уровней сознания и бытия вполне возможно при наличии определенных условий и готовности посвятить себя работе над этим.

¹ Вестник грядущего добра, стр. 17.

Первый этап поисков Гурджиева был связан с рядом странных феноменов, которые ему доводилось наблюдать в детстве и которые никто не мог объяснить ему. Среди них были феномены, обычно происходящие на спиритических сеансах, а также ясновидение и телепатия. Кроме того на его глазах совершались чудесные исцеления, и дождь начинал идти в ответ на молитву. Все это происходило, когда Гурджиев был мальчиком лет восьми - одиннадцати, то есть между 1885 и 1888 годами. Во всех описаниях этих событий присутствует один общий элемент, который часто ускользает от внимания читателей, считающих, что все эти феномены носят чисто психологический характер. Гурджиев особенно выделяет ситуации, в видимой стороне которых нет ничего неестественного, но которые не могут быть объяснены известными нам законами физики и биологии. Этим Гурджиев хочет показать, что должны быть субстанции, отличающиеся от субстанций физического мира, и что сами эти субстанции и их трансформации должны подчиняться иным

законам. В гипотезе об "истерии", предложенной доктором Ивановым в качестве объяснения феномена езидского мальчика, который не мог покинуть начерченный вокруг него на земле круг, Гурджиев высмеивает распространенную тенденцию придумывать названия для необъяснимых феноменов и далее относиться к ним как к чему-то уже объясненному. Другими словами, на первом этапе своих поисков Гурджиев расставляет акценты и формулирует суть проблемы: "Если есть феномены, в реальности которых у нас нет оснований сомневаться, но которые, тем не менее, невозможно объяснить с позиции общепринятой системы концепций, значит с этой системой что-то не так, и нам следует сменить ее".

Гурджиев утверждает, что "в библиотеке военного госпиталя в Карее не было ни одной книги по неврологии или психологии, которую бы он внимательнейшим образом не изучил". К сожалению довольно трудно определить, к какому именно времени относится это утверждение. Относительно случая с езидским мальчиком Гурджиев пишет, что это произошло в 1888 году, и в этой же связи упоминает о том, что именно тогда он впервые попробовал спиртное. По всей видимости ему тогда было около одиннадцати лет, и вряд ли следует буквально понимать его рассказы о многочисленных прочитанных им к тому времени медицинских трактатах на русском языке, который он тогда только начал изучать. В другом месте Гурджиев пишет, что его учеба у отца Богачевского завершилась в 1891. Последний позднее становится Отцом Евлисси из Ессейского братства, от которого Гурджиев узнал о доктрине сознательности, ставшей одним из главных элементов его собственного учения о трансформации человека. Гурджиев всегда ставил во главу угла отличие морали, привязанной ко времени и месту, от сознательности, вечной и универсальной.

Гурджиев провел некоторое время в Иерусалиме и окружающих горных поселениях. По его словам рядом с Горой Испытания был ессейский монастырь, братии которого удалось сохранить древнюю мудрость. С Ессейским братством Гурджиев связывал некоторые из священных танцев, которые преподавал своим ученикам позднее. Он утверждает, что ему лично довелось "быть среди ессеев, большинство которых составляли евреи и что при помощи очень древней иудейской музыки и песен им удавалось выращивать растения всего за полчаса!" Подобную же историю мы читаем и в Рассказах Вельзевула, в главе о бухарском дервише. При этом некоторые из ритуальных танцев, которым Гурджиев приписывает ессейское происхождение, были основаны на семичленном цикле. Похоже, Гурджиев хочет показать, что этот цикл был связующим звеном между древними школами, к числу которых относятся Сарманское и Ессейское братства.

Гурджиев также пишет о посещении горы Афон, населенной тогда преимущественно русскими монахами, некоторые из которых были Старцами, то есть Учителями. При этом Гурджиев не упоминает о легенде, которую мне рассказывали не только в Греции, но и в Азии, согласно которой на Афоне был центр братства, открытого для всех религий и знавшего секрет

Второго Пришествия Христа. Я думаю, что если бы Гурджиев нашел подтверждение этой легенде, то непременно упомянул бы о ней, пусть даже косвенным образом. Из других источников мы знаем о тесной связи Гурджиева с православными монахами и учителями. Восточная Церковь располагает замечательными духовными упражнениями, некоторым из которых Гурджиев обучил своих учеников. Он также пишет о своем путешествии в Абиссинию с профессором Скрид-ловым. В Абиссинии Гурджиев провел три месяца, после того как обнаружил в Египте указания на важность коптской традиции. В конце своей жизни Гурджиев ни раз говорил об Абиссинии, называя ее даже своим "вторым домом", где ему хотелось бы провести свою старость. Кроме того он утверждал, что Коптская Церковь сохранила знание основ Христианства, утраченное Православным и Католическим его ответвлениями.

¹ См. Встречи с замечательными людьми, стр. 133.

Тем не менее Гурджиев не переставал искать людей, которые могли бы помочь ему понять все, что ему довелось наблюдать собственными глазами, и которые бы научили его жить в соответствии с объективной сознательностью, а не с субъективной моралью. Позднее Гурджиев утверждал, что ему удалось найти решение обеих проблем исключительно благодаря собственным изысканиям и с использованием всего того, что он узнал о человеческой физиологии и психологии, а также таких специфических методов, как гипноз и внушение. Он был ученым-экспериментатором в западном понимании этого слова. Однако Гурджиев не довольствовался изучением отдельных феноменов и стремился найти всеобъемлющую гипотезу, которая бы объединила множество феноменов. Ему все не удавалось найти то, что он искал, но он был готов посвятить долгие годы поиску "потерянного знания". Позднее он успешно учил людей достигать такого состояния сознания, при котором становятся понятными скрытые механизмы человеческой психики. Все это, безусловно, ни коим образом не принижает ценности поисков Гурджиева, и наоборот служит еще одним доводом в пользу их изучения. Таким образом, мы подошли ко второму этапу этих поисков, картину которого нам придется восстанавливать на основе еще более скудного материала, чем рассказы о детстве Гурджиева.

Гурджиев не считал нужным помочь нам в этом. Крупицы сведений рассыпаны по страницам его книг, а также в его беседах как с отдельными учениками, так и группами. Восстановить хронологию и географию его странствий было бы вообще невозможно, если бы он время от времени не упоминал об исторических событиях, которые могут послужить нам ориентирами. Давайте сейчас поговорим об одном казалось бы не очень заметном событии, которое, тем не менее, имеет большое значение, во-первых, как связующее звено между источниками его учения, во-вторых, как указатель на пути его поисков. В четвертой книге Третьей серии своих творений Гурджиев описывает три случая, в каждом из которых он был на волосок от смерти. Он пишет: "Даже не упоминая о многих других необычных для человеческого опыта событиях, которые имели место в весьма

замысловатом паттерне моей жизни, было бы достаточно вспомнить о преследовавших меня странных и необъяснимых проявлениях судьбы, которые заключались в том, что я был трижды ранен при совершенно разных обстоятельствах, причем каждый раз почти смертельно и каждый раз шальной пулей ... Первый из этих таинственных роковых случаев произошел со мной в 1896 году на острове Крит, за год до Греко-Турецкой войны".

Как известно в 1894 году было образовано тайное общество "Этники Этаиреа", целью которого была диверсионная деятельность в Македонии. Российское правительство, не скупясь, снабжало это общество деньгами и убеждало живших на Кавказе греков вступить в него. Это был 1895 год, когда ребром вставал вопрос о Крите. У меня не вызывает сомнений то, что Гурджиев вступил в Этники Этаиреа исключительно для того, чтобы ему было проще попасть туда, куда он хотел попасть, и, пробыв некоторое время в Египте, он действительно отправился на Крит. Он пишет, что через год, то есть в 1897 году, началась война между Грецией и Турцией. Что же могло интересовать Гурджиева на Крите? В главе "Мой отец" он упоминает легенду о "потопе перед потопом" и братство Имастун, центром которого был остров, ранее известный как Ханинн и находившийся "приблизительно там же, где сегодня находится Греция". Насколько мне известно, на древнеармянском языке слово "Имастун" означает "мудрый человек", или Учитель Мудрости, и я практически не сомневаюсь, что Гурджиев таким образом еще раз указывает на существовавшую по его мнению группу людей, которая, как он говорит, представляла собой "особую касту, распространенную по всей Земле".

В своих работах Гурджиев очень часто упоминает Атлантиду. Мисс Крауди утверждала, что Атлантида символизирует "сознательность", скрытую в бессознательной части человека и что другого значения у этого образа нет. Я думаю, что такая символическая интерпретация Атлантиды - это всего лишь одна из нескольких граней вложенного смысла, и вне всяких сомнений Гурджиев подразумевал также и буквальное понимание своих рассказов об Атлантиде. Я присоединился к нему в его последней поездке из Парижа к пещерам Ласко в Дордонии, где он хотел посмотреть знаменитые наскальные рисунки. Он сказал нам, что не согласен с Аббэ Бреилем, по мнению которого возраст этих рисунков составлял тридцать тысяч лет, поскольку "эти рисунки были сделаны членами братства, жившими там после гибели Атлантиды семь или восемь тысяч лет назад". Гурджиев связывал Атлантиду с "допесчаным Египтом", карту которого один армянский священник подарил ему недалеко от Нахичевани, города, который находился рядом с иракской границей, во время его первого путешествия Гурджиева с Погоссяном. Гурджиев вообще указывает на связи между Каиром, Иерусалимом и Критом в своих многочисленных упоминаниях о братстве Учителей Мудрости. В особенности интересно то, что он решил отправиться на Крит в 1896 году, сразу после того как Артур Эванс организовал первую экспедицию по поиску Миноса, в ходе работы которой выявились признаки существовавших связей между Критом и городами Месопотамии. Скорее всего, Гурджиев

узнал об этих исследованиях от археологов, с которыми он познакомился в Египте, в частности от профессора Скридлова, и наверное именно это побудило его вступить в Этайреа, чтобы увидеть все своими глазами. Шальная пуля, в результате ранения которой он был "в бессознательном состоянии привезен какими-то незнакомыми ему греками в Иерусалим" ознаменовала переход к следующему этапу поисков. Как я уже писал в первой главе, из Иерусалима Гурджиев отправился по суше через Анатолию назад на Кавказ. Учитывая все сказанное выше, можно сделать вывод, что Гурджиев не видел ничего зазорного в использовании политических обстоятельств на пользу своих изысканий.

Основной целью ряда путешествий, предпринятых Гурджиевым между 1890 и 1898 годами, было подтверждение вывода, к которому он пришел в возрасте четырнадцати лет о том, "что действительно было "что-то", что люди раньше знали, но что к настоящему моменту успели совершенно забыть".¹ Он также рассказывает о том, что вместе с Погоссяном они прочитали множество древних армянских книг и утверждает далее: "Мы потеряли всякую надежду найти хоть какой-нибудь ключ к этим знаниям в современных точных науках, современных книгах и вообще от посторонних людей, и сосредоточили свое внимание на древних книгах". В другом месте Гурджиев пишет, что в 1892 году он "пришел к однозначному заключению, что не было никаких шансов узнать то, что он хотел, у своих современников".² В то время ему должно было быть около пятнадцати лет.

Гурджиев достаточно подробно описывает свое первое путешествие с Погоссяном, чтобы можно было проследить его по карте. Целью путешествий был поиск следов Сарманского братства. Однако, получив карту допесчаного Египта, рядом с городом "З" (по всей видимости Захо), путешественники на удивление неожиданно свернули с намеченного пути, хотя были уже всего в двухстах километрах от "долины Изрумин", то есть по всей видимости именно той долины, в которой находилось и сегодня находится святилище Шейх Ади, главный центр езидов. Гурджиев называет езидов небольшой сектой, "распространенной в Закавказье, в основном в районе горы Арарат", тогда как на самом деле членов этой секты довольно много в Иране, Ираке, Курдистане и на Кавказе.

Гурджиев упоминает об одной армянской книге, Мерхават, в которой Сарманское братство названо "известной эзотерической школой, основанной согласно легенде, в Вавилоне в далеком 2500 году до Р.Х.". Если он ухватился за ниточку, ведущую к решению столь интересовавшей его проблемы, разве же он оставил бы свои поиски, если бы ни увидел на своей "карте допесчаного Египта" ключ к той же тайне? Судя по всему, приблизительно в 1896, то есть в возрасте девятнадцати лет, Гурджиев пришел к окончательному выводу о том, что действительно существовало общество "обладавшее великими знаниями, включавшими в себя ключ ко многим тайнам".

¹ См. Встречи с замечательными людьми, глава 2.

¹ Там же, гл. 87. См. Вестник грядущего добра, стр. 18.

Мосул, расположенный в четырехстах пятидесяти километрах к северу, находится рядом с Ниневией и Нимрудом, которые некогда были резиденциями ассирийских царей. Прежде чем отправиться на север, Сарманское Общество, по всей видимости, переселялось из одного из этих городов в другой. В этом уголке Земли у человека возникает сильнейшее ощущение традиции. Похоже, что Гурджиев возвращался на Кавказ именно через Мосул и пересек горную цепь по перевалу, через который так много завоевателей проникло в Сирию. Однажды я спросил у него, знаком ли он с армянскими записями о Хулагу, внуке Чингисхана в Мар Бехмен рядом с Мосулом; в ответ он рассказал мне об огромной важности этого района и о том, что согласно легенде здесь располагался Райский Сад с четырьмя вытекавшими из него реками. Кроме того он добавил, что Мосул когда-то был центром Сарманского Братства, унаследовавшего традицию общества, существовавшего со времени гибели Атлантиды.

Следующий вопрос, который нам следует обсудить - это интерес Гурджиева к Вавилону. Он побывал в нем дважды: один раз вместе со Скридловым, когда они возвращались в Абиссинию, и один раз вместе с Искателями Истины. Со Скридловым они побывали в Вавилоне в 1894 году и пробыли там три месяца. Это произошло именно в то время, когда он провел телепатический контакт с Обществом Приверженцев Легоми-низма, о котором шла речь в 24 главе Рассказов Вельзевула. Тогда же немцы предприняли свои грандиозные раскопки и с молчаливого попустительства турецких властей собирались разрушить удивительные Ворота Иштар и многие другие монументы, олицетворявшие величие Вавилона в седьмом веке до Христа. В то время реставрацией практически никто не занимался, и стены персидского Вавилона оставили стоять нетронутыми. Хотя к тому моменту, когда я побывал в этом городе в 1953 году, крыши и верхние этажи зданий уже были разрушены, ощущение присутствия в населенном городе все еще было сильным. Оно вероятно было еще сильнее, когда Гурджиев приехал туда в 1894 году. Живое описание Общества Приверженцев Легоминизма, которое Гурджиев приводит в Рассказах Вельзевула, по-видимому основывается именно на впечатлениях от увиденного им в Вавилоне. Во второй раз Гурджиев должно быть побывал в Вавилоне в 1897 году, вскоре после критских событий. Он вскользь упоминает об этом в восьмой главе под названием "Еким Бей" своей книги Встречи с замечательными людьми.

Я думаю, что группа из четырнадцати человек под предводительством князя Юрия, проведя месяц в Багдаде, нашла там мало интересного, за исключением могилы Шейха Абдула Кадира из Джилана, основателя суфийского ордена Кадири. Большую же часть времени они провели в Вавилоне, пытаясь восстановить в своем воображении жизнь мудрых людей, которые жили там двадцать пять веков назад. Гурджиев считал историческим фактом легендарную встречу мудрых людей,

включая Пифагора и представителей его современников, Будды и Лао Цзы. На этой встрече были приняты важнейшие решения относительно главной идеи, которая должна была составить основу жизни человечества в следующей эпохе. Гурджиев утверждает при этом, что встреча была организована братством, основанным несколькими тысячелетиями ранее, после гибели Атлантиды.

Если верить написанному в Вестнике грядущего добра, Гурджиев в возрасте двадцати лет один отправился в Центральную Азию, и при помощи цирюльника нашел суфийский монастырь. В этом монастыре он пришел к выводу, что "ответы на интересующие меня вопросы ... если конечно они вообще могут быть осмыслены человеком, следует искать в подсознательной сфере человеческого мышления". Затем он возобновил свои странствия и, судя по всему, решил объединить усилия с группой Искателей Истины, которую возглавлял князь Юрий.

Постепенно зарождавшаяся надежда на то, что есть люди и общества, которые обладают подлинным знанием, легла в основу третьего этапа поисков Гурджиева. Его собственные рассказы об этих годах поиска во Встречах с замечательными людьми, Вестнике грядущего добра и книге Жизнь реальна, только когда "Я есть",¹ на первый взгляд кажутся безнадежно противоречивыми. Согласно первому источнику, основная роль в поисках принадлежала Искателям Истины. Это же подтверждается в книге Успенского В поисках чудесного, где о Гурджиеве сказано, что "преодолев много трудностей, он обнаружил источники этого знания вместе с группой других людей, как и он сам, искавших чудесное".² Тем не менее из других двух книг похоже следует, что Гурджиев нашел то, что искал, благодаря собственным усилиям и в особенности собственным экспериментам с людьми. Последний фактор подтверждает и Успенский, в книге которого Гурджиев говорит, что "еще в весьма юном возрасте он совершил несколько продолжительных путешествий по Востоку ... в ходе которых стал свидетелем многих феноменов, убедивших его в существовании знаний об определенных силах и способностях, превосходящих обычные возможности человека. Постепенно его поездки и путешествия стали обретать одну определенную цель. Он начал поиски знания и людей, которые этим знанием обладают".

Далее я буду называть эту книгу Третьей серией. См. В поисках чудесного, стр. 36.

Впрочем, эти противоречия на самом деле не имеют под собой реальной почвы. Дело в том, что книга Встречи с замечательными людьми, как и подразумевает ее название, повествует о людях, с которыми Гурджиев встречался и работал, и он не предполагал включать в нее описание своих собственных изысканий. В Вестнике грядущего добра Гурджиев напротив хотел рассказать о своем тяжком бремени и важности своих личных трудов, для того чтобы, по его словам, "осадить" тех, кто попытался бы заработать на его изысканиях. Третья серия более чем что-либо еще напоминает автобиографию; именно здесь

Гурджиев раскрывает факты своей личной жизни, о которых больше нигде не говорится. И все же многое осталось недосказанным. Многие в этом смысле можно почерпнуть из Рассказов Вельзевула, значительная часть которых носит явно автобиографический характер. "Вельзевул как профессиональный гипнотизер" безусловно олицетворяет самого Гурджиева. На фотографии, сделанной в то время, он одет как профессиональный маг (см. фотографии). Он объявил себя чудотворцем в Ташкенте и вне всяких сомнений исцелял там наркоманов и пьяниц, подобно тому как он делал это в Турции на моих глазах в 1921 году. По всей видимости у него была связь с российскими спецслужбами, что было практически единственным способом обеспечить себе возможность беспрепятственного передвижения в то весьма политически беспокойное время. В своих книгах Гурджиев практически не упоминает о своей политической деятельности, что вполне понятно. Единственным эпизодом, в котором говорится о политическом задании - это его поездка вместе с Погоссяном от имени Армянского националистического общества Дашнак Цутюн.

Вне всяких сомнений, в своих путешествиях по Центральной Азии, Афганистану, Читралу, Кашигарии и Тибету, Гурджиев опирался на российское правительство. Кроме того, его постоянные враждебные отзывы об Англии, и в особенности его нападки на тибетскую экспедицию Янг-хасбэнда в 1903 году, говорят о том, что у властей Британской Индии Гурджиев был не в чести. Я сам могу подтвердить, что в Нью Дели на него велось досье, так как в мою бытность офицером разведки в Константинополе в 1920 году я впервые узнал о Гурджиеве из телеграммы, которую получил из Нью Дели и которая предупредила нас о том, что "очень опасный русский агент, Георгий Гурджиев, будучи в Грузии обратился за разрешением приехать в Константинополь". Так случилось, что вскоре после этой телеграммы я был приглашен моим другом, принцем Сабахеддином на обед, где должен был познакомиться с его старым другом, которого он считал самым выдающимся человеком в сфере оккультизма и духовности. Этим человеком оказался Гурджиев и, как я написал в Свидетеле,¹ я очень скоро убедился, что он представлял гораздо большую ценность как источник подлинного знания, нежели как бывший агент царизма. Зная ситуацию на Кавказе в то время, нелепо было бы сомневаться в том, что у человека, которому удавалось получать всевозможные разрешения и свободно перемещаться по большевистским и социал-демократическим территориям, были тайные отношения с властями. Этот мой вывод много лет спустя подтвердил Сэр Пол Джэкс, гораздо лучше меня знавший ситуацию в России 1917 - 1920 годов.

То есть по всей видимости Гурджиев мог использовать возможности Российской Империи для осуществления своих планов, и ему даже удалось попасть на Тибет из Каракорума в то время, когда англичанин не смог бы попасть туда из Индии. Кроме того, судя по всему, он мог путешествовать в качестве целителя и чудотворца, и таким образом общаться в Центральной Азии с людьми, которые избегали русских как неверных и как угрозу для

независимости туркестанских ханатов. В Азии есть колоссальная разница между теми людьми, которых терпят и теми, которых принимают. Принимают тоже по-разному. Большинство жителей Азии - люди по своей сути истинно духовные, и если они видят, что человек ведет искренний духовный поиск, то, невзирая на расовые и религиозные различия, открывают перед ним двери, о которых обычный путешественник вообще не будет догадываться. Это я понял на собственном опыте, побывав во многих азиатских странах, а Гурджиев был в гораздо большей степени способен вызывать у людей доверие и они с готовностью принимали его. За десять лет он мог получить то, о чем большинство путешественников вообще никогда бы не узнали. Но это еще далеко не все. Я уверен, что в Гурджиеве видели человека с особой миссией и оказывали ему помощь, которую бы не оказали никому другому.

Если перечесть все идеи, доктрины, методы и техники, которые Гурджиев принес на Запад, то возникает вопрос, могло ли вообще это быть сделанным одним человеком. Сам Гурджиев говорит об объединенных усилиях группы людей. Группа Искателей Истины состояла из пятнадцати - двадцати мужчин и одной женщины. В нее входили специалисты в различных сферах, объединенные общей потребностью найти "истинное знание". Два или три раза группа предпринимала общие "большие экспедиции". Кроме того люди, входившие в нее, путешествовали по двое и по трою. Иногда кто-нибудь задерживался в том или ином центре, если чувствовал необходимость глубже проникнуть в учение. В промежутках они встречались и обменивались впечатлениями. Однако похоже, что не все шло так гладко, как хотелось бы. От людей, называвших себя членами группы Искателей Истины, я слышал, что Гурджиев обособился от других и пошел своим путем. На моей памяти сам Гурджиев неоднократно говорил, что некоторые идеи он использовал для целей, которые не разделяло то братство, у которого он их позаимствовал. Успенский же часто высказывал предположение о том, что в определенный момент Гурджиев заблудился на пути своих поисков. Я думаю, что ему удалось проникнуть в недоступные для других членов группы центры, и он почувствовал себя обязанным воспользоваться открывшимися возможностями.

Дж. Г. Беннетт, Свидетель (книга опубликована на русском языке издательской группой Долгопольского Л. Н. в 1999 г.).

Вероятно маршрут первой большой экспедиции лежал через северную Персию и Амударью к окружающим ее равнинам и включал в себя Мерв, Самарканд, Бухару и Ташкент. По всей видимости, дальше путь лежал к горам, где заканчивалась железная дорога, поскольку после того, как группа разделилась Гурджиев возвращался через Андижан и Транскаспийскую железную дорогу. В ходе этого путешествия Гурджиев попал в места, где в течение нескольких веков главенствующее положение занимал Ходжаган и где тогда еще продолжали свою деятельность преемники Ходжагана - дервишеские ордена Накибандийа и Кадирийа. Человек, проделавший этот путь, не мог не слышать о живших по отдельности или в окружении

небольших групп последователей дервишах или шейхах. Во время моего собственного путешествия по этим местам уже в 1950-х годах, мне не раз приходилось слышать о суфийских учителях, с которыми мне очень рекомендовали повстречаться. Из таких встреч и бесед всегда выносишь что-то новое, однако разложить все по полочкам можно только практикуясь в услышанном. Этим наверное и объясняются перерывы между последовательными стадиями продвижения Гурджиева в своих поисках.

К 1899 году, будучи в возрасте всего двадцати двух лет, Гурджиев уже успел провести довольно много времени в одной афганской суфийской текке. Под текке обычно понимают центр, в котором можно получить обучение и руководство. Между текке и христианским монастырем есть несколько отличий. Во-первых, текке руководит шейх, достигший уровня Муриида, или Учителя. Иногда на это уходит двадцать, тридцать или дальше большие лет служения и подготовки. Шейх несет личную ответственность за духовное развитие своих мюридов, то есть тех, кто вверил себя в его руководство и подчиняется его решениям. Обетов, аналогичных христианским монашеским обетам здесь нет; однако между Муриидом и мюридом осуществляется акт взаимного принятия. Посвящение происходит посредством назначения мюриду зикра, или упражнения, в соответствие с его нуждами. Это же дает мюриду возможность участвовать в духовном действии, или барака, передающимся через шейха. Позднее мы с вами будем подробно обсуждать место барака в учении Гурджиева. Сейчас же нам важно выяснить, был ли Гурджиев когда-либо мюридом в полном смысле этого слова. По всей видимости он несколько раз получал посвящение, не привязывая себя к какому-либо конкретному тарикату. Его вероятно принимали как желанного гостя и видели в нем выдающиеся духовные качества, и поэтому открывали ему большинство, если даже не все, секреты текки. Меня самого принимали так в нескольких текке, и я знал, что мне открыли бы более глубокие тайны, если бы я был готов остаться в них на более долгий срок. Мне также приходилось слышать, что если я найду такую-то и такую-то текке в нескольких сотнях километров пути, то попаду к шейху более высокого уровня и смогу участвовать в более интенсивной барака.

По сравнению со мной, Гурджиев был гораздо более способным в плане проникновения в тайны Суфизма. Кроме того он потратил на это гораздо больше времени и его странствия пришлись на более благоприятный период, когда было проще путешествовать по странам Центральной Азии и Среднего Востока, чем после Первой Мировой Войны и Русской Революции. Он однажды сказал Успенскому (В поисках чудесного, стр. 37), что тогда истинное знание не было скрытым, и наоборот, люди, обладавшие этим знанием, стремились передать его тем, кто смог бы мудро им воспользоваться. До самого конца своей жизни Гурджиев живо воспринимал новые идеи и новые впечатления, и в молодости он должен был быть настоящим благословением для суфийских общин и тех людей, которых он встречал во время своих поисков. Впрочем, он должно быть был и порядочной занозой, поскольку никогда не скрывал своего намеренного упорства делать

все по-своему, невзирая ни на какие обычаи. Вполне вероятно, что он иной раз переступал черту, и его отсылали, так и не рассказав всего, что могли бы.

Теперь давайте снова обратимся к событиям 1899 года, когда, как пишет Гурджиев в "Материальном вопросе",¹ члены Общества Искателей Истины (в данном случае он дает такое название) готовились к своей последней "большой экспедиции по Памиру и Индии". Попутно он рассказывает невероятную историю о Великом Всемирном Конгрессе, который он созвал в Ашхабаде на Транскаспийской железной дороге. Далее среди прочих собственных афер Гурджиев пишет о том, как с выгодой приобретал, а затем, переделав, продавал женские корсеты в Красноводске, Кызыл Арвате, Ашхабаде, Мерве, Чарджуе, Бухаре, Самарканде и Ташкенте. Эта территория охватывает более тысячи километров, и Гурджиев утверждает, что за три с половиной месяца его прибыль составила пятьдесят тысяч рублей. Все эти истории по-видимому во многом преувеличены и приукрашены, однако даже Гурджиев не стал бы выдумывать некоторые из них на ровном месте. Ему тогда должно быть было около двадцати двух лет, и к тому времени он уже много узнал от дервишей, в особенности в афганской текке, но он еще не достиг главной цели своих поисков, то есть не нашел центр Сарманского братства.

¹ См. Встречи с замечательными людьми, стр. 252.

Маршрут еще одной экспедиции, о которой Гурджиев рассказывает очень мало, начинался в Оренбурге и лежал через Свердловск в Сибирь. В Рассказах Вельзевула он описывает легендарную цивилизацию, Маралплейсье, Культуру Северного Оленя, которая по всей видимости просуществовала с конца Ледниковых Периодов до потепления, начавшегося в седьмом тысячелетии до Р.Х., когда сибирская степь стала хорошо увлажненной и очень плодородной. Я думаю, что упоминание об "определенной цели, связанной с программой группы Искателей Истины", которая в частности опирается на красноречивые результаты археологических исследований профессора Скридлова, указывают на то, что у группы к тому времени уже были собственные представления насчет истоков того знания, которое они искали. Немногие тогда видели в Сибири плодородную почву для таких поисков. Возможно, что эту экспедицию группа предприняла на раннем этапе своей деятельности, может быть в 1895 году, то есть до того, как Гурджиев побывал на Крите и нашел там следы катастрофы 1500 года до Р.Х., но на мой взгляд вряд ли это так.

Изучив четыре экспедиции группы в Египет, Крит, Святую Землю, Судан, Абиссинию, Иран, долину Амударьи и, наконец, в Сибирь, я пришел к выводу, что Искатели Истины к 1899 году убедились в существовании школ мудрости в Африке, Леванте, Центральной Азии и северной Сибири. Это же подтверждается аргументами, которые я привел в четвертом томе Драматической Вселенной в пользу того, что в формировании современного мира приняли участие четыре независимых

источника культуры и языка. В Рассказах Вельзевула Гурджиев решил передать это в форме аллегорий и мифов, которые бы можно было интерпретировать по-разному. Тем не менее, похоже, что Гурджиев в этих описаниях хотел отразить именно существование центров культур в Африке, Леванте, Центральной Азии и северной Сибири. Если это действительно так, то смысл экспедиций в эти районы становится вполне очевидным, и кроме того у нас есть ключ к пониманию задач группы искателей истины. Важно также и то, что Гурджиев неоднократно подчеркивал археологический характер исследований, которые предпринимала группа, и то, что задача заключалась в поиске следов древней мудрости.

Последняя большая экспедиция стартовала в 1900 году и, как пишет Гурджиев в главе "Петр Карпенко" из книги Встречи с замечательными людьми, ее маршрут должен был лежать через Памир и Индию. В ходе этой экспедиции группа встретила одного афганского эзентавуран, что на туркменском диалекте означает "тот, кто работает над собой ради спасения своей души". Далее говорится, что этот человек подробно рассказал им об "астральном теле человека, его нуждах и возможных проявлениях, согласно закону". Вряд ли Искатели Истины могли попасть в Индию, поскольку, в то время многочисленная группа русских, пересекавших реку Кабул, вызвала бы подозрение у афганских пограничников и даже еще большие подозрения у властей британской Индии.

Поскольку Петр Карпенко умер двумя годами позже в России от смертельного огнестрельного ранения, экспедиция вероятнее всего возвратилась в Россию через Амударью и Среднеазиатскую железную дорогу. Гурджиев же по всей видимости остался, известно, что вслед за тем он появился на Тибете. Должно быть он был вовлечен и причем довольно серьезно в борьбу между Россией и британской Индией за влияние в Афганистане, Читрале, Кашмире и Тибете. В связи с этим он говорил, что был на Тибете за год до начала "Англо-Тибетской войны".

Перед нами таким образом встает довольно сложная задача определить, действительно ли Гурджиев сыграл значительную политическую роль в этих событиях. Мне приходилось слышать мнение о том, что Гурджиев был известен на Тибете как Лама Дорджиев. От самого же Гурджиева в 1949 году я услышал историю о том, как на тибетской границе он предъявил свои документы, заполненные на русском языке. По его словам, поскольку в тибетском языке нет звука "г", его имя переделали на "Дорджиев" и выдали пропуск на тибетском языке с этим именем. Затем Гурджиев рассказал одну из многих подобных историй, которая могла быть чистой правдой, а могла от начала до конца быть абсолютным вымыслом. Он рассказал о своей свадьбе на Тибете и том, что его старший сын стал ламой, и достиг такого духовного развития, что, будучи еще достаточно молодым, был назначен настоятелем одного из больших ламаистских монастырей. "Однажды, - сказал Гурджиев, - когда я жил в Париже, он приехал навестить меня в сопровождении свиты монахов. Они были поражены, когда он встал передо мной на

колени и попросил благословения. Пробыв около месяца, он возвратился на Тибет и по сей день возглавляет несколько монастырей".

Лама Дорджиев в свое время был послан в качестве эmissара Далай Ламы к царю Николаю II для вручения секретного послания, и следовательно Гурджиев должен был пробыть на Тибете довольно длительное время. Вообще же опубликованные фотографии Ламы Дорджиева, который внешне не имел абсолютно никакого сходства с Гурджиевым, делают всю историю неправдоподобной. Кроме того известно, что Лама Дрлжиев был детским наставником Далай Ламы, а эта задача в принципе могла быть возложена только на коренного тибетца, и скорее всего им был лама Рин-Почче, сопровождавший Далай Ламу в предыдущей инкарнации. Так или иначе, если бы это был Гурджиев, то он должен был бы оказаться на Тибете в возрасте двенадцати лет и прожить там по меньшей мере пятнадцать лет, с 1888 по 1903. Другими словами, эту историю о Гурджиеве не следует воспринимать буквально.

Возможно, впрочем, что Гурджиев воспользовался сходством имен, чтобы без особых трудностей посещать ламаистские монастыри, которые в противном случае были бы для него недоступными. Вне всяких сомнений он относился к ламаизму с большим уважением. В Рассказах Вельзевула он утверждает, что группа из семи лам обладала уникальными знаниями и духовными силами и что случайная смерть главы этой группы похоронила одну из надежд человечества. Кроме того в одном из наиболее примечательных духовных упражнениях Гурджиев поставил "ламу" на один уровень с Мухаммадом, Буддой и Христом, утверждая при этом, что где-то между Тибетом и Афганистаном сконцентрирована особая духовная сила.

Однажды Анна Дюрко по-детски спросила его, почему у него не было волос. Он ответил: "Там где я был, все были такими". Он добавил, что все были одеты в красные накидки, перекинутые через одно плечо, что у них были деревянные посохи и что они ходили по бесплодной земле. По ее словам, Гурджиев похоже рассказывал о том времени, когда он был ламой.

Определенным образом в этом смысле нам может помочь программа демонстрации "движений", которую Гурджиев показывал в Париже и Нью Йорке в 1924 году. Некоторые танцы и ритуалы он приписывал монастырям в Сари на Тибете, Максари в Афганистане, Кызылгане в Ке-рийском оазисе китайского Туркестана и Йанги Хиссаре в Кашигаре. Все это свидетельствует о его длительном пребывании в этих местах.

Это также напоминает нам и о словах Гурджиева в Прологе к Третьей Серии'. "В таком напряженном состоянии я прожил несколько лет, а затем, из-за моего злополучного физического тела мне пришлось пережить еще один год на грани смерти, когда в 1902 году меня ранила вторая шальная пуля. Это случилось в таинственных горах Тибета, за год до Англо-Тибетской войны. На этот раз моему злополучному телу удалось уйти от судьбы,

благодаря усилиям пяти отличных врачей, трое из которых имели европейское образование, а двое были специалистами тибетской медицины. Все пятеро были преданы мне. После четырех или пяти месяцев бессознательной жизни, для меня вновь начались годы постоянного физического напряжения и необычных психических переживаний". Далее Гурджиев пишет, что лечился он в Шинкьянге "на юго-западной окраине пустыни Гоби". По его словам это место располагалось недалеко от города Йанги Хиссар.

Таким образом, по всей видимости Гурджиев все же был не известным Ламой Дорджиевым, а русским политическим агентом. При этом он был вхож в ламаистские монастыри, где научился техникам контролирования энергии и получил в свое распоряжение возможности скорее психологического, нежели духовного характера, которыми тибетские ламы, пожалуй владеют лучшего кого-либо в мире. В пользу этого предположения говорит также и то, что Гурджиев связывал период своего познания тайн астрального тела именно с этим временем. С этим же наверное связано и использование Гурджиевым в Рассказах Вельзевула термина тело кесджан, для обозначения астрального тела в обычном понимании этого слова. Кесджан — это комбинация двух персидских слов, присутствующих в афганском языке.

Безусловно связь Гурджиева с войнами и революциями не ограничивались армянскими заговорами, восстанием критян против Турции и Англо-Тибетской войной. В прологе к Третьей Серии Гурджиев пишет о своем "настойчивом стремлении в течение того периода постоянно странствовать и бывать в тех местах, где в процессе сосуществования людей происходили такие бурные энергетические события, как гражданские войны, революции и т.п." Далее он пишет, что причиной этого было его единственное желание "понять подлинное значение и цель человеческой жизни". Гурджиев также пишет следующее: "Во время таких событий мне удалось собрать материал, позволивший мне подойти к достижению моей главной цели с большей сосредоточенностью, а значит и с большей продуктивностью. Кроме того, благодаря присутствию в моем автоматическом мышлении памяти о многообразных увиденных мной кошмарах, причиной которых были ужасные события, происходившие на моих глазах, а также впечатлениям, вынесенным мной из общения с различными революционерами нескольких недавних войн в Италии, Швейцарии и, наконец, Закавказье, во мне, помимо указанной выше главной Цели, мало помалу выкристаллизовалась еще одна непререкаемая цель. Эту новую цель моего внутреннего мира можно было сформулировать следующим образом: я должен любой ценой найти способ избавить людей от их тенденции поддаваться внушению, по причине которой они столь легко поддаются под действие массового гипноза".

Когда же Гурджиев впервые побывал в Европе? В рассказе о Мадам Витвитской (Встречи с замечательными людьми, стр. 126-7) он пишет, что побывал в Риме еще очень молодым человеком и видел ее за полтора года до одной из больших экспедиций Искателей Истины. Связывая эту поездку с

профессором Скридловым, Гурджиев дает понять, что предстоявшая экспедиция была Сибирской. Следовательно Гурджиев должен был оказаться в Италии и Швейцарии в 1896 году, незадолго до своих критских приключений, и вероятнее всего в качестве представителя Эт-ники Этаиреа, греческого революционного общества, о котором шла речь раньше.

Под событиями в Закавказье, о которых говорилось в эпизоде, приведенном выше, вне всяких сомнений следует понимать неудавшуюся русскую революцию 1905-го года. Русско-Японская Война, закончившаяся позорным поражением, обратила народ России против царского режима. Знаменитая атака ночью 5 февраля 1904 года, в которой у Порты Артура была уничтожена половина русского флота, вопреки замыслу не вызвала патриотического подъема. В июле дворцового министра Палева взорвали вместе с его каретой. Этот и многие другие теракты приписывались Союзу за Освобождение, который был основан Лениным в Лондоне. По всей видимости, следуя своему принципу проникать в "святая святых" каждого движения, Гурджиев вступил в кавказское отделение этого союза. Еще до того, как разразилась революция 1905 года Гурджиев получил ранение и вернулся в Центральную Азию. Однако его связь с революционным движением наверное не следует считать абсолютно безотносительной. Позднее он нередко говорил о несправедливости царского режима, что шокировало Успенского и других его последователей, относившихся к аристократическому классу.

Оправившись от полученного на Тибете ранения, Гурджиев возвратился к своей семье на Кавказ. Там он вне всяких сомнений принял участие в революционном движении, и вполне вероятно, что Джугашвили, грузинский революционер, позднее ставший известным на весь мир Иосифом Сталиным, был с ним в одной группе. Недавно было высказано предположение, что Сталин был царским агентом, что дает почву для весьма интересных спекуляций. Конечно же Гурджиев утверждал, что знал Сталина и даже учился вместе с ним. Было ли это правдой или вымыслом неизвестно, но Гурджиев настойчиво утверждает, что был ранен шальной пулей "в конце 1904-го года в Закавказье, недалеко от Чпатурского тоннеля". Возможно, что он одновременно был и революционером и агентом правительства. Когда я сам занимался подобными же вещами, мне доводилось знать нескольких людей, которые играли эту двойную роль без того, что Гурджиев назвал бы "переживанием каких-либо угрызений совести".

Прежде чем продолжить обсуждение этого самого опасного периода жизни Гурджиева, мы должны еще раз вспомнить о том, что он называл 1902 - 1904 годы "годами постоянного физического напряжения и необычных психических переживаний". Я думаю, что именно тогда он завершил процесс трансформации, который заключается в освобождении астрального тела, или тела кесджан, из-под зависимости от физического тела. В 1904 году цели и методы поисков Гурджиева явным образом изменились.

Возвращаясь к произошедшему близ Чиатурского тоннеля, расположенного между Тифлисом и Батумом, я вынужден полагаться в основном на рассказ самого Гурджиева. Он пишет следующее: "Говоря о третьей поразившей меня пуле, я не могу лишить себя возможности к удовольствию одних и неудовольствию других моих нынешних [1935 г.] знакомых открыто заявить, что эта третья пуля была выпущена в меня, конечно неосознанно, одним "милашкой" из тех двух групп людей, которые определенным образом подпали под влияние получивших власть "случайных выскочек", которые в свою очередь заложили, опять же конечно неосознанно, фундамент по крайней мере на сегодняшний день, по-настоящему "Великой России". Тогда же произошло столкновение между так называемой Русской Армией, состоявшей преимущественно из казаков, и так называемыми горцами".

По словам Гурджиева, он позднее связал эти события 1904 года с тем, что пережил 6 ноября 1927 года, а также с достижением поставленных им самим перед собой целей.

Он пишет: "В третий раз рядом со мной оказался только один человек, причем очень слабый". Далее следует чрезвычайно интересный рассказ о том, что он пережил в кавказских пещерах и его постепенном выздоровлении. Поскольку казаки тогда одержали верх и "прочесывали окрестности, арестовывая всех "подозрительных" жителей не местного происхождения", Гурджиев решил отправиться в Закавказье, и после ряда приключений стал продвигаться в сторону Центральной Азии. Сам он так пишет обо всем этом (Третья Серия, Пролог): "Преодолев всевозможные великие и малые трудности, я оказался в городе Йанги Хиссар на территории бывшего китайского Туркестана, где при помощи своих старых друзей запасся деньгами и оказался там, где я жил несколькими годами раньше, управляясь от шальной пули номер два.

Это место расположено на юго-восточной окраине пустыни Гоби, и как мне кажется его можно считать самым плодородным местом на Земле. Относительно же воздуха я могу утверждать, что он оказывает целебное и поистине очистительное воздействие. Если рай и ад действительно существуют, и от них распространяются какие-либо веянья, то воздух между этими двумя источниками должен быть похож на воздух тех мест, о которых я сейчас говорю. С одной стороны там земля, на которой процветают буквально все разновидности земных растений и животных, но тут же, бок о бок с этой плодородной почвой находится суций ад, растянувшийся на тысячи квадратных километров, где не только ничего не растет, но и вообще, очень быстро и бесследно гибнет все, что попадает туда из других мест. Я хочу лишь сказать, что на этом маленьком уникальном участке земной поверхности воздух, то есть наша вторая пища, трансформируется между силами рая и ада, и когда я тоже пребывал почти в безумном состоянии, во мне произошел процесс самообсуждения, относительно которого в моем сознании ... промелькнула идея, показавшаяся мне совершенно абсурдной".

Гурджиев вообще отличался непревзойденной способностью комбинировать в одном эпизоде фактический материал, психологический урок и информацию универсального характера, и приведенный выше отрывок не является исключением. Выраженный в нем универсальный принцип заключается в том, что божественная согласующая сила проявляет себя в ответ на переживание конфликта между радостью и страданием, или одновременное восприятие рая и ада. Под "очищением" следует понимать очищающее действие, порождаемое вовлеченностью человека в борьбу между "да" и "нет". С психологической же точки зрения речь здесь идет о трансформации эмоциональной природы человека через освобождение от "пар противоположностей". Астральное тело, или тело кесджан остается привязанным к физическому телу до тех пор, пока не завершается процесс его освобождения. При этом Гурджиев явно дает нам понять, что сам он достиг этого освобождения в возрасте тридцати двух лет, пережив два смертельно опасных состояния. Возраст тридцать два года в данном случае важен, поскольку согласно многим традициям именно в этом возрасте человек, которому суждено достичь высот совершенствования своей природы, проходит через "первое освобождение".

Гурджиев проходил тогда через стадию "кристаллизации", когда человек обладает силой единого существа, но еще зависит от своих Суцно-стных¹ характеристик. Сам он признает, что находился тогда в очень опасном состоянии. Его прозвали "Тигром Туркестана" и возможности, которые он получил в свое распоряжение до и во время своего пребывания на Тибете были скорее психологического, нежели духовного характера. Гурджиев хорошо понимал, что это было не то, что его интересовало на самом деле, и он также знал, что на следующем этапе ему предстояло пожертвовать значительной частью накопленного багажа.

¹ Два разных по смыслу английских слова - *essence* и *entity* переводятся на русский язык одним словом - "сущность". Во избежание путаницы, перевод слова *essence* (сущность как составляющая часть человека) здесь и далее пишется с заглавной буквы, а *entity* (сущность как существо) - с маленькой (прим. перев.).

В Третьей серии Гурджиев оставил нам удивительный рассказ об изучении своего собственного состояния и том решении, которое он принял. Без этого описания у нас было бы мало шансов понять произошедшие с ним перемены. Рассказывая о своем выздоровлении после второго огнестрельного ранения, Гурджиев связывает это с событиями, произошедшими после того, как он покинул Кавказ.

Спутники из группы оставили Гурджиева выздоравливать на Тибете, и по прошествии шести недель он был уже достаточно бодр, чтобы снова пуститься в путь и навестить своих родственников в Закавказье. В ночь перед дорогой, он незаметно для себя самого в окружении безмолвных гор стал размышлять о смысле и цели жизни, причем "в небывалой дотоле критической форме". Ему открылись недостатки предыдущих поисков, и он

увидел, как ему следовало тогда действовать. Внезапно он почувствовал резкую физическую слабость и попытался ободрить себя, облившись ледяной водой из бежавшего неподалеку ручья, однако это только сделало его еще слабее, и ему пришлось лечь. Вслед за этим ум Гурджиева необычайно оживился, и пришедшие к нему тогда мысли не покидали его в течение всей последующей жизни.

Гурджиев боялся, что ему предстояло вернуться к разочарованному состоянию, в котором он пребывал последние шесть месяцев и "не только переживать практически постоянную смену чувств от сожаления по поводу внутренних и внешних проявлений своего обычного бодрствующего состояния, до чувства одиночества, смятения, пресыщенности и т.д., но и все время испытывать ужас "внутренней пустоты"". "[Практически дойдя до границ возможностей своего ума,] я не мог достичь такого состояния, в котором бы "помнил себя", даже в такой степени, чтобы только приглушить автоматические ассоциации, порожденные наследственными факторами моей природы. Как только закончился запас энергии, позволявший мне оставаться в активном состоянии, ассоциации моего мышления и чувствования сразу же переменили свое направление на противоположные идеям, присутствовавшим в моем сознании С одной стороны очевидно, что следует "помнить себя" также и в процессе обычной жизни, но с другой стороны понятно, что должен быть определенный род внимательности, который бы в случае общения мы могли разделять с другими. За свою прошедшую жизнь я перепробовал все. Даже носил всевозможные амулеты, но ничего не помогало. Может быть когда я их носил они немного и помогали, но это было только поначалу, но как только я переставал их носить или привыкал к ним, все вмиг возвращалось в прежнее русло. Казалось что выхода нет ... но он есть; есть только один выход, и он заключается в том, чтобы пользоваться каким-то внешним "неусыпным фактором, фактором напоминания". Я имею в виду фактор, который бы всегда и в любом моем обычном состоянии напоминал бы мне о необходимости "помнить себя". Но что это! Неужели это может быть так?! Новая мысль! ... Почему я не могу и в этом случае обратиться к "универсальной аналогии?" И опять я обращаюсь к Богу!

Приведенные ниже цитаты взяты из Третьей серии.

Бог является носителем абсолютного добра; он вселюбящий и всепрощающий. Он Справедливый Умиротворитель всего существующего. Вместе с тем, для чего ему понадобилось отсылать от себя одного из своих ближайших и любимых сыновей, которому он сам дал жизнь, и отсылать исключительно за "путь гордыни", свойственный всем молодым и еще не сформировавшимся индивидуумам, и наделять его силой, равной его собственной силе, но противоположной по характеру? ... Я имею в виду "дьявола". Эта идея озарила состояние моего внутреннего мира подобно солнцу, и для меня стало очевидно, что для возможности гармоничного развития этого великого мира необходимо постоянное присутствие напоминающего фактора. С этой целью сам наш Создатель во имя всего им сотворенного

вынужден был поставить одного из своих возлюбленных сыновей в такое, в объективном смысле, обидное положение. Следовательно и мне тоже ради своего маленького внутреннего мира нужно найти в себе какой-нибудь любимый фактор и сделать из него аналогичный источник

Поразмыслив, я пришел к заключению, что если я преднамеренно прекращу использовать сознательно развитые мной в ходе жизни среди людей исключительные способности, то это и станет для меня как раз таким источником напоминания: я имею в виду мои возможности в сфере ханбледзоин, или, как это назвали бы другие, телепатические и гипнотические способности То есть, если я сознательно лишу себя этого заслуженного дара, то вне всяких сомнений постоянно и во всем буду чувствовать его отсутствие. До конца своей жизни я не забуду, в какое состояние ума я тогда вошел

Осознав смысл пришедшей ко мне мысли, я как будто родился заново; я вскочил и начал бегать вокруг ручья, ничего вокруг себя не замечая, как молодой жеребенок. В конце концов я решил при первой же возможности принести обет своей собственной сущности в обычном для меня состоянии ума никогда снова не использовать эти свои способности".

Второй раз оказавшись в тех же местах, Гурджиев пережил еще одну перемену своих жизненных целей. Мы уже обсуждали с вами, какой эффект оказало на него наблюдение ужасных последствий "массового гипноза" и то, что он поставил перед собой задачу найти способ избавления человечества от внушаемости. Это было драматичным отказом от его прежней цели получить знания и возможности, сохраненные школами мудрости. Причиной такого поворота событий отчасти было его решение отказаться от своих психологических способностей ради собственного блага, а отчасти - сострадание, которое было вызвано все углублявшимся осознанием драмы современного человека. Он видел, как человек находил все новые возможности овладевать природой и губить ее, тогда как его самоконтроль постоянно снижался, а внутренняя свобода исчезала.

Ни в одном источнике не упоминается о том, чтобы Искатели Истины предпринимали экспедиции после 1905 года. Поиски Гурджиева вошли в четвертую фазу, которая была направлена на понимание тайн человеческой психики. Гурджиев пишет, что отправился в "один дервишеский монастырь в Центральной Азии", где провел два года, изучая законы гипнотизма и внушения и прочие свойства бессознательной сферы человека. Я возьму на себя смелость предположить, что это была текка ордена Йесевиия, в которой Гурджиев мог много узнать об использовании музыки и ритма, в чем Йесевиты являются специалистами высокого класса. Вероятно именно там Гурджиев научился упражнению "стоп", о котором говорится в книге В поисках чудесного. (Арыки, или ирригационные каналы, упомянутые в этом эпизоде, как раз являются характерной чертой того района). Хотя в некоторых местах Гурджиев вроде бы дает понять, что работал самостоятельно, из других эпизодов

однозначно вытекает, что он принимал полноценное участие в жизни текке и научился многим техникам, которые позднее использовал в собственном Институте. Здесь я должен заметить, что, хотя Ахмед Йесеви и был одним из последователей Йусуфа Хамадани, его далеко не везде считают одним из Учителей Мудрости. Тесные связи современных йесевитов с Тибетом и Китаем кажутся чрезвычайно подозрительными более ортодоксальным суфийским братствам. Возможно этим и объясняется отношение знакомых мне шейхов ордена Накибандийа к Гурджиеву. В большинстве своем Учителя Мудрости, как мы знаем на примере Гудждувани, скептически относились к священным танцам и музыке.

В ортодоксальном Исламе Гурджиев не нашел для себя ничего привлекательного. Он утверждает, что вместе с сартскими дервишами совершил хадж к Мекке и Медине, но не вынес из него ничего существенного для своих поисков. Кроме того по его словам он убедился в том, что, если в мусульманской религии и есть что-нибудь, то это следует искать не в "святых местах", как принято считать, а в Бухаре, где с самого начала было сконцентрировано тайное знание Ислама, и именно этот город стал его центром и источником". Это на первый взгляд странное утверждение трудно было бы воспринимать всерьез, если бы не колоссальное значение Ходжагана и его преемников, суфиев Накибандийа, чьим центром до конца девятнадцатого столетия оставалась Бухара. Вообще говоря, у суфиев ордена Накибандийа нет текке, где бы они постоянно жили и работали под руководством шейха. Абд Аль-Халик Гудждувани в свое время сформулировал их принцип следующим образом: хальват дар анджумен, что значит "в миру, но не от мира". Они использовали внешнюю жизнь как способ развития своей внутренней жизни и поступают так до сих пор. Это один из аргументов в пользу того, что Гурджи-ев отправился именно в текке Йесевийа, и при этом позиции Йесевийа были сильнее в Ташкенте, чем в Бухаре.

Прямое подтверждение связи Гурджиева с Йесевитами вытекает из его бесед с Анной Дюрко. Рассказывая о народных танцах, Гурджиев упомянул о том, что в Ташкенте (он произносил это название как "Джашкент) были особенные танцы, но что еще дальше были совсем особенные танцы. Однако чтобы увидеть их нужен был палаликанина, что на санскрите и цыганском означает "поручитель". Там учили йесе-витским (Гурджиев говорил "йисефским")¹ танцам, и он нашел учителя, который мог учить при помощи танцев тому, чему другие учили при помощи книг. По словам Гурджиева лишь очень немногие люди знали язык символов. Затем он высказал очень важное утверждение, которое бы показалось удивительным любому человеку, но как ни странно оно было высказано ребенку, который по счастью запомнил его слово в слово: "Где-то символ, где-то техника, а где-то танец". Это как раз соответствует особенностям орденов Накибандийа, Джаллалийа и Йесевийа, что кроме того свидетельствует о их общем родстве с Ходжаганом через ниточки связь между которыми в противном случае осталась бы лишь предметом догадок. Далее Гурджиев сказал, что йесевиты² "учат танцам

так же как посадить семя в землю, но очень трудное. Это зеленое растение расти долго, потому что требуется много времени, очень много времени, чтобы давать фрукты; даже много воды не поможет расти. Иногда это трудное семя оставаться в земле долгое время - когда начинать расти, менять все; Весь пейзаж может меняться. Когда символ и техника расти вместе, тогда давать другое растение, тогда расти быстро для другой цели. Особый танец - священный - очень немногие могут танцевать. Когда символ, техника, танец сходятся в одном месте - тогда священный танец для совершенно особой цели".

¹ В оригинальном тексте настоящей книги есть некоторые терминологические отличия от изданной ранее работы Учителя Мудрости и в переводе использованы наиболее близкие к оригинальному тексту эквиваленты (прим. перев.).

² Гурджиев говорил на ломанном английском языке (прим. перев.).

Похоже, что Гурджиев хотел оставить этот ключ к своим поискам в таком тайнике, который бы воспрепятствовал преждевременно им воспользоваться. Я всегда чувствовал, что йесевиты имели для Гурджиева какое-то особое значение, но не находил этому прямого подтверждения, пока не прочел историю Анны Дюрко.

В период с 1905 по 1907 год Гурджиев вряд ли оставался все время в текке. В Центральной Азии дервиши все время странствуют, и если кому-нибудь из них требуется особая помощь, то его посылают к тому шейху, которого считают выдающимся Учителем. Гурджиев утверждает, что научился ритуальным танцам и ритмическим упражнениям, составлявшим столь важную часть его метода, в Ташкенте, Читрале, на Памире, в Кашгарии и Кафиристане. Все эти места расположены на сравнительно небольшом расстоянии от йесевитской текке, которая наверно находилась либо в самом Кашгаре, либо недалеко от него.

На демонстрации программы храмовых танцев в Париже в 1923 году Гурджиев упомянул о дервишеском ордене, который был основан в конце девятнадцатого века и главный монастырь которого находился в каш-гарском городе Танги-Хиссар. На всех тюркских диалектах Центральной Азии Танги-Хиссар означает "Замок Бога". По словам Гурджиева дервиши этого ордена называли себя: "Мы, выносящие свободу". Местные жители знали их как "Тех, Кто Отрекся". Орден составляли дервиши, ранее принадлежавшие к орденам Кубравийа, Кальджадарийа, Накибандийа, Джаллалийа и Кадирийа. Сочетание этих орденов довольно примечательно, поскольку в них не принято использование сама, или священной музыки и танцев.

Гурджиев также упоминал и религиозные упражнения монахов Мач-на, живущих в восточной части пустыни Гоби. Их традиция коренным образом отличается от традиции Кашгарского ордена. Монахи Мачна имеют общее происхождение с Йесевидами и тесным образом связаны с Тибетом и

Тантрическим Буддизмом. Многие из их храмовых танцев по преданию происходят из Тибета.

Великая Молитва, которая, как считается, была сложена этим орденом, представляет собой один из наиболее выдающихся примеров символического языка, и в то же время описанием различных хал, или "состояний", через которые проходит дerviши на пути освобождения себя от иллюзии существования.

Рассказывая о событиях 1907 года, Гурджиев сказал: "Я объявил себя "целителем" всех пороков и стал использовать результаты моих теоретических изысканий для работы с обращавшимися ко мне людьми, конечно же, оказывая им при этом реальную помощь.¹ В течение четырех или пяти лет я только этим и занимался, что соответствовало моей основной обязанности, вытекавшей из моего решения оказывать сознательную помощь страдающим и не использовать мои познания и практические возможности в этой области науки, иначе как на благо собственным исследованиям, и ни в коем случае не пользоваться ими в личных и эгоистических целях. В итоге я не только пришел к беспрецедентным и небывалым в наше время практическим результатам, но и прояснил для себя практически все, что мне было нужно".

На этом же этапе своих поисков Гурджиев по-видимому наконец оказался в одном из монастырей Сарманского братства. По его описанию невозможно точно сказать, когда это произошло. В частности он говорит, что это был "главный монастырь братства Сармунг", и там же он в последний раз видел князя Юрия, с которым был знаком уже тридцать пять лет. Последнее утверждение не следует понимать буквально, поскольку в то время самому Гурджиеву было не больше тридцати пяти. Следует отметить здесь, что книга Встречи с замечательными людьми написана не в форме единого изложения, а как серия портретов различных людей и описаний изолированных событий. Из этого однако не следует, что все это было выдуманно или что описанные события не вписываются в стройное описание поисков Гурджиева. Трехмесячное пребывание Гурджиева в сарманском монастыре явно относится к позднему этапу, поскольку сам он дает понять, что считал это большим достижением и признаком того, что в своем развитии он вышел за уровень того, чему можно научиться в дerviшеской текке.

Важность этого нашего исследования отчасти объясняется необходимостью найти источник удивительных космологических и теологических представлений, которые присутствуют в "системе" Гурджиева. Из наших предыдущих рассуждений можно сделать вывод, что, несмотря на всю свою мудрость и возможности, учителя Ходжагана не интересовались этими вопросами. В то же время выдающиеся астрономические и математические достижения ученых Бухары и Самарканда стояли в стороне от психологии Ходжагана и его служения людям. Изучением же того, что Гурджиев всегда называл "законами мироздания и миропод-держания", судя по всему, занимались исключительно центры, теперь уже закрытые для

обычных дервишей. В своих книгах Гурджиев рассказывает о своем друге Богга Эддине (русское произношение имени "Бахауддин") как о типичном дервише ордена Накибандийа или Кадирийа. Получив приглашение в сарманский монастырь, Гурджиев распрощался с ним. Роль же Соловьева фантастична от начала и до конца. Описание его смерти (дикий верблюд перекусил его шею в пустыне Гоби) путает всю хронологию. Возможно Гурджиев написал о нем именно в этом эпизоде только для того чтобы изящно вставить рассказ о соответствующей экспедиции. Вся группа Искателей Истины, включая нигде больше не фигурирующего "опытнейшего астронома Даштамирова", прекратила свои поиски, "хотя уже очень многое было сделано, чтобы найти тот легендарный город, который группа надеялась обнаружить в ходе этого путешествия". Как мне кажется, вся эта история представляет собой аллегорию о поиске "подлинного знания" где-то "там вовне", как если бы оно было скрыто в легендарном городе посередине пустыни Гоби. На самом же деле, сарманский монастырь находится "внутри", и он раскрывает свои секреты тем, кто может умереть сознательно, как князь Юрий.

Хотя Гурджиев вероятнее всего и подразумевал аллегорическую трактовку своего рассказа, он настолько детально описывает священные танцы жриц и процесс их обучения, что вряд ли следует ставить под вопрос реальность упомянутых событий. Когда мы сами стали изучать эти танцы, мы обнаружили, что некоторые из наиболее важных основаны на комбинации законов семи и трех, и в частности на эннеаграмме. Судя по всему, Гурджиеву довелось познакомиться с космологическими и теологическими идеями, к которым можно по праву применить эпитет "сверхъестественные" в понимании профессора Сората.

Теперь нам осталось обсудить период, начавшийся в 1907 году. Гурджиев сказал мне однажды, что провел долгое время в Ташкенте и его окрестностях, так как этот город был удобен в качестве места встречи людей из различных ханатов Туркестана, а также приезжих с Востока и Запада. В небольшой брошюре, которую Гурджиев издал в Константинополе в 1920 году, говорится, что свой Институт он основал в Ташкенте. Допустим тогда, что профессиональным гипнозом и чудотворством Гурджиев занимался с 1908 по 1909 или 1910 год. Сам он утверждает, что решил "использовать мои исключительные для современного человека познания в так называемых "сверхъестественных науках", равно как и навыки проделывания различных "фокусов" в сфере этих так называемых наук, и объявить себя так называемым "учителем-инструктором" в этих псевдо-научных областях". В качестве причины такого своего решения Гурджиев ссылается на растущее сумасшествие по поводу "окультизма, теософии, спиритизма" и т. п. Он решил войти в контакт с людьми, принадлежавшими к тому, что он называл "этими крупными организациями, в которые люди объединяются ради достижения определенных результатов путем изучения упомянутых выше наук".

- См. Вестник грядущего добра, стр. 20.

Цель этого замысла заключалась в том, чтобы получить возможность изучать людей в их сознательных и бессознательных проявлениях, что должно было способствовать достижению его цели — помощи людям в обретении "внутренней свободы". Это соответствовало произошедшему в 1905 году изменению его планов, от поиска людей с истинным знанием к экспериментальному подтверждению сделанных им к тому моменту выводов.

Здесь я должен вспомнить о словах, которые он сказал мне во время нашей последней с ним встречи. Он рассказывал о работе, начатой им в Туркестане и сказал: "Запомни то, что я сейчас скажу тебе. Начни с России и закончи Россией". Тогда я не понял значение того, что он говорил о Ташкенте. Только подготавливая материал для этой книги, я понял смысл его слов "закончи Россией". Сегодня для меня очевидно, что для продолжения дела Гурджиева необходимо открыть Западу все то, что он нашел в Центральной Азии.

Итак, мы подошли к концу того этапа, который может быть назван поисками Гурджиева. Гурджиев осознал свою миссию и встал на путь ее реализации. Она заключалась в том, чтобы открыть человечеству весь "Ужас Ситуации", и для этой цели ему нужны были помощники, готовые вместе с ним нести воззвание. Следующий этап начался в Ташкенте и закончился в Фонтенбло, в Замке Приорэ.

Глава 5

Миссия ГУРДЖИЕВА

В 1909 году Гурджиеву было тридцать два года, и к этому времени он уже накопил удивительный багаж идей, техник и способностей, который иногда называл своей "системой", а иногда просто своими "идеями". Он начал экспериментировать с людьми и постепенно создавал себе репутацию чудотворца. Для того чтобы ускорить свое продвижение к цели, Гурджиев решил заручиться доверием и поддержкой оккультных и теософских обществ, у которых было много приверженцев среди русских и прочих западных жителей таких важных быстрорастущих центров, как, например, Ташкент. В промышленность потекли инвестиции, торговля процветала, и российские власти делали все возможное, чтобы укрепить свои позиции в туркестанских ханатах и расширить зону своего влияния.

Гурджиев пишет: "Ситуация для меня складывалась таким благоприятным образом, что за полгода мне удалось не только познакомиться с огромным числом этих людей, но также и пользоваться в широких кругах репутацией известного эксперта и наставника по вызыванию так называемых потусторонних феноменов". Он организовывал публичные демонстрации и брал на обучение учеников. Тогда, как и позже, он привлекал к себе большое количество людей, из которых потом выбирал тех, с которыми

хотел работать. При этом оккультные и спиритические общества он собирательно называл "кружками совершенствования психопатии", и говорил, что, благодаря наблюдению за "различными проявлениями бодрствующего состояния психики этих обученных и свободных в своих движениях морских свинок, подаренных мне судьбой для моих экспериментов", он мог решать многие из практических проблем, вытекающих из задачи "помогать людям в достижении внутренней свободы".

Итак, мы подошли к одному из ключевых моментов жизни Гурджиева. Он собирался создать свою собственную школу и предложить человечеству новый образ мышления и обновленное понимание космической цели. То, что в прошлом составляло мистическую тайну и было охраняемым достоянием небольших эзотерических групп, могло быть наконец провозглашено открыто, благодаря распространению образования и новым информационным средствам. Знания же, полученные им в ходе своих поисков, Гурджиев должен был изложить в доступной для современного мира форме и адаптировать к сегодняшним условиям жизни. Ко всему этому он добавил и свое собственное понимание некоторых космологических проблем, ускользнувших от внимания Западных и Восточных культур. Кроме того, он поставил перед собой задачу научить людей пользоваться своими скрытыми возможностями. Человек перестал действовать как единое целое и сбился с пути в основном вследствие несбалансированности развития и отсутствия координации. Например, в то время как в сфере мыслительных способностей за последние три тысячелетия был достигнут потрясающий прогресс, другие способности не смогли выдержать ритм такого развития, а в некоторых аспектах даже деградировали. Психика и нервная система потеряли способность гармоничной координации, без которой не может быть слаженного и в полной мере эффективного действия. Гурджиева подталкивало ощущение срочной необходимости; гораздо раньше своего поколения он понял, что человечеству предстоит играть ключевую роль, будь то положительную или отрицательную, в определении будущего равновесия биосферы.

В задачи настоящей книги не входит изложение и разъяснение идей Гурджиева: все это уже было сделано в других работах. Тем не менее, я счел полезным для читателей в качестве иллюстрации к развитию мысли Гурджиева обсудить некоторые из его главных концепций. Как известно, он специально использовал сложный стиль и терминологию, и этой особенности посвящено первое приложение к настоящей книге. Однако опять же эта книга не является учебным руководством, и описание методик Гурджиева я привожу здесь исключительно в интересах полноценного исследования его истории. Гурджиев использовал множество разнообразных техник, но все они объединены тем принципом, что различные стороны человеческой природы необходимо развивать параллельно и гармонично: инстинктивная и двигательная функции должны быть координированы с эмоциональной и мыслительной, и все должно подчиняться воле. Поскольку такого координированного развития невозможно добиться при помощи общепринятых методов образования,

Гурджиев решил использовать методики, опробованные в далеком прошлом.

¹ См. Вестник грядущего добра, стр. 22.

Как и обычно, прежде чем начать новый этап своей деятельности Гурджиев провел ряд экспериментов, с целью убедиться в осуществимости задуманного. Когда же пришло время принять окончательное решение, по его словам он посоветовался с братством, жившим в самом сердце Азии. С этим братством Гурджиев поддерживал тесные связи и решил посвятить его в свои замыслы. Под "самым сердцем Азии" наверное следует понимать Кашигарию, а не Бухару или Ташкент. Он часто рассказывал о Керийском оазисе как о месте, где эзотерическая община веками сохраняла знание высокого уровня. Гурджиев несколько раз посещал этот центр между 1902 и 1912 годами. Судя по всему, либо эта, либо какая-то подобная община служила для него местом контакта с Учителями Мудрости. Он хотел заручиться их поддержкой в будущем. После долгих совместных с ними обсуждений касательно различных взаимных обязательств, которые в его случае были преимущественно связаны с его будущей деятельностью в сфере религии и морали, а с их стороны сводились в основном к ответственности за заботу о внутреннем мире тех, кого он собирался вверить их попечению, стороны пришли к определенной договоренности. Этот рассказ наверное можно считать доводом, хотя и слабым, в пользу того, что Гурджиев прислушивался еще к чьему-либо мнению помимо собственного сознания. Кроме этого эпизода ничто не говорит нам о том, что Гурджиев основал свой Институт под покровительством, или по крайней мере с одобрения школы более высокого уровня, хотя он и рассказывал как в России, так и в Приорэ о центрально-азиатских школах, с которыми он поддерживал связи и в которые посылал особым образом подготовленных учеников. В 1923 году я рассказал ему о своем желании отправиться в Туркестан и о моих встречах с ташкентскими дервишами Йесеви́я. Тогда он предложил мне остаться с ним на два года, после чего он возможно послал бы меня туда. Больше на этот счет мне ничего не известно, но я полностью убежден, что у Гурджиева были связи с источниками высокого уровня и что у него была возможность с ними советоваться.

Судя по сведениям из разных источников, можно предположить, что к 1910 - 1911 годам Гурджиев был известен как профессиональный учитель оккультизма, живший в основном в Ташкенте. К осени 1911 он снискал признание у трех довольно крупных независимых друг от друга "обществ", однако решил, оставив их, приступить к созданию своего собственного "круга" на совершенно новых принципах и с участием специально отобранных для этого людей. Эта группа и должна была стать прототипом Института гармоничного развития человека.

Ташкент был точкой пересечения самых различных культур. Шаманизм все еще удерживал свои позиции среди кочевых племен Севера. Местные таджики были буддистами. Среди жителей

Ташкента также были несторианские и православные христиане. Однако подавляющее большинство оседлого населения составляли мусульмане, обращенные еще в далеком восьмом веке. Гурджиев чувствовал себя уверенно в любой из этих культур. Выбрав в качестве первого центра своей деятельности Ташкент, Гурджиев тем самым показал значительность своих связей с Центральной Азией. Людям, рожденным и воспитанным в европейской традиции и живущим либо в самой Европе, либо в каком-нибудь недавно образовавшемся государстве, очень трудно проникнуться чувствами жителей Центральной Азии, чья культура уже была достаточно древней, когда Европа жила в каменном веке. В 1910 году Азия все еще оставалась чем-то очень далеким, даже для русских и других народов, пытавшихся покорить и колонизировать ее, тогда как для самих ее жителей она была вечным центром мира. Вера в волшебство и духовный мир была сама собой разумеющейся, но из-за упадка Шаманизма настоящие маги были уже довольно редки, и человек, обладавший такими необычайными способностями, как Гурджиев, несомненно должен был оказывать значительное влияние как на коренных жителей, так и на русских колонистов.

Здесь имеет смысл вспомнить о том, что по его собственным словам 13 сентября 1911 года он связал себя обязательством, решив "сознательно вести определенного рода искусственную жизнь, на основе программы, спланированной ранее в соответствии с определенными принципами". Кроме того он говорил, что намеревался вести такую искусственную жизнь двадцать один год, то есть вплоть до 1932 года. Большинство знавших Гурджиева в то время людей ощущали что он как-то прячет себя, и невозможно было понять, кем он являлся на самом деле. Софья Григорьевна Успенская, пожалуй самая преданная его ученица, в 1925 году написала ему письмо, которое позднее прочитала близким ей людям. В письме говорилось, что Гурджиев для нее был великой тайной, неизвестной и непознаваемой. Успенский писал: "У многих людей складывалось впечатление, что он был гурманом, то есть вообще ценителем хорошей жизни, и нам тоже казалось, что он зачастую желал произвести такое впечатление, хотя все мы прекрасно знали, что это была "игра". Мы очень отчетливо ощущали эту "игру" Гурджиева и часто говорили между собой, что никогда не знали его и никогда не узнаем. В случае любого другого человека "игра" в таких количествах производила бы впечатление фальши. В нем же эта "игра" выглядела как проявление силы, хотя, как я уже говорил, и не всегда - временами Гурджиев переигрывал". Успенский не пытался объяснить смысл этой "искусственной жизни" Гурджиева, хотя и приводил много примеров.

Следовательно, мы должны вернуться к собственному рассказу Гурджиева. Он пишет:¹ "Эта затянувшаяся и для меня абсолютно неестественная жизнь, которая кроме того ни коим образом не вяжется с чертами моей индивидуальности, обосновавшимся в ней ко времени достижения мной зрелого возраста, стала непосредственным следствием моего решения, основанного на результатах проведенных мною ранее исследований целого ряда исторических событий, цель которого

заклучалась прежде всего в том, чтобы предотвращать при помощи своих внешних проявлений, хотя бы и в определенной степени неестественных, формирование в отношении меня того, уже известного с древних времен "чего-то", названного Великим Соломоном, Царем Иудеи, цварнохарно, которое, как утверждают наши предки, формируется в ходе естественного процесса совместной жизни людей как результат сочетания пагубных действий так называемых "обычных людей" и приводит к гибели как того, кто пытается чего-либо добиться ради блага всего человечества, так и всего того, что ему уже удалось сделать на пути к этой цели". Затем в качестве второй причины своего решения вести неестественную жизнь Гурджиев говорит о том, что она должна была противодействовать "проявлению в тех людях, с которыми я общался, той характерной черты, которая, укоренившись в психике людей и составляя препятствие реализации моих целей, пробуждала в них при встрече с более или менее выдающимися людьми действие чувства порабощенности, начисто парализующей способность проявления личной инициативы, в которой я тогда очень нуждался". В другой своей работе Гурджиев писал, что "отличительной чертой совершенного человека является его способность в совершенстве играть любую желаемую роль в своей внешней жизни, внутренне оставаясь свободным и не позволяя себе "смешиваться" с чем-либо приходящим извне".

¹ См. Вестник грядущего добра, стр. 12.

² Термин *цварнохарно* почти наверняка заимствован из Зенда или Палави, где *хварено* означает "величие", или впечатление, вызываемое у обычных людей царственными особами. Принцип *хварено* также является частью авестийской традиции, которую проповедовал Зороастр, и хотя Гурджиев никогда напрямую не говорил о Зороастре и важности его традиции как по крайней мере одного из источников сарманской системы, он неоднократно давал понять, что глубоко проникся этим принципом.

Пытаясь осмыслить многообразные рассказы о Гурджиеве, записанные по своим впечатлениям людьми то или иное время знавшими его, следует принимать во внимание эту его "игру". Весь период, в течение которого Гурджиев снова и снова предпринимал попытки создать свою собственную организацию, как раз приходится на двадцать один год его "неестественной жизни". Лишь в 1935 году он оставил эти замыслы и решил посвятить себя подготовке людей для продолжения работы после его смерти.

Гурджиев поставил перед собой задачу создания своей собственной организации, после того как обнаружил, что только ограниченное число типов людей интересуется оккультными и теософскими кругами. "Я встречал тогда огромное количество людей, обычно составляющих подобные круги и установил тот факт, что в такие общества обычно входили люди трех или четырех определенных "типов", тогда как в целях изучения проявлений человеческой психики в бодрствующем состоянии мне было необходимо иметь в своем распоряжении представителей всех существующих на Земле двадцати восьми "категорий типов"

согласно древней классификации".¹ В связи с этим он организовал три небольших группы, включив в них людей стольких типов, сколько ему удалось собрать за три года. По всей видимости речь идет о трех годах с 1909 по 1912 год, когда Гурджиев был "профессиональным гипнотизером". В 1912 году еще в Ташкенте Гурджиев пришел к выводу, что подготовка проходила слишком поверхностно и что ему следовало работать с людьми гораздо интенсивнее, чем это позволяли делать ежемесячные встречи теософских кружков.

См. Вестник грядущего добра, стр. 23.

В то время Гурджиев участвовал в различных предприятиях, зарабатывая деньги, и видимо не мог посвящать много времени своим "группам". "Я участвовал в самых разнообразных предприятиях причем иногда в довольно крупных. Например, я устраивал частные и государственные контракты на обслуживание и строительство железных и автомобильных дорог; я открыл несколько магазинов, ресторанов и кинотеатров, а затем продал их, когда они начали приносить прибыль; я также организовал несколько сельскохозяйственных предприятий и перевозку скота в Россию из различных соседних государств, прежде всего из Кашгарии; я участвовал в добыче нефти и рыбных хозяйствах; и иногда даже вел несколько дел одновременно. Однако любимым моим бизнесом, который я предпочитал всем остальным была торговля коврами и различными предметами антиквариата. На это не нужно было тратить какое-то определенное время, не нужно было постоянно где-то жить, и помимо всего прочего этот бизнес был весьма прибыльным".¹

Занимаясь всем этим, Гурджиев параллельно работал со своими группами, "с одной стороны делая наблюдения и изучая готовый материал, а с другой - удовлетворяя настолько добросовестно, насколько это было возможно, потребности тех учеников, в психике которых одно из первых мест занимала любознательность, и беспощадно истребляя все накопленные иллюзии и заблуждения тех учеников, в которых еще не успело атрофироваться изначально свойственное всем людям стремление к обретению реального "бытия"". ² Далее Гурджиев описывает правило, которому он следовал всю свою жизнь: "давать людям то, что они способны принять". Он рассчитывал таким образом найти людей, которые были бы способны делать все необходимое и приносить требуемые жертвы для "работы над собой", и собирался сделать их помощниками в своей дальнейшей работе. Периодические встречи с группами не могли обеспечить требовавшиеся условия работы ни для наблюдений, ни для развития самих людей, и он решил, что только "в условиях широкомасштабной общественной организации, сфера деятельности которой охватывала бы практически все аспекты современной жизни," он сможет собрать для своих наблюдений людей тех типов, которых на тот момент ему не хватало.

Гурджиев чувствовал необходимость особым образом обосновать вовлечение людей в работу, и предлогом стала возможность узнать больше о "потустороннем", тогда как в реальности они служили подопытными кроликами для его экспериментальных изысканий. Он пишет: "Я считаю необходимым сказать здесь несколько слов по поводу тех рассудочных и эмоциональных ассоциаций, которые привели меня к этому замыслу, полностью согласующемуся с моей сознательностью. Под конец всех этих моих рассуждений в результате которых я пришел к твердому решению организовать такой общественный Институт, как это обычно и происходило в подобных случаях, во мне возник странный импульс, свойственный моей индивидуальности, который автоматически принуждает меня всегда рассматривать каждый новый замысел в том числе и с точки зрения "объективной справедливости". Я рассуждал следующим образом: "Использование людей, представляющих особый интерес для основанного мной Института в чисто личных целях, шокировало бы людей из моего окружения как очевидное проявление эгоизма. Однако в то же время, для людей, которых что-либо могло связывать с таким Институтом, то есть для тех, в ком еще окончательно не атрофировалось изначальное стремление получить необходимые данные для пробуждения импульса "объективного сознания" и для формирования "сущностного благоразумия", это был единственный способ познакомиться с теми знаниями, которые я получил благодаря исключительным обстоятельствам своей жизни, и использовать их на благо себе".¹ Годом позже (в 1934 г.) Гурджиев писал: "На этот счет я могу сказать лишь то, что по прошествии нескольких лет (т.е. после 1909 г.) я осознал необходимость основать где-нибудь организацию для подготовки "помощников-инструкторов", для того чтобы привнести в жизнь людей то, что мне удалось узнать. Когда появилась такая необходимость, после всевозможных "сравнительных размышлений" я избрал Россию в качестве наиболее подходящей для этой цели страны. С этой же целью в 1912 году я приехал в самое сердце России, в Москву, и сразу же приступил к созданию такой организации под названием "Институт гармоничного развития человека". Эти рассказы Гурджиева никоим образом не предполагают, что он действовал от имени Сарманского Братства или какой-либо другой группы Учителей. Он даже не упоминает своих прежних коллег из группы Искателей Истины.

Главный принцип, лежавший в основе Института, заключался в создании условий, которые бы постоянно напоминали человеку о смысле и цели его существования вследствие неизбежного трения между его сознанием и автоматическими проявлениями его природы²

Я выделил эту фразу курсивом, поскольку ее должен хорошо осмыслить каждый, кто желает понять, как работал Гурджиев, и почему он делал так много на первый взгляд необъяснимых и почти что неприемлемых вещей.

В 1932 году Гурджиев писал, что, решив основать свой Институт, он выбрал Россию, "которая тогда была мирной, богатой и спокойной". Пожалуй, трудно придумать более далекое от истины утверждение. Жестокая борьба между царем Николаем II и Четвертой Думой была в самом разгаре. Придворных приводило в ужас слабое здоровье единственного сына царя, Алексея, страдавшего гемофилией. Распутин уже добился своей злоеющей власти над царицей и через нее подталкивал царевича и его отца к грани сумасшествия. Лидер умеренной партии, Столыпин, был убит, и на политической арене происходила лишь жестокая борьба между радикально настроенными реакционерами, которых поддерживал царский двор, и революционерами, которыми руководили Ленин и Троцкий.

См. Встречи с замечательными людьми, стр. 270. ² См. Вестник грядущего добра, стр. 23.

¹ См. Вестник грядущего добра, стр. 24, 25.

² См. Встречи с замечательными людьми, стр. 270.

По всей видимости Гурджиев вошел в круг знати, и вполне вероятно, что его представили царю как возможного спасителя наследника или по крайней мере как человека необычайных способностей. Это следует из одной главы Рассказов Вельзевула, в которой описана его встреча с царем. Трудно предположить, чтобы Гурджиев мог придумать эту историю, которая производит впечатление рассказа из первых уст. Он всегда тепло отзывался о Николае II и однажды назвал его хорошим и очень сочувствующим человеком, который однако немногим превосходил Уорвика по способности влиять на события.

Гурджиев утверждает, что по прибытии в Москву его состояние составляло миллион рублей, не считая "двух бесценных коллекций - коллекции редких древних ковров и коллекции фарфора и того, что называется китайским клуазоне".¹

В Москве, а затем и в Ст. Петербурге Гурджиев прочел цикл лекций, привлекая значительное количество интеллектуалов и ученых, и круг людей, которых заинтересовали его идеи, стал расти. Тогда же он начал подготовку к созданию Института. Он приобрел имение под Москвой, заказал оборудование из разных стран и даже готовился выпускать свою собственную газету. Похоже, что начавшаяся война и вторжение в Россию немецких войск были для него абсолютной неожиданностью. Оглядываясь назад, трудно уйти от мысли, что это было какой-то странной неспособностью с его стороны оценить ситуацию, тогда как вся Россия была повергнута в хаос. Гурджиев абсолютно не разбирался в европейской политической ситуации, и так продолжалось всю его жизнь. Он жил в Азии, где позиции Российской Империи год от года укреплялись. О Русско-Японской войне и неудавшейся революции 1904-1905 годов забыли, и Российская Империя была колоссальным фактором, скорое исчезновение которого никто даже представить себе не мог.

Судя по всему, Гурджиев поддерживал умеренную партию, окружавшую царя и некоторое время даже считался соперником ненавистного Распутина. Однако царица Александра Федоровна была непреклонна. Ее заигнотизировало предсказание Распутина о том, что его смерть повлечет за собой гибель Российской Империи. При этом царский двор, а также значительная часть аристократии и интеллигенции как это ни странно похоже были готовы с легкостью поверить обещанию любого чуда. Вокруг различных духовных и оккультных лидеров образовывались кружки преданных почитателей. В окружение Гурджиева входили люди, хорошо осознававшие необходимость оказывать всяческую поддержку либеральной партии, октябристам, которые с 1905 года составляли основную надежду на конституционный прогресс. Положение Гурджиева среди аристократии должно было быть весьма прочным, поскольку ему удалось завести знакомство, а затем и жениться на фрейлине ее величества, прекрасной и очень талантливой графине Островской, которая оставалась рядом с ним вплоть до самой своей смерти.

¹ См. Встречи с замечательными людьми, стр. 270.

Ужасные стратегические и идеологические просчеты на фронте усугублялись абсолютной некомпетентностью Николая II и избранных им министров. Царь взял на себя роль главнокомандующего и проводил много времени на фронте, препятствуя там принятию нужных решений. Вместе с тем переговоры между Россией и ее западными союзниками уходили все дальше от реальности: никто не хотел признать тот факт, что вся система разваливалась на глазах и ей уже ни суждено было когда-либо обрести свой прежний вид. Российская административная машина была по своей форме чрезвычайно централизованной и не смогла приспособиться к нуждам военного времени. Система распределения продовольствия начала ломаться, и правительство не сумело понять, что это сделало революцию неотвратимой, даже если не принимать во внимание революционных лидеров и их замыслы. Забастовки на ключевых производствах обретали все большие масштабы и продолжительность, просто потому что рабочим нужна была пища, и у них не было другого способа показать это. Признаки деморализации просто бросались в глаза, и все же никто не хотел их замечать.

Несмотря на все творившееся вокруг, Гурджиев продолжал организовывать группы и даже повстречал своего самого ценного ученика и помощника, Петра Демьяновича Успенского в апреле 1915-го года. Успенский читал лекции в Москве и Ст. Петербурге под такими названиями, как "В поисках чудесного" или "Проблемы смерти". Случайно познакомившись с Гурджиевым и задав интересовавшие его вопросы, Успенский был поражен его исчерпывающими ответами.

Гурджиев тогда ничего не говорил Успенскому об Институте, рассказав лишь, что руководил работой нескольких групп на своей даче в часе езды от Москвы. Вскоре Успенский решил организовать группы в Ст. Петербурге и в конце концов

стал тесно связан с работой Гурджиева. Позднее он подробно описал суть и методы учения Гурджиева на момент

1915 - 1917 годов, вплоть до Октябрьской Революции. Гурджиев больше не посещал Ст. Петербург, но Успенский и его жена регулярно приезжали в Москву за наставлениями и новыми идеями для осмысления.

Работа с этими группами продолжалась с июля 1915 года по сентябрь 1916 года. В течение всего этого времени Гурджиев обрушивал на учеников идеи, поражающие своей глубиной и неожиданностью, и демонстрировал техники с использованием своих исключительных способностей в том, что сам он называл "сферой ханбледзоин". По всей видимости именно тогда Гурджиев впервые изложил свои представления о Внутреннем Круге Человечества, "школах" и "путях" и то, как он говорил об этом, позволяют предположить, что гипотезу Внутреннего Круга он рассматривал в довольно широкой трактовке. При этом ни Успенского, ни других своих учеников он не посвящал в историю своей деятельности в Туркестане до приезда в Москву.

Гурджиеву тогда было уже сорок лет. По словам Успенского это был уже немолодой человек восточного типа с черными усами и пронзительным взглядом. Он производил впечатление плохо скрывающего себя человека, при встрече с которым люди приходили в замешательство, поскольку видели, что он не был тем, за кого себя выдавал, но все же должны были говорить и вести себя с ним так, как будто этого не замечали.¹ Это ощущение дистанцированности Гурджиев поддерживал в течение всего времени общения с Успенским, в результате чего последний стал обособлять самого Гурджиева от его идей. Последствия такого разделения оказались настолько серьезными, что это привело к полному прекращению отношений между двумя необычайными людьми. К счастью Успенский записал, а затем и опубликовал основную часть того, чему учил Гурджиев в течение четырех лет их общения. От себя же лично я могу сказать, что этот материал, который Успенский в последствии использовал для работы со своими группами в 1922 - 1940 годах в Лондоне, включает в себя самые ценные идеи и методики из числа тех, с которыми мне довелось познакомиться за пятьдесят лет поисков. И все же не хватало еще чего-то очень важного. Гурджиев не только ничего не сказал - по крайней мере от Успенского я этого не слышал - о своей работе в Центральной Азии и тех целях, которые он ставил перед собой, приехав в Россию, но и создал впечатление, что Работа целиком и полностью зависела от собственных усилий каждого человека. Он ни разу не упоминал такую важную составляющую христианской доктрины, как благодать, без которой работа над собой не имеет смысла. Нигде не фигурировало также и суфийское понятие барака, сопряженное с тем же сверхъестественным действием, которое должно передаваться от человека к человеку. У меня нет никаких сомнений в том, что Гурджиев хорошо осознавал важность этого действия, поскольку он сам рассказывал мне о нем в Фонтенбло спустя всего лишь пять лет.

Как же могло случиться так, что Гурджиев, буквально источавший такое невообразимое количество идей и техник, сопряженных практически с любым аспектом трансформации человека, ни единым словом не обмолвился о факторе, благодаря которому все могло быть приведено в действие, то есть о передаче высшей энергии, или барака! Я думаю, что объяснение следует искать в том, что Гурджиев писал о своем изначальном плане создания Института в Ташкенте. В его цели не входило положить начало какому бы то ни было действию; он только хотел изучить людей различных типов, чтобы в итоге найти способ помочь им освободиться от всеобщей болезни внушаемости, которая побуждает их "верить в любую старую сказку". Если люди приходили к Гурджиеву и были готовы работать с ним на его условиях, не теряя при этом из виду свои собственные задачи, то вполне могли получить пользу от такого взаимодействия. Если у них это не получалось, то Гурджиев не нес за это ответственности. Планы на счет Института пришлось на время отложить, поскольку их было невозможно осуществить в условиях абсолютной неразберихи, когда никто не мог ручаться, что через месяц ему не придется сниматься с места и куда-то уезжать.

¹ См. В поисках чудесного, стр. 7.

В июне 1917 года Гурджиев провел эксперимент, который никто тогда не квалифицировал таким образом. Он собрал в Ессентуках, на северном склоне Кавказа двенадцать или четырнадцать человек и работал с ними в небывалом темпе дни и ночи напролет в течение шести недель. Успенский пишет, что за это время Гурджиев раскрыл перед ними весь план работы. Они "увидели истоки всех его методов, истоки его идей, связь между ними и их направленность. Многие оставались до конца не ясным; многое мы понимали неправильно - вплоть до полной противоположности. Но так или иначе мы получили некоторые общие представления, которыми, как я предполагал, нам предстояло руководствоваться в дальнейшем".

Судя по рассказу Успенского об этих шести неделях в Ессентуках летом 1917 года, для Гурджиева это был самый важный эксперимент с методиками, которые он предполагал использовать в своем Институте. По окончании эксперимента он неожиданно распустил группу, к большому недоумению людей, не знавших, чего именно он добивался.

На следующий год Гурджиев устроил еще один эксперимент, на этот раз под Туапсе, на берегу Черного моря. Успенский прибыл туда из Ст. Петербурга, из которого выехал в удачный для Большевиков вечер 21 октября 1917 года. Гурджиев собрал группу из десяти человек, среди которых были Доктор и Миссис Сджернваль, а также Томас де Гартманн и его жена Ольга. Успенский "заметил, что что-то было не так. От атмосферы Ессентуков, — пишет он, — не осталось и следа". Никакой "работы" в том смысле, в котором это было в Ессентуках, не проводилось. Скоро они перебрались в Туапсе, где прожили около двух месяцев. Гурджиев послал письма группам, которые остались

в Москве и Ст. Петербурге, и в конце концов в Туапсе собралось около сорока человек. В марте 1918 года начался новый этап Работы, основанный на иной системе и включавший в себя внешнюю деятельность самых различных видов. Были введены строгие правила. Впервые Гурджиев познакомил группу с ритмами и танцами, которые по его словам были в основном заимствованы у дервишей.

Похоже, Успенский не понимал, что для Гурджиева вся эта деятельность была апробацией различных техник, которые он предполагал использовать в своем Институте. Все происходившее Успенский описал одним предложением: "Помимо упражнений, танцев, гимнастики, бесед, лекций и работы по дому была организована специальная работа для тех, кто был стеснен в средствах". Все это точь-в-точь соответствует жизни йесевитской общины, в которой несколько семей вели совместную жизнь в строгом послушании шейху, изучая необходимый набор упражнений и техник и в то же время участвуя в той или иной хозяйственной деятельности для обеспечения своих материальных нужд.

Впервые Гурджиев предложил придать группе внешний статус. Кроме того он стал читать публичные лекции, чтобы привлечь заинтересованных людей. Все это вызывало у Успенского серьезные опасения по поводу того направления, которое стала приобретать Работа. Ранее он предполагал, что московская и питерская группы, а также ессентукская община, представлявшая собой их естественное продолжение, как раз и отражали ту Работу, которую Гурджиев намеревался развивать в будущем. Успенскому это нравилось, и он был готов поддержать Гурджиева во всех его начинаниях, несмотря на некоторое недоумение по поводу того, как тот обращался с отдельными людьми, например, с М-ром Захаровым, которого он отослал обратно в Ст. Петербург и который вернулся оттуда уже умирающим человеком. Успенский даже как-то сказал, что только Работа позволила пережить ужас и хаос, последовавшие за крахом царской России. При этом у Гурджиева была виртуозная способность уводить внимание людей от его личных целей и намерений, что обеспечивало ему свободу выбора. Никому из учеников Гурджиева не удавалось проследить ход его мыслей, даже когда он не делал из них секрета.

В итоге Успенский не принял участие в следующем эксперименте, в ходе которого Гурджиев в условиях колоссального внешнего стресса организовал экспедицию, подобную тем, которые предпринимали Искатели Истины двадцатью годами ранее. Гурджиев подробно описывает этот эксперимент в книге Встречи с замечательными людьми (стр. 271-6). Тогда его основная практическая задача заключалась в том, чтобы спасти двадцать молодых людей военного возраста, присоединившихся к нему на Кавказе, а также уберечь себя и своих наиболее преданных последователей от опасностей той ситуации, которую породило столкновение казаков с большевиками. Он упоминает о своем интересе к дольменам и своем желании уточнить порядок расположения камней в некоторых почти недоступных местах

Кавказских гор. В связи с этим он стал распространять слухи о том, что ему было известно расположение богатейших залежей золота и платины. Затем он предложил организовать соответствующую экспедицию, которая должна была сказочно обогатить местное правительство. Все это также служило для учеников демонстрацией власти внушения и той легкости, с которой можно был заставить людей "поверить в любую старую сказку". В итоге ему были предоставлены колоссальные полномочия, включая использование двух железнодорожных вагонов, чтобы перевезти его вместе со всей группой в Майкоп, причем в то время, когда в связи с постоянным перемещением войск даже одному человеку без багажа не могло бы прийти в голову воспользоваться железной дорогой.

Об остальной части путешествия через горы в Тифлис рассказывают и Гурджиев и Томас де Гартман. Гурджиев пишет: "По моему мнению нам удалось удачно выйти из этого положения благодаря тому, что в общем присутствии этих людей, хотя и переживавших такое психическое состояние, в котором теряются последние крупницы разумности, еще не окончательно исчез присущий всем человеческим существам инстинкт, позволяющий отличить в объективном смысле добро от зла. И в связи с этим, инстинктивно чувствуя в моей деятельности живое начало того священного импульса, который только один и способен принести человечеству истинное счастье, они изо всех сил старались способствовать процессу развития того, что я начал делать задолго до той войны".

Похоже, что ни Успенский, ни де Гартман, совершенно поразному относившиеся к Гурджиеву, не догадывались, что он оценивал события в совершенно ином временном масштабе, чем они. Он поставил перед собой задачу привнести в современный мир идеи и техники, чрезвычайно необходимые человечеству для того, чтобы пережить тот кризис одним из ранних предвестников которого стала Русская Революция. Вне зависимости от того, могли ли он рассчитывать на успех в сложившихся обстоятельствах, он должен был делать все от него зависевшее. Его не интересовали условия его собственного существования: его жизнь наглядно свидетельствует о его безразличии к собственным трудностям и даже угрозе жизни. Во всех своих экспериментах с людьми он настойчиво следовал цели создать систему обучения и индивидуального развития, которая бы позволила делать людей "свободными". Его не интересовали трудности тех людей, которым для того чтобы вообще начать свое развитие, нужно было сначала решить свои собственные проблемы.

¹ См. Встречи с замечательными людьми, стр. 274-5.

Путь из Майкопа в Тифлис в описании де Гартмана наверное все же излишне драматизирован. Гурджиев тоже несколько преувеличил те трудности, с которыми ему пришлось столкнуться по прибытии в Тифлис. К этому времени между Союзниками и Турцией уже был подписан мирный договор 30 октября 1918 года на Мудросе, то есть за двенадцать дней до капитуляции немецкой армии во Франции. Союзническая

оккупационная армия держала под контролем Константинополь. В начале 1919 года британский пехотный отряд был послан в Грузию, чтобы предупредить возможное нападение со стороны Турции и одновременно поддержать социал-демократические правительства Грузии и Азербайджана. Союзники на Западе очень зависели тогда от бакинской нефти, и обеспечение работы нефтепровода Баку - Батум было для них жизненно важной задачей. Таким образом, со времени краха России на южном Кавказе впервые наступило относительное спокойствие. Через Дарданеллы была налажена торговля с Западом. Паломники из Средней Азии устремились в Мекку, пользуясь впервые за пять лет представившейся возможностью побывать в святых местах. Активизировали свою деятельность армяне, греки и евреи, пытавшиеся восстановить торговые связи - основу своего благосостояния.

Гурджиев быстро понял ситуацию. По прибытии в Тифлис он нашел там членов своей семьи, бежавших от мародерства отступавшей русской армии и в равной степени беспорядочно наступавших турков. Отца Гурджиева убили под Александрополем. Другие умерли от тифа. Гурджиев разослал повсюду письма, призывая свою семью и учеников присоединиться к нему и, по его собственному рассказу оказался вынужден разместить и прокормить двести человек, включая племянников, племянниц и прочих детей. Вскоре он организовал привычную для себя торговлю коврами, в чем ему помог первый англичанин, с которым он познакомился, майор Пиндер, офицер британской разведки, ответственный за безопасность нефтепровода Баку - Батум. Он был моим коллегой по Генеральному Штабу Разведки Черноморской армии под командованием Генерала Сэра Джорджа Милна.

Уже через три недели торговля коврами стала приносить такие доходы, что денег хватало не только на жизнь всех собравшихся, но и на достаточно большие накопления. В то время британские, французские, итальянские и американские офицеры в Константинополе ажиотажно скупали всевозможные восточные ковры, и торговцы коврами из Туркестана и России заламывали за них на базарах и в магазинах Пера неслыханные цены. Кроме того торговые корабли уходили во все порты Европы и Америки. Вскоре Гурджиев приобрел репутацию крупного бизнесмена, а также вошел в доверие к грузинскому правительству. В итоге он решил основать там свой Институт. Поток беженцев с Севера создал серьезные жилищные проблемы, однако по словам Гурджиева "правительство Грузии пошло мне навстречу и велело мэру Тифлиса оказать мне всестороннюю помощь в поиске достойного здания для такого важного заведения общенационального значения". Некоторые члены Муниципального Совета Тифлиса заинтересовались работой Гурджиева и делали все от них зависевшее, но ничего подходящего найти не удалось, и Институт получил в пользование временные помещения.

В Тифлисе того времени была какая-то странная атмосфера мыслей и чувств. В установившемся вроде бы затишье все чувствовали зыбкость, так как революция подорвала обычный

общественный порядок. Денег ходило много, но уехать было практически невозможно, поскольку Союзники установили очень суровые ограничения на проезд через Босфор в свободную Европу. При этом британский флот полностью контролировал Черное море, включая российские порты Одессу и Новороссийск. Надо сказать, для грузин как нации не характерна забота о завтрашнем дне, но в Тифлисе, как и вообще в любом городе, была часть серьезных людей, пытавшихся понять "жизнь", о новом образе которой никто даже и не помышлял. Такие настроения, казавшиеся тогда странными европейцам, все еще верившим в то, что мир "вернется в нормальное состояние", сегодня уже не удивляют нас, переживших Вторую Мировую Войну, великие экономические кризисы, неожиданные крахи империй и атомную бомбу. Сегодня мы с опасением предвидим полный распад человеческого общества на Земле, и спасения искать абсолютно негде. В 1918 этот распад уже был общим, но тогда преобладали местные его проявления, и это наводило многих на мысль о бегстве. Другие понимали, что в перемене места проку было мало и начинали думать о новом образе жизни.

Гурджиев почувствовал, что сможет привлечь к себе тех, кто был еще способен мыслить ясно. Тогда же он пригласил всех своих бывших учеников помочь ему в этом деле. Успенского в то время терзали серьезные сомнения по поводу своих дальнейших связей с Гурджиевым, и он был захвачен врасплох списком "учителей-специалистов" Института, в котором значилось и его имя. По этому поводу он приводит отрывок из рекламного проспекта: "С разрешения министра Национального Образования в Тифлисе открывается Институт Гармоничного развития человека, основу программы которого составляет система Георгия Ивановича Гурджиева. Институт объявляет набор детей и взрослых обоих полов. Занятия проводятся утром и вечером. Программа обучения включает в себя гимнастику всех видов: ритмическую, лечебную и др.; упражнения для развития воли, памяти, внимания, слуха, мышления, эмоций, инстинктов и т.п." После описания различных видов деятельности, которую планировалось проводить в Институте, проспект информировал читателей о том, что система Гурджиева "уже используется в целом ряде таких крупных городов, как Бомбей, Александрия, Кабул, Нью Йорк, Чикаго, Христиана, Стокгольм, Москва и Ессентуки, а также во всех отделениях и домах истинно интернациональных и рабочих обществ".

Абсурдность этих притязаний вполне соответствовала взятому на себя Гурджиевым обязательству всегда действовать таким образом, чтобы людям было трудно принять его безоговорочно. Вне всяких сомнений ни Успенский, ни другие ученики, которые тогда стали отдаляться от Гурджиева, не подозревали, что причина его странного поведения заключалась в стремлении не позволять своим последователям становиться излишне зависимыми от него. Лишь значительно позднее он объяснил причины такой своей "игры". Успенский видел, что Гурджиев постоянно "играл", однако воспринимал это в положительном свете, пока эта "игра" не была направлена на него самого. Для достижения своей цели Гурджиев был вынужден

показывать кое-что из арсенала своих идей и способностей, и люди составляли преувеличенное представление о том, что он мог для них сделать. Теперь же, когда Гурджиеву нужно было организовать свою работу согласно Институту, который он решил основать, он уже не мог играть свою прежнюю роль.

Успенский не слишком серьезно относился к идее Института. Он рассматривал его как не более чем просто внешнюю форму, потребовавшуюся для упорядочивания деятельности Гурджиева. Он даже сказал, что "эта внешняя форма была чем-то сродни карикатуре".¹ У Успенского, так же как и у большинства других членов московской группы, были серьезные сомнения по поводу Гурджиева. Большинство из них согласилось бы с точкой зрения Успенского, который проводил четкую грань между системой - чем-то удивительным и важным, и Гурджиевым - человеком, в котором сочетались положительные и отрицательные качества.

Примерно тогда же, благодаря Томасу де Гартману и его жене, Гурджиев получил двух очень ценных учеников. Это был Александр де Зальцманн и его жена, Жанна. Очень скоро они стали незаменимыми помощниками в организации танцев и ритмических движений, включая публичные демонстрации. Кроме того, приехав в Тифлис сразу же после революции, им удалось познакомиться со многими влиятельными людьми.

¹ См. В поисках чудесного, стр. 381.

Институт успел просуществовать несколько месяцев, но после того как Британский Военный Штаб решил отозвать гарнизон и всех его офицеров, падение социал-демократического правительства было неотвратимым. В то время я возглавлял отдел политической разведки Британского Генерального Штаба в Турции, и среди прочих заданий мне было поручено курировать миссию Второго социалистического интернационала, спешным образом направленную Союзниками в Тифлис с целью морально поддержать правительство Грузии. Лично у меня тогда не было сомнений в том, что, если бы мы сохранили свое военное присутствие на Кавказе, большевики остановились бы у северных склонов гор, и независимые правительства смогли бы сохранять нейтральную зону, которая бы на долгие годы обезопасила Кавказ от Большевиков. Миссия, во главе которой стояли Рэмси Макдональд и Камилль Хьюсманс, возвратилась из Тифлиса с прошением во чтобы то ни стало поддержать меньшевистское правительство. Но, к сожалению, возобладали строгие стратегические принципы, и, поскольку ни от Франции, ни от Италии поддержки ждать не приходилось, Британский гарнизон был выведен, и Кавказ вскоре пал. Гурджиев должен был принять важное решение. Он мог отправиться либо на запад, в Европу, либо на восток, в Туркестан, где его знали и где он был как у себя дома. Он мог рассчитывать, что найдет там спокойный уголок для себя и тех своих последователей, кто решил бы пойти за ним. Нескольким своим ученикам он тогда предложил отправиться вместе с ним в экспедицию в Персию, но в конце концов отправился в сопровождении всего лишь одного из них. Насколько я понимаю, цель этого путешествия заключалась не столько в том, чтобы

оценить ситуацию, которую он знал гораздо лучше, чем ситуацию в России, сколько в том, чтобы посоветоваться с людьми, мнению которых он доверял. По-видимому именно так следует трактовать его слова относительно приезда в Европу с одобрения его "учителя". Итак, важное решение было принято: Работа должна была прийти на Запад, и Гурджиеву предстояло порвать свои связи с Россией. Некоторые из его учеников решили остаться. Часть уехала обратно в Москву и Ст. Петербург, вскоре ставший Ленинградом; другие же остались на Кавказе. Сам же Гурджиев свернул свои дела, обратив свое имущество частично в наличность, а частично в коллекцию особенно ценных ковров. Он обратился за визами для себя и части своей семьи к Турецким властям, хотя большинство из его родственников тогда не смогли присоединиться к нему. Тех своих учеников, которые решили поехать с ним, он снабдил деньгами, но благоразумно велел им самим позаботиться о переезде. В Турцию он приехал в июне 1920 года, когда ситуация была довольно накаленной, так как греческая армия наступала на восточную Фракию и намеревалась оккупировать Бурсу и Ушак. Никто тогда не знал, как Турция отреагирует на эту провокацию.

За безопасность этой территории отвечал Британский военный флот и Черноморская армия. Французы заняли Сирию, а итальянцы - западную Анатолию и острова. Это означало, что я как начальник политического отдела военной разведки должен был следить за всеми "подозрительными" приезжими. Как я уже писал ранее, вообще говоря, в Нью Дели на Гурджиева велось довольно нелицеприятное досье, и мы получили уведомление о том, что в тот момент он мог быть большевистским агентом. Известный Данстерский Гарнизон в северном Ираке следил тогда за весьма беспокойной зоной между Карсом, Тебризом и Каспийским морем. По-видимому генералу Данстервилю стало известно о перемещениях Гурджиева. Возможно также, что Гурджиев каким-то образом был связан с Христианской армией мщениа во главе с кровожадным армянским генералом Антраником, которому удалось создать независимую Армянскую республику. Так или иначе Гурджиев вызывал подозрения, и ему не удалось получить разрешение на выезд из Турции. Вместе с тем он без каких-либо ограничений мог вести свои дела в Константинополе, что он и делал, преимущественно в районах Галата, Пера и Татавля, населенных почти исключительно армянами и греками. Вне всяких сомнений помимо христиан среди друзей Гурджиева были и турки, в чем я смог лично убедиться на своей первой встрече с ним во дворце принца Сабахеддиша на Босфоре. Кроме того ему удалось снять дом рядом с Га-латской башней по адресу Йеменеджи Сокак № 13. Это было не так-то просто в то время, когда Константинополь наводняли войска Союзников, беженцы из России, прибывавшие все в больших и больших количествах из Одессы и других черноморских портов, а также офицеры и солдаты демобилизованной турецкой армии.

И снова Гурджиев решил организовать отделение своего Института. У меня сохранился экземпляр рекламного проспекта, который он тогда вручил мне:

Группа людей, давно интересующихся вопросами развития и совершенствования "самости", пришла к заключению, что в каждом центре культуры должна быть соответствующая организация, занимающаяся этими вопросами.

Узнав о том, что, благодаря стечению обстоятельств, М-р. Г. И. Гурджиев в данный момент находится в Константинополе, эти люди обратились к нему с просьбой о помощи в организации отделения Института гармоничного развития человека в Константинополе. М-р. Гурджиев дал свое согласие.

В связи с тем, что открыть отделение Института, в котором бы обучение шло по полной проверенной опытом программе, в настоящих условиях невозможно, было решено на первое время организовать обучение по сжатой программе, которая при ближайшей же возможности будет расширена. В настоящее время преподаются следующие дисциплины:

1. Гармонические и пластические ритмы
2. Древние восточные танцы
3. Лечебная гимнастика
4. Мимика

На данный момент в Институт принимаются только ученики второй и третьей категорий. Инструктора имеют опыт работы в других отделениях Института:

Мм. Жанна Матиньон — гармонические ритмы

Мм. Дж. Островская - пластические и древние восточные танцы.

Профессор Т. де Гартман - музыка

Др. Сджернваль — лечебная гимнастика

М-р. Г. Гурджиев как генеральный директор будет заниматься организационными вопросами вплоть до приезда человека, которому будет поручено руководство константинопольским отделением Института.

Временно занятия будут проводиться по адресу: Пера, Тоннель, ул. Йемениджи, дом 13.

Дважды в неделю (по четвергам и воскресеньям) М-р. Гурджиев будет читать лекции в центре. Он же будет проводить публичные беседы по вопросам религии, философии, науки и искусства с эзотерической точки зрения. Особое внимание будет уделяться системам изучения человека и теориям "сверхчеловека" в восточных науках. Кроме того будут обсуждаться современные интегральные науки в свете древних наук, медицины, химии, психологии и т.д.

Цель предлагаемых лекций заключается в том, чтобы познакомить жителей Константинополя с научными и философскими материалами, в течение долгих лет исследований собиравшимися в различных, прежде всего азиатских, странах. Никакая часть этих материалов не издавалась.

Ниже приводятся темы некоторых лекций:

1. Избранные эпизоды рассказов о путешествиях по Туркестану, Памиру, Тибету, Читралю, Кафиристану, Афганистану и Белуджистану.

2. Можно ли действительно назвать Индию страной чудес?

3. Раскопки в Дели и равнинах Гэтдукуша, в Армии, Вавилоне и Египте.

4. Является ли душа вечной? Свободна ли воля?

5. Закон Семи.

6. В чем заключается основной недостаток современной науки?

7. Что представляет собой современный человек?

8. Что такое Гипноз?

9. "Магнетизм", "эмоциональность", "мистицизм".

10. "Факиры", "монахи", "дервиши" и "йоги".

11. Наука чисел, символов и диаграмм.

12. Древнее священное искусство.

13. Наука ядов.

14. Волшебство.

15. Доказательства общности происхождения всех религий.

16. Разоблачение и демонстрация различных ловкостей и трюков, используемых факирами, медиумами, ясновидящими и предсказателями.

Лекции будут читаться на русском, греческом, турецком или армянском языках, в зависимости от аудитории. Все сборы будут направлены на помощь малоимущим студентам Института.

На обложке проспекта изображена "эмблема" Института с символом эннеграммы и многочисленными символическими фигурами, а также фотография Гурджиева в молодости.

На проспекте не указана дата, но я полагаю, что он был напечатан в сентябре 1920 года, Успенский же увидел его несколько позже. Он приехал в Константинополь в январе и начал

читать публичные лекции на Русском Маяке в Пера. В августе Успенский стал собирать группы на квартире, в которой я жил вместе с Миссис Бьюмонт, рядом с немецким посольством. Гурджиев с Успенским вновь подружились и Успенский стал активно помогать в организации Института. Томас де Гартаман и его жена организовывали концерты только что сформировавшегося чудесного русского оркестра, в который вошли музыканты из главных оркестров Москвы, Киева, Харькова и Одессы. Так получилось, что я тоже участвовал в этой деятельности и таким образом в разное время познакомился с Успенским, де Гартаманами и Гурджиевым, поначалу не зная об отношениях между ними.

В главном помещении Института на Йемениджи Сокак я был всего лишь однажды. Йемениджи Сокак - это узкая и извилистая улочка с высокими узкими домами. Тринадцатый подъезд располагался в трех подъездах от главного равнината, где Гурджиеву предоставили одну большую комнату. Там я впервые увидел "демонстрацию" ритмических упражнений и ритуальных танцев. Лучшее всего я помню Посвящение жрицы, в котором главную роль играла жена Гурджиева, Мм. Островская. Гурджиев рассказал нам, что его система развивала все стороны человеческой природы и что показанные нам упражнения предназначались не только для того, чтобы вырабатывать контроль над телом, его движениями и позами. По своей организации, или паттерну, упражнения были весьма сложными и требовали большой концентрации внимания. В сочетании с мимикой, которая на самом деле была удивительной и не похожей ни на что мне известное, эти упражнения воздействовали на эмоциональную природу. Я спросил у Гурджиева, исчерпывалось ли этим обучение, и он объяснил мне, что составил всеобъемлющую систему идей и методов, которую собирался принести на Запад, как только это позволит сделать политическая ситуация. На той же демонстрации я увидел Успенского и впервые понял, что они с Гурджиевым были связаны.

Поскольку вместе с Гурджиевым тогда была группа, обученная упражнениям, он решил сделать это главной особенностью турецкого Института. В частности он хотел поставить балет под названием Битва магов. Для правильного выполнения ритуальных движений требуется очень серьезная подготовка тела, ума и чувств. Это коренным образом отличается от классического балета, в котором основные элементы доводятся до автоматизма, и танцор интерпретирует тему при помощи ума и чувств. В гурджиевских упражнениях само тело должно быть в высокой степени сознательным, и объединять функции мышления, чувствования и телесных ощущений в едином и согласованном акте выражения. Мне довелось повидать много различных суфийских представлений, включая представления руфайских "воющих" и мевлевийских "кружащихся" дервишей. На йесевитские ритуалы больше всего были похожи искусные ритуалы хелветийских дервишей, включавшие в себя довольно сложные движения всего тела, головы и рук. Мне тогда показалось, что гурджиевские движения были комбинацией всего того, что мне приходилось видеть раньше, и

некоторых новых для меня элементов. Тогда же я впервые увидел упражнение "стоп", когда ученики бросились к зрителям и внезапно были остановлены командой Гурджиева. Они попадали на пол в странных положениях, и лежали так, как застывшие. Почему-то это напомнило мне о той ночи, которую я провел в руфайской текке на азиатской стороне Босфора.

Работа Института в Пера продолжалась вплоть до лета 1921 года. Тем временем меня отозвали в Англию, чтобы принять участие в качестве переводчика на так называемой Конференции по установлению мира на Ближнем Востоке. К марту я вернулся в Турцию, передав свои полномочия по отстаиванию интересов наследных оттоманских принцев, среди которых у меня было несколько личных друзей. Тогда мне удалось помочь Гурджиеву в одной из его головокружительных сделок. Он вылечил молодого грека от алкоголизма и наркомании и в качестве вознаграждения получил права на половину доходов от корабля, реквизированного Британским военным флотом. Поскольку ситуация в Анатолии изменилась, и флоту он больше не был нужен, мне удалось организовать его возвращение. Гурджиев выручил за свою долю довольно приличную сумму денег и потратил ее на переселение своей группы в Германию, в которую можно было без особых трудностей получить визы. На этот раз Гурджиев оставил в Турции относительно многочисленную группу заинтересованных людей, продолживших теоретическое изучение его идей. В результате переселений, начавшихся через несколько лет, греческие члены группы переселились в Салоники, откуда поддерживали связь с Гурджиевым вплоть до его смерти. Насколько мне известно, он посетил их когда-то в тридцатых годах.

Гурджиев пробыл в Константинополе с июня 1920 по сентябрь 1921 года. В это время книга Успенского *Tertium Ogavit* вышла в переводе Николая Бессарабова и привлекла внимание Леди Ротермер. Она разыскала Успенского в Константинополе и организовала его приезд и чтение лекций в Англии. Он уехал в Августе 1921 года и вскоре я его встретил в Лондоне и впервые услышал, как он читает лекции на английском языке.

Гурджиев перевез свою группу через Румынию и Венгрию в Берлин, после чего арендовал зал в Шмаргендорфе, предместье Берлина, который тогда лихорадило от ужасающей инфляции, абсолютно обесценившей немецкую марку. В Берлине любой приезжий с иностранной валютой чувствовал себя богатым и Гурджиев мог свободно путешествовать по всей Германии в поисках подходящего центра. Александр де Зальцман хорошо знал довоенную Германию, а его жена, Жанна, училась у Жака Далькрозе, основателя ритмической гимнастики. По причине инфляции Институт Далькрозе в Гелларо под Дрезденом перестал быть рентабельным, и Гурджиев решил использовать его в качестве основной базы для своей деятельности, по крайней мере до того момента, когда Далькрозе почувствует возможность снова встать на ноги. Он вполне мог купить это здание и наверняка сделал бы это, если бы ему не сказали, что группа

состоятельных англичан, которых заинтересовали лекции Успенского, была готова организовать пребывание Гурджиева в Англии и оплатить все связанные с этим расходы.

Ситуация в Германии тогда была очень незавидной: просто удивительно, что не вспыхнула революция. Ее могла предотвратить только поразительная немецкая дисциплина. По всей видимости именно эта ситуация, больше чем что-либо еще побудила Гурджиева попытаться счастья в Англии. К сожалению, несмотря на влияние и усилия Леди Ротермер и известных в обществе богатых друзей Успенского, британские власти отказались предоставить Гурджиеву и членам его группы визы более чем на месяц. И, хотя уже был подобран большой дом в Хемпстеде, и все было готово для открытия английского отделения Института, проект пришлось свернуть, и Гурджиев вернулся в Берлин, где его основная группа проходила чрезвычайно интенсивную подготовку.

Сегодня, вспоминая десять лет между 1911 и 1921 годами, мы видим, что Гурджиев следовал четкому и целенаправленному плану. Другим его действия могли казаться эксцентричными и непоследовательными, но им явно двигала уверенность в том, что его миссия важна для человечества и что высшие силы создадут условия для ее осуществления. Как мне кажется, он тогда поддерживал связи с азиатскими дервишами. Вообще он производил впечатление человека, следовавшего четкой программе. Он утверждал, что мог призвать на помощь людей, понимавших важность его задачи, и, пожалуй невозможно в полной мере передать ту абсолютную уверенность, с которой он преодолевал трудности, подстерегавшие его в странах, разоренных войной и революциями. Успенский, у которого было много друзей в Европе, гораздо больше сомневался в том, что ему удастся обосноваться в Англии. Гурджиев же давал всем понять, что мог и собирался открыть свой Институт там, где это было бы лучше всего для осуществления его миссии. Отказавшись от планов на создание Института в Лондоне, он сделал это в большей степени потому, что предпочитал Париж, а не потому, что Лондон не хотел его принимать.

Глава 6

ИНСТИТУТ в ФОНТЕНБЛО

Решение Гурджиева свернуть связанные с Лондоном планы очень расстроило английскую группу, которую чрезвычайно заинтриговали удивительные беседы, проведенные им в качестве маленькой демонстрации того, чему должна была быть посвящена деятельность Института, если бы, как мы надеялись, его удалось открыть в Хемпстеде. У меня сохранились записи лекции, которую Гурджиев прочел 15 марта 1922 года. Я привожу здесь некоторые выдержки из нее, чтобы вы могли сами почувствовать, в какой форме гурджиевские идеи впервые представляли перед нами. Следует также иметь в виду, что к тому моменту еще ничего не было издано. Успенский рассказывал нам удивительные

вещи, но не выходил за рамки того, что мы могли сами наблюдать и в чем могли сами

убедиться. Гурджиева сопровождали два переводчика, англичанин и русский. В ответ на вопрос Орэйджа он рассказал нам о способах радикального изменения бытия, что по словам Успенского было необходимо и возможно. Гурджиев изложил концепцию Сущности и личности характерным для него образом, упомянув при этом о возможности изменять личность при помощи гипноза, чего мы никогда не слышали от Успенского. Вместе с тем, он сказал, что более глубокие изменения, на которые мы надеемся, не могут быть произведены третьим лицом и должны быть результатом наших собственных страданий и жертв. "Личность, — сказал он, — не является нашей собственностью в полном смысле этого слова; мы не рождаемся с ней. Мы приобретаем ее в процессе общения со спящими людьми, и поэтому она спит. Она не хочет пробуждаться, она хочет оставаться под гипнозом. Сущность спит, но не под гипнозом. Сущность - это то, с чем мы рождаемся, и то, что формируется из нее в процессе естественного развития. Личность же - это то, что мы приобретаем во время своей жизни. Она на поверхности, и поэтому может легко меняться. Изменить сущность трудно, а иногда может быть даже и невозможно.

Вы должны понять, что существует два вида изменений личности. Могут происходить бессознательные изменения. Это временные изменения. Один набор переживаний вытесняет другие. Затем ситуация повторяется и личность возвращается в свое прежнее состояние. Сознательно же можно изменить личность навсегда. Наблюдая за личностью, можно обнаружить, какие именно аспекты следует изменить таким образом, чтобы они не вернулись в прежнее состояние.

Научившись наблюдать за собой, вы научитесь также и отличать то, что относится к Сущности от того, что относится к личности. Тогда вы сможете все в себе разложить по полочкам и узнать свою сущность. Личность не способна контролировать Сущность. Она лишь может подготовить пробуждение Сущности. Подлинной властью может обладать только Сущность. Власть личности - это воображение.

Людей связывают между собой их личности и Сущности. Это химическая связь. Личности двух людей могут любить друг друга, тогда как их Сущности могут друг друга ненавидеть. Их Сущности будут постоянно ссориться, а личности будут мириться.

Прежде всего, вы должны понять ситуацию, в которой находитесь. То, что вы называете "волей", исходит исключительно от личности. У этого нет ничего общего с подлинной волей. Что-то воздействует на вашу личность, и она говорит: "Я хочу" или "Я не хочу", "Мне нравится" или "Мне не нравится", - и думает, что это и есть воля. Это ничто. Все это пассивно. Воля может быть только в Сущности, но в вашем

нынешнем состоянии у вашей Сущности нет воли, а есть лишь автоматические импульсы. Желания Сущности - это ваши собственные желания, но они бессознательны; это не воля. Они автоматически возникают в вас, потому что вы таковы.

Сущность и личность даже расположены в разных частях мозга. Практически все, что относится к личности, включено в формирующий аппарат. Сущность не может пользоваться всем этим материалом, и поэтому не способна выносить суждения. Она доверчива, и, поскольку ей ничего не известно, она боится вмешиваться. Невозможно повлиять на Сущность посредством логических аргументов или убедить ее в чем-либо. Пока у Сущности не появляется собственный опыт, ее развитие стоит на месте. В некоторых ситуациях личность оказывается неспособной реагировать, и тогда в действие вступает Сущность. Тогда человек начинает понимать, сколько заложено в Сущности. Она может оказаться еще ребенком, не знающим, как себя вести. И нет никакого смысла указывать ей, как следует вести себя, поскольку она не поймет вашего языка. На личность же повлиять очень просто, особенно в случае современного человека. Личность поддается любому внушению, каким бы абсурдным оно ни было. Может быть, иногда ум лучше знает, что следует делать, но тогда Сущность в этом не участвует. Ум может знать, что нужно любить всех, но Сущность на это не способна, и все остается только лишь на словах.

В случае большинства людей Сущность получает впечатления только до пяти или шести лет. Получая впечатления, она растет, но затем все впечатления берет на себя личность, и рост Сущности прекращается. Иногда, если образование, которое получает человек, оказывается не очень неблагоприятным, Сущность может продолжать расти, и в результате формируется более или менее нормальный человек. Однако нормальные люди составляют исключение. Практически у всех людей Сущность остается на уровне ребенка. По этой причине человек в своей глубине остается нерешительным и полным разного рода страхов. Это происходит потому, что такой человек знает, что на самом деле не является тем, кем пытается казаться, но не знает, почему это так.

Вы не сможете понять, как можно изменить Сущность и вернуть ее к нормальному участию в вашей жизни, пока у вас не будет достаточно знаний. Для этого вам нужен новый "язык". Сейчас я не мог бы вам рассказать всего, даже если бы желал. Самонаблюдение подскажет вам, что и почему должно быть изменено; но, даже если вы знаете, что следует изменить, вы не будете знать, как именно работать над собой. Поскольку каждая Сущность уникальна, для каждой из них нужна индивидуальная программа работы. Для того же чтобы выработать индивидуальную программу, необходимо длительное изучение не только со своей стороны, но и с участием других людей. Именно так все устроено в Институте. Приходя в Институт, люди начинают изучать себя, а другие изучают их, и проходит довольно

много времени, прежде чем удастся составить для человека соответствующую ему программу работы".

Я привожу здесь цитаты из этой и других лекций для того, чтобы показать связь учения Гурджиева с Ходжаганом. Человек не может встать на путь, пока в нем преобладает личность. Подчинение¹ личности - это фана-и ахам, которая не является истинным фона, и тем не менее необходима для ищущего, если он хочет оказаться под действием высших влияний. Первое подчинение Сущности называется фана-и афаль, а окончательное подчинение всего существа - фана-и сифат; слова афаль и сифат обозначают соответственно внешнюю и внутреннюю сторону Сущности. Вообще во всех лекциях Гурджиева того времени суфийский источник был очевиден для всех слушателей, знакомых с суфизмом.

Гурджиев продолжал ездить в Лондон в течение двух месяцев, но при этом одновременно вел поиски и во Франции. Тогда мне так и не удалось снова повидать его, отчасти потому, что у меня было много разъездов в связи с моей работой по делам турецких наследников, но в основном потому, что я не мог помочь в наиболее необходимом на тот момент вопросе, то есть в финансовом обеспечении Института. В июле 1922 года Гурджиев оставил мысль об открытии Института в Лондоне. После нескольких месяцев поисков и переговоров ему удалось заключить странную сделку с вдовой Мэтра Лабори, прославившегося защитой Дрейфуса и оставившего ей Замок Приорэ (Chateau du Priore) в Авоне, рядом с Фонтенбло, где раньше жила Мм. Мэнтенон. Основная часть учеников Гурджиева оставалась в Берлине, пока ему не удалось устроить их размещение. Надо сказать, он перевез их в Париж раньше, чем следовало, а именно в июле, и это стоило ему больше, чем он был в силах заплатить. Гурджиев получил возможность вселиться в Приорэ только в октябре. То затруднительное положение, в котором он таким образом оказался, сам он называет "одним из самых сумасшедших периодов своей жизни".

"Когда я вошел в ворота Замка Приорэ, меня как будто поприветствовал старый привратник, Миссис Серьезная Проблема. Мои сто тысяч франков были уже до последнего су пущены по ветру, отчасти оплатой аренды собственности, а отчасти расходами на жизнь стольких людей в Париже в течение трех месяцев. Мое и без того тяжелое положение усугублялось также и тем обстоятельством, что на момент своего приезда в Париж я не говорил ни на одном западноевропейском языке".

¹ Surrender - термин, широко используемый в Субуде, но к сожалению не имеет точного эквивалента в русском языке и может быть переведен, как подчинение, смирение, отказ, отступление, капитуляция и т.п. В настоящей книге будет использоваться вариант "подчинение" (прим. перев.).

Тогда он начал искать возможность получить кредит. У Успенского в Лондоне было несколько богатых друзей, одним из которых был Ральф Филипсон, владелец нортумберлендских шахт.

Он считался мультимиллионером, а его русская жена делала все возможное, чтобы помочь Успенскому в его деятельности.

Это был первый случай, когда Гурджиев отступил от своего принципа, которого придерживался в течение пятнадцати лет: брать на себя всю ответственность за выполнение своей работы и не принимать материальной помощи от посторонних. Половину времени он проводил в Париже, а половину в Приорэ, где создавал свой знаменитый Учебный Дом из списанного ангара, полученного от Французских Военно-воздушных сил в качестве вознаграждения за его вывоз. Много времени он проводил в Париже в поисках способа заработать денег. Он лечил от алкоголизма и наркомании, а также сумел организовать несколько предприятий, включая проект по разработке азербайджанского нефтяного бассейна, который все еще формально находился в ведении частных владельцев. Этот проект, о котором я тогда много слышал в связи с моей работой по притязаниям турецких наследников на концессии нефтяного бассейна Мосула, принес Гурджиеву не только хороший доход, но и полезные связи в Америке. Гурджиев также был непревзойденным специалистом по организации работы ресторанов. Он помог двум группам русских иммигрантов открыть рестораны на Монмартре, которые позднее стали весьма известными, и очень выгодно продал свою долю.

Сразу же после заселения Приорэ туда стали стекаться люди из Лондонских групп, кто на некоторое время, а кто и "навсегда". Др. Морис Николь и Др. Альсон, имея широкую известность и будучи ведущими специалистами по юнговской психологии, продали свою практику и отправились в Приорэ вместе с женами и детьми. А. Р. Орэйдж продал права на свой Новый век, что привело в оцепенение литературные круги Лондона. Некоторые из женщин нашей группы, включая Др. Белл, также психоаналитика, Мисс Крауди, Мисс Гордон и Мисс Мерстон, тоже поехали в Приорэ с твердым решением пройти все до конца. Весной 1922 года мы все получили по экземпляру рекламного проспекта Института, который был переведен на английский, немецкий и французский языки.

Поскольку этот документ связывает новую фазу деятельности Гурджиева с предыдущими попытками основать Институт в Туркестане и России, я приведу далее значительную его часть (см. Вестник грядущего добра, стр. 28). Проспект начинается с преамбулы, обвиняющей совре-

менную цивилизацию в лишении человека возможности прогрессивного и уравновешенного развития в сторону нового типа человеческого существа, того развития, которое, если вообще происходит, то происходит с течением времени и согласно закону общего человеческого прогресса. Далее говорится, что "психика обычного современного человека разделена на три, так сказать, совершенно независимые "сущности", никоим образом не связанные между собой и разделенные как по своему функционированию, так и по своим проявлениям, тогда как согласно историческим данным эти три источника у большинства людей еще даже во времена Вавилонской цивилизации составляли

единое и неделимое целое, судя по всему, являвшееся общим хранилищем всех впечатлений и центром всех проявлений". Следует отметить, что речь идет не о Позд-невавилонской цивилизации, а о временах Саргона и Хаммурапи. Об этом свидетельствует утверждение Гурджиева, что разделение человеческой психики произошло сорок пять столетий назад. Как всегда, в этом проспекте он критикует современную систему образования, закрепляющую это разделение и в частности говорит следующее:

"Вследствие такого одностороннего образования современного человека, в случае большинства людей эти три совершенно независимых источника, или центра, его жизни, а именно, источник его интеллектуальной жизни, источник его "эмоциональной" жизни и, наконец, его инстинктивный или "двигательный" центр - вместо того, чтобы внутренне слиться, что должно в норме происходить для формирования общих внешних проявлений, стали, особенно в последнее время, полностью независимыми внешними функциями, и при этом как методы образования этих функций, так и качество их проявлений стали зависеть от особых внешних субъективных условий.

Как следует из выводов, сделанных на основе экспериментов, проведенных самим М-ром. Гурджиевым и многими другими людьми, серьезно занимавшимися этим вопросом, в основе подлинно сознательного восприятия и проявлений человека может лежать только одновременное и согласованное действие трех названных выше источников, составляющих его общую индивидуальность, и каждый из которых должен выполнять свою задачу, то есть обрабатывать свою часть ассоциаций и восприятия.

Полноценное достижение требуемого и нормального проявления в каждом конкретном случае возможно лишь при согласованной деятельности всех трех источников.

В случае современного человека, отчасти по причине получаемого им во время подготовительного возраста ущербного образования, а отчасти в силу влияний, вызванных определенными факторами общепринятых

ущербных условий современной жизни, работа центров психики во время его ответственного возраста практически полностью разобщена, вследствие чего его интеллектуальная, эмоциональная и инстинктивно-двигательная функции уже не являются по отношению друг к другу взаимодополняющими и взаимокорректирующими, и, напротив, идут разными путями, которые редко пересекаются и по этой причине практически не оставляют шансов обрести то, что на самом деле следует понимать под словом "сознательность", которое современный человек использует не по назначению.

Вследствие несогласованности работы этих трех отдельно сформировавшихся и образованных частей обычной человеческой психики происходит то, что современный человек представляет

собой сочетание трех различных людей в одном индивидууме; один из них мыслит в полной изоляции от других, другой исключительно чувствует, а третий действует автоматически, соответственно сформировавшимся или случайным рефлексам его органических функций. Эти три человека в одном, по предусмотрению Великой Природы должны, объединившись к ответственному возрасту, являться единым человеком, таким каким он должен быть: "человеком без кавычек", то есть реальным человеком.

Эти трое, явно предусмотренные Великой Природой для формирования единого целого, не выработав в должное время привычки понимать друг друга и помогать друг другу, вследствие собственных ошибок людей и их ущербного образования, в период ответственных проявлений современного человека не только никогда не помогают друг другу, но наоборот автоматически препятствуют реализации планов и намерений друг друга; и более того каждый из них, подминая под себя остальных в острых ситуациях, выставляет себя хозяевами положения, таким образом неоправданно принимая на себя роль истинного "Я".

Понимание того, что центры инициативы, которые должны представлять собой психику человека, действуют бессвязно и более того противодействуют друг другу, а также того, что ни у кого нет даже теоретического представления о необходимости образования, которое бы соответствовало этим разобщенным и относительно независимым частям, должно неизбежно приводить к тому заключению, что человек не является хозяином даже себя самого.

Он не может быть хозяином себя, поскольку не только не контролирует эти центры, работа которых должна полностью подчиняться его сознанию, но даже не знает, какой из них занимает главенствующее положение.

Система, применяемая в Институте гармоничного развития человека для наблюдения за человеческой психикой, убедительно показывает, что современный человек никогда не действует по собственной инициативе, и все его действия представляют собой не более чем ответ, на внешние раздражители.

Современный человек не думает - что-то думает за него; он не действует - что-то действует через него; он не творит - что-то творится посредством него; он ничего не достигает - что-то достигается посредством него. Для того чтобы избежать нежелательных результатов и непредвиденных последствий работы над собой, необходимо следовать правилам особых и строго индивидуальных методик, цель которых заключается в развитии новых и специфичных "инерции" при помощи которых под руководством опытных наставников можно регулировать и замещать старые. Другими словами, необходимо вырабатывать новые способности, что невозможно сделать в рамках обычной жизни, без посторонней помощи и, следуя лишь общим методам.

В программу Института гармоничного развития человека входит ведение "работы особого направления", по результатам

которой делается тщательно обоснованный выбор соответствующего типа работы для каждого человека, согласно его ущербно сформированной психике, автоматическую активность которой следует либо развивать, либо нивелировать".

Поскольку сам я приехал в Приорэ только в 1923 году, мне приходится использовать записи, любезно предоставленные мне Мисс Глэдис Александер, одной из учениц Успенского, с которой мне доводилось работать. Она пишет:

"В ожидании открытия Приорэ, несколько человек отправилось прямо в Париж, чтобы присоединиться к ученикам, последовавшим за М-ром Гурджиевым из России в Турцию и далее. В то же время в Лондоне распространялись тревожные слухи о тяжелой жизни в Приорэ. Страх навверное перед болезненными личностными потрясениями и изнурительными проверками на физическую выносливость, стал почвой для всевозможных преувеличенных домыслов и превратного понимания.

Было ли это предусмотрено или нет, приезд нового человека в Приорэ как правило оставался как бы незамеченным, и я несколько дней не знала, как представиться М-ру Гурджиеву. Затем я поняла, что мне просто нужно было решиться подойти к нему. Он сразу же сказал мне: "Не бояться, нет страха".

Ритм жизни был взвинчен до невозможности. Она складывалась из тяжелого труда на старого устройства кухне и посудомойке, работы по дому и в прачечной, в саду и огороде, ухода за лошадьми, волами, овцами, баранами, коровами, телятами, курами, поросятами и собаками. Все происходило в клокочущей атмосфере скорости и напряжения, усилий и возвышенных надежд, перемежавшихся с эпизодами пробуксовывания и недовольства, обыденных разногласий и словесных перепалок. Это было поистине плавильным котлом, предназначенным для сведения к изначальной ценности тех ингредиентов, которые варились и перемеживались в нем.

После ужина мы практиковались в движениях и танцах дервишей в зале. Хотя мне приходилось иметь дело с техникой Далькрозе, балетом и быть знакомой с Айседорой Дункан, я не нашла в этом способа пластического выражения трехмерной формы; в движениях же М-ра Гурджиева я сразу увидела то неизречимое нечто, что я всю жизнь искала.

Через некоторое время по частям привезли ангар, из которого было решено сделать Учебный Дом. От невысокой сцены из прессованной глины широкий просторный зал, покрытый коврами, тянулся до дальнего конца ангара, с одной стороны которого для М-ра Гурджиева была сделана небольшая ложа, задрапированная портьерами и выложенная коврами и подушками. Центр зала был отгорожен от внешнего прохода деревянными перилами. За проходом располагался ряд приподнятых кресел и банкетов, также выложенных коврами и подушками, чтобы можно было сидеть и облакачиваться. Со стороны центра зала перила были покрыты овечьими шкурами и служили в качестве

спинки для того, чтобы ученики могли сидеть на полу из прессованной глины, также выстланном подобными шкурами. Мужчины сидели с одной стороны, а женщины - с другой, встречаясь лишь на выстланном коврами центральном проходе и на сцене. Стену за сценой украшали восточные музыкальные инструменты; невдалеке от сцены стоял большой рояль. Над сценой висела фигура эннеаграммы, а позже и плакаты из белого материала, на которых от руки были написаны афоризмы М-ра Гурджиева. Сидения по ту сторону от перил предназначались для зрителей, посетителей и вообще всех тех, кто не участвовал в обучении. За рядами сидений были окна, выкрашенные в разные цвета и украшенные символическими узорами персидских ковров. По сторонам от входа стояли два фонтанчика, в которых поначалу были серебряные и золотые рыбки; еще один фонтан стоял напротив центра сцены, в конце центрального прохода. Центральный фонтан последовательно переливался разными цветами.

Здесь после рабочего дня продолжались занятия с движениями, зачастую затягивавшиеся до раннего утра, когда печи переставали давать тепло, и зимний мороз загонял нас обратно в слегка менее холодный Приорэ".

Вся эта деятельность требовала от Гурджиева не только времени и усилий, но также и расхода той формы психической энергии, которую он называл халбледзоин (см. главу 3). Сам он утверждал, что для образования этой субстанции в количествах, превышающих обычные потребности физического тела, нужно либо выполнять специальные упражнения, либо преднамеренно навлекать на себя страдания особого рода. Секрет необычайной продуктивности Гурджиева, которая распространялась не только на внешнюю деятельность, но также и на идеи, и воздействие на окружающих, заключался в принятом им в 1911 году решении преднамеренно усложнить до предела свою жизнь. Эта продуктивность заставляла знавших его людей спрашивать себя, был ли перед ними обычный человек, или сверхъестественное существо. Та "неестественная жизнь", к которой приговорил себя Гурджиев, была единственным способом существования, позволявшим ему выполнять свою задачу.

Гурджиев вновь пустил в ход свои непревзойденные способности, возобновив общение с Успенским. Успенский был выдающимся и преданным приверженцем гурджиевской системы, и одновременно человеком, внушавшим доверие своей очевидной порядочностью и искренностью. Никому больше из окружения Гурджиева не удалось заручиться поддержкой такого количества состоятельных и влиятельных людей в Англии. Франко-говорящие ученики Гурджиева оказались неспособны найти финансовую поддержку ни во Франции, ни в Германии. Практически все деньги на открытие Института пришли из Англии. При этом Гурджиеву удалось вернуть доверие и расположение Успенского в такой степени, что в 1923 году Успенский называл Приорэ уникальным шансом для тех, кто мог туда поехать.

Впервые я побывал в Приорэ в январе 1923 года, незадолго до смерти Кэтрин Мэнсфилд. В то время основная часть работы приходилась на обеспечение быта Приорэ, но Гурджиев проводил личные беседы с перспективными учениками и время от времени читал лекции. Несколько ниже я приведу отрывки из лекции, прочитанной им 8 января 1923 года. Эта лекция очень важна, поскольку в ней Гурджиев изложил свое отношение к Христианству, утверждая помимо всего прочего, что цель его работы заключалась в том, чтобы помочь людям быть христианами в полном смысле этого слова. Следует при этом отметить, что Гурджиев никогда тепло не отзывался о христианских церквях. Его отец любил говорить: "Если хочешь потерять свою веру - подружись со священником". Далее я привожу резюме, составленное из разных записей этой лекции:

"Пока человек не отделяет себя от себя, он не может ничего достичь, и никто не может помочь ему. Стать хозяином себя очень трудно — это задача будущего; для этого требуется много сил и много работы.

Но для решения первой задачи, то есть для отделения себя от себя, не нужно много сил; нужно только серьезное желание - желание ответственного человека. Если человек не способен сделать это, значит у него нет желания. Следовательно здесь ему не место. То, чем мы здесь занимаемся, предназначено только для серьезных людей.

Наши чувства и наши мысли не имеют ничего общего с "нами", то есть с нашими реальными самостями. Обычно наши мысли появляются под воздействием чувств. Наш ум должен жить сам по себе, и наши чувства тоже должны жить сами по себе. Слова "отделить себя от себя" прежде всего означают то, что наш ум должен быть отделен от наших чувств.

Наши слабые чувства могут ежесекундно меняться, поскольку зависят от многочисленных факторов: от пищи, от окружающей обстановки и от случайных обстоятельств, которые привлекают наше внимание как нечто важное. В то же время наш ум зависит от очень ограниченного числа влияний, и поэтому достаточно небольшого усилия, чтобы держать его в желаемом русле.

Даже слабый человек может придать своему мышлению желаемое направление, но такие люди практически не контролируют свои чувства. Для подчинения своих чувств требуется много сил. Чувства человека не зависят от него: он может быть светлыми и мрачными, расстроенными, радостными и грустными, возбужденными или умиротворенными. Все эти реакции протекают независимо от самого человека. Человек может стать раздражительным, потому что его кто-то задел или обругал. Но раздражительным он может стать и, съев какую-нибудь пищу, обладающую этим эффектом.

Если человек еще ничего не достиг, то с него и нечего спрашивать. И поэтому не стоит ожидать от него большего, чем

он способен сделать. С чисто практической точки зрения человек безусловно не является ответственным в этом отношении, и в том, что он тот, кто он есть, нет его вины. Сообразно этому я и предъявляю свои требования, поскольку знаю, что не следует ожидать от слабого человека того, для чего нужна сила. К человеку можно предъявлять только требования, соответствующие тем возможностям, которыми он располагает. Так, большинство из вас здесь, потому что вам недостает силы, и вы пришли в этот Институт, чтобы обрести ее. Это говорит о том, что вы хотите быть сильными, и значит сила от вас не требуется.

Но давайте теперь поговорим о другой части нас - об уме. Я знаю, что у каждого из вас в умственной сфере достаточно сил ... каждый из вас может найти в себе силы и возможности действовать иначе, чем сейчас.

Ум способен функционировать независимо, но, к сожалению, может также и отождествляться с настроением и чувствами, становясь таким образом всего лишь отражением чувств. Ум большинства присутствующих здесь даже не пытается быть независимым и находится в постоянном рабстве у настроения.

Любой человек может сделать свой ум независимым, если только у него есть серьезное желание достичь этого. Но никто не пытается, и поэтому, несмотря на то, что вы уже здесь довольно давно, и, несмотря на то желание, которое вы долго лелеяли, прежде чем приехать сюда, вы все еще находитесь даже на еще более низком уровне, чем обычные люди, то есть на уровне людей, никогда и не собиравшихся ничего делать.

Я еще раз повторяю: в настоящее время вы не способны контролировать свое состояние, и поэтому нет смысла этого от вас требовать. Но когда вы обретете такую способность, к вам будут предъявляться и соответствующие требования.

И поэтому я говорю вам, что серьезный человек, простой обычный человек, не обладающий какими-либо незаурядными способностями, если что-то решает, то какой бы не была поставленная им перед собой задача, она всегда будет присутствовать в его памяти. Даже если он не сможет практически выполнить эту задачу, теоретически он всегда будет держать ее в голове. Даже если у него появятся другие мотивы, его ум не забудет поставленной задачи. Он будет считать своим долгом выполнить ее, и, если он честен, то будет стремиться исполнить свой долг, потому что он человек.

Никто не может помочь человеку помнить свою задачу, то есть отделять себя от себя. Человек должен делать это сам. Только когда он обретет эту способность, другие смогут помочь ему.

Я согласен, что постоянно стараться отделять свои мысли от чувств не просто, но ум должен всегда помнить об этой задаче. Он должен помнить, что вы приехали сюда, понимая

необходимость бороться с собой и только с собой, и с благодарностью относиться к тем людям, которые дают вам возможность вести эту борьбу.

Всю программу Института, все возможности Института и задачу Института можно выразить одной фразой: Институт может помочь человеку быть Христианином. Вот и все! Но это только в том случае, если у человека есть желания, а желание может быть у человека, только если у него есть место, где бы оно могло постоянно присутствовать. Но прежде чем мочь, нужно сначала захотеть мочь.

Таким образом, можно выделить три этапа: желать, мочь и, наконец, быть. Институт может служить средством. Вне Института, прежде чем человек приходит в него, он должен хотеть. Здесь же люди учатся мочь и быть.

Большинство присутствующих здесь считают себя христианами, на самом же деле, все вы "христиане" в кавычках. Давайте обсудим это поподробнее:

Др. И., Вы христианин? Как по вашему, ближнего следует любить или ненавидеть? - Ближнего следует любить.

Кто способен любить по-христиански? Выходит, что быть христианином практически невозможно. Христианство включает в себя много всего; мы остановились только на одном его аспекте, в качестве примера. Можете ли вы любить или ненавидеть кого-либо по указке?

И все же Христианство велит нам любить всех людей и благословлять ненавидящих нас. Но это невозможно. И в то же время мы действительно должны любить. К сожалению, прошло время, и современные христиане придерживаются только второй части этого учения, забыв о первой, которую следует ставить во главу угла. Прежде всего человек должен быть способным любить, и только тогда он сможет любить. Как же можно стать способным любить? Знание этого было потеряно.

Со стороны Бога было бы несправедливо требовать от человека невозможного. Поэтому Он много раз давал людям это знание. Однако человек настолько глуп, что каждый раз теряет этот бесценный дар.

Полмира исповедует Христианство; другая половина следует другим религиям. Я как человек здравомыслящий не вижу разницы между ними. Изначально все религии вели человека к тому же, что и Христианство. Следовательно, можно сказать, что все мы живем в Христианском мире, и разница лишь в названиях. Причем мир был христианским не один год, а тысячи лет. Христиане были еще даже до прихода Христа. Поэтому здравый смысл говорит мне: "Столько лет люди были христианами, и сам Господь в лице Иисуса Христа жил среди них - так как же Он может быть настолько неразумным, чтобы требовать невозможного?"

Это не так. Ситуация была такой не всегда. Люди лишь недавно забыли первую часть своей религии и вследствие этого потеряли возможность быть способными следовать учению Христа. В итоге, это действительно стало невозможным.

Пусть каждый спросит себя просто и искренне, способен ли он любить всех людей? Если он выпил чашечку кофе, он любит; если нет — он не любит. Можно ли это назвать Христианством?

Раньше не всех людей называли христианами. Некоторых членов одной и той же семьи могли называть христианами, других - только наполовину христианами, а третьих - вообще нехристианами. Таким образом, в одной и той же семье могли быть и те, и другие, и третьи. Теперь же всех называют христианами. Носить имя, которого не заслуживаешь, недостойно, глупо, наивно и непорядочно. Библия говорит нам: "Христианин - это тот человек, который способен следовать заповедям".

Человека способного выполнять все, что требуется от христианина, как в отношении ума, так и в отношении чувств, следует называть христианином безо всяких кавычек. Человек, всем своим умом желающий исполнять все, что требуется от христианина, но способный делать это только своим умом, и не владеющий своими чувствами, должен называться полухристианином. Человека же, который вообще ничего не способен делать, даже в рамках своего ума, нужно называть нехристианином.

Постарайтесь хорошо понять то, что я хотел донести до вас в этой лекции".

Гурджиев читал лекции нерегулярно и обычно не предупреждал о них заранее. Он часто отсутствовал в Приорэ, а, приезжая, безжалостно загружал себя физической работой, занятиями с учениками над движениями и встречами с важными людьми. У той части учеников, которые ранее посещали беседы Успенского, было преимущество в плане теоретической подготовки. Возможно именно этим обстоятельством объясняется то, что в 1923 году в Приорэ практически не было американцев и европейцев.

Весной 1923 года Гурджиев начал расширять программу работы Института. Я снова вынужден прибегнуть к записям Мисс Александер:

"Как-то вечером М-р Гурджиев объявил, что до сих пор по большей части наша работа не отличалась от работы скота и поэтому была неадекватной. Тогда же он решил пополнить спектр деятельности учеников упражнениям на память и внимание, которые нужно было выполнять параллельно с повседневными делами. Он тогда ввел много таких упражнений, причем весьма разнообразных. Мне было очень трудно их выполнять, а зачастую они просто ставили меня в тупик (что возможно было так и задумано) или же лишали сил. Иногда, расстроенная неудачными попытками выполнить то или иное

упражнение, я жаловалась ему, что у меня ничего не получается, а он просто говорил мне: "Да, я знаю, что этого вы не можете". Тогда я не понимала, что машина такова, какова она есть, и не может быть чем-либо еще и что склонность людей сравнивать свои достижения и промахи с результатами работы других лишь усложняет задачу, отвлекая внимание.

Помимо этих упражнений, к запланированной программе Института мы все еще не приступали, и ожиданиям тех, кто надеялся вернуть себе утраченное здоровье или по крайней мере верил в это, все еще не суждено было сбыться. Энтузиазм первой встряски начинал сходиться на нет, тогда как многое в методах М-ра Гурджиева практически оставалось за гранью нашего понимания. Понятными были лишь тернии на пути, а скольким удавалось терпеть их уколы?

Наконец однажды М-р Гурджиев предложил нам на выбор руководство в самых различных ремеслах и профессиях. Он перечислял нам возможные варианты, и мы должны были поднимать руки. Все с энтузиазмом поднимали руки, причем зачастую не возникало никаких разногласий. Насколько я помню, нам предлагалось научиться чинить обувь, шить одежду, плотничать, шить головные уборы, ткать ковры, проводить массаж, рисовать, ваять скульптуры и даже работать с электричеством. Однако, несмотря на наше воодушевление, практически никакого обучения не последовало, хотя обещанные нам перспективы удивительным образом подняли наш уже было начавший угасать настрой. Мы жили ожиданием.

Затем мы получили стимул, который меньше всего ожидали, а именно пост. М-р Гурджиев объяснил нам, что пост должен быть сугубо добровольным без какого-либо принуждения. Его целями были улучшение обмена веществ и прочие благоприятные воздействия, и все начиналось с клизм. Большинству было позволено только пить воду. Кто-то начинал пост с простокваши, русского кислого молока; кто-то — с неограниченного количества апельсинов. Продолжительность поста также была индивидуальной. Для некоторых это был один, два или три дня; для других же - неделя, а то и две недели. Врачи ежедневно измеряли вес, температуру и пульс. Между тем работа продолжалась своим чередом. Пост завершился густым бульоном, а на следующий день давали бифштекс. Идея поста была также поддержана единодушно.

Лето выдалось чудесным. М-р Гурджиев решил расчистить часть леса под здание, которое должно было стать постоянным главным корпусом Института. Большие деревья были свалены, и под палящим солнцем нужно было выкорчевывать и оттащить массивные корни и пни под аккомпанемент упражнений на память и внимание. Задача была не из легких. Но у нас был фонтан с холодной водой и бассейном, в котором мы могли купаться, большой чан с кислым молоком, изредка красное вино для поддержания настроения и, наконец, еженедельное блаженство фундаментального очистительного средства - русской бани. И опять же ни одного камня этого нового здания так и не было

заложено. Вместо него на освободившееся неплодородное поле засеяли горох и фасоль.

По выходным в Приорэ приезжало много гостей из Парижа и других мест, а по субботним вечерам мы приглашали некоторых местных жителей Фонтенбло и Авона посмотреть демонстрации движений и упражнений. Прием гостей всегда проходил на широкую ногу. Повседневные заботы откладывались в сторону, мы затапливали русскую баню, садились за торжественный ужин и сообразно праздничному представлению одевали свои белые костюмы. Я никогда не забуду эти летние вечера, медленно перетекавшие в ночи, проникнутые ароматом леса. Я как будто сейчас слышу перезвон колокольчика на калитке, возвещавшего приход гостей, которые длинными цветочными аллеями шли к Учебному Дому под плеск переливавшегося разными цветами садового фонтанчика с плясавшими вокруг него светлячками".

Чтобы у вас создалось представление о том, как велась работа в Приорэ, я перескажу вам один из множества рассказов об изнурительных стараниях завершить сооружение Учебного Дома к Рождеству. Чехович, практически не отрывавшийся от работы, закреплял балки на высоте десяти метров. Он был настолько измотан, что заснул прямо на узенькой рейке. Никто этого не заметил, но тут же подошел Гурджиев, миг оценил ситуацию, дал всем знак не двигаться и, вскарабкавшись по балке как кошка, крепко схватил Чеховича. Затем он буквально забегал вокруг Чеховича и отослал его спать на сорок восемь часов, после чего все вернулось в прежнее русло. Снова и снова неопытные строители сталкивались с трудностями, которые не в силах были преодолеть, и всегда в самый критический момент появлялся Гурджиев и показывал, что и как нужно было сделать.

Мне удалось подольше пробыть в Приорэ в июле и августе 1923 года. Миссис Бьюмонт, с которой мы вместе вошли в группу Успенского и которая была также предана Работе, не смогла тогда поехать вместе со мной, поскольку должна была отвезти свою мать на воды в Дэкс. Сейчас передо мной лежат письма, которые я писал ей тогда. Они напоминают мне о том, как наивно я тогда относился к Гурджиеву и его деятельности и насколько не понимал самого себя. Миссис Бьюмонт приехала в Приорэ позднее, и у нее сложилось очень яркое, но противоречивое впечатление о Гурджиеве. Вернувшись в Англию, она сказала Успенскому: "Я чувствую, что М-р Гурджиев человек неординарный, но не могу понять, хороший он или плохой. Такое впечатление, что он и хороший, и плохой одновременно". Успенский заверил ее в том, что Гурджиев вне всяких сомнений был хорошим человеком, и что общение с ним будет для меня однозначно полезным, если конечно я буду помнить наказ самого Гурджиева верить только в то, в чем можно убедиться самому.

В Приорэ мне довелось посмотреть "лабораторию", но поскольку никакой значительной аппаратуры там еще не было, я не знал, следовало ли воспринимать ее всерьез. Тогда Гурджиев еще не говорил ни по-английски, ни по-французски, но к счастью я мог общаться с ним на турецком, который он знал в

совершенстве, хотя и говорил со среднеазиатским акцентом, тогда как я привык к оттоманскому. Возможно именно

по этой причине я был удостоен нескольких личных бесед, вызвавших зависть у других англичан, которые в большинстве своем были старше меня и занимали более высокое положение в обществе. Однажды он посадил меня в свою большую машину, и мы поехали в лес Фонтенбло. Мы остановились у просеки, в конце которой как на ладони было видно все Приорэ. Гурджиев сел на поваленное дерево и рассказал мне о своих планах развития Института: он должен был стать центром подготовки и исследований, причем связанных не только с возможностями человека как такового, но и с загадками солнечной системы. Он сказал мне, что придумал способ, при помощи которого можно было лучше видеть планеты и солнце, а также способ высвобождения энергий, использование которого должно было повлиять на ситуацию во всем мире. Оглядываясь сегодня назад, я вижу, как по своей наивности и неопытности я тогда верил во все эти замыслы и был готов посвятить свою жизнь помощи Гурджиеву в их осуществлении. Вскоре после этого Гурджиев действительно показал мне, как высвободить ряд энергий о существовании которых я никогда не подозревал, а также рассказал мне много того, чего бы я никогда и ни от кого больше не узнал. Я уверен, что, несмотря на все преувеличения и несообразности, Гурджиев все же действительно планировал реализовать свои грандиозные замыслы, и более того сделать все это по собственной инициативе и под собственную ответственность.

Меня очень сильно поразила одна из лекций Гурджиева. Я часто ее перечитываю и каждый раз нахожу в ней все новые глубины смысла. Он говорил о свободе и гордыне. Я записал только основные мысли, которые привожу ниже целиком:

"Свобода ведет к свободе. Вот первые слова истины. Вы не знаете истину, поскольку не знаете, что такое свобода. Вся истина, которую вы к настоящему моменту знаете - это "истина" в кавычках. Есть другая истина, не теоретического плана: ее нельзя выразить в словах. Только те, кто осознал ее в себе, знают эту истину.

Теперь я подробно объясню вам то, что только что сказал. Я имел в виду следующее: Свобода, о которой я говорю - это та свобода, которая составляет цель всех школ и всех религии всех времен. Поверьте, эта свобода может быть великой. Все желают этой свободы и даже борются за нее, но прежде нужно обрести свободу первого рода, которую я буду называть меньшей свободой. Великая свобода подразумевает освобождение от всех внешних влияний. Меньшая свобода заключается в освобождении от всех влияний, происходящих изнутри нас самих. Для начала, так как все вы еще стоите в начале пути, меньшая свобода - это уже очень много, поскольку она не связана с вашей зависимостью от внешних влияний.

Вы должны понять, что пока вы пребываете в рабстве у внутренних влияний, внешние влияния на вас не воздействуют. Наверное это даже хорошо, поскольку у вас нет внутренней свободы. Соответственно, когда человек освобождается от внутренних влияний, он подпадает под действие влияний внешних.

Внутренние влияния, порождающие в вас внутреннюю свободу, исходят от огромного количества независимых источников. Другими словами, есть целая куча независимых факторов, поработающих человека внутренне. При этом в случае разных людей действуют разные факторы. На одного человека большее воздействие оказывает один фактор, а на другого - другой. Но в каждом без исключения человеке действует такое огромное количество факторов порабощения, что, если бороться с каждым из них по отдельности, то победы придется ждать полжизни.

Следовательно мы должны постараться найти такой способ или метод работы, который бы позволил одновременно справляться с как можно большим количеством наших внутренних врагов, источающих поработающие влияния.

Как я уже сказал, таких независимых друг от друга врагов очень много, но среди них можно выделить два главных: тщеславие и самолюбие. В одном учении они даже названы главными заместителями дьявола. Кроме того, по какой-то причине их также называют Мадам Тщеславие и Мсье Самолюбие. Я назвал только двух внутренних врагов в качестве характерного примера, так как перечислить их всех в одной лекции просто невозможно.

Помимо врагов, внутри нас также есть множество рабов. Каждый из этих рабов мечтает о свободе, но им трудно действовать прямо и открыто. Нашим рабам очень сложно противостоять нашим же врагам, поскольку у них недостаточно времени для этого. Сейчас активен один раб, через мгновение - другой, а для борьбы с врагами требуется много времени. В связи с этим, для одновременной борьбы с несколькими врагами нужно использовать обходные пути.

Для этого в свою очередь мы должны хорошо знать, как действуют эти враги, и откуда они черпают свою силу. Прежде всего следует иметь в виду, что эти заместители дьявола всегда стоят у наших ворот, не пропуская внутрь никакие внешние влияния ни положительные, ни отрицательные. Соответственно у них есть и положительная и отрицательная стороны. Для тех, кто желает ограничить поступление внешних воздействий, эти стражники оказываются как нельзя кстати. Только при этом нужно отдавать себе отчет в том, что в этом случае невозможно выбирать влияния по собственному желанию. Например, невозможно ограничить поступление только отрицательных влияний. Таким образом, эти стражники становятся препятствием только для тех, кто стремится к истинной свободе. Эти люди должны прежде всего направить все

свои силы на освобождение от двух главных врагов — тщеславия и самолюбия.

Существует целая куча методов борьбы с этими врагами, но я, Гурджиев, рекомендую вам избалываться от них безо всяких ухищрений, посредством простого, но интенсивного внутреннего рассуждения.

Для этого можно использовать активное мышление. При этом я должен сказать вам, что, если это средство окажется недейственным в вашем случае, то нужно найти какой-либо другой способ, поскольку до устранения части этих врагов путь вперед закрыт.

Так, самолюбие и тщеславие отнимают половину нашего времени, а значит и половину нашей жизни. Если кто-нибудь посторонний ущемил нашу гордость, мы получаем рану, которая очень долго дает о себе знать. Это ущемленное чувство, действуя по инерции, закрывает входные ворота, замыкая собой всю жизнь.

Я живу! Жизнь вне меня. Я живу, пока связан с окружающим. Если жизнь существует только внутри меня, то это не жизнь. "Созерцая себя", я обнаруживаю, что связан с внешним миром. Вся жизнь строится именно по этому принципу, и иначе быть не может.

Одно переживание едва успевает угаснуть, прежде чем его место занимает другое переживание. Наш механизм устроен таким образом, что различные переживания не могут сосуществовать в нем одновременно. Внутри нас есть единственное место для переживаний, и, если это место занято одной разновидностью переживаний, нежелательных для нас, то в то же самое время в нем не может быть желанных для нас переживаний. При этом вы должны хорошо понимать, что переживание не может привести вас к каким-либо достижениям или свободе, если вы его по-настоящему не пережили. Переживания (опыт) представляют для вас исключительную ценность, возможно даже большую, чем вы способны вообразить, причем я имею в виду как приятные, так и неприятные переживания, но вы не должны давать им возможности поработать вас. Как раз напротив, вы должны использовать их для подготовки места, в котором сможете быть свободными.

Мы не принадлежим себе, и у нас нет истинной гордости самости. Гордость самости - это великая вещь. Насколько необходимо порицать гордыню в обычном понимании этого слова, настолько же нам нужна эта истинная гордость, которой к сожалению у нас нет.

Гордость самости является признаком обладания собой. Если у человека есть гордость самости, значит он "есть". Однако, как я уже говорил, Гордыня также является и наместницей дьявола. Гордыня - это главный враг, главное препятствие на пути к нашим целям и достижениям. Гордыня служит основным инструментом наместника преисподней. Вместе с тем гордость - это атрибут

души. Гордость свидетельствует о духе. Гордость самости говорит о том, что такой человек принадлежит небу. Гордость самости - это "Я". "Я" - это Бог. Следовательно мы должны иметь гордость. Гордыня - это преисподняя. Гордость - это небеса. У того и у другого почти одинаковое название, и то и другое внешне соткано из одной материи, но на самом деле это две диаметрально противоположные вещи. И тем не менее при поверхностном наблюдении, даже если вести его в течение всей жизни, вы никогда не отличите одно от другого.

Сказано: "Тот, у кого есть гордость, уже наполовину свободен". Между тем, у всех сидящих здесь столько гордыни, что она просто бьет через край. Это-то и печально. Мы по самые края наполнены гордыней, не обладая при этом ни каплей свободы. Вашей целью должна быть гордость. Обретя гордость, вы освободитесь от множества обосновавшихся в вас врагов. Может быть даже удастся избавиться от главных - Мадам Тщеславия и Мсье Самолюбия.

Если вы хотите свободы, пусть даже меньшей свободы, то должны быть готовы заплатить большую цену.

Иногда люди с печалью говорят мне, что не могут выполнить данное мной задание. Чего же они хотели? Достаточно уже того, что вы видите возможность выполнять их, а остальное зависит от силы вашего желания стать свободными. Сейчас вы неспособны выполнять эти задания, поскольку вы не свободны.

Вы должны понять, что невозможно сразу начинать со свободы. Свобода - это цель. Люди говорят, что Бог сотворил человека свободным. Это великое заблуждение. Свобода не может быть дана кому-либо - даже самим нашим вселюбящим Творцом. Он дал человеку самый великий дар, какой только мог - возможность стать свободным. Желание свободы есть у каждого человека, достойного так называться, но люди глупы и считают, что можно обладать внешней свободой без внутренней. Вся наша беда состоит в этой глупости. Если нашим первым желанием не будет освободиться от своих собственных внутренних врагов, то наша ситуация будет изменяться лишь от плохого к худшему.

Следовательно, каждый из вас должен постараться найти в себе искреннее желание быть свободным от сил тщеславия и самолюбия, действующих в вас. Эту внутреннюю поработченность можно с уверенностью назвать наихудшей деградацией человека; это ад, в котором Гурджиев всегда выбирал для своих лекций самые неожиданные моменты, и для большинства из нас они были самими светлыми эпизодами жизни в Приорэ. Наибольшее впечатление на меня оказала лекция, в которой Гурджиев рассказывал о действии "высшей эмоциональной энергии". Дело в том, что она была прочитана на следующий день после того, как я пережил чрезвычайно интенсивный опыт, впервые обнаружив возможность входить в контакт с источником энергии за пределами сознания. В то время я был серьезно болен, и болезнь служила фоном для всех моих переживаний. У меня был рецидив

дизентерии, которую я подхватил в Измире в 1919 году, и к тому же я сильно перетруился. Работа в саду напомнила мне об общинах дервишей в Турции. Жаркое лето 1922 года, постоянная жажда, баня и праздники по субботам - все напоминало мне о Востоке. Но прежде всего, Учебный Дом, который так был похож на Сема Ханы дервишеских общин за стенами Константинополя. В этой атмосфере было странно видеть англичан и англичанок, которые чувствовали себя вполне как дома, хотя, должен признаться, никто из них не был похож на дервишей, которых я видел всего тремя или четырьмя годами ранее.

Вместо цитат из Корана и высказываний Пророка, которые обычно можно увидеть в Сема Хане, Гурджиев развесил по краю потолка плакаты со своими собственными высказываниями. Они были написаны с использованием странного алфавита, несколько похожего на арабский, но в этом случае текст нужно было читать в вертикальном направлении. Мы должны были выучить этот алфавит, и я записал все эти афоризмы. На момент моего приезда их там было около дюжины, но Гурджиев постоянно пополнял коллекцию, последняя версия которой оказалась настолько интересной, что далее я приведу ее в полном объеме:

1. Тем, кто от природы не наделен критическим разумом, здесь делать нечего.

2. Только тот, кто заботится о чужом, может обладать собственным.

3. Чем труднее жизненные условия, тем больше возможностей для работы, если конечно вы работаете сознательно.

4. Справедливым может быть только тот, кто умеет входить в положение других людей.

5. Мы можем лишь стремиться быть христианами.

6. Я люблю того, кто любит работу.

7. Судите о других по себе, и вы наверняка ошибетесь.

8. Здесь можно только создавать и организовывать условия, но не помогать.

9. Знайте, что этот дом может оказаться полезным только для тех, кто уже осознал свое ничтожество и верит в возможность перемен.

10. Лучшей путь к счастью в этой жизни — всегда думать о внешнем и никогда о внутреннем.

11. Жизнь дает человеку право на определенное число переживаний. Экономьте их, и вы продлите себе жизнь.

12. Принимайте во внимание только то, что о вас думают, а не то, что о вас говорят.
13. Не любите искусство чувствами.
14. Начиная поиск, прежде всего запаситесь пониманием Востока и знанием Запада.
15. Только избавившись от болезни под названием "завтра", вы получите шанс достичь той цели, ради которой приехали сюда.
16. Наивысшее достижение человека заключается в способности ДЕЛАТЬ.
17. Здесь нет ни англичан, ни русских, ни иудеев, ни христиан -здесь только люди, объединяемые одной целью - обрести способность делать.
18. Помогайте только тем, кто старается не быть бездельником.
19. Не судите по рассказам.
20. Хорошего человека отличает любовь к отцу и матери.
21. Уважайте все религии.
22. Если вы знаете, что это плохо, но продолжаете это делать -вы совершаете грех, который трудно простить.
23. Пользу приносит только сознательное страдание.
24. Лучше иногда быть эгоистичным, чем никогда не быть справедливым.
25. Любите то, что любить не хочется.
26. Помните, что работа здесь - это не самоцель, а средство.
27. Энергию, идущую на внутреннюю работу, сразу же можно использовать заново; та же, что расходуется на пассивную работу, теряется навсегда.
28. Тренируйтесь в сознательной любви сначала на животных; они более отзывчивы и восприимчивы.
29. Один из главных источников желания работать над собой — это понимание того, что вы можете в любой момент умереть.
30. Всегда помните о том, что вы здесь, потому что поняли необходимость бороться с собой; поэтому будьте благодарны тем, кто дает вам такую возможность.

Пожалуй невозможно в полной мере оценить то напряжение, которое испытывал Гурджиев. У него не было опыта европейской жизни. Он не понимал и не любил англичан, и постоянно нуждался в деньгах. Он принуждал себя жить неестественной жизнью, чтобы вырабатывать нужную ему энергию, но при этом должен был вызывать доверие у тех людей, от материальной поддержки которых зависела его деятельность. Это была та дилемма, с которой он так не хотел сталкиваться, но другого пути у него не было.

Вопреки всем трудностям, в период с ноября 1922 по декабрь 1923 года Гурджиеву удалось организовать то, чего никогда не было в Европе прежде. Он создал условия для работы, позволившие огромному числу людей обнаружить и самостоятельно убедиться в существовании скрытого в каждом человеке потенциала трансформации. Основная методика была простой. Она заключалась в том, чтобы предоставлять ученикам возможность и средства максимально использовать способность физического тела работать, быть внимательным, приобретать новые навыки и вырабатывать психическую энергию. Повседневные заботы доводили людей до предела. Мы просыпались в пять или в шесть часов, после чего два часа работали до завтрака. Затем работа продолжалась: мы строили, свалили деревья и распиливали их на доски, ухаживали за домашними животными практически всех видов, готовили, убрали и выполняли всю работу по дому. После небольшого ланча и отдыха один или два часа посвящались "упражнениям" и "ритмам" под аккомпанемент музыки, которую обычно исполнял Томас де Гартман на пианино. Иногда были одно-, двух-, трех- или даже семидневные посты, во время которых работа велась в обычном ритме. Вечером проходило обучение ритмам и ритуальным танцем, которое могло продолжаться три, четыре и даже пять часов, пока все не приходило в полное изнеможение.

В одной из лекций прозвучало весьма важное упоминание о "суфиях": "Некоторые древние доктрины утверждают, что, Сотворив человека, Бог в тот же день сотворил для каждого человека двух духов, доброго и злого, ангела и беса одновременно. Ангел сел на правое плечо человека, а бес - на левое".

В других же древних доктринах говорится, что "когда Бог послал духов на планеты, они спросили у Него: "Что мы должны делать там?" Тогда Бог разделил духов соответственно их природам и сказал: "Те, что

справа, пусть стараются направлять живущих в рай, а те, что слева, пусть стараются направлять их в ад".

"Тогда один из главных спросил: "Какие средства Ты позволяешь нам использовать в отношении различных людей?" "С этой целью, — ответил Бог, - вы можете использовать любые методы по собственному усмотрению, но придерживайтесь следующего правила в отношении методов и средств: пусть те, что справа, действуют через деятельность людей, а те, что слева, пусть используют то, что так сказать "делается" в

человеке; те, что справа, пусть действуют посредством активной природы и сознания, а те, что слева, — посредством пассивной природы человека и бессознательности"".

Это чрезвычайно древние доктрины, и *pari passu* с ними, до сих пор существует еще одна, не признаваемая другими религиями. Большинство религий дышит, действует и живет в соответствии со священными писаниями, заповедями и догматами.

В то же самое время, существует учение, оставленное мудрыми людьми, которые попытались беспристрастно осмыслить все религии, все легенды и все доктрины. Но они не верили слепо всему. Прежде чем что-либо принять, они старались понять это. Если это им удавалось, они принимали. То, что им не удавалось понять, они отвергали.

Таким образом была сформирована новая религия, хотя она и была основана на материале других религий. Я имею в виду Суфизм. Относительно ангелов и бесов эта религия утверждает следующее:

"Каждое действие человека, каждая его мысль и каждое движение исходит либо от ангела, либо от беса. То же, что образуется в результате максимально интенсивной деятельности, обретает форму второго, гораздо более тонкого организма в виде определенного футляра или оболочки, сделанной из настоящей материи, которую можно ощутить и отнести к той или иной категории. Каждая оболочка может подчиняться определенным законам и влияниям"". Затем Гурджиев начал рассказывать о дыхательных упражнениях, но он не хотел, чтобы это стало достоянием широкой публики.

Никакие описания внешней стороны жизни в Приорэ не способны дать представление о том, что происходило внутри людей. Они получили возможность убедиться в реальности чудес, которые происходили на их глазах. Они могли видеть людей такими, какими они были на самом деле, без привычных масок и моделей внешнего поведения. Они могли пережить те состояния сознания, о которых говорил Успенский, но которых невозможно было достичь в условиях Лондона.

¹ бок о бок (лат., прим. перев.).

Однако, несмотря на все эти результаты, что-то было не так. Все было слишком взвинчено; мы все слишком спешили "любой ценой успеть в рай к следующей неделе", как говорил Гурджиев. Успенский тогда сказал, что многие из его учеников слишком опрометчиво бросили свою жизнь и работу в Англии, чтобы полностью посвятить себя работе с Гурджиевым. Среди них были такие выдающиеся люди, как Орэйдж и Николь, и особо следует назвать таких женщин с удивительно сильным характером, как Этел Мертсон и Др. Бэлл. Немногие тогда готовы были смириться с длительностью трансформации и с тем, что для успешного прохождения каждого последующего этапа необходимо

полностью пройти предыдущий. Еще не научившись ходить, мы все уже хотели бегать.

Оглядываясь сегодня назад, я уверен, что Гурджиев все еще продолжал экспериментировать. Он хотел понять, на что были способны европейцы. В итоге он обнаружил, что они были готовы к таким усилиям, на которые из азиатов мало кто отважился, причем по той только причине, что в общем и целом азиаты никуда не спешат. Тем не менее это обманчивая разница, и вполне вероятно, что Гурджиев неверно истолковал работоспособность европейцев и принял ее за понимание необходимости внутренних изменений. Насколько я могу судить теперь, мы тогда по-настоящему не осознавали, что для свободного течения в нас процесса Работы требуется глубокая переоценка отношения к себе. По всей видимости нас ввело в заблуждение то, что Гурджиев требовал от нас все больших и больших усилий. Такая настойчивость возможно требовалась в случае азиатов и даже русских, которых Гурджиев называл индюками -полу-навлинами, полу-воронами. В 1922 году у англичан все еще сохранялась пуританская тенденция считать, что все полезное для человека обязательно должно быть трудным и даже неприятным. Поэтому они с готовностью подчинялись самым абсурдным требованиям и мирились с вызывающим поведением Гурджиева, тогда как французы, лишь только мельком взглянув на происходившее в Приорэ, поспешно уезжали оттуда.

Все это опять напоминает мне о Приорэ 1923 года. Меж тем, как вся неделя посвящалась интенсивной работе, по субботам в Приорэ были праздники. Почти каждым субботним вечером устраивался праздничный ужин с винами и прочими алкогольными напитками. Гостей на праздники приглашал сам Гурджиев или его любимые ученики. Главные спальни замка предназначались для особых гостей. Мы называли их "Ритуэ",¹ они были отлично меблированы и всегда содержались в чистоте и порядке, тогда как сами мы спали в крыле для слуг, и были счастливы, если Удавалось найти общий язык с соседями по комнате. Благодаря статьям в прессе, Приорэ стал весьма известен в Англии и Франции. Гурджиева и его последователей называли "Лесными философами", и уже вошло в обычай, что посетители из Парижа приезжали поздно вечером по субботам посмотреть демонстрации ритмических упражнений, священные танцы и псевдо-волшебные трюки, блестяще удававшиеся Гурджиеву, де Гартману и Александру де Зальцману. Мне довелось увидеть несколько таких представлений, и я никак не мог понять, как это можно было сделать, пока мне не объяснили.

¹ Сеть известных фешенебельных отелей (прим. перев.).

В Центральной Азии ритуальные праздники составляют часть жизни дервишей. При этом традиция чамодаров,¹ "распорядителей праздника" уходит своими корнями в очень далекие времена, и Гурджиев утверждал, что следовал обычаям, которые оказали на него глубокое впечатление в Туркестане. Одним из этих обычаев был ритуал, который Гурджиев называл

"наукой идиотизма". По его словам в одной суфийской общине, которую он периодически посещал, использовалась методика обучения, включавшая в себя прослеживание эволюции человека от уровня окружающей природы до реализации своего духовного потенциала. Далее я привожу выдержки из нескольких бесед по этому поводу:

Существует двадцать одна градация разумности, от уровня обычного человека до уровня Нашей Бесконечности, то есть Бога. Никто не может достичь уровня абсолютного разума Бога, и только такие Сыны Бога, как Иисус Христос, могут обладать разумом девятнадцатой или двадцатой градации. Следовательно целью каждого существа, стремящегося к совершенству, должна быть восемнадцатая градация. Вы должны понимать, что у известных вам людей вообще нет никакого разума. Они живут в своих мечтах, вне контакта с реальностью. Тех же людей, которые в той или иной степени контактируют с реальностью, называют идиотами. У слова идиот есть два значения: в понимании древних мудрецов это слово означало "быть собой". С точки зрения живущих в мире иллюзий человек, действительно являющийся собой, ведет себя как сумасшедший. Поэтому, называя его идиотом, они имеют в виду, что он не разделяет их иллюзий.

Каждый, кто решает работать над собой, становится идиотом в обоих смыслах этого слова. Мудрые знают, что он ищет реальность. Глупцы думают, что он сошел с ума. Мы собрались здесь для того, чтобы искать реальность, и поэтому мы все должны быть идиотами. Но никто не может сделать вас идиотом - вы должны сделать этот выбор самостоятельно. Поэтому, каждый, кто приезжает к нам и желает поддерживать общение с нами, волей выбирает свой собственный идиотизм. И соответственно всем нам надлежит всем сердцем желать ему стать настоящим идиотом. С этой целью древние мудрецы использовали алкоголь: не для того, чтобы напиться, а чтобы укрепить свое желание".

Гурджиев всегда следовал одному и тому же ритуалу провозглашения тостов за идиотов. Все начиналось с обычного идиота, затем переходили к супер-идиоту, затем к архи-идиоту. Четвертого, безнадежного идиота, Гурджиев снова и снова использовал для объяснения того, что он подразумевал под достойной смертью. Ложный безнадежный идиот вполне удовлетворен собой и не понимает, что является "кандидатом на подыхание подобно собаке!" Настоящий безнадежный идиот осознает свою

полную ничтожность, хотя и не понимает, что эта смерть самости является залогом его воскресения. С этого момента он становится страдающим идиотом, чей разум открыт для участия в страданиях других людей. На шестом месте стоит стесняющийся идиот, который еще не готов принимать помощь. Затем следуют три "геометрических" идиота - квадратный, круглый и зигзагообразный - соответствующие стадиям

обретения истинного разума, в первом случае открывающегося лишь временами; во

втором - с обретением собственной индивидуальности; и в третьем - с отчаянной борьбой за свободу. О последнем Гурджиев говорил, что у него "пять пятниц на неделе" - пример бессмысленного высказывания, выражающего больше, чем осмысленные фразы.

На субботних ужинах тосты редко продолжались дальше зигзагообразного идиота, если только Гурджиев не решал назвать кого-либо из присутствовавших представителем одного из следующих уровней идиотизма. Далее следовали просветленный, сомневающийся и хвастливый идиоты. Затем были идиоты, различавшиеся по особенностям природы Сущности. На каждой стадии происходит умирание и воскресение, прежде чем человек переходит на новый уровень разумности.

Однако в изложении Гурджиева наука идиотизма принимала наиболее важный оборот, когда он разъяснял, что никто не может подняться на ступеньку выше просветленного идиота, если сначала "сознательно не опустится" до первой ступеньки, то есть до уровня обычного идиота. Из его дальнейших разъяснений следует, что он говорил о том же, что и

Христос в словах "Если не будете как дети малые, не войдете в Царство Небесное". Я много раз слышал, как Гурджиев поднимал тосты за идиотов, но не перестаю удивляться, как ему удавалось выразить столь глубокое знание человеческой природы в таких простых словах. Во время его рассказов о трагической ситуации просветленного идиота, кому "даже Бог не в силах помочь", меня всегда пробивала дрожь. Ничто другое не могло лучше убедить меня в том, что мы должны отбросить все претензии на статус "особых людей", если хотим обрести подлинную свободу.

Когда я приехал в Приорэ, все уже говорили о том, что Гурджиев собирался привезти группу своих учеников в Америку для демонстрации священных танцев и упражнений. Когда я рассказал ему о своих планах, он даже предложил мне поехать с ним и помочь с переводом бесед. Однажды Гурджиев спросил меня, как долго я смогу пробыть в Приорэ, поскольку хотел подготовить для меня программу работы. Я объяснил ему, что у меня было мало денег, но что я надеялся за полгода поправить свои дела и тогда предложить ему свою помощь. Тогда он сказал, что от меня ему нужны были не деньги, а работа и предложил обеспечить меня деньгами. У меня не было иллюзий насчет бедственного положения, в котором он тогда находился, но, даже поверив в бездонность его ресурсов, я не смог бы тогда принять его помощь. Позже я понял, насколько в этом были замешаны моя гордыня и самолюбие, но тогда я думал, что вскоре смогу вернуться. Однако обстоятельства сложились таким образом, что, уехав из Приорэ в августе 1923 года, я снова увидел Гурджиева лишь через двадцать пять лет.

В конце первого года работа в Приорэ была сосредоточена на подготовке к демонстрации центрально-азиатских танцев и ритуалов в Театре на Елисейских полях, которая должна была состояться в декабре 1923 года. Демонстрация имела успех.

Миссис Александер так описывала отъезд группы в Америку:

"Через несколько недель они были уже в Нью Йорке, где заранее были набраны группы. Именно на этих встречах М-р Гурджиев, используя минимум английских слов, рассказывал о принципах и методах своего учения.

С американцами они практически не общались, и им мало что удалось увидеть в городе. Они жили в обставленных комнатах и, как в Приорэ, разучивали движения и упражнения. После ряда представлений в маленьком театре Никербокер, они побывали в Бостоне и Филадельфии. В Бостоне значительную часть аудитории составили преподаватели и студенты Гарвардского университета".

В финансовом отношении поездка оказалась успешной, и даже позволила рассчитаться с долгами Приорэ. Приезд Гурджиева был хорошо освещен, но мало кто понимал, что именно он хотел передать. Во Францию Гурджиев вернулся в апреле и дал себе полгода на подготовку ко второй поездке.

Однако многим планам и надеждам был положен конец, когда Гурджиев по его собственным словам "на машине, мчавшейся со скоростью девяносто километров в час, врезался в огромное дерево, которое стояло на обочине дороги через лес Фонтенбло". Любой другой человек на его месте скорее всего погиб бы от полученных травм. Вначале его привезли в больницу Авона, а вскоре после этого перевезли в Приорэ все еще в бессознательном состоянии.

О первых днях после аварии ходит много рассказов. Надо сказать, в них мало общего, что впрочем и неудивительно, поскольку все пребывали почти в истерическом состоянии от шока и горя. Англичане старались делать все, что было в их силах. Для них Гурджиев еще не успел стать легендой. С русскими все обстояло иначе. Среди этих беспомощных беженцев в чужой стране лишь очень немногие знали французский язык, и при этом большинство из них считали Гурджиева сверхчеловеком. Они пережили ужасное потрясение. Англичане с болью в сердце смотрели на них, безмолвно и подавленно сидевших, сгрудившись на полу перед его спальней.

Так закончился второй этап жизни Гурджиева. О великих планах создания всемирной организации для пропаганды его идей пришлось забыть; но как оказалось он только приступил к настоящему делу своей жизни, и его главный вклад в процветание человечества был сделан именно на следующем этапе. Никто тогда даже не догадывался, какую форму суждено было обрести Работе в дальнейшем.

Глава 7

ГУРДЖИЕВ КАК ПИСАТЕЛЬ

Деятельность Гурджиева в период с 1924 по 1935 год определялась его решением изложить свои идеи в письменной форме, которое он принял, приходя в себя от аварии. На момент аварии ему было сорок семь лет, а над книгами он перестал работать в пятьдесят восемь. Основанием для этого решения послужило желание "открыть другим тварям нашего Общего Отца, подобным мне самому, практически все неизвестные дотоле тайны внутреннего мира человека, которые мне посчастливилось узнать". Гурджиев уже давно понимал, что для пользы всех, кто мог бы этим воспользоваться, результаты его изысканий должны были быть опубликованы. Этим же и объяснялось особое внимание, которое он уделял таким людям, как Успенский и Орэйдж, то есть уже сложившимся писателям. В свою очередь Успенский всегда отмечал, что сила Гурджиева заключалась в его ораторском мастерстве. Он называл Гурджиева лучшим лектором из тех, кого ему доводилось слышать, способным передать аудитории, неважно большой или малочисленной, ощущение реальности и важности той темы, которую он излагал так, как не смог бы этого сделать даже самый талантливый профессиональный лектор. Вместе с тем, он был невысокого мнения о писательских способностях Гурджиева, и неоднократно говорил, что мог гораздо лучше изложить его идеи. В этой связи Успенский рассказывал о том, как во время своей первой встречи с Гурджиевым, ему было предложено прослушать написанное одним из его учеников эссе Проблески Истины. Когда его попросили дать оценку услышанному и одобрить публикацию этого эссе, он вынужден был дать отрицательный ответ. Работа была написана неумело и в полной мере не передавала заложенных в нее идей. Вскоре после этого случая Успенский сообщил Гурджиеву о своем намерении заняться писательской работой, и Гурджиев поддержал его в этом, сказав только, что ему прежде следовало выверить основные положения и окончательно увериться в своей способности изложить все надлежащим образом.

С 1909 по 1924 год не было опубликовано ровным счетом ничего, за исключением рекламных проспектов отделений Института в Тифлисе, Константинополе и Париже. В то время Институт был ядром деятельности Гурджиева, и он связывал все надежды на осуществление своей задачи именно с ним. Когда же впоследствии Гурджиев был вынужден принять нелегкое решение, и от планов на Институт пришлось отказаться, он вновь прибегнул к экспериментам. Чтобы лучше представить себе необычную ситуацию, которая тогда сложилась, мы должны постараться в подробностях установить события, последовавшие за аварией.

Фактически Гурджиев был, как говорят, при смерти, и врачи предупредили его семью о том, что у него практически не было никаких шансов выжить. Ухаживать за Гурджиевым было позволено только ближайшим членам его семьи, а именно его

матери, его жене, Мм. Островской и его сестре, Софье Ивановне, к которой он был очень привязан. Мать Гурджиева приехала в Приорэ в 1923 году, взяв с собой Софью Ивановну и ее сына Валентина, и они пробыли с Гурджиевым все те первые ужасные недели. Воодушевленный успехом поездки в Америку, Гурджиев послал за своим братом Дмитрием, и тот также приехал со своей женой и тремя дочерьми приблизительно тогда же, когда произошла авария. Надо сказать это обстоятельство было очередным проявлением характерной для Гурджиева особенности всегда оказываться в кругу семьи в критические моменты своей жизни.

Наступил чрезвычайно напряженный период. Русские ученики пребывали в смятении и с трудом представляли свое будущее. Из английских приезжих в Приорэ оставались немногие. Успенский разорвал все отношения с Гурджиевым, но его жена, Софья Григорьевна оставалась в Приорэ и, вместе с Мм. де Гартман удерживала заведение на плаву. Мисс Александер и другие были настолько подавлены атмосферой происшедшего, что решили покинуть Приорэ.

Те из нас, кто тогда находился в Лондоне, были охвачены тем же недобрým предчувствием, после рассказов Успенского о положении дел во Франции. На собрании узкого круга единомышленников, куда, несмотря на мою молодость, пригласили и меня, он объяснил ситуацию следующим образом. По его словам, человек, которому суждено достичь очень высокого уровня духовного развития, обязательно проходит через критическую стадию, когда низшая и высшая части его природы разделяются: начинается великая внутренняя война, ход которой ощущают на себе и окружающие его люди, подвергаясь порой непосильной опасности. По этой причине Успенский порекомендовал Миссис Филипсон увезти из Приорэ двух ее приемных польских мальчиков, которых она усыновила и отправила туда, в надежде, что, воспитываясь рядом с Гурджиевым, они будут готовы в дальнейшем принять особое участие в Работе. Позднее Успенский дал нам понять, что по его мнению Гурджиев вообще сошел с ума, что усугубило наше и без того глубокое замешательство. В итоге, те, у кого не было других источников информации, так и продолжали считать Гурджиева сумасшедшим, а некоторые даже думали, что он умер. Это поможет вам понять ту степень изоляции, в которую Гурджиев вводил своих последователей.

В то же самое время Джэйн Хип, приехавшая в Приорэ вместе с двумя приемными сыновьями, решила оставить их там, и они вместе со всеми пережили весь этот период. Один из них позднее написал о том, какой ситуация представлялась тогда ему, явно не осознавая важности происшедших вокруг него событий. По всей видимости ощущение катастрофы, которое Мисс Александер приписывала русским ученикам Гурджиева, объяснялось тем, что они гораздо полнее осознавали ситуацию, нежели англичане.

Когда Гурджиев пришел в себя после аварии, спасти Институт было уже слишком поздно. По этому поводу он писал

следующее: "Последней каплей стало то, что это мое измотанное физическое тело на машине, мчавшейся со скоростью девяносто километров в час, врезалось в огромное дерево через неделю после моего возвращения в Европу из Америки. В результате этой "прогулки" было обнаружено, что я разбился, но через несколько месяцев к моему несчастью в это мое совершенно изувеченное тело в полной мере и со всеми своими свойствами вернулось мое сознание". В этом описании есть небольшая неточность, так как несчастный случай произошел 6 июля 1924 года, то есть через несколько недель после его возвращения. На самом деле, Гурджиев все это время вел очень активную деятельность, значительно укрепив свое финансовое положение поездкой в Америку. Он собирался вновь поехать туда осенью, но авария нарушила все его планы.

Вскоре на поверхность всплыли два бесспорных факта. Во-первых, по причине преждевременного отстранения. Гурджиева от Института, все, что он предпринимал все эти три года в качестве подготовки к осуществлению своей внутренней цели, было утрачено. Я имею в виду ту цель, которую Гурджиев сформулировал в 1909 году следующим образом: "найти способ избавить людей от их тенденции поддаваться внушению, по причине которой они столь легко поддаются под действие массового гипноза". Кроме того, если Гурджиеву и было суждено в полной мере восстановить свое здоровье после несчастного случая, на это должно было уйти довольно много времени. Прейдя в себя и оценив сложившуюся ситуацию, он понял, что все пошло прахом. Помимо всего прочего, Гурджиева очень расстроило то, что Успенский и вообще вся английская группа не оказали ему поддержки после всего произошедшего. По сути дела помощь приходила практически только из Америки, через Орэйджа, целиком посвятившего себя работе Гурджиева. Его не испугало даже то, что произошедшая авария лишила его руководства, на которое он так рассчитывал, когда взялся за организацию групп в Америке. Возможно, как пишет Филип Мэрэ в своей книге Жизнь Орэйджа, ему действительно нужно было оказаться в одиночном плавании. Он был слишком большим индивидуалистом, чтобы играть вторую роль и находиться под постоянным контролем. Таким образом Орэйджу представился случай использовать свой блестящий талант проповедника, и он стал самостоятельно знакомить заинтересованных людей в Пью Йорке, а позднее также в Чикаго и Бостоне с идеями Гурджиева. Интересно, что, хотя Гурджиев и был признателен Орэйджу за регулярно приходившие от него деньги, благодаря которым Приорэ держалось на плаву, он никак не мог признать, что деятельность Орэйджа была естественным продолжением начатой им несколькими месяцами ранее работы. Он считал работу Института, хотя и преждевременно, но все же завершенной, и соответственно изменил свои планы.

Трудно сказать, чего именно тогда ожидал Гурджиев от своих учеников. Он писал: "Однажды ночью, когда я лежал в кровати, страдая от постоянно мучавшей меня тогда бессонницы, охваченный ассоциацией и мыслями о плане, который в последние два или три месяца все время волновал меня, и в конце концов

вообще завладел мной полностью, и который должен был быть реализован в то время, когда я окончательно утвердил общий алгоритм достижения вышеупомянутой фундаментальной цели моей жизни, который включал в себя распространение сути моих идей в том числе и с помощью книг, что оказалось неосуществимым в силу ненадежности и преступной безалаберности тех людей, которых я специально долгие годы готовил для этой особой задачи — мне вдруг пришло в голову, что мне ничто не мешало воспользоваться преимуществами сложившейся ситуации и начать самому диктовать материал для осуществления этой цели".

Эти обвинения вряд ли можно считать абсолютно обоснованными, поскольку сам Гурджиев не поощрял конспектирование своих лекций и требовал, чтобы никто ничего не опубликовывал, пока он сам не будет готов к этому. Неизвестно, что произошло между Гурджиевым и Успенским, когда они поссорились в январе 1924 года перед отъездом Гурджиева в Америку, но вполне вероятно, что конфликт был связан с деньгами, которым Успенский предавал большое значение, тогда как Гурджиев становился очень раздражительным при упоминании о них.

Так или иначе Гурджиев утверждает, что к осени 1924 года он уже мог самостоятельно передвигаться по дому и даже, хотя и не без помощи, выбирался на машине в Париж. Для Гурджиева это был период ужасных мучений, когда казалось, что работа всей его жизни была обречена на провал. Эти страдания усугублялись еще и тем, что его жена и мать переживали терминальные стадии своих смертельных болезней. У матери Гурджиева была хроническая печеночная недостаточность, а у Мм. Островской - рак. В одной из своих книг он рассказывает о невероятных усилиях, предпринятых им для лечения своей жены при помощи техники, которой он научился в Центральной Азии. Эта техника включала в себя использование астральных сил, и для успешного лечения требовались ежедневные сеансы, которые мог проводить только сам Гурджиев. Позднее Гурджиев дал понять, что основанием для его решения закрыть Институт было не только его тяжелое физическое состояние. Он называл произошедшую аварию проявлением силы, противодействовавшей достижению его цели, силы, с которой он был не в состоянии справиться. Тогда же он решил изменить все свои планы. По этому поводу сам он писал следующее: "Поскольку, будучи еще в добром здравии, я так и не смог воплотить в жизнь людей те благотворные истины, которые мне удалось узнать для их пользы, я должен теперь по крайней мере успеть до своей смерти сделать это хотя бы теоретически, чего бы мне это ни стоило". Гурджиев написал это в 1934 году,¹ в самом конце своей писательской деятельности, и, судя по всему, именно так все и обстояло.

Теперь нам следует вернуться к началу этого писательского этапа жизни Гурджиева. Как и прежде, когда он начинал работать с группами, Гурджиев с этих пор стал проводить эксперименты в области литературы. Он утверждает, что лишь в конце 1924 года по прошествии нескольких месяцев после

несчастливого случая он смог приступить к этой деятельности и по началу диктовал свои мысли секретарю. Он пытался отразить те или иные аспекты своего учения в форме коротких сценариев для театра или кино, из которых до нас дошли только четыре: "Наркоманы", "Хиромантия фондовой биржи", "Бессознательное убийство" и "Три брата".

¹ См. Жизнь реальна, только когда "Я есть", Пролог.

В последней работе он символически изобразил три стороны природы человека - физическую, эмоциональную и умственную - в лице трех братьев. В беседах между этими тремя персонажами Гурджиев "передал определенные идеи, сохранившиеся с древних времен, когда медицина как наука находилась на высоком уровне развития. Речь шла о том, что полезно или вредно, подобает или не подобает тому или иному персонажу сценария в процессе трансформации различных веществ".¹

Один из сценариев был основан на легенде о появлении первых людей на Земле, которую он слышал в детстве. По всей видимости это было единственным указанием на источник такого персонажа, как Вельзевул, которого Гурджиев сделал беспристрастным существом, испытывающим все большее сострадание по мере изучения истории человечества. Упоминание этой легенды скорее заставляет нас думать о Вавилоне, где Вельзевул считался младшим членом халдейского пантеона и фигурировал во многих мифах, нежели чем о Новом Завете, где Вельзевул — это просто одно из имен сатаны.

В 1925 году, еще набрасывая отдельные эпизоды работ, готовившихся к публикации, Гурджиев уже решил написать три книги. При помощи первой книги он намеревался искоренить из сознания и чувств людей глубоко закравшиеся в них убеждения, которые по его мнению были ложными и не имели ничего общего с реальностью. Во второй книге он собирался показать, что существуют и другие способы восприятия реальности, и указать путь к ним. В третьей книге Гурджиев хотел рассказать о найденных им возможностях прикоснуться к реальности, а при желании даже слиться с ней.

Приступив к писательской деятельности, Гурджиев снова стал приглашать желающих, причем преимущественно американцев, в Приорэ. Приезжие больше не занимались организованной работой, и их целью прежде всего были личные встречи с Гурджиевым и разъяснение материала, услышанного от Орэйджа. Сам Орэйдж тоже приезжал в Приорэ, по меньшей мере один раз в год.

Мне было интересно прочесть рассказы тех учеников, которые в то время приезжали в Приорэ. По словам Мисс Этел Мерстон, она присоединилась к группе армянских переводчиков. Многие считают, что этими переводами занимался Орэйдж, но на самом деле Орэйдж довольно редко появлялся в Приорэ, тогда как работа над переводом велась постоянно.

¹ См. Вестник грядущего добра, стр. 44.

Тем не менее Орэйдж действительно внес ряд блестящих предложений, и как я полагаю несколько позже внес свой вклад в создание столь необычного языка гурджиевских книг. Работа над переводом велась довольно странным образом. Вначале Гурджиев диктовал свои мысли Мм. де Гартманн на русском языке, но при первой же возможности начал писать самостоятельно на своем родном армянском языке. Затем армянские ученики переводили это на плохой русский, который уже редактировала Мм. де Гартманн, и наконец англоязычные студенты переводили русский текст на английский язык. Не было никого, кто бы мог переводить на французский, а вот секретарша-немка, которая приехала в Приорэ вскоре после несчастного случая и позднее стала Миссис Луис Марч, взяла на себя перевод на немецкий язык.

И опять, чтобы вы могли составить представление о Приорэ того времени, с точки зрения учеников, я снова процитирую записки Мисс Александер, возвратившейся туда после длительного пребывания в Швейцарии и Италии. Она пишет:

"Жизнь в Приорэ полностью изменилась. Институт в его прежнем виде был закрыт, и вновь открывать его Гурджиев по его собственным словам "больше не собирался". И сам он уже был далеко не так открыт для общения, как это было прежде. Никакого непосредственного обучения движениям и упражнениям больше не проводилось. Люди просто приезжали и уезжали своим чередом, периодически открывая для себя новые ценности. В зале мы слушали его музыку и первые наброски Вельзевула. В остальное время мы были более или менее свободны в выборе рода деятельности, и работали в соответствии со своим пониманием".

Начав писать, Гурджиев почти одновременно стал уделять внимание и музыке. С 1925 по 1927 год он сочинил более ста небольших музыкальных произведений на восточные и религиозные темы. Гурджиев утверждал, что некоторые идеи можно понять, только привнося в них эмоции. Следуя этому принципу, он сочинял специальную музыку для прослушивания перед теми или иными главами своих книг и показывал, как при этом меняется понимание. Другие пьесы напоминали о жизни в Центральной Азии и были основаны на воспоминаниях о священной музыке и танцах различных орденов дервишей. Кроме того была также и серия удивительных произведений религиозного характера, преимущественно связанных со смертью и воскресением.

Мисс Александер так описывает этот период в своем дневнике: "В 1926 году Приорэ снова ожил. Гурджиева почти никогда не было видно, но когда он присоединялся к остальным, в особенности по субботним вечерам, в дом возвращалось ощущение уверенности. Писательская деятельность Гурджиева стояла во главе угла, и никто не решался беспокоить его по какому бы то ни было поводу. С 1926 по лето 1927 года все, похоже, шло как надо. Гурджиев целиком погрузился в свои книги, тогда как американцы приезжали и уезжали буквально толпами. Некоторые проводили в

Приорэ отпуск, другим было позволено остаться на более длительный срок. Ученики тогда получали от Гурджиева больше личного внимания, хотя никакой организованной работы, как это было в 1923 году, не велось.

Вместе с тем Гурджиев не стремился к уединению в своей комнате, и часто работал вне Приорэ. Гранд Кафе в Париже даже называли его "парижским офисом". Кроме того Гурджиев любил путешествовать, преимущественно на машине, по Альпам и югу Франции, и тогда писал в разных кафе, придорожных мотелях или даже в машине. Зачастую он приглашал с собой в автомобильные поездки некоторых американских учеников. Обычно все готовилось с большой помпезностью, и, когда Гурджиев был готов к отъезду, все собиралось проводить его. Тем не менее сам отъезд никогда не проходил обычным образом. Очень часто, заранее назначив время отъезда, Гурджиев оказывался готовым на полчаса раньше, так что сопровождавшим приходилось бросать все и со всех ног бежать к машине. Иногда напротив он неожиданно решал поработать над Вельзевулом и мог просидеть, облокотившись на колесо машины, полчаса или даже час, тогда как все вокруг ожидали его отъезда. Опять же иногда по прошествии десяти минут машина возвращалась назад, если не получалось перевалить через крутой холм, отделявший Приорэ от Лесов Фонтэнбло. Часто неисправность машины заставляла всю компанию возвратиться через час - другой. Кроме того эти поездки внушали ужас тем, кто отваживался довериться водительским способностям Гурджиева. Впрочем это и не удивительно, если учесть его известную предрасположенность к несчастным случаям, и некоторые люди избегали поездок в машине Гурджиева, предпочитая следовать за ним на некотором расстоянии, хотя он и не часто позволял это делать".

У всех создавалось впечатление, что Гурджиев был заинтересован в их личной работе. И действительно он уделял небывалое количество внимания посетителям, в особенности американским.

При этом следует понимать, что некоторые ученики, и прежде всего те, кто был рядом с Гурджиевым многие годы, переживали весьма трудный этап своей жизни. Каждый из них оказался перед дилеммой зависимости от Гурджиева и отождествления с ним. Он обладал необычайной способностью внушать надежду и уверенность уже одним своим присутствием. И как бы жестоко и нестандартно он ни обращался со своими учениками, никто никогда не сомневался в его благожелательности. Те же, кому удавалось добиться настоящих успехов, знали, что в конце концов следует искать возможности в самом себе.

Вообще Гурджиев намеревался опубликовать первую серию своих трудов, Рассказы Вельзевула, в 1928 году, однако с целью проследить воздействие написанного на разных людей, он часто устраивал публичные чтения Вельзевула. В результате неспособность слушателей понять то, что он имел в виду,

заставила Гурджиева полностью пересмотреть весь текст. Это настолько его расстроило, что он даже подумывал о самоубийстве.

В 1934 году он так высказал свое мнение о ситуации 1927 года: "51 думаю, любой читатель без особого труда сможет представить себе ту дилемму, перед которой я оказался, когда после почти трехлетней тяжелой работы, уже собираясь счастливо умереть, для меня стало абсолютно очевидным, что не знавшие меня лично люди из написанного мной не поняли бы ровным счетом ничего". Далее он говорит, что наконец принял решение 6 ноября 1927 года. В то время здоровье Гурджиева оставляло желать лучшего, и как то одним ранним утром, истощенный своими "мрачными мыслями", сидя в одном из ночных кафе на Монмартре, он решил отправиться домой и немного поспать. Его ужасное состояние в то утро усугублялось еще и тем обстоятельством, что уже несколько недель он спал всего пару часов в сутки, а в ту ночь ему вообще не удалось заснуть. Он понял, что должен был переписать все написанное ранее, чтобы это могли воспринимать все. В то же время ему приходилось считаться с плачевным состоянием своего здоровья.

Гурджиев пишет: "Если все то, что было написано за три или четыре года почти круглосуточной работы, должно быть переписано сызнова ... на это уйдет как минимум столько же времени ... И кроме того определенное время уйдет на апробацию второй и третьей серий, а также на практическое воплощение сути этих моих произведений ... Но где же взять столько времени?..." Он говорит, что состояние его здоровья было таким, что все знакомые ему врачи, да и он сам как опытный диагност, в один голос утверждали, что жить ему оставалось от силы года два - три; и это делало невозможным достижение поставленной цели. Тогда же по его словам он решил "мобилизовать все свои силы и способности как приобретенные мной лично в течение своей жизни, так и унаследованные и до наступления нового года, то есть до того дня, когда я появился на Земле Божьей, постараться найти какой-либо удовлетворительный способ выхода из сложившейся ситуации; если же такой способ мне найти не удастся, то вечером последнего дня старого года я начну уничтожать :. все свои произведения, подгадав время таким образом, чтобы в полночь я ? смог вместе с последней страницей уничтожить также и себя".

Гурджиев утверждает далее, что после всего этого, стараясь внешне жить и работать по-прежнему, так чтобы окружающие не заметили его необычного состояния, он в то же время думал лишь о способе изменить свое ужасное положение. Однажды, будучи физически истощенным опасной дорогой через один из пиренейских перевалов, сидя в местечковом кафе, он поставил перед собой следующий вопрос: "Что конкретно мне следует сделать, чтобы во-первых быть полностью удовлетворенным своими произведениями, и во-вторых создать наиболее благоприятные условия для их распространения?" Ответ, к которому в итоге пришел Гурджиев, заключался в том, что оба этих его желания могли быть осуществлены, только если

ему удастся решить три следующие задачи. Прежде всего он должен был заново переписать все свои книги, но уже в соответствии с новым пониманием. Во-вторых, он должен был прояснить для себя некоторые темные и запутанные вопросы обычной психики человека и использовать эти сведения в последующих работах. И, наконец, он должен был постараться организовать свое физическое и духовное возрождение, чтобы руководить публикацией своих работ с теми же энергичностью и упорством, какие были свойственны ему в молодости. По подсчетам Гурджиева на все это должно было уйти около семи лет.

Долгие недели Гурджиев провел в размышлениях над этой задачей. Можно было бы подумать, что с его упорством и самообладанием, он должен был быть уверен в своих силах. Таким людям действительно свойственны подобные ошибки, но Гурджиев прекрасно разбирался в трансформации энергий и знал, что для его целей требовалось больше энергии, чем мог произвести его организм. В первой версии Рассказов Вельзевула он уже описал принцип сознательного труда и преднамеренного страдания, но в своем случае он не мог использовать этот принцип непосредственно, поскольку его организм мог в любой момент развалиться.

По возвращении в Приорэ, вместо того, чтобы идти в дом, Гурджиев отправился посидеть на скамейке, на который с ним обычно сидели его мать и жена, когда он отдыхал от работы над книгами. Тогда же он вдруг понял, что его продуктивность, или, как он это называл, "работоспособность" напрямую зависела от интенсивности страданий, которые он испытывал в связи с болезнью и близкой смертью этих двух женщин, в особенности, его жены. Он спрашивал себя, каким образом, непреднамеренные страдания такого рода могли столь положительно сказываться на его творческой работе. В результате Гурджиев открыл для себя сопряженный со страданием принцип, который и стал ключом к решению его проблем. Понимание этого принципа пришло к нему, когда в 1927 году он наблюдал, как дети водили хоровод вокруг рождественской елки. К апрелю этого же года он уже полностью разработал свой план. Все это позволило ему завершить пересмотр Вельзевула и даже поехать в Америку, чтобы собрать деньги на издание книг и обновление жизни в Приорэ. Сегодня очевидно, что необычное поведение Гурджиева в 1928 и 1929 году по отношению к своему ближайшему окружению было необходимо для создания подходящих условий для более активной работы. В этой связи особый интерес представляет сделанное им наблюдение, которое наверно знакомо многим из тех, кого посещали друзья во время тяжелой болезни. Он пишет: "Однажды, размышляя о строении и функционировании нервной системы человека, я между прочим вспомнил и размышляя дальше очень четко установил следующее:

"Во время второго периода моего так сказать "тяжкого заболевания" по причине аварии, то есть когда сознание возвратилось ко мне, а тело все еще оставалось беспомощным, я замечал, что после ухода навещавших меня друзей, причем

независимо от того, разговаривали ли они со мной или просто тихо сидели рядом, в течение нескольких часов я чувствовал себя очень скверно. Получалось так, что их искренняя доброжелательность каждый раз вызвала у меня мысли следующего характера: "Вот, пришли, высосали меня, как вампиры, и ушли".

Прежде чем воплотить свой план в жизнь, 6 мая 1928 года Гурджиев сделал то, что он называл принесением клятвы своей Сущности, то есть принятием неизменного решения. Он решил "под тем или иным благовидным предлогом избавляться от всех тех, кто так или иначе делает мою жизнь слишком комфортной". Эта фраза, которую поистине можно назвать ключом ко всему тому, что Гурджиев написал в своей четвертой книге, Жизнь реальна, только когда "Я Есть", напоминает нам о ранее принятых им решениях относительно страданий, которые были ему необходимы для достижения своих целей. Благодаря непревзойденным актерским способностям Гурджиева, никто из окружавших его в то время людей, не подозревал, что именно он задумал. Все полагали, что происходившее предназначалось для их собственного блага, и с этой же целью они должны были оказаться перед лицом новых возможностей и пройти через страдания. Никто тогда не понимал, что все это было нужно самому Гурджиеву, чтобы он мог завершить свою миссию.

Результатом стало очень трудное решение отослать из Приорэ многих близких друзей и учеников. Гурджиев делал это, как бы создавая для них новые возможности, и они в свою очередь считали это важным этапом как своего личного развития, так и развития своих взаимоотношений с Гурджиевым. Среди тех, кому пришлось пройти этот путь, был Др. Сджернваль, его жена и дети, очень долгое время не расстававшиеся с Гурджиевым. Я думаю, Др. Сджернваль был вероятно самым старым его учеником. Кроме того Гурджиев отослал Мистера и Мадам де Гартман-нов. Их отъезд был весьма характерным. Мм. де Гартман являла собой саму основу жизни Приорэ, а М-р де Гартман был незаменимым помощником Гурджиева не только в сочинении музыки, но также и в подготовке священных танцев и движений. Мм. де Гартман в свою очередь обладала удивительными организационными способностями и была очень предана Гурджиеву. Помимо всего прочего она на своем опыте понимала все трудности перехода от восточного образа жизни к западному и наоборот. Гурджиев прекрасно понимал, что ни Томас, ни Ольга де Гартман так никогда и не смогут освободиться от собственного отождествления с ним и друг с другом, от отождествления, которого вряд ли кому-нибудь из ближайшего окружения Гурджиева удалось избежать. Гурджиев сам рассказывал о преднамеренно им же созданной ситуации, в которой де Гартманы просто были вынуждены покинуть Приорэ. Спустя много лет он не раз рассказывал эту историю за обеденным столом в Париже. Однажды он объявил жителям Приорэ, что как для его работы, так и для их личного развития нежелательно, чтобы они делали его жизнь слишком комфортной. Главный же эпизод этой инсценировки произошел во время празднования его именин, то есть в день св. Георгия, 23

апреля 1928 года. Он тогда упомянул, что просто обожает английскую копченую селедку, и что ему было бы очень приятно отведать ее "на праздновании своего дня рождения. Судя по всему, Мм. де Гартманн сразу же позвонила в Лондон и договорилась, чтобы ящик копченой селедки прислали в Париж, а оттуда привезли прямо в Приорэ, где все готовились к праздничному ужину. Гурджиев использовал это как предлог для того, чтобы их отослать. В 1929 году под большим нажимом Гурджиева де Гартманны переехали в Париж. Я полагаю, примерно в то же время Александр де Зальцман, присоединившийся к Гурджиеву в Тифлисе в 1918 году, не покидавший его в течение десяти лет и бывший одним из главных его помощников во всех аспектах работы, оказался вынужден уехать в Швейцарию, где тяжело заболел и в конце концов умер.

Известно также, что в то время Гурджиев также всячески осложнял положение Орэйджа. Годом ранее два его молодых ученика, Ферапонтов и Иванов уехали в Австралию. Позднее они присоединились ко мне в Афинах, и именно от них я услышал значительную часть историй о Приорэ. Однако ни они, ни другие отосланные тогда ученики не потеряли своей лояльности и преданности Гурджиеву. Они лишь сетовали на свою неспособность понять, чего от них добивался Гурджиев. Интересно также, что работа над музыкой прекратилась в 1927 году. Никогда больше Гурджиев не возвращался к сочинению музыки. При всем этом, похоже, никому так и не удалось распознать его замысел.

Лишь гораздо позднее Гурджиев открыл свои личные мотивы для таких жестоких действий. Все это было нужно ему для накопления физической и умственной энергии для завершения своей миссии. Примечательно, что никто из писавших о Гурджиеве, даже такие близкие ему люди, как де Гартманны, по всей видимости, не понимали, что ему пришлось пережить в то время. Они всегда видели в нем своего учителя, заботившегося исключительно о духовном развитии своих учеников, тогда как он заботился о выполнении своей миссии, которую рассматривал гораздо шире, чем окружавшие его люди. При этом его интересовал не столько настоящий момент, сколько то влияние, которое должны были оказать его идеи на мир с течением времени. Именно поэтому он так часто говорил о будущем своей работы после смерти.

Гурджиев, похоже, хотел показать, что в то время принимал решения не исключительно по своей личной инициативе, а консультируясь с ранее знакомой ему школой. Рассказывая о периоде с Рождества 1927 по май 1928 года, он утверждает, что работа над книгами занимала у него тогда всего несколько часов утром и вечером, а остальное время было посвящено "письмам с вопросами к некоторым его друзьям, к мнению которых он прислушивался, или же размышлению о деталях глобальной программы". Эти "друзья, к мнению которых он прислушивался" почти наверняка не могли быть учениками из Европы или Америки.

Никто из них не смог бы дать ему дельный совет, да и сам он тщательно скрывал от учеников свои проблемы.

У людей, окружавших Гурджиева в то время, в частности Мисс Мер-стон, не возникало никаких сомнений в том, что он поддерживал связи с туркестанскими школами. Он неоднократно рассказывал своим ученикам, как посылал туда некоторых людей для дальнейшего обучения, и они видели приходившие к нему письма со штампами этих стран. Гурджиев действительно продолжал переписываться со своими друзьями из Азии до самого конца своей жизни. И многие из тех, кто навещал его в Париже в 1948 и 1949 годах, включая меня самого, полагали, что он неоднократно посещал тогда Азию, под предлогом поездок в Германию. Но он всегда тщательно скрывал это, и как утверждают окружавшие его в то время люди, он работал совершенно один и не нуждался ни в какой помощи личного характера, за исключением нужд своего организма.

Подготовка условий для работы, которую провел Гурджиев оказалась настолько удачной, что он смог полностью отредактировать Вельзевула за полтора года. Судя по всему, у него вызвали сомнения несколько фрагментов этой книги. Как выяснилось позже, он полностью переписал некоторые главы, например "Чистилище", несмотря на то, что был уже

1929 год. По собственному утверждению Гурджиева в 1928 - 1929 годах ему удалось сделать следующее:

"Во-первых, "раздуть" три маленьких буклета до размера десяти увесистых томов. Во-вторых, хорошо осмыслить не только различные глубоко укоренившиеся в человеческой психике мелочи, о существовании которых я подозревал, и которые интриговали меня всю мою жизнь, но и многочисленные неожиданно выявившиеся "деликатесы" такого рода, что, если бы М-р Вельзевул узнал о них, отважусь предположить, что те рога, которые я отмечал в его случае с первой по последнюю главу первой серии своих писаний, выросли бы у него даже на копытах. Наконец, в-третьих, мое здоровье сейчас находится в таком состоянии, что я не только, как вы можете заметить, живу и работаю над такой заведомо ультрафантастической книгой, но и намереваюсь пережить всех моих бывших, теперешних и будущих сознательных врагов".

В прологе к Третьей серии Гурджиев подробно описывает принятые им тогда меры по выходу из ситуации, сложившейся к ноябрю 1927 года. Там же он проводит различие между вынужденным и добровольным страданием, а несколько далее также и между добровольным и преднамеренным страданием. Все эти три разновидности страдания могут оказаться весьма полезными для человека. Добровольное страдание может помочь нам выполнить ту или иную внешнюю задачу, тогда как преднамеренное страдание служит способом трансформации внутренней природы. Именно успешное использование страдания

дало Гурджиеву возможность завершить работу над *Рассказами Вельзевула*.

Работа успешно продвигалась, и 1928 - 1929 года принесли всем много радости, в особенности приезжим. Летом 1928, а затем и 1929 года приехало много американцев, а в 1930 году Гурджиев сам отправился в США. По его собственным словам он смог осуществить основную часть поставленной перед ним задачи, "вопреки различным противодействующим факторам как тем, которые предусмотрены законами, так и порождаемым различными типами среди нас, которые, к сожалению, также называются "людьми"".

Гурджиев рассматривал работу над своей второй книгой как способ перевести дух после напряженного и тяжелого редактирования *Рассказов Вельзевула*. Конечно по стилю написания *Встречи с замечательными людьми* гораздо проще, но это очень глубокая работа, смысл которой, к сожалению, ускользает от среднестатистического читателя. Между тем Гурджиев продолжал вести прежний образ жизни, в основном путешествуя по Франции и используя для работы практически только такие присутственные места, как рестораны, кафе, "танцевальные залы" и прочие "подобающие современной морали "храмы"", как он любил их называть.

Кроме того, когда график работы Гурджиева над книгами стал немного свободнее, по его собственным словам, он стал обращать больше внимания на тех людей, которые интересовались его идеями. При этом особенно его интересовали те из них, кто уже начал самостоятельно экспериментировать соответственно своему пониманию прочитанного. Тогда же он заметил, что не все шло, как надо - "настолько "из рук вон плохо", что это было заметно, даже весьма посредственному наблюдателю, конечно не без некоторого опыта наблюдения". На последующих встречах Гурджиев старался больше общаться с ними лично, выясняя, в чем было дело.

Среди своих последователей в Нью Йорке он обнаружил тот же самый феномен. Это обстоятельство произвело на него такое впечатление, что он почувствовал себя обязанным сделать какой-либо решительный шаг. Приехав 13 ноября 1930 года, Гурджиев сразу же посетил общее собрание в Карнеги Холл. Хотя Орэйдж тогда был в Лондоне, на собрание приехало огромное количество людей, многие из которых бывали в Приорэ.

Тогда же произошел известный случай с публичным отречением Гурджиева от Орэйджа, приездом Орэйджа в Нью Йорк и его инициативой поставить и свою подпись под обязательством членом его группы не поддерживать никаких связей с Орэйджем. Позднее Гурджиев в ярких красках описывал реакцию членов американских групп на это потрясение. Судя по всему, ни Орэйдж, ни кто-либо еще не понимал тогда причин такого странного поведения Гурджиева. Орэйдж воспринял разделение своих групп просто как очередной урок, а также как способ открыть перед его учениками новые перспективы. Для

Гурджиева же все это было частью подготовки условий для завершения своей миссии.

Разъясняя свое видение ситуации американским группам, Гурджиев воспользовался последней главой Рассказов Вельзевула, под названием "От автора". В этой главе Гурджиев использовал опыт работы со своими русскими группами во время Первой Мировой Войны. В нее же вошли материалы лекций, прочитанных в Приорэ и во время первого визита в Америку в 1924 году, но все это было связано с введением новых методик работы, о которых основная часть групп не имела ни малейшего представления. И действительно упражнения, введенные им в 1930 и начале 1931 года, заметно отличались от тех, которым он индивидуально обучал приезжавших в Приорэ в 1924 - 1929 годы.

Когда Гурджиев вернулся в Европу в 1930 году после разделения старых групп Орэйджа, в бюджете оставалось слишком мало денег, чтобы их можно было каким-либо образом использовать для его деятельности. Пол Андерсон, исполнявший тогда обязанности распорядителя,

предложил выпустить памятное издание Вельзевула из тех глав, которые он им оставил. Денег хватило только на редактирование, коррекцию и распечатку ста двух экземпляров, а на переплет денег уже не осталось. Два экземпляра подарили Полу и Наоми Андерсен, взявших на себя всю эту работу, а остальное было распродано по цене от десяти до ста долларов, в зависимости от возможностей учеников. Уим Ниланд подарил мне один из этих экземпляров в прекрасном переплете, когда в 1952 году я приехал в Нью Йорк помочь с организацией Фонда Гурджиева.

Ни сам Гурджиев, ни Орэйдж не оставили никакого окончательного текста. В некоторых главах отсутствовали целые эпизоды и их приходилось восстанавливать по памяти. Это стало возможным, поскольку для нью-йоркской группы неоднократно организовывались чтения этих глав с того момента, когда Гурджиев привез их в Нью Йорк в 1929 году. Никто тогда всерьез не верил, что удастся воспроизвести полный текст, но эту задачу удалось решить за три или четыре месяца. Специальный экземпляр послали Гурджиеву, и он расплылся в улыбке, выразив тем самым свое одобрение. Орэйджу тоже послали несколько экземпляров для него самого и для Успенского.

Издание Рассказов Вельзевула, опубликованное тогда, представляет большой интерес. В определенном смысле оно оказалось доступнее для понимания, чем окончательный вариант, опубликованный в 1950 году и французский перевод, опубликованный несколькими годам позже. Больше всего изменений претерпела глава "Чистилище". Кроме того, Гурджиев изменил некоторые "ключевые слова", прежде всего относящиеся к двум фундаментальным законам. В ранней версии Закон Тριάд был назван "Триамония", тогда как в последнем опубликованном варианте он называется Законом Триамазикамно, что на разговорном греческом означает "складываю три вместе".

Подобным же образом Закон Семи в старом издании называется "Эфталогодиксис", а в окончательном варианте - Законом Гептапарапаршинох, термином, состоящим от фрагментов греческого и армянского слов. Зачем Гурджиев решил внести эти изменения в описание космических законов? Он придумал все эти слова, чтобы создать у читателя ощущения присутствия существа иной природы, существа, родившегося где-то вдали от нашей планеты. Ему мастерски удастся создать это впечатление, но конечно же изменения не згра-ничивались изобретением новых слов. В частности в старой верст-- стадии развития человека были описаны гораздо доступнее, тогда пак в окончательном варианте есть лишь весьма туманные намеки, и читателю теперь гораздо труднее в этом разобраться. Почему же Гурджиев сделал и без того сложную главу еще труднее, если видел в Рассказах Вельзев-ла средство для широкого распространения своих идей? Только уже знакомые с его идеями люди, и к тому же готовые посвятить массу времени изучению этой главы, могут что-нибудь из нее для себя вынести. Во Встречах с замечательными людьми Гурджиев продемонстрировал, что вполне может писать простыми языком, не заставляя читателя сталкиваться с лингвистическими трудностями. В то же время мы знаем, что он работал над Вельзевулом по меньшей мере семь лет, как он сам говорил, не отрываясь от работы ни днем, ни ночью, постоянно что-то записывая и переписывая. Следовательно нам остается только признать, что Вельзевул был написан именно так, как Гурджиев того действительно желал, и что все исправления были сделаны обдуманно, хотя в результате его идеи стали еще менее доступными для неподготовленного читателя.

Конечно, изменения в Рассказах Вельзевула и сами по себе весьма удивительны, но еще более разительный контраст они представляют в сравнении с изложением этих же идей Успенским, который постарался как можно буквально пересказать все, что Гурджиев рассказывал московской группе в 1915, 1916 и 1917 годах и на Кавказе в 1918 году. Книга В поисках чудесного гораздо легче для понимания. По этой причине она стала значительно популярнее Вельзевула. Гурджиев это предвидел. После того, как в 1948 году Мм. Успенская прислала ему распечатку Фрагментов неизвестного учения, как тогда называлась книга Успенского, и Гурджиеву ее прочитали, он часто повторял, что этот вариант изложения его идей менее предпочтителен, чем Рассказы Вельзевула, и настаивал, чтобы именно его книгу считали первоисточником. Более того, когда в 1949 году встал вопрос о публикации, Гурджиев, насколько мне известно, категорически настаивал на том, чтобы публикация В поисках чудесного была отложена до тех пор, пока с момента публикации и появления на рынке Рассказов Вельзевула не пройдет несколько месяцев. После смерти Гурджиева это его пожелание было проигнорировано, и две книги вышли одновременно.

Можно было бы предположить, что Успенский с его любовью к ясности и простоте изложения решил пренебречь более трудным для понимания стилем Гурджиева исключительно для того, чтобы облегчить эту задачу для читателя. Но, похоже, это не совсем так. Успенский добросовестно заботился о том, чтобы

передать идеи именно в таком виде, в каком он услышал их от Гурджиева, и, вкрапляя свои собственные мысли, например, в случае его размышлений о временных масштабах в 15 главе Рассказов Вельзевула, он специально подчеркивал, что это его собственная точка зрения, не имеющая отношения к Гурджиеву. Более правдоподобно другое, а именно то, что, решив открыть свои идеи всем, кто захотел бы купить его книги, Гурджиев постарался обезопасить их подлинное значение, сделав сами идеи доступными лишь для тех, кто готов заплатить за это напряженным изучением текста. Однако Гурджиев оказался между двумя стульями. С одной стороны он очень пекся о том, чтобы Вельзевула смогло прочесть как можно большее количество людей, и он делал все возможное, чтобы добиться этого. Был даже организован специальный сбор денег на печать экземпляров, чтобы можно было продавать их по как можно более низкой цене. Гурджиев постоянно требовал от своих учеников, чтобы они добивались как можно более широкомасштабной рекламы Вельзевула и организовывали его публичные чтения везде, где это только было возможным. Вне всяких сомнений он рассчитывал, что эта книга окажет значительное влияние на мир, и в связи с этим добивался ее перевода на максимально большее число языков. В то же время он считал необходимым делать изложение все более туманным, вплоть до того, что полноценные идеи из окончательного текста можно вычленишь лишь сложив вместе несколько эпизодов из контекстуально совершенно разных фрагментов книги. Некоторые же идеи вообще можно воспроизвести, лишь апеллируя к другим работам Гурджиева.

¹ См. книгу Дж. Г. Беннетта, *Беседы о Рассказах Вельзевула*, Москва, 2001 г., которая существенно облегчает восприятие данной работы Гурджиева (прим. ред.).

Вне всяких сомнений Гурджиев прекрасно осознавал, что поставил себя в такое двойственное положение. Его целью было широкое распространение собственных идей, и в то же время он должен был удостовериться, что они будут доступными только для тех, кто сможет использовать их надлежащим образом и правильно к ним относиться. Способ изложения, который выбрал Гурджиев для Вельзевула, лучше всего подходил для этой двойной цели.

Теперь перейдем к годам, последовавшим за 1931-м. Гурджиеву не только удалось завершить редактирование Рассказов Вельзевула, и прежде всего главы "Чистилище", но он также почти дописал свою последнюю работу. Его вторая книга, *Встречи с замечательными людьми*, оказалась наименее противоречивой. Единственной ее частью, так и не попавшей в печать была глава о Князе Ниджерадзе, которую Гурджиев так и не дописал, хотя переписывал несколько раз. Есть два не совпадающих друг с другом перевода оригинального армянского текста, ни один из которых не содержит того заключения, к которому хотел подвести ее Гурджиев. Похоже, что в этой пропущенной главе была какая-то ссылка на его поиск, которая возможно по его мнению слишком явно указывала на подлинную

сущность того источника, с которым он до тех самых пор поддерживал связь.

Судя по всему, Князь Ниджерадзе участвовал в каком-то печальном для Гурджиева эпизоде его жизни, когда он попал в трудную ситуацию, нарушив определенные правила одного из братств, от которых получал помощь и наставления. Один из учеников, присутствовавших при чтении этой главы в 1933 году, вспоминает, что она оказала на всех глубочайшее впечатление, благодаря описанию состояния человека, который пробуждается после смерти и понимает, что потерял главный инструмент своей жизни - свое тело, и представляет себе все то, что мог бы при помощи него сделать, пока был еще жив. Вообще эта книга примечательна тем, что самые долгожданные и интересные эпизоды в ней отсутствуют. Я имею в виду три случая, когда по словам Гурджиева он и группа, с которой он совершал экспедиции, получали чрезвычайно важные разъяснения относительно трех тел человека. В каждом случае Гурджиев обещал посвятить этим учениям отдельную главу своей последней работы. В первом случае группа, включая Еким Бея, путешествовала по северу Персии и встретила дервиша-одиночку. Пока он в течение нескольких дней были вместе, дервиш передал им свои знания о физическом теле человека, его нуждах и возможностях. В другой раз, путешествуя по горам Памира, они встретили факира, который прежде служил командиром артиллерии

Афганской армии. И опять в течение нескольких дней он рассказывал им об астральном теле человека и его возможностях. Наконец, в последней из опубликованных глав, "Профессор Скридлов", Гурджиев описывает свое длительное пребывание в одном из монастырей Кафиристана и встречу с Отцом Джованни.

Насколько мне известно, ни один из обещанных рассказов не сохранился. Судя по всему, если они вообще были написаны, то Гурджиев уничтожил их, придя к выводу, что было бы неразумным делать их достоянием широкой публики. Он неоднократно грозился уничтожить рукописи, и многие американские ученики думали, что недостающие эпизоды попали под горячую руку. Возможно впрочем, он счел, что написанное в них могло быть использовано неправильно, попади оно не к тем людям.

Таким образом, последняя работа Гурджиева, Жизнь реальна, только когда "Я Есть", осталась незавершенной. Она состоит из первого раздела, или книги, основанной на нью-йоркских лекциях 1930 - 1931 годов. Вторая и третья книги полностью отсутствуют, а четвертая книга, включающая в себя пролог и две первые главы, представляет собой, пожалуй, наиболее интересный рассказ о проблемах внутреннего мира, с которыми Гурджиеву пришлось столкнуться в процессе своего духовного развития. Последняя же глава под названием "Внутренний и внешний мир человека" осталась незавершенной, причем изложение интригующе прерывается как раз в тот момент, когда Гурджиев, казалось, был уже готов раскрыть секрет продления человеческой

жизни. Однако внимательный читатель найдет завуалированный ключ к этой тайне в предшествующей части этой же главы.

По поводу потерянных или недостающих книг Пол Андерсон пишет следующее: "Стало очевидным, что самым важным текстом следует считать Рассказы Вельзевула. Все его секреты, по крайней мере те, которые он счел нужным раскрыть, изложены в этой книге, и осталось лишь подготовить людей, которые бы смогли их должным образом трактовать. Если Рассказы Вельзевула - это легоминизм, то Гурджиеву нужно было обучить посвященных для последующей передачи практических методик. Указания на эти методики должны были содержаться в Третьей серии, но она не предназначалась для практического обучения. В связи с этим две дошедшие до нас книги Третьей серии чрезвычайно важны для тех, кто хочет понять путь развития Гурджиева и принципы его работы, но они ни в коем случае не являются практическим руководством и не предусматривались как таковое".

Обсуждение произведений Гурджиева было бы неполным без упоминания о брошюре Вестник грядущего добра, опубликованной им в 1933 году. На обложке брошюры была надпись: "Вопреки общепринятым правилам, я не только заранее даю согласие на публикацию этой моей первой книги, а также всех других книг первой серии в любой стране, но в случае необходимости готов субсидировать ее издание, конечно, при условии полной идентичности содержания". Вначале он дал всем распоряжение проследить, чтобы у каждого его последователя оказался экземпляр этой брошюры, с целью собрать средства на спасение Института. В дополнительном объявлении, которое Гурджиев написал седьмого марта 1933 года в Кафэ Фонтэнбло, он заявил, что собирается заложить первый камень центрального здания большого парка. Этим зданием должен был стать новый Учебный Дом с лекционными залами, театрами, тремя лабораториями и обсерваторией. В 1923 году во время нашей беседы в Приорэ Гурджиев рассказывал мне о своих планах примерно в том же ключе, и следовательно это было больше чем просто фантазии. Либо Гурджиев действительно хотел воздвигнуть что-то материальное, либо это было символическое выражение чего-то, над чем следовало порассуждать особо. Совершенно ясно, что три лаборатории должны олицетворять собой три стадии развития человека: переход от физического тела к астральному, или тела кесджан, развитие разума в теле кесджан и, наконец, освобождение третьего, или высшего бытие-тела, то есть души.

Абсолютно ясно, что все написанное в Вестнике грядущего добра следует воспринимать не буквально, а как провозглашение того, что Гурджиев был готов показать всем проходящим к нему путь развития. Интересно также, что он называл эту брошюру Хабарджи, турецким словом, означающим "глашатай". Склонность Гурджиева использовать турецкий язык свидетельствует о том, насколько он был близок ему с самого детства. Единственной же фразой на иностранном языке, которую Гурджиев поместил в Рассказы Вельзевула, было известное высказывание дервишей: "Даньямин иси пакмазли пиши

йейен агизинда пусар эсе-гин диси", что означает "Мирская суэта подобна острому блюду; тот, кто ест его, отрицивает себе ослиные зубы".

Все написанное в Вестнике грядущего добра представляет колоссальный интерес для понимания того, как развивалось мышление Гурджиева, однако так получилось, что для самого Гурджиева это произведение стало досадной ошибкой, которую он бы с удовольствием предал забвению. Прошло всего лишь около года, и в своей последней работе Гурджиев советует тем из его читателей, кому посчастливилось не прочесть Вестник грядущего добра, и впредь воздержаться от его прочтения, а тем, кто уже прочел эту брошюру, ни в коем случае не передавать ее другим.

Похоже, что неудавшаяся попытка Гурджиева реанимировать Институт в 1933 году была следствием того энтузиазма, с которым американские ученики приняли Вельзевула. Улучшение экономической ситуации в США подало повод надеяться на то, что Гурджиеву снова удастся получить значительную сумму денег от своих американских последователей. Тогда же приблизительно в 1934 году Гурджиев на время отошел от дел. Он жил с одним из своих старых учеников, Фредом Лейтоном, который позднее часто рассказывал историю о том, как по прошествии шести месяцев Гурджиев сказал ему на прощание: "Итак, Фред, я все это время был с тобой, а ты так мной и не воспользовался". Судя по всему, Гурджиев тогда ничего не писал, и не пытался влиять на ситуацию в Приорэ. Как-то он намекнул на то, что в 1932 году отправился в Центральную Азию, чтобы восстановить прежние связи, а затем он вернулся в Штаты с намерением предпринять еще одну попытку восстановления Института. Подругой версии поездки Гурджиев предпринял в 1933 году, после публикации Вестника грядущего добра, а по возвращении полностью забросил проект, отверг эту книгу и безраздельно посвятил себя завершению других своих произведений. Насколько нам известно, после главы "Внутренний и внешний мир человека", работа над которой была завершена в 1935 году, Гурджиев не написал больше ни строчки.

Таким образом, в мае 1935 года Гурджиев закончил свою писательскую деятельность, оставив Третью серию незавершенной. Он объясняет в прологе, что "был вынужден уничтожить практически все свои рукописи", поскольку не смог найти людей, готовых воспользоваться написанным. После смерти Орэйджа все надежды Гурджиева на восстановление

Института были связаны исключительно с Соединенными Штатами. Американские ученики делали все, что было в их силах. Ник Патнэм, который был Гурджиеву как сын, устраивал для него встречи со многими состоятельными людьми, но ничего путного из этого не вышло. Полу Андерсону удалось пробудить у сенатора от штата Нью Мексико, Брон-сона Каттинга, такой живой интерес, что тот попросил у него организовать встречу с Гурджиевым с предложением выкупить Приорэ и передать его в пользование восстановленному Институту. Гурджиев и Патнэм отправились в Вашингтон в конце Апреля. Сенатор же уехал в

Нью Мексико, после чего последовали десять дней ожидания, до предела накалившие состояние Гурджиева и без того разочарованного бездумной реакцией сотен американцев на смерть Орэйджа. Тогда он попросил Андерсона пойти в Русское посольство и спросить, может ли он вернуться в Россию и продолжить преподавание своей системы.

Ночью 6 мая самолет, на котором Сенатор летел на встречу с Гурджиевым, взорвался в воздухе, и все пассажиры погибли. Гурджиева явно потрясла эта новость. Несколькими днями позже Пол принес ему ответ из посольства. "Мы знаем о нем и его деятельности", - заявил консул, - "он может вернуться в Советский Союз лишь при условии, что будет работать там, где ему скажут, и он не должен ничего преподавать". После этого Гурджиев пропал на десять дней. Он не посетил ни одного намеченного на это время собрания. Пол и Наоми, с которыми он виделся с глазу на глаз, рассказывали мне, что он даже внешне стал весь меняться: он становился каким-то серым, вялым и говорил короткими фразами. Через несколько дней они проводили его до поезда. Он ничего не сказал им тогда, но было очевидно, что он хотел поехать в Россию, и отказ лишил его возможности завершить что-то задуманное. Записи в его паспорте, который я внимательно изучил, свидетельствуют о том, что он тогда поехал в Германию, а затем вернулся во Францию в июле. Из того, что он сказал значительно позднее следует, что в те два месяца ему удалось побывать на Кавказе и даже в Центральной Азии. Я уверен, что он всерьез подумывал о возвращении в Ташкент, но понял, что у него там не будет необходимой для его работы свободы действий.

Итак Гурджиеву пришлось пережить окончательное и необратимое крушение надежд на создание собственной организации. При этом для нашего изучения его связи с Учителями Мудрости особенно важно выяснить, действительно ли он тогда отправился к ним за советом. Сам он явным образом указывает на это в прологе к Третьей серии.

Глава 8

ВОПРОС ГУРДЖИЕВА

Основываясь на фантастических произведениях и успехе первых космических полетов, серьезные писатели ввели такое понятие, как космический корабль Земля. Но где же законный вопрос: "Если наша планета -космический корабль, а человечество - его экипаж, то кто же его командир, и куда он его направляет?" Представьте себе, что корпорации, персонал которой обладает высоким уровнем научно-технических знаний, удалось получить в свое распоряжение сделанный конкурентами механизм, причем настолько необычный, что никому еще не приходилось видеть ничего подобного. Механизм направляют в технический отдел, и по прошествии некоторого времени его сотрудники докладывают руководству, что выяснили, как он работает. Но тогда руководство может возразить: "Ну, хорошо, а для чего он предназначен?" Техники отвечают, что не задавали себе этого

вопроса и что не могут ответить на него, не зная замысла конкурентов. В этом случае руководство может совершенно справедливо заметить, что знание принципов работы механизма не принесет пользы, если неизвестно, для каких целей он предназначен.

Современная наука находится как раз в этой ситуации. Она активно занимается выяснением принципов функционирования вселенной, но даже не ставит перед собой вопроса о ее предназначении. Если же вселенная для нас оказывается слишком большим объектом для целостного изучения, то у нас есть солнечная система или наконец космический корабль Земля. Где же законный вопрос: "Для чего предназначен этот удивительный механизм?" Сам по себе человек тоже представляет собой потрясающе сконструированный механизм, и он несравнимо ближе нам, чем что-либо еще. Спрашиваем ли мы себя: "Для какой цели предназначен этот остроумный аппарат?"

Отдельные люди и целые общества, научные и ненаучные, пытаются приоткрыть завесу будущего. Все понимают, что человечество переживает серьезный кризис, и некоторые даже сомневаются, что мы сможем выжить в этой ситуации. При всем этом мы практически нигде не встречаем понимания того, что самый первый вопрос должен заключаться в том, служит ли существование Земли и человечества какой-либо определенной цели или нет. На самом деле это странно, поскольку мы всегда задаем этот вопрос по поводу таких нижестоящих элементов, как, например, человеческие организации, действия и творения. Мы вообще гордимся своим прагматичным подходом и готовы уничтожить и забыть все, что не служит никакой полезной цели, и предметом нашей особенной гордости является способность человека использовать природные ресурсы.

Жизнь на Земле представляет собой чрезвычайно маловероятное развитие событий. Это настолько потрясающий механизм, что позволяет не только поддерживать собственное состояние, но также и порождать все более сложные и невероятные формы, и просто удивительно, что никто не интересуется его целью.

Даже если бы Гурджиев, не сделав ничего больше, просто привлек наше внимание к этому вопросу, то все равно бы занял особое место среди пионеров человеческой мысли. Как уже было отмечено в предыдущих главах, этот вопрос возник в его уме еще в раннем детстве и стал "доминантой его внутреннего мира": В чем заключаются смысл и значение жизни на Земле в целом и человеческой жизни в частности?

Вроде бы это естественный вопрос, но, спрашивая себя, почему он не приходит в голову любому мыслящему человеку, мы слишком далеко заходим в дебри человеческой ситуации. Мы настолько озабочены своими субъективными проблемами, что не перестаем задавать себе объективный вопрос: "Для чего я существую?" В течение более чем двух тысячелетий философы пытаются ответить на такие вопросы, как "Что такое

реальность и как мы ее познаем?" При этом они уходят от вопроса "Кто и зачем ее создал?", либо, считая этот вопрос неразрешимым, либо, передавая его теологам, чтобы те восполнили пробелы в знаниях откровением или верой.

Теологи сходятся во мнении, что ответ на первую часть вопроса был дан в откровении: Жизнь на Земле и сам человек были сотворены Богом. Вторую же часть - "Зачем?" - теологи отбрасывают, как непостижимую. Скептики могли бы процитировать на этот счет Анатоля Франса: "Если это сделал Бог, то он совершил наивысшую нелепость". Сегодня эта фраза кажется, пожалуй, даже более подобающей нынешнему моменту, чем это было восемьдесят лет назад. Те же, кто не принадлежит ни к какой религиозной традиции, и прежде всего те из них, кто отрицает существование Бога, остаются вообще без ответа на этот вопрос, и чаще всего с полным удовлетворением отвергают всяческие вопросы о происхождении и цели как бессмысленные. Если цель творения должна быть увязана с существованием Творца, то Бог и цель должны рассматриваться в едином комплексе; однако, если Бог ни в чем не нуждается, то следовательно у него и не может быть целей. Здесь кроется какая-то глубокая ошибка. Восточные религии и философские направления вообще уделяют мало внимания каким бы то ни было целям, и поэтому не считают нужным объяснять что-либо в этом смысле. Буддизм во всех его формах отвергает подобные вопросы как бессмысленные, утверждая, что целью существования является потребность самого человека уйти от дукха, под чем понимают скорее не страдание, а обусловленное¹ состояние воплощенной самости. Единственное важное исключение составляет древняя религия Заратустры, согласно учению которого как сама жизнь на Земле, так и наделенный разумом человек были сотворены, чтобы помогать доброму духу, Аюре Мазде в борьбе с силой тьмы. В гимнах Авесты много упоминаний о роли человека как помощника в космическом процессе. Так, в Иасне 30.9 мы читаем следующие слова: "Да причислимся мы к тем, кто обновляет мир и способствует его развитию!" Я уже высказывал собственные доводы в пользу того, что Гурджиев обнаружил признаки существования центров Зороастризма в Центральной Азии, которые намного пережили его закат как государственной религии. По какой-то причине этот важнейший миф был забыт, и на очень долгое время вопрос "Зачем существует жизнь на Земле?" пропал из виду.

Начиная с семнадцатого века европейское мышление было больше занято естественным, нежели сверхъестественным. Когда стало проясняться, что природа управляется законами, которые человек может открыть и использовать в собственных целях, стремление к знаниям и власти превратилось просто в одержимость. Тогда казалась, что ответ на вопрос "Для чего все это?" очень прост: "Это все для человека и его удовольствия". Само слово "цель" стало означать прежде всего человеческую цель, связанную с решением исключительно человеческих задач.

В конце девятнадцатого века, когда Гурджиев начал свои собственные поиски, наука и религия тянули человека в разные

стороны; но ни одну из сторон не интересовал вопрос Гурджиева о смысле и значении человеческой жизни на Земле. Обе стороны заявили бы, что знают ответ, но ни религия, ни наука не смогли бы его разъяснить. Сегодня, по прошествии восьмидесяти лет мы ощущаем на себе последствия небрежного отношения к этому вопросу. Самому будущему человечества угрожает чувство незащищенности, порождаемое предположением, что у жизни нет цели, а у человека нет причин существовать. Наверное немногие сегодня согласятся с идеей, что Бог создал человека чтобы тот любил Его и служил Ему на Земле, и вечно жил бы в Его благодати. Наивные представления о небесах и аде, вполне удовлетворявшие наших предков, вызывают лишь улыбку у современного человека, причем даже в тех замысловатых формах, которые были разработаны теологами вдогонку научному прогрессу. В связи с этим странно, почему не было предпринято никаких серьезных поисков более убедительной трактовки предназначения жизни на Земле. Это странно еще и потому, что ученые прекрасно понимают, что сама по себе наука не может дать ответ на подобные вопросы, и в то же время знают о крайней необходимости в новом взгляде на жизнь, который бы вернул уверенность запутавшемуся миру. Они восхищаются этим инструментом, но не спрашивают себя, для чего он предназначен.

¹ В Драматической Вселенной Беннетт различает Существование и Бытие, или обусловленную и необусловленную части Реальности. Существование обусловлено законами системы координат, то есть, представлено всеми элементами, удовлетворяющими этим законам. Бытие представлено элементами, не подчиняющимися законам и, следовательно, невозможными и не существующими в общепринятом смысле (прим. ред.).

Было бы неправильным утверждать, что никто не задает себе вопрос "Что же это за штука: жизнь?" Напротив, время от времени мы все задаем этот вопрос: иногда в отчаянии, но иногда и с надеждой найти ответ. Однако сформулированный таким образом этот вопрос уклоняется от своего изначального смысла. Хотя он и кажется объективным, на самом деле это глубоко личный *cri de coeur*.¹ Мы хотим, чтобы наша личная жизнь имела какой-то смысл, и если мы вполне довольны своими человеческими взаимоотношениями и своей внешней деятельностью, то мы как правило забываем, что они не имеют никакого значения при более широком рассмотрении вопроса. Мир продолжает страдать вне зависимости от того, счастлив или печален отдельный человек. Вопрос "Почему мир таков?" посещает нас всех, и поэтому мы должны выяснить, что же мудрые мира сего думают на этот счет, даже если их ответ и неверен.

Сегодня есть два основных направления, или школы, мысли. Одна занимается постоянным поиском законов причинно-следственного характера, позволяющих нам понять, "как все происходит", и разрабатывает способы "их использования" для человеческих нужд. Последователи этой школы считают бессмысленными любые вопросы относительно целей и задач, за исключением задачи расширения человеческих знаний и возможностей. Даже если они не отвергают религиозную веру в

принципе, то по крайней мере считают ее ни коим образом не связанной с их собственной задачей. Другая школа старается придерживаться причинно-следственных объяснений в сфере естественного порядка, но при этом продолжает верить в сверхъестественные цели. Последователи этой школы подходят под определение дуалистов: они различают два вида реальности, естественную и сверхъестественную, но не чувствуют ни необходимости, ни возможности перекинуть мост с одного берега на другой.

Даже если мы не согласны с такими уклончивыми позициями, мы тем не менее должны признать, что религиозные авторитеты совершили серьезную ошибку, попытавшись обосновать веру. Катастрофическая неудача различных попыток дать рациональное объяснение существованию Бога привела к в равной степени ошибочному заключению, что невозможность доказать существование Бога следует рассматривать как подтверждение того, что Он не существует. Как это ни удивительно, в богословских книгах до сих пор можно встретить "аргументацию с позиции творения". До сих пор набожные люди часто говорят: "Посмотрите на этот мир; посмотрите, как замечательно он устроен, как продуманность и целесообразность дышит в каждом живом существе. Как же вы можете сомневаться в том, что это чудо - плод работы высшего творца?" Один за другим наука разобралась со всеми примерами: во-первых, показав, что физический мир управляется универсальными, нецеленаправленными, причинно-следственными законами, а, во-вторых, продемонстрировав, что жизнь на Земле развивалась посредством естественного отбора из более простых форм, а те в свою очередь появились в результате случайной комбинации элементов неживой материи. В итоге, аргументация с позиции творения потеряла свою убедительность, и, как может показаться, вместе с этим отпала и необходимость в концепции творца.

¹ Крик сердца (франц., прим. перев.).

Ни философы, ни ученые не осознают, что попали в западню. Конечно аргументация с позиции творения была от начала и до конца антропоморфной. Философы рассматривали объекты живой и неживой природы точно так же, как рассматривали бы свои собственные творения. Они полагали, что у птиц есть крылья потому, что Бог хотел, чтобы они летали, а человек наделен разумом именно потому, что Бог хотел видеть его мыслящим. Когда же выяснилось, что появление как крыльев, так и мозга можно объяснить с точки зрения их полезности для выживания, то необходимость в поиске каких либо дальнейших разъяснений, казалось бы, отпала. Людям не пришло в голову, что у жизни может быть цель, совершенно не похожая ни на какую человеческую, но которая при этом не обязательно должна быть недоступной для человеческого понимания. Наука расширила кругозор человека далеко за пределы его земного существования, но ученые не осознают, что открыли путь новому образу мышления о

мире, учитывающему изменение масштабов, которое навсегда заставило забыть о геоцентрическом подходе в философии.

Как же тогда могло случиться, что еще в конце девятнадцатого века Гурджиев сформулировал свой вопрос, проникающий в самую суть проблемы. Ничто из того, что нам удалось обнаружить в учении и техниках Ходжагана не предполагает, что Гурджиев мог найти в Суфизме этот вопрос или ответ на него. Сам он безапелляционно утверждает, что это изначально его вопрос и что он стал "доминантой его внутреннего мира". Если это действительно так, то Гурджиев был гораздо больше, чем просто удачливый исследователь Востока, принесший на Запад "фрагменты неизвестного учения".

У Гурджиева есть свое собственное учение, вполне отчетливо выраженное в Рассказах Вельзевула, прежде всего в главе "Чистилище". Пожалуй, в качестве квинтэссенции следует выделить следующую фразу: "эволюция и инволюция активных элементов, актуализирующая Трогаавтоэократический принцип существования всего существующего во вселенной посредством взаимного питания и поддерживания существования друг друга" (Рассказы Вельзевула, стр. 759).

Практически все написанное последователями и противниками Гурджиева относится к его идеям в сфере психологии, или же к его образу жизни. И то, и другое конечно важно, но только лишь этим нельзя подтвердить процитированные в четвертой главе слова Дени Сората, о том, что идеи Гурджиева имеют "внеземное" происхождение. В этой главе я предполагаю обсудить некоторые из этих идей, а также их место в новой "системе ценностей", которая могла бы снискать доверие и лояльность всего человечества.

Ценности и цели неразрывно связаны друг с другом. Если бы любое положение вещей имело одну и ту же ценность, то у нас не было бы целей. Напротив, если бы какая-то ситуация имела для меня существенную ценность, то я бы стремился организовать ее с упорством, пропорциональном ее важности для меня в данный момент времени. Явные и устойчивые ценности возникают на основе большой необходимости в чем-либо. Нам нужна защищенность и пища для себя и тех, кто от нас зависит, и наши основные стремления определяются именно той целью, которая возникает на основе этой потребности. Однако мы плохо представляем себе более серьезные потребности, чем сохранение жизни, а значит и более важные цели. Если какое-то положение вещей преподносится нам как необходимое или желательное, то есть как ценность, и для нас это оказывается убедительным или же условно обязательным, то мы стараемся добиться такого положения вещей, и это уже становится целью. В прошлом люди не осознавали, в какой мере их "цели" диктуются социальным давлением и животными инстинктами и формируются обычаями и общественной моралью. Одним из главных достижений поведенческого направления психологии за последние двадцать лет как раз стало выявление того, в какой степени цели людей определяются общественным мнением, внушением и прочими

видами социального давления. Тем не менее, это обстоятельство лишь усилило тревогу, в особенности среди людей еще очень молодых, которые еще не успели в значительной степени испытать на себе общественное влияние.

Возникла очень опасная ситуация, так как сегодня очень многие люди уже не могут следовать тем системам ценностей, которые перестали иметь смысл, но при этом не могут и создавать свои собственные, поскольку такие системы по определению были бы субъективными и слишком дискретными: "То, что подходит одному человеку может оказаться пагубным для другого". Мы уже не можем верить в абсолютную цель человеческой жизни, как внушает нам религия, поскольку отчетливо видим, что подтвердить наличие такой цели невозможно, и сама эта цель была бы бессмысленной. Мы также не можем согласиться с идеей персональной цели для каждого человека без каких-либо дополнений, поскольку это бы восстановило людей друг против друга. Мы не можем представить себе и общечеловеческую цель, которая бы не противопоставляла человека природе, тогда как он уже сегодня находится в глубоком конфликте с нею.

Единственное, что нам остается - так это искать смысл и цель жизни на Земле в целом и человеческой жизни в частности в рамках более масштабного, хотя и не бесконечного, контекста Земли, солнечной системы и может быть галактики, по сравнению с которой наше Солнце - не более чем песчинка. Если действительно есть важная цель, превосходящая уровень человеческого существования, то жизнь на Земле должна ей соответствовать. Если бы мы могли убедиться в этом, то получили бы систему ценностей без недостатков, которые имеются в тех системах, которым мы пытаемся следовать сегодня.

Наверное примерно так же рассуждал и Гурджиев, и, судя по всему, проблема окончательно сформировалась в его разуме приблизительно к 1902 году, когда ему было двадцать пять лет. Как известно именно в этом возрасте творческие способности таких абстрактно мыслящих людей, как, например, математиков достигают своего наивысшего проявления. Безусловно, Гурджиев с самого детства развивался быстрее других, и это объясняет его ранний интерес к обсуждаемой нами проблеме, но нельзя и ее решение списать только на его раннее развитие, решение, не согласующееся ни с одним из тех типов мышления, которые занимали собой абсолютно весь спектр в начале нашего века и до сих пор занимают главенствующее положение, то есть ни с религиозным, ни со светским, ни с философским, ни с научным.

Ответ, который сам Гурджиев дает на вопрос "В чем заключаются смысл и значение жизни на Земле?" коренным образом отличается от всех распространенных сегодня точек зрения. В Рассказах Вельзевула Гурджиев утверждает, что позаимствовал концепцию взаимного поддержания из "одного древнего шумерского манускрипта", найденного великим курдским философом Атарнахом. В подтверждение Гурджиев даже

приводит следующую цитату из этого манускрипта: "По всей видимости в мире существует некий закон взаимного поддержания всего существующего. И мы своей жизнью тоже вне всяких сомнений обеспечиваем что-то в этом мире, будь то великое или малое".¹

Этот эпизод взят из описания одного центрально-азиатского братства под названием "Собрание Просветленных", ведущего свою историю с шумерских времен и достигшего наивысшего расцвета в Бактрии, когда Зороастр начал проповедовать свое учение. После Зороастра оно исчезло и появилось вновь лишь по прошествии ста поколений,² в течение которых доминирующей идеей была концепция индивидуальной жизни человека как наивысшей ценности. С наступлением нового периода взаимодействия с высшими силами, который я называю Синергической Эпохой, древней доктрине взаимного поддержания суждено вновь занять центральное место в понимании судьбы человечества, и только теперь мир снова начинает узнавать это "неизвестное учение". Причем, как я думаю, под этим братством Гурджиев подразумевал Сарманское общество.

В чем же собственно заключается эта доктрина? Взаимное поддержание в данном случае означает, что в соответствии со структурой, или паттерном, вселенной каждый класс существующих объектов вырабатывает определенные энергии, или субстанции, необходимые для обеспечения существования других классов.

В целях описания этого процесса Гурджиев использует термины инволюция и эволюция. Инволюция представляет собой трансформацию, в ходе которой энергия более высокого уровня воздействует на энергии более низких уровней через аппарат, создающий необходимые для этого процесса условия. Наш организм, так же как и вообще все живое, является одним из таких аппаратов. Земля тоже создает условия для воздействия энергии более высокого уровня - солнечного излучения на более пассивные элементы земной коры и атмосферы. Инволюция всегда энтропична, то есть общий уровень энергии понижается при всех инволюционных изменениях.

Эволюция же является прямо противоположным процессом. Это образование энергии более высокого уровня из более низкого источника. Для этого тоже нужен аппарат, хотя и иного рода, поскольку повышение уровня энергии не может происходить само по себе, то есть является невероятным процессом, и для этого требуется участие энергии более высокого уровня. Жизнь - это эволюционный процесс, текущий противоположно направлению вероятности. Работа, в результате которой трансформируется человек, тоже носит эволюционный характер. Она идет наперекор течению жизни. В этом как раз и заключается смысл приведенных Успенским слов Гурджиева: "Работа противодействует природе и Богу".

¹ См. Рассказы Вельзевула, гл. 43, стр. 1094.

² Эти двадцать четыре века соответствуют тому, что я назвал Мегалантропической Эпохой (*Драматическая Вселенная*, Том 4, гл. 49).

Тем не менее Работа была бы невозможна без "помощи Свыше", и такая помощь действительно приходит, "поскольку такие относительно независимые структуры также необходимы" (Рассказы Вельзевула, стр. 763). В некоторых случаях эволюционный процесс может в определенный момент начаться благодаря случайному стечению благоприятных обстоятельств (там же, стр. 762), но многообещающее начало ни к чему не приведет, если высшая сила перестанет воздействовать на человека. Это положение представляет чрезвычайную важность для понимания эволюции как человечества в целом, так и отдельного человека. В большинстве случаев все начинается с той или иной случайной ситуации, которой оказывается достаточно, чтобы вызвать потребность в бегстве от потока инволюции, ведущей к застою. Однако сама по себе эта потребность неминуемо приглушается и теряет свою направленность. Но она тем не менее делает человека объектом сознательных и творческих влияний, с чего и начинается подлинная эволюция.

Гурджиев пишет, что так дело обстоит на планетах, где случайным образом возникают формации со способностью к автоматическому движению (там же, стр. 762). Творец отслеживает такие события и вмешивается лишь после того, как все уже началось, чтобы способствовать продвижению процесса в нужную сторону. Сама же случайная стадия находится в пределах возможностей естественных законов трансформации энергий. Дальнейшие же стадии требуют сверхъестественного воздействия. Это тоже происходит не произвольно, а в соответствии с характером взаимоотношений между сущностями посредством которых каждая сущность поддерживает существование других в рамках всеобщей системы взаимного поддержания. Каждый род существ наделен особой формой энергии, которая позволяет ему играть свою роль в космическом процессе. Таким образом мы получаем новую концепцию ценностей и целей в жизни, и именно в этом состоит основной вклад Гурджиева в новую "главную идею" грядущей эры.'

¹ Подробнее см. Дж. Г. Беннетт *Драматическая Вселенная* Том 4 и *Учителя Мудрости* (прим. ред.).

Эта закономерность нагляднейшим образом проявляется в химических процессах Земли. Из минералов земной коры и газов атмосферы образуются вещества, из которых состоят все живые организмы. Растения строят свой организм из углекислого газа и воды при помощи солнечной радиации, кислорода, то есть образуют углеводы, без которых ни один животный организм не мог бы существовать. Кроме того растения образуют азотистые соединения, играющие ключевую роль в процессах размножения, регенерации и трансформации энергий высших форм жизни. Если бы доктрина взаимного поддержания этим и ограничивалась, то не представляла бы никакой революционной ценности. Однако ее главная особенность состоит в том, что она рассматривает и человека как один из классов существ, чья жизнь также

"обеспечивает что-то в этом мире, будь то великое или малое". Гурджиев развил эту мысль, утверждая, что человек, как все живые и неживые объекты, представляет собой "аппарат для трансформации энергии" и что в его функцию входит образование чувствительной и сознательной энергий, необходимых для поддержания гармонии солнечной системы. Человек может вырабатывать эту энергию преднамеренно или непреднамеренно. В первом случае энергия вырабатывается в ходе "работы над собой", то есть в результате самосовершенствования. Во втором случае это происходит в результате смерти. В этом как раз и заключается связь между взаимным поддержанием и войной. Кроме того Гурджиев связывает потребность в сознательной энергии с ростом населения (Рассказы Вельзевула, стр. 1115 -16). Подробнее этот закон будет обсуждаться в следующей главе.

В соответствии с основным законом сохранения материи,¹ обусловленная вселенная теряет порядок и с течением времени стремится к окончательному исчезновению, однако, согласно учению Гурджиева существа на необусловленном уровне вырабатывают энергию высокого уровня, которая нивелирует процесс энтропии и делает возможной эволюцию. Термин же Трогоавтоэгократ² Гурджиев применяет в отношении закона, регулирующего необусловленную часть творения и ни коим образом не противоречащего тем универсальным законам, которые определяют условия существования во времени и пространстве.

Другую свою важную концепцию Гурджиев называет Иранирана-мандж, и по его словам эту закономерность "объективная наука определяет как общекосмический обмен веществ", или как трансформацию энергий. Трансформация энергий осуществляется посредством механизмов, одним из нагляднейших примеров которых является тепловой двигатель. В тепловом двигателе энергия низкого уровня - тепло в форме движения молекул - превращается в энергию более высокого уровня, то есть механическую. В электрическом генераторе механическая энергия в свою очередь превращается в электричество. В живых организмах химическая энергия пищи превращается в механическую энергию аналогично превращениям в тепловом двигателе. Однако человеческий опыт включает в себя и более интересные, хотя и менее изученные виды трансформации энергии. Так, ощущения сводятся к энергии электрических импульсов зрения, вибрации газа в органах слуха, химическим превращениям в органах вкуса и превращаются в энергии восприятия, мышления и чувствования. Эти энергии образуются всеми животными, но только человек способен при помощи собственных усилий увеличивать количество и улучшать качество образуемых им "психических" энергий. В этом заключается второй важный аспект гурджиевского ответа на вопрос "В чем смысл и значение жизни на Земле в целом и человеческой жизни в частности?" Далее он подробнейшим образом рассказывает об Иранира-намандж (Рассказы Вельзевула, стр. 763), но этот эпизод требует весьма пристального изучения, хотя труды и окупаются с лихвой. Поскольку стиль эпизода создает дополнительные трудности для понимания, и смысл можно

уловить лишь, опираясь на многие другие эпизоды, я постараюсь разъяснить его как можно понятнее.

Гурджиев дал ему название Автоэгократ. ' что на разговорном греческом означает "я питаюсь и таким образом обеспечиваю себя".

Перед нами удивительное слияние двух направлений мысли, совершенно разных по своему происхождению. Мы с каждым днем получаем все более связную картину происхождения Земли, ее атмосферы и океанов, а также появления жизни. Научная космология и палеонтология значительно изменились с тех пор, как пятьдесят лет назад Гурджиев писал своего Вельзевула. Хотя его образ мышления больше соответствует временам тысячелетней давности, его идеи предвосхитили многие из "открытий" самого недавнего времени. Согласно его схеме, планеты, которые обрели атмосферу, стали сценой интенсивнейших физических превращений, за которыми последовали химические, что привело к образованию все более и более сложных структур, которые в конце концов обрели возможность самообновляться. Однако настоящим переворотом стало появление клеток, способных группироваться и формировать многоклеточные организмы. На Земле многоклеточные организмы произошли от простейших около миллиарда лет назад. Существование многоклеточных отличалось определенной степенью независимости от условий окружающей среды (Рассказы Вельзевула, стр. 762: "появилась возможность независимых автоматических перемещений из одного места в другое на поверхности планет"). Эта концепция удивительным образом предвосхитила недавно получившие распространение взгляды на происхождение жизни на Земле. При этом гурджиевская концепция не предполагала ни творение *ad hoc*,¹ ни какого-либо предварительного плана. Новые формы существования возникли спонтанно, благодаря организующему влиянию структур более высокого уровня. Когда "Наш Общий Отец Бесконечность" обнаружил это, "у него возникла божественная идея воспользоваться этим в качестве вспомогательного средства в управлении все увеличивающимся миром" (там же).

¹лат. изначально преднамеренное (прим. перев.).

Тем не менее концепция Гурджиева коренным образом отличается от механистических теорий эволюции. Он предлагает схему сознательно направляемой эволюции, которая в конце концов приводит к появлению сознательной и интеллектуальной деятельности. Человек принципиально отличается от животных не по своему происхождению, а по возможности дальнейшего эволюционирования, которой он обязан "особому вниманию со стороны Творца, чья сила действует в них". Вследствие этого человек и подобные ему существа обладают тройной природой, которую составляют тело, душа и дух, а также возможностью полной индивидуализации.

Конечно, система Гурджиева требует гораздо более пристального изучения, чем это возможно в рамках такого

резюме, но одним из ее частных выводов является система ценностей из трех пунктов:

1. Забота человека о его собственном благосостоянии с позиции его собственной морали.

2. Положение человека в природе и соответствующие этому положению обязанности.

3. Сверхъестественный долг человека выполнить предназначение, ради которого он существует.

Гурджиев объединяет все эти ценности в рамках естественного процесса трансформации энергий, происходящего внутри человека или же осуществляемого самим человеком. Человек способен по своему собственному выбору брать на себя ответственность за трансформацию энергий очень высокого уровня и в результате обретать "высшее бытие-тело", или бессмертную душу, участвуя в то же время в процессе взаимного поддержания. Принцип трансформации энергий Гурджиев выразил во фразе: "высшее смешивается с низшим, образуя среднее". Таким образом, это принцип двух источников: поглощение тонкого грубым называется инволюцией, а примешивание грубого к тонкому - эволюцией. Мир устроен так, что энергии постоянно эволюционируют и инволюционируют, проходя через различные структуры и системы. Собственно жизнь на Земле как раз и представляет собой систему трансформации энергий. Каждый отдельный человек также играет свою роль в этом всеобщем взаимодействии, который Гурджиев в целом характеризует термином Ираниранамандж. Панта рей - "все движется" Гераклита обретает таким образом новый смысл. Ничто из сохранившегося до наших дней не говорит нам о том, что древнегреческие философы имели об этом хоть какое-то представление, но они явно искали подобный ключ к загадке существования.

Благодаря учению Гурджиева у нас появилась надежда согласовать материальные, или механистические, взгляды с религиозным, или духовным, пониманием человека и вселенной. Доктрина Гурджиева также предполагает, что на человеке лежит огромная ответственность. Если параллельные концепции взаимного поддержания и целенаправленной трансформации энергий на самом деле соответствуют действительности, то на их основе возникает система ценностей, не зависящая от конкретной формы религиозных воззрений. Согласно этим концепциям, ответ на вопрос о смысле и значении человеческой жизни состоит в том, что и то и другое определяется нашим собственным выбором. Мы можем либо механически трансформировать энергии вплоть до самой смерти, когда энергии более высокого уровня высвободятся автоматически, но мы сами перестанем существовать как индивидуальные существа, либо мы можем трансформировать энергии преднамеренно и постепенно повышать уровень своего существования, пока не станем свободными бессмертными душами.

Эта доктрина является ересью с точки зрения религии и неприемлема с позиции ортодоксальной науки. Согласно христианскому и мусульманскому учениям бессмертие души не может быть поставлено под сомнение и она в любом случае должна воскреснуть вместе с физическим телом. Восточные религии также учат о бессмертии перевоплощения. Так или иначе судьба бессмертного элемента зависит от моральности поведения, то есть от паттерна поведения, который определяется божественным промыслом или законом кармы. Гурджиев же утверждает, что бессмертное начало в человеке - это не более чем потенциальное явление, лишь очень редко реализующееся в полной мере: это происходит в том случае, если человек оказывается способным осуществить полную трансформацию своей природы посредством своего собственного "сознательного труда и преднамеренных страданий".

Доктрина, о которой сейчас идет речь, в общих чертах соответствует учениям суфийских школ Центральной Азии, и именно рассмотренные выше положения отличают их от ортодоксального мусульманского Суфизма арабских стран. Если внимательно изучить иранские и ведические жертвенные тексты, то можно увидеть в них явное указание на трансформацию энергий при помощи пищи и огня с единственной целью обрести бессмертие. Судя по всему, Гурджиев познакомился с этими идеями еще будучи очень молодым, но не мог связать их со "смыслом и значением жизни на Земле", пока не попал в сарманский монастырь и не был посвящен в тайну взаимного поддержания. Именно в этом и заключается ключ к новому и убедительному представлению о человеческой жизни на Земле. Приняв его, мы получим критерий для оценки всех видов деятельности человека, вне зависимости от их масштаба. Благодаря выражению своей собственной воли и своим действиям мы можем решить сразу три задачи: спасти себя, помочь человечеству в его эволюции и облегчить страдания Творца.

Универсальность причинно-следственной зависимости Гурджиев рассматривает иначе, чем это принято делать обычно: "все, возникающее из всего и входящее во все". Невозможно уйти от той круговой поруки, которая связывает каждое событие во вселенной с каждым другим событием. Причинно-следственная зависимость является главным принципом классической механики, и Гурджиев хорошо представлял место этого принципа в своем поиске "смысла и значения жизни на Земле". В то же время ничто не свидетельствует о том, что кто-либо из Учителей Мудрости, их последователей и вообще какая-либо азиатская школа имели представление об этом принципе в его научной трактовке. Это впрочем не означает, что у них не было своего собственного мнения на этот счет. Ортодоксальный Ислам учит, что законы Бога абсолютны и не допускают исключений. Однако это же учение утверждает, что возможность выбора, а значит и ответственность человека заложены в самом решении Бога сотворить его.

Согласно учению Ходжагана, Бог, благодаря своему присутствию во всем, позволил всему в мире знать свою судьбу,

несмотря на то, что это возможно только в том случае, если все не предопределяется божественным промыслом. Кроме того по всей видимости было и еще одно тайное учение, явным образом не отраженное в суфийской литературе, которое гласит, что для поддержания гармонии мира требуется участие человека в форме духовных упражнений и аскетизма. Косвенным образом это подтверждается способностями суфиев, которые они получали, практикуя духовные упражнения. Среди этих способностей можно выделить два вида: приобретенные в результате работы и являющиеся даром благодати. Причем последние всегда сопряжены с принятием страданий и трудностей.

Мнение Гурджиева на этот счет сопряжено с тем, что он называет Законом Семи, или, в терминологии Рассказов Вельзевула - Гептапара-паршинок. Тем не менее, хотя он провокаторски и называет его Первым Фундаментальным Космическим Законом, точной его формулировки он нигде не дает. Успенский же с его пристрастием к ясности и четким определениям излагает этот закон в своей книге В поисках чудесного как принцип, при помощи которого можно определить, будет ли тот или иной процесс завершен с сохранением изначального направления или нет.¹

¹ В книге Четвертый Путь (гл. 8, стр. 191) Успенский трактует этот закон следующим образом: "События сменяют друг друга согласно Закону Семи, или Закону Октав. Закон Семи следует рассматривать ... с точки зрения интервалов Никакая сила не действует посто-

В Рассказах Вельзевула Гурджиев особым образом сформулировал очень много идей. После долгих лет изысканий я пришел к выводу, что в природе существует элемент риска, который вмешивается во все процессы, но при этом именно он делает возможным достижение поставленных целей. Однако, риск проявляется не произвольным образом: по словам Гурджиева он вмешивается в любой направленный процесс двумя разными способами. При этом нет никакой гарантии, что под действием всегда присутствующих разнообразных внешних сил удастся сохранить направление этого процесса. Нельзя также заранее предсказать, удастся ли довести процесс до своего завершения, без потери формы или содержания. Гурджиев явным образом связывает двойственность риска со структурой музыкальной октавы. При этом последовательность вибраций по его утверждению соответствует Закону Семи, и у нас в связи с этим появляется уникальная возможность удостовериться были ли "идеи" Гурджиева действительно его идеями. На связь между вибрацией и музыкой указывал еще Пифагор. Греки и китайцы знали о том, что при увеличении или уменьшении частоты вибрации в два раза тон звука не изменяется, а также что существуют промежуточные тоны, соответствующие определенным положениям в октаве, например 1:2, 2:3, 3:4. Платон в Тимее изложил хорошо продуманную космологию, основанную на соотношении 1:2:3, однозначно приписав ее пифагорейцам. Система оказала колоссальное влияние на западное мышление. В форме музыки сфер она даже в значительной степени определила успехи и неудачи в изучении солнечной

системы. Именно она направляла развитие химии по пути к ее нынешним удивительным возможностям, позволяющим ей успешно осуществлять трансформацию веществ земной коры.

Тем не менее в трудах Платона и Неоплатонических философов, равно как и их средневековых и современных последователей нет ни малейшего намека на понимание роли риска. Переход от одной ноты к другой считался контролируемым и предсказуемым. Непонимание роли риска в свою очередь привело к непониманию ограниченности научного метода. Только в последнее время принцип причинно-следственной зависимости стали ставить под сомнение.

В середине тридцатых годов я оказался в группе учеников Успенского, которые под его руководством пытались установить источник гурджиевского учения о "законах трех и семи".

янно в одном направлении: она действует определенное время, затем уменьшает свою интенсивность и либо изменяет свое направление, либо претерпевает внутренние изменения. В каждой октаве ... есть две точки, в которых вибрации определенным образом изменяются, затихают, а затем снова усиливаются. Если в этих точках октава не получает дополнительный толчок, то ее направление изменяется".

Мы сумели найти учения о триаде буквально во всех традиционных учениях. Халдеи взяли за основу число 120 — его можно расписать как $1 \times 2 \times 3 \times 4 \times 5$ и оно делится на 6, 12 и 24. Именно поэтому мы сегодня делим круг на 360 градусов и используем числа 60 и 24 для измерения времени. Число же 7 оказалось каким-то загадочным. Оно не делится целиком ни на какое другое число и, похоже, сопряжено с "квадратурой круга", поскольку диаметр и окружность соотносятся почти как частное $22/7$. Число 7 считалось священным с халдейских времен и начала развития арифметики.

Все это позволило нам сделать заключение, что "Закон Семи" по всей видимости был сформулирован в Вавилоне и к тому же прекрасно согласуется с зороастрийской доктриной ненадежных взаимосвязей между силами вселенной. Вследствие краха Персидской империи закон был потерян для мира, но, судя по всему, был сохранен тайными обществами.

Тогда мы еще ничего не знали о Сарманском Братстве, о котором насколько мне известно Гурджиев впервые упомянул во Встречах с замечательными людьми. Похоже, что в том же сарманском монастыре он услышал какую-то особенную формулировку этого закона. В пользу этого предположения говорит также и упоминание Гурджиевым "весанели-анских деревьев", которые использовались в этом монастыре для обучения ритуальным движениям жриц-танцовщиц (Встречи с замечательными людьми, стр. 161). Они были основаны на эннеграмме, отображающей преодоление риска при помощи взаимодействия трех процессов.¹

Есть и еще ряд обстоятельств, свидетельствующих о том, насколько космологические и теологические рассуждения Гурджиева опирались на сарманские источники, в которых в свою очередь четко прослеживается халдейское и зороастрийское наследие. Тем не менее Гурджиев многое почерпнул также и из пифагорейской традиции через неоплатонизм и псевдо-дионисийскую философию, в особенности, в отношении доктрины "различных миров" или космосов. В русской мистической теологии присутствует понятие семи "миров" и Бога как абсолютного источника, одного, единственного и непостижимого, превосходящего все эти миры. Приблизительно в том же ключе Успенский преподносит гурджиевскую концепцию "луча творения". Хотя она и не вписывается в сарманскую космологию, Гурджиев не хотел отказываться от удачных аспектов русской традиции. Что же касается иерархии субстанций - таблицы водородов — то она почти наверняка была заимствована из неоплатонических и возможно также гностических представлений об "эманациях" сверхчувственного мира.

¹ Эннеаграмма подробно обсуждается в Приложении 2, см. также Дж. Г. Беннетт, Эннеаграммы, Москва, 2001 г. (прим. ред.).

Пожалуй, есть все основания утверждать, что Гурджиев хотел сделать синтез, объединив то, что он узнал в молодости из эзотерического Христианства Православной Церкви с более глубокими концепциями взаимного поддержания и всеобщего риска Сарманского Братства. Он нашел две космологические системы и попытался согласовать их, но так и не завершил этого начинания. Как мы увидим позже, он также хотел привлечь в свою картину мира психологическую традицию Учителей Мудрости, корни которой уходят в до-исламские буддийские и центрально-азиатские источники.

Я думаю, что Гурджиев сам пришел к своему вопросу, но нашел ответ в утерянной зороастрийской традиции, которую сохранило Сарманское братство. Затем он приложил все усилия, чтобы восполнить пробелы в полученных знаниях и изложить всю информацию в приемлемой для современного мира форме. Хотя ему и не удалось в полной мере осуществить все задуманное, его заслуга просто неоценима. Он открыл нам направление мысли, следуя которому можно найти убедительный ответ на его вопрос. После полувекowego изучения концепции взаимного поддержания, я сегодня более чем когда-либо убежден, что она содержит в себе ключ к новому пониманию роли человека во вселенной.

Однако не думайте, что я пытаюсь в этой книге истолковать все учение Гурджиева, которое он изложил в Рассказах Вельзевула. Если бы он хотел сделать его доступным для любого читателя, он бы несомненно сделал это и сам. Тот же, кто увидел в вопросе Гурджиева свой собственный вопрос, будут неустанно искать ответ на него. Тем не менее я хотел бы особо обратить ваше внимание на один эпизод, который по-новому характеризует точку зрения Гурджиева на роль индивидуума в космосе. -Я имею в виду описанную им довольно странную, но чрезвычайно важную картину существования совершенных

индивидуумов, чьей единственной целью является служение своему Создателю, но которые уже из-за того только, что они индивидуумы, создают напряжение в результате которого появляются непредвиденные проблемы. Таким образом, Гурджиев не только отвергает доктрину всемогущества Бога, утверждая, что Творец не способен преодолевать условия, устанавливающиеся с течением времени, согласно закону энтропии, но он также и указывает на ограниченность Его возможностей в плане знания будущего. Но при этом Гурджиев утверждает, что Бог безграничен ("наш бесконечный Творец"), всемилостив, мудр и призывает к любви, поклонению и доверию Его благодати. Вообще мне кажется чрезвычайно важным отметить то, как Гурджиев пришел к теологическим выводам из своей доктрины.

Еще одна основополагающая идея Гурджиева заключается в том, что все во вселенной материально, все представляет собой энергии, и все подвергается трансформации. В существующей вселенной нет дуализма материи и духа, так же как и нет дуализма добра и зла. Гурджиев нигде не использует зороастрийскую доктрину дуализма доброй и злой сил. В его учении ничто не соответствует Ариману, пагубному злему духу. Вместо этого он показывает, что вследствие ограничений, налагаемых условиями существования, всегда имеется отрицающая сила. Саму по себе эту силу нельзя назвать злой; на самом деле она необходима для демонстрации божественной цели. Наиболее отчетливым образом Гурджиев показывает это в удивительном эпизоде Третьей серии, описывая свою собственную дилемму неспособности найти выход из своего положения. В конце концов он увидел для себя в аналогии между Богом и дьяволом указание отказаться от чего-то очень дорогого и оберегаемого, чтобы это служило постоянным напоминанием.

Его концепция творения не является ни дуалистической, ни монистической. Согласно ей, существующий мир представляет собой непрерывное взаимодействие двенадцати¹ градаций материальности и духовности. Каждой из них соответствует особая модальность опыта, особое проявление божественной цели и особая роль в системе всего существующего. Между этими различными уровнями существования происходит постоянный взаимообмен субстанциями. Этот космический взаимообмен, посредством которого происходит накопление, рассеивание, повышение активности и сознательности, распад, снижение активности и даже деградация до первичного состояния - представляет собой всеобщий процесс трансформации энергий. Все это в значительной степени согласуется с представлениями физиков, за тем только важным исключением, что с точки зрения Гурджиева трансформация веществ не ограничивается физическим миром или даже миром жизни, а включает в себя также опыт мышления, чувствования и высший духовный опыт любви, единения и творчества. Все это Гурджиев трактует как качества, сопряженные с различными состояниями универсальной энергетической системы мира.

На авторство этой идеи Гурджиев не претендовал, да и не мог бы: в конце девятнадцатого века многие придерживались

подобных взглядов. При помощи различных форм панпсихизма философы пытались объяснить сосуществование психических, или сознательных, процессов с материальными, или энергетическими процессами, постулируя единую субстанцию. Основное же отличие концепции Гурджиева заключается в том, что он рассматривает различные состояния существования как целостные и представляющие собой некие плато или уровни, которые, хотя и состоят из различных вариаций, тем не менее радикально отличаются от выше- и нижележащих уровней. Это связано с концепцией космосов, или индивидуализированных состояний существования, построенных по единой космической модели, но отличающихся по своим размерам и внешним функциям.

¹ См. подробное обсуждение в Приложении 2.

Таким образом, есть определенный ряд идей, которые занимают весьма важное положение в космологии Гурджиева, но отличаются от первой группы идей, сопряженных с Богом, "причиной" существования, а также характерными для существования неопределенностью и риском. Вторая группа концепций включает в себя общекосмический взаимообмен субстанциями и индивидуализацию до уровня космосов. Люди также являются частным примером такой индивидуализации, и Гурджиев называет его "четвертым уровнем космической структуры", причем людей он называет аппаратами, или центрами, трансформации энергии для целей взаимного поддержания. Сами по себе эти концепции потрясающе интересны и заслуживают пристального изучения, но я не хотел бы подробно вдаваться в них на страницах настоящей книги, поскольку они отлично разъяснены в книге Успенского *В поисках чудесного* и в других книгах об учении Гурджиева. Причем, как я уже говорил ранее, концепция космосов по всей видимости заимствована из гностических или неоплатонических источников. Подобные же понятия описывали в своих трудах Валентин и Розенкрейцер. Впервые Гурджиев изложил идею космосов группе Успенского в России, сказав, что необходимо начать с правильного понимания термина "космос", и он вряд ли бы стал излагать эту концепцию также и в *Рассказах Вельзевула* причем именно в такой особенной главе, как "Чистилище", если бы не видел в ней связь между доктринами взаимного поддержания и последовательности миров.

Теперь давайте обсудим, что же Гурджиев подразумевает под *Вездесущим Окиданокхом*. Это понятие впервые употребляется в третьей главе *Рассказов Вельзевула*, "Причина задержки", где он развивает аллегорию космических кораблей. Они олицетворяют собой "пути" достижения человеком объективного разума. Гурджиев пишет, что человечеству открылся новый улучшенный, более быстрый и эффективный путь, чем прежние. Старые корабли использовали в качестве топлива только две субстанции из трех, присутствующих в Окиданокхе - указание на концепцию добра и зла, на которой до сих пор держалось общество. Лишь в 15 главе Вельзевул показывает абсурдность попыток руководствоваться делением на добро и зло в оценке деятельности людей, и только в 17 главе он снова возвращается к

Окиданокху и подробно описывает "новый путь", основывающийся на поиске третьей силы. Однако чего-то все же недостает, и эксперименты из главы 18, "Архинелепость", показывают, как даже новый путь может быть истолкован неверно, если предположить, что третья сила может быть привнесена извне.

Выход из этого положения Гурджиев указывает гораздо позже, в 33 главе, "Вельзевул как профессиональный гипнотизер", где Вельзевул рассказывает, как ученые члены Ахалданского общества обнаружили, что, если выделить третью часть Вездесущего Окиданокха, опираясь на ее священной нейтрализующей, или согласующей, силе, то можно привести любую планетарную формацию в такое состояние, что она навсегда сохранит присутствующие в ней в данный момент времени активные элементы. Другими словами, они стабилизируются и полностью избегают дальнейшего распада". Значение Окиданокха рассматривается и далее, в главах "Религия" и "Электричество". Примечательно, что Гурджиев ни разу не упоминает о нем также в главах "Чистилище" и "Гептапарпаршинок", содержащих основную часть его космологии. Гурджиев явно использовал несколько источников и очень заботился о том, чтобы не сглаживать различия, что могло привести к неверному пониманию. С этой целью он использовал особую терминологию для каждого источника и помещал материал в различные контексты. Впрочем, в настоящей книге я не планирую проводить текстологических разъяснений, за исключением тех случаев, когда это абсолютно необходимо для понимания тех или иных идей Гурджиева.

Гурджиев ставит перед нами в этой связи ряд загадок, весьма характерных для Рассказов Вельзевула. Во-первых, это собственно смысл Окиданокха. Во-вторых, это его связь с Законом Трех. В-третьих, то, что Гурджиев не упоминает об Окиданокхе в главе "Чистилище". И, наконец, роль Окиданокха в нашем собственном опыте.

Ответов, что называется "из первых уст", на эти вопросы нет, поскольку Гурджиев оставил "последователям его идей" самостоятельно вести их поиск. Я думаю, что Окиданокх следует понимать как творческую волю, посредством которой существующая вселенная осознает и реализует себя. Воля может реализовать себя несколькими способами. Во-первых есть универсальный процесс актуализации в пространстве и времени. В этом случае нет индивидуальной, или выделенной, воли. Законы термодинамики соответствуют действию Вездесущего Окиданокха в его первичном, неразделенном состоянии. Шопенгауэровская "воля", различные теории бессознательного, начиная с версии Шопенгауэра и заканчивая Фрейдом, а также концепция либидо и различные формы бихевиоризма - все это имеет отношение к первичному Окиданокху. "Согласно закону" мир актуализируется именно посредством безличного, бессознательного стремления. Второй путь реализации воли связан с полярным разделением сил. Древние греки считали борьбу источником любой деятельности и разделения утверждающей и отрицающей сил, которые были яном и инем, мужским и женским

принципами Старого Мира. Воля уже не слепая и бессознательная, как это было прежде - она теперь внутренне разделяется. Именно благодаря этому разделению возникают чувствительность и "ум". "Новый путь" открывается с пониманием того, что Окиданокх на самом деле образуется из трех составных частей и что истинная "воля", а значит и истинная свобода сопряжены с игнорировавшейся ранее третьей силой. Можно считать, что существо действительно обладает волей только в том случае, если оно способно выделять третью силу. Это происходит в результате определенного потрясения или напряжения.

Гурджиев нагляднейшим образом продемонстрировал это на примере собственной жизни, и в особенности это относится к двум периодам: с 1925 по 1927 и с 1927 по 1929 год. В течение первого периода над его деятельностью довлело понимание того, что он не сможет осуществить свою мечту о всемирной организации, которая бы помогла человечеству справиться с его главным недостатком - отсутствием воли. Когда же он пришел к выводу, что его замысел передать свое понимание в книгах тоже обречен на провал, то понял несостоятельность старого пути и начал создавать условия для высвобождения третьей силы.

Ключевым эпизодом в этом отношении является глава "Электричество". Под собственно электричеством в данном случае следует понимать самоволие, то есть те импульсы человека, которые происходят от его эгоизма, хотя окружающие и принимают их за проявление воли. Самоволие преграждает путь к обретению истинной воли. Мудрец с Сатурна, понимающий подлинное значение воли, утверждает, что по его разумению Вездесущая космическая субстанция Окиданокх не только необходима для возникновения и поддержания всех форм существования, но также оказывает решающее влияние на Сущность всех живых и неживых объектов, включая существ всех типов строения мозга. И в конце Гурджиев пишет ключевую фразу: для трехмозговых существ возможность самосовершенствования и слияния с первоисточником всего существующего зависит исключительно от этой субстанции.

Другими словами это означает, что только наша воля способна делать свободный выбор, что в итоге может привести нас к окончательному освобождению. Мы конечно можем под влиянием окружающих действовать правильно. Мы можем предпринимать усилия, необходимые для обретения единства и силы бытия. Мы можем делать все это и, тем не менее, оставаться узниками собственной экзистенциальной природы. Для того чтобы достичь главной цели мы должны быть готовы отказаться от всех менее существенных. Таким образом, стирается пресловутый конфликт между дуализмом и пантеизмом. Дуалисты утверждают, что душа и Бог обособлены. Бог "вовне" и мы стремимся оказаться в его присутствии, что и называется небесами или, по крайней мере, чем-то в корне отличающимся от состояния "здесь и сейчас". Согласно суфийскому учению, Бог, напротив, всегда "здесь и сейчас", внутри нас самих, "ближе к нам, чем мы сами".¹ Бог - это все и вся - *Deus est*

отне quod est. Эта дилемма хорошо известна всем, кто в достаточной степени знаком с религиозно-мистическим опытом.

Гурджиев предлагает, пожалуй, самое простое решение. Всемогущ не Бог, а универсальная воля, Окиданокх, не персонифицированный, но и не безличный; он единственный и в то же время составной. Он присутствует везде, но может быть и выделен. Все это вполне совместимо с традиционным учением Ходжагана. Однако об этом ничего не сказано в главе "Чистилище", которая по моему мнению полностью основывается на учении Сарманского Братства. Если это действительно так, то у нас есть практически все необходимое, чтобы воспроизвести сарманскую традицию.

Из огромного числа идей Гурджиева, аллегорически изложенных в Рассказах Вельзевула, я выбрал только три — Трогоавтозгократ, Иранира-намандж и Вездесущий Окиданокх, поскольку это наверное самые необычные и неожиданные из них. Они сопряжены с тремя основными элементами, то есть функцией, бытием и волей.² В следующей главе мы будем обсуждать еще одну чрезвычайно важную схему, которая показывает, как закон взаимного поддержания работает на уровне солнечной системы. На самом деле она как раз и является ключом Гурджиева к "построению Нового Мира".

Глава 9

ЗАКОН ВЗАИМНОГО ПОДДЕРЖАНИЯ

Если ключ к решению вопроса о системе ценностей и целей, который будоражит наше поколение, действительно заложен в доктрине взаимного поддержания, то прежде чем идти дальше мы должны изучить ее поподробнее. Гурджиев многое оставил в завуалированной форме, но все же в виде некой схемы дал ключ к основной загадке группе учеников, живших с ним в Эссентуках, на Кавказе в самый разгар русской революции. Он назвал эту схему символическим отображением всей жизни, сказав, что она стоит особняком и не может быть связана ни с какой изложенной им ранее частью учения. Вы можете увидеть иллюстрацию этого в Приложении 2. Хотя схема и связана с пищей, ее не следует соотносить с трансформациями пищи для образования энергии, которая необходима для работы и трансформации самого человека. Гурджиев разъяснил, что его прежде всего интересуют не космические события, а сбалансированность и уравновешенность космоса. Схему же он представил в сжатом виде и без каких-либо объяснений. Изучая ее в двадцатых годах вместе с Успенским, мы мало что в ней поняли, хотя и ощущали ее чрезвычайную важность. С 1922 года мы размышляем над ней уже пятьдесят лет, пересматривая ее снова и снова. Я уверен, что она действительно содержит в себе ключ к пониманию Нового Мира, и поэтому я без каких-либо колебаний привожу здесь результаты исследований, которые я сам и мои коллеги по Институту

сравнительного изучения истории, философии и наук провели за последние двадцать лет.

¹ Это вообще неотъемлемая часть мусульманского учения, и данная фраза неоднократно повторяется в Коране (прим. перев.).

² О фундаментальной триаде - функция, бытие, воля - см. Дж. Г. Беннетт, *Драматическая Вселенная* (прим. ред.).

Итак, по утверждению Гурджиева все модальности существования во вселенной можно разделить на Сущностные классы, так что каждый из этих классов будет обеспечивать существование некоторого другого класса, а его собственное существование будет в свою очередь поддерживаться третьим.¹ Хотя человек и входит в эту схему, Гурджиев в данном случае не имеет в виду человека как индивидуальное существо или даже человечество в целом. В данном случае речь идет о человеке как о существе с определенным типом Сущности, способном трансформировать энергии соответствующего качества, а следовательно и играть определенную роль во всеобщем взаимоподдержании. Выделение классов Сущностей строится не по принципу классической биологической классификации. В качестве основного примера Гурджиев проводит деление существ на одно-, двух- и трехмозговые типы, что более или менее соответствует привычному для нас делению на беспозвоночных, позвоночных и человека. Одномозговое существо полностью автоматически по своему поведению, и практически все его функционирование сопряжено с питанием и размножением. У двухмозговых существ в свою очередь есть нервная система, благодаря которой их чувствительная энергия обретает организованную форму. Их опыт может иметь самый разнообразный вид, и мы воспринимаем его как подобный нашему собственному. В частности они могут чувствовать, как мы, но не могут мыслить подобно человеку. Человек как трехмозговое существо относится к особому классу Сущностей, которые потенциально способны проходить процесс

¹ Теория эссенциальных (Сущностных) классов и противотока духа см. Дж. Г. Беннетт, *Драматическая Вселенная*, Том 3и Приложение 2 настоящего издания (прим. ред.).

трансформации. Человеку также свойственна истинная свобода выбора, чего мы практически не встречаем у животных, разве что под непосредственным влиянием человека. На основе нескольких указаний, которыми практически и исчерпывается весь рассказанный Гурджиевым материал, можно выстроить последовательность из двенадцати классов Сущностей, соответствующих двенадцати пунктам диаграммы Гурджиева. В следующей таблице я расписал терминологию, которой буду пользоваться далее:

--	--	--	--

	12	Бесконечность	
	11	Трогоа второго крат	
	10	Косли ческая Индивидуальность	
	9	Демургии	
	8	Человек	
	7	Позвоночные	
	6	Безпозвоночные	

	5	Расте ния	
	4	Почва	
	3	Крист аллы	
	2	Прост егайте 1	
	1	Тепло	

Люди в большинстве своем склонны рассматривать человеческую расу как нечто обособленное от естественного порядка. Мы приняли теорию эволюции человека из приматов и всю филогенетическую историю жизни, начавшуюся два или три миллиарда лет назад. Мы признаем собственную зависимость от земной коры в плане сырья и энергии для промышленных целей, а также от животной и растительной жизни в плане пищи. Но нам не приходит в голову, что эта зависимость носит взаимный характер, и мы настолько тесно интегрированы в естественный порядок, что не можем нарушить его, не навредив при этом и себе самим. Вина за эту ошибку целиком и полностью лежит на нашем эгоизме. Вместе с тем, еще более важная концепция взаимного поддержания --Трогоавтоэгократ - раскрывает перед человеком

новый, соответствующий реальности подход к проблемам жизни. К сожалению это не настолько очевидно, как хотелось бы.

¹ не путать с разновидностью живых организмов (прим. перев.).

До сих пор человечество не получало адекватного ответа на вопросы "Для чего существует человек?" "Какая цель у жизни?" и "Для чего была создана вселенная?" Вряд ли можно по-настоящему удовлетвориться, отвергая подобные вопросы просто потому, что мы не знаем на них ответа, или, отвечая на них такими бессмысленными словами, как "Бог сотворил вселенную для человека, а человека для самого себя". На подобных ответах новый мир не построить. Гурджиев же предлагает ответ, который можно взять за основу нового образа жизни человечества на сегодня и на будущее.

Мир был создан потому, что "бытие" и "время" взаиморазрушительны. Все обособленное и замкнутое в самом себе рано или поздно погибает, поскольку не обновляется. Частичного обновления удастся достичь, заимствуя энергию извне, но этого не достаточно. Полное обновление требует полной взаимности. Космическая гармония поддерживается именно благодаря всеобщему процессу выделения и поглощения энергий. Для этого в свою очередь нужна организованная структура, которая образуется в результате взаимодействия различных классов Сущностей. В этом и заключается смысл схемы Гурджиева. В символе жизни каждому классу Сущностей соответствуют три независимые характеристики:

1. То, что представляет собой данный класс Сущностей. Это его квинтэссенция, стоящая в центре соответствующей пятичленной системы.

2. Определенный спектр возможных проявлений, ограниченный вышестоящим и нижестоящим классами Сущностей.

3. Уникальное место в Триада-автоэгократическом процессе; он поддерживает существование других классов Сущностей за рамками своего собственного существования, и сам поддерживается ими.'

В соответствии со схемой Гурджиева эволюция начинается с бесформенной энергии. Это то же самое, что и тапас в Веданте — тепло, выносившее яйцо мира. Из беспорядочной энергии возникают простые комбинации и состояния; а те в свою очередь служат основой для первых устойчивых форм — кристаллов, предшествовавших миру твердых тел, жидкостей и газов, составляющих нашу материальную окружающую среду. При этом возникновение формы из бесформенного и постоянства из непостоянства является необходимым этапом на пути к целостным объектам, которые способны существовать независимо.

Далее следует стадия подготовки к зарождению жизни. Это появление высоких концентраций поверхностной энергии в коллоидах. Так образуется поверхностный слой активных веществ, который за миллионы лет превращается в почву, то есть чувствительную оболочку Земли. Первая полноценно самообновляющаяся система состоит из пяти классов Сущностей - растений, почвы, кристаллов, простейших Сущностей, таких как воздух и вода, и, наконец, тепла и беспорядочной энергии. Эти классы Сущностей играют особую роль в космической гармонии, и без них вся структура распалась бы.

¹ О структуре Сущностей и Сущностных классов см. Приложение 2 (при. ред.).

Три приведенные выше характеристики свойственны в том числе и кристаллам. Они представляют собой простейшую форму существования, обладающую тем не менее своим собственным паттерном в пространстве и времени. Кристаллы проявляют особое космическое свойство, позволяющее огромному числу идентичных атомов долгое время оставаться сконцентрированными в одном месте. Если бы не кристаллы, трансформации жизни были бы невозможны. Мы все время живем в окружении твердых тел и поэтому не осознаем, каким необычным феноменом они на самом деле являются. В масштабах вселенной это чрезвычайно редкий феномен. Твердые тела не составляют и одной миллионной доли массы нашей галактики, а их доля во вселенной вообще ничтожно мала. При этом среди внутреннего круга планет нашей солнечной системы только на Земле сложилась такая необычная комбинация классов. Земля выделяется среди других планет уникальным количеством воды, благодаря которому температурные и климатические условия на планете сохраняются на достаточно стабильном уровне.

Все это должно в принципе натолкнуть нас на мысль, что такие редкостные условия существования на планете могли бы служить хорошим поводом для нашего на ней появления. Кристаллический класс Сущностей во многом определяет нашу жизнь, благодаря своей способности концентрировать элементы. За сотни миллионов лет в земной коре сконцентрировались огромные залежи минералов, которыми мы сейчас безоглядно пользуемся, мало заботясь о последствиях. В лучшем случае нас беспокоит то, что наши правнуки могут остаться без источников энергии и сырья для промышленности. На самом же деле эти огромные залежи минералов играют жизненно важную роль в поддержании равновесия сил, воздействующих на жизнь на нашей планете и в частности на человека. Мы уже сегодня испытываем на себе довольно неожиданные последствия собственного вмешательства в этот уровень. Изучая ряд классов Сущностей, мы обнаруживаем удивительный набор взаимосвязей между ними, который может служить лучшим доказательством, что в созидании всего это участвовал разум очень высокого уровня. Собственно уже только залежи различных элементов в земной коре настолько удивительны, что сам собой возникает вопрос: "Какой разум и с какой целью создал все это?"

Однако все оказывается еще более неожиданным, когда мы переходим к следующему классу Сущностей, представляющему собой чрезвычайно активный слой коллоида, покрывающий поверхность Земли. Сюда относится то, что мы обычно называем почвой, которая обладает особым свойством, позволяющим трем состояниям материи - твердому, жидкому и газообразному взаимодействовать с высокими концентрациями энергии. Хотя почва не составляет и одной миллионной доли массы Земли, она вместе с аналогичной поверхностью океана служит площадкой для подавляющего большинства необходимых для жизни трансформаций. Границы почвенного класса Сущностей определяются от кристаллов до растений. В одной крайней точке это почти что просто масса выветрившихся скальных пород, в другой — почти что живой слой материи.

Почвенный класс Сущностей по своей природе динамичен. Он постоянно находится в процессе трансформации. Почва "питается" различными продуктами распада: крошкой, выветрившейся с кристаллических скал, пылью, приносимой ветром, а также остатками растительных и животных организмов. Она питается простыми веществами и в свою очередь поддерживает пограничную жизнь на Земле. Всем известно, что наша жизнь зависит от почвы. Пустыни, образовавшиеся в результате "изнасилования почвы" служат для нас постоянным напоминанием, насколько зыбок наш контроль над жизнью. В отсутствие жизни почва разлагается и теряет свой динамический характер. Без простейших Сущностей - воздуха, воды, углекислого газа и солей почва погибает. Если же загрязнять почву веществами, не соответствующими ее Сущностному паттерну, например, различными химическими реактивами, которые мы сегодня широко используем, то ее участие во всеобщем взаимоподдержании искажается, и она постепенно перестает выделять необходимые для эволюции нашей планеты энергии. Мы уже сегодня сталкиваемся с последствиями нами же нарушенного экологического равновесия на уровне почвенной Сущности. Если посмотреть глубже, то оказывается, что мы нарушаем законы своего собственного существования, и пора бы понять, что возмездие не заставит долго себя ждать.

Современный человек игнорирует космические законы, даже когда они открываются ему. Он не осознает, что уже начал испытывать на себе справедливые последствия своей собственной безответственности. При этом нам абсолютно нечем оправдать ее, поскольку даже, не будучи способными понять систему вселенной, мы могли бы ощущать ее действие, просто прислушиваясь к своей совести. Сотни тысяч людей недовольны тем, чему мы подвергаем нашу Мать Землю, и, хотя они зачастую слишком поверхностно объясняют свое недовольство, они, тем не менее, предпринимают очень многое для спасения будущих поколений. Они отчасти понимают, что, отравляя почву, мы навлекаем на себя различные психические яды. Установлено, что страны, потребляющие наибольшее количество синтетических удобрений, также лидируют и по количеству психических заболеваний. Однако люди отказываются признавать, что это не случайное совпадение. К сожалению такой отказ от принятия

реальности влияет на все стадии нашего участия во всемирном процессе.

Следующий класс - это класс растительной Сущности. Он статичен. В рамках этого класса образуется необычайное количество различных веществ. При этом помимо участия в жизни растений всех химических элементов в виде кристаллических солей, растения также синтезируют вещества, оказывающие мощное воздействие на психику человека. Вся жизнь на Земле и сама возможность опыта зависят от веществ, вырабатываемых растительной Сущностью. Соответственно у нас есть обязанности по отношению к этой потрясающей биохимической системе, поддерживающей равновесие между воздухом, сушей и океаном, обеспечивая нас всем жизненно необходимым. Признавая, что уничтожение лесов и гибель растительного планктона в результате загрязнения морей - два наиболее очевидных примера - таят в себе угрозу для всей жизни на нашей планете, мы не осознаем, что именно человечеству придется расплачиваться за эти безответственные действия. Мы допускаем ужасную ошибку, рассматривая природу как нечто обособленное от нас, вместо того, чтобы признать свою зависимость от благосостояния растительной жизни на нашей планете и свою полную ответственность за нее.

К шестому классу Сущностей относятся беспозвоночные, или одно-мозговые существа. В схеме Гурджиева они обозначены как пища человека. Это не вполне очевидно, поскольку среди прочих форм жизни на Земле беспозвоночные занимают последнее место в нашем рационе.

Гурджиев дает в данном случае ряд указаний. В Рассказах Вельзевула он утверждает, что на всех нормальных планетах основной пищей трехмозговых существ является "фосфора", или зерна (зародыши) пшеницы. Зерно и фрукты — это естественная пища. Кроме того нам необходимо некоторое количество овощей и животной пищи, согласно конкретным условиям существования. В любом случае, пища связана с размножением. Половое размножение у беспозвоночных представляет собой весьма сложный процесс, в ходе которого высвобождаются большие количества сексуальной энергии. На космической шкале эта энергия занимает тот же уровень, что и творческая энергия, высшая из доступных для человека. В этом обстоятельстве проявляется особая связь между человеком и одномозговыми существами, чью роль в общекосмической гармонии вообще говоря проследить довольно непросто. За исключением нескольких "полезных" видов мы считаем беспозвоночных своими врагами и уничтожаем их в огромных количествах. Единственным ограничением для нас в этом смысле служит лишь понимание того, что размножение всех высших растений держится исключительно на беспозвоночных, которые переносят пыльцу с одного цветка на другой. Мы даже не подозреваем о более важной линии взаимного поддержания, которая связывает человека с зародышевой Сущностью во всех ее проявлениях.

В седьмой класс Сущностей входят все хордовые животные, которых Гурджиев называет двухмозговыми, что указывает на их способность к эмоциональным переживаниям. Животные представляют собой венец естественной эволюции. Не располагая творчеством, они вынуждены подчиняться человеку, но они концентрируют большое количество разнообразных чувствительных энергий, необходимых для поддержания космической гармонии. Именно поэтому мы обнаруживаем в царстве животных чувствительные переживания, соответствующие всему спектру человеческих эмоций. Это вполне согласуется с тем принципом, что границы каждого класса Сущностей простираются от нижележащего до вышележащего классов. Все мы "животные по своей низшей природе". Наши "эмоции" страха и возбуждения, злости и любопытства, трусости и храбрости, раздражительности и удовлетворения не отличаются от соответствующих "эмоций" животных. Однако подлинно "человеческие" чувственные импульсы любви, веры, надежды и совести свойственны только творческим существам. Как это ни прискорбно, мы разучились нормально испытывать "положительные" эмоции и заменили их низшими, животными страстями. Это обстоятельство конечно же плохо сказывается на нашей "человечности", но гораздо хуже на нас отражается широкомасштабное истребление различных видов животных, поскольку энергии, которые они должны были вырабатывать, теперь нужно так или иначе восполнять. Поскольку же только человек обладает арсеналом всех необходимых эмоций, то именно на человека ложится обязанность в целях космической гармонии вырабатывать тот набор эмоций, который в нормальной ситуации вырабатывали бы животные. Таким образом, сам того не осознавая, человек обрекает себя на полуживотное существование. Отчасти этим можно объяснить ужасающе бесчеловечное поведение людей, столь распространенное в наше время. Страх и злость подвигают нас на животную жестокость, повергающую в недоумение тех, кто все еще верит в благородство человеческой Сущности. Хотя и трудно принять все аспекты гурджиевской концепции взаимного поддержания, согласитесь, она убедительно объясняет многое из того, что не удастся объяснить иначе.

Конечно решающее значение для нас имеет понимание человека и его судьбы с позиции системы Гурджиева. Нынешнее поколение уже не может принять ни одну из крайних доктрин Запада, то есть ни диалектический материализм, ни богословие "рая и ада". Восток предлагает нам доктрину "освобождения", не придающую материальному миру никакой ценности и отвергающую даже самую надежду на бессмертие. Буддийская трактовка делает упор на освобождении от существования, а суфийская обещает "слияние с Единым". Но ни одна из них не может адекватно объяснить смысл нашей земной жизни. Отвергая все "потустороннее" мы оказываемся на позиции натуралистического "гуманизма". Беда любого мировоззрения, основанного на ценностях и понимании, которые взяты исключительно из человеческого опыта, состоит в том, что оно получается бессмысленным и неубедительным. Мир слишком огромен и слишком удивителен, чтобы считать его просто

декорацией к человеческой драме. Мы предаем системе Гурджиева такое колоссальное значение именно потому, что она адекватно объясняет "все и вся".

Согласно системе Гурджиева, людей можно разделить на три совершенно разных категории. Первую составляют воплощенные существа "космические индивидуумы, посланные Свыше". Ко второй относятся люди, научившиеся жить в гармонии с природой, выполняя свои обязанности. Они не подвержены риску повседневной жизни и являются независимыми индивидуумами. Я отнес их к психотелеологической группе, имея в виду их совершенную психику. В Суфизме они называются ин-сан-и-камил - "Совершенные Люди". К третьей же категории относится подавляющее большинство людей, влачащих полуживотное существование, или точнее, живущих подобно механическим игрушкам, которыми движут исключительно внешние силы.¹ Я отнес их к психостатическому классу, но у них есть возможность самосовершенствования. Гурджиев неоднократно подчеркивал, что человек, не исполняющий своих космических обязанностей посредством своего собственного "сознательного труда и преднамеренных страданий", теряет свою бессмертную душу и после смерти "окончательно разрушается".

Первая категория в общих чертах соответствует индуистскому понятию "Аватар". В Исламе таких людей называют рессаллах, или "посланник Бога". В Христианстве это нашло отражение в Четвертом Евангелии: "Был человек, посланный от Бога, чье имя было Иоанн". Эта доктрина отражает заботу Бога о трудностях, с которыми сталкивается человечество. Гурджиев вполне убедительно показывает, что эта забота проявляется скорее не в сверхъестественном вмешательстве, а в творческих идеях.

¹ С точки зрения редактора русского перевода, объяснение принципа деления на группы в данном случае несколько запутано; подробнее см. *Кризис в делах человеческих*, стр. 131-44 и *Драматическая Вселенная*, Том III о трех подгруппах человеческого общества: психостатической, психокинетической и психотелеологической.

Вообще во всем этом нет ничего принципиально нового, пока мы не переходим ко второй категории и не пытаемся соотнести ее с концепцией взаимного поддержания. Гурджиев постоянно обращал наше внимание на то, что те же самые действия и жертвы, посредством которых мы участвуем во взаимном поддержании, превращают нашу природу из природы думающего животного в природу свободного индивидуума и способствуют формированию на Земле общества, живущего в гармонии с природой. Природа человека динамична: чтобы быть он должен развиваться. Для того чтобы развиваться он должен платить за свое существование. Если он выполняет все это, то перед ним раскрываются неограниченные перспективы космической

реализации. Он может стать поверенным помощником Высшей Силы, управляющей миром.

Во всех религиях есть понятие "человек на пути". В Христианстве, избранные "призваны стать святыми". Тот, кто встает на буддийский "путь освобождения", марга, следует по нему вплоть до обретения совершенного бытия. Человек, идущий по пути Суфизма называется сали-ком, или "ищущим истину". Запад потерял представление об этой исключительно важной прерогативе человека. Мы променяли свое первородство на иллюзию материальной власти. Это понимают все. Уникальность же системы Гурджиева заключается в связи между самосовершенствованием и исполнением космических обязанностей. В сознательном труде и преднамеренном страдании не так уж трудно увидеть "служение и жертву". Именно благодаря им трансформируется человек. Посредством них же он высвобождает энергии, необходимые для Трогаавтоэгократического процесса; он обретает свое собственное бессмертное бытие и подготавливает лучшее будущее для своих потомков. Те же, кто отвергает обязательства, накладываемые нашим существованием в человеческой форме, теряют свою человеческую природу и "подышают, как собаки".

Следующий класс Сущностей после человеческого - это девятый класс, который Гурджиев называет "ангельским", а я предпочитаю называть демиургическим во избежание разного рода теологических ассоциаций. В Рассказах Вельзевула бессмертные трехмозговые существа, не переходящие на другой уровень бытия, играют важную роль администраторов мирового порядка. Для успешного выполнения этой работы им требуется весь спектр энергий, вырабатываемых животной Сущностью и человеком. Разница заключается в том, что животные производят чувствительную энергию просто, существуя и умирая, тогда как человек может делать это посредством "сознательного труда и преднамеренного страдания". В этом как раз и заключается разница между сознательной (фуласнитамниан) и механической (итокланоз) жизнью. Хотим мы того или нет, мы должны вносить свой вклад во взаимное поддержание. И от нас зависит, делаем ли мы это сознательно и таким образом "облетаем собственную душу" или же влачим автоматическое существование, не получая при этом ничего для себя и не отдавая ничего миру, кроме как в результате своего распада.

Перед нами стоит именно такой радикальный выбор, как об этом сказано во Второзаконии (30): "Вот я поставил перед вами жизнь и смерть, благословение и проклятие. Так выберите жизнь, чтобы вы и семья ваша могли жить!" Разница лишь в том, что "жизнь" в данном случае следует понимать не как свою собственную и даже не как жизнь своих ближних, а как всю жизнь в целом. Таким образом, можно перефразировать эту заповедь: "Займите свое место в космической гармонии или погибните".

Однако система Гурджиева не заканчивается демиургическим классом. В Рассказах Вельзевула он пишет о

различных доступных существам градациях объективного разума. Мы можем составить некий ментальный образ демиургов, поскольку высшая граница природы человека соприкасается с уровнем демиургической Сущности, но более высокий класс непостижим для человека, поскольку его существование не сопряжено с условиями пространства, времени и количества. Это обстоятельство проявляется в Символе Веры, в одном из переводов которого сказано "Рожденный от Отца прежде всех миров", а в другом: "...до начала времени".¹ Долгие споры о том обладает ли Христос одной или двумя природами, одной или двумя волями, и является ли он одной или двумя личностями как раз оказались следствием применения понятий одного уровня к другому уровню, на котором они теряют свой смысл. Ислам учит, что все Посланники Бога составляют единое целое, и все же их много; Бог проявляет себя в своих Посланниках, но они не являются Богом. Согласно Буддизму нельзя сказать, что Будда не существует, но и нельзя сказать, что он существует; и при этом он един и множественен одновременно. Гурджиев не предпринимает попыток найти лучшую формулировку этого же принципа, но использует только понятие "Воплощенного Индивидуума", живущего как человек среди людей. Тем не менее это не помогает нам понять космическое значение Индивидуальной Воли. Но при этом Гурджиев дает понять, что "Наиболее Священных Индивидуумов" не следует отождествлять с Высшей Творческой Силой.

¹ в более привычном церковно-славянском варианте: "... прежде всех век" (прим. перев.).

Космическая Индивидуальность непосредственно связана с сотворением и поддержанием мира. Ее аналогом в терминологии Гурджиева служит "Вечная Неизменность". В Рассказах Вельзевула это Трогаавто-эгократ, который Гурджиев в некоторых случаях отождествляет со Святым Духом. Это одиннадцатая и предпоследняя стадия сотворения и спасения мира. При этом нетрудно уловить, что Гурджиеву сложно передать образ космического процесса, который одновременно является состоянием бытия. Трогаавтоэгократ не является частью творения, и представляет собой просто проявление Божественной Воли, посредством которой время согласуется с вечностью. Я не буду подробно останавливаться на этой концепции.¹

Последняя стадия соответствует Бесконечному Творцу, которого Гурджиев также называет Отцом и Спасителем Мира. Его бесконечный разум позволил Ему совершить невозможное - создать мир, сопряженный с пространством и временем, который при этом не подвержен распаду и разложению. Более того, этот мир таков, что в нем может зародиться независимая воля, обеспечивая тем самым один недостающий элемент - уровень бытия, который хотя и ограничен, но тем не менее может безупречно взаимодействовать с Бесконечным Бытием и Волей.

Глава 10

ГУРДЖИЕВ КАК УЧИТЕЛЬ

К 1934 году Гурджиев завершил свою писательскую деятельность и окончательно оставил надежду создать организацию, которая бы познакомила весь мир с его работой. Год или два он практически ничем не занимался. Время публикации его книг еще не подошло, а вернуться к прошлому он уже не мог. В 1935 году он начал работать с относительно небольшим числом людей. Последний этап работы всей его жизни, начавшийся в 1934 году и завершившийся его смертью в 1949, был посвящен учительству. Впрочем это конечно же не означает, что Гурджиев не занимался учительством параллельно с работой над книгами. Напротив, он был известен как учитель и действительно был им еще со времени его жизни в Туркестане, но не всегда его деятельность в этом плане была одинаковой. Насколько можно судить по всему, что известно нам о его работе в Ташкенте и Туркестане, то есть после 1910 или 1911 года, его деятельность тогда была посвящена демонстрации силы Работы и подготовке к выполнению своей миссии. Вне всяких сомнений он считал основной целью своей миссии принести в мир новое понимание человеческой жизни и помочь людям освободиться от их фундаментальной слепоты и эгоизма. С этой целью он и основал свою организацию — свой Институт гармоничного развития человека.

¹ Концепция Индивидуальной воли и трех видов Индивидуальностей - Персональной, Универсальной и Космической, подробно рассмотрена во втором том *Драматической Вселенной*.

В проспектах Института Гурджиев никогда не называл себя учителем. Вместо этого он отводил себе роль организатора грандиозного учебного процесса, возложенного на специально подготовленных им для этой цели инструкторов. Сам же он по-другому рассматривал свое участие в этом процессе, содействуя ему посредством своего ханбледзоина и собственных знаний, но не погружаясь в него целиком. Однако в итоге, он все равно оказался глубоко вовлеченным в деятельность Института вследствие материальных затруднений и тех невзгод, которые не переставали обрушиваться на него с того самого момента, как он начал реализовывать свою миссию. Я прежде всего имею в виду страдания его физического тела, по причине болезней и несчастного случая. Гурджиев утверждал, что прервал общение с людьми на период писательской деятельности, но уже в 1927 году он его возобновил и многие люди, приходившие к нему тогда с правильным отношением и готовностью помочь ему в его работе, прежде всего материально или собственным участием, получали тогда от него весьма важные наставления. Тем не менее лишь последние пятнадцать лет своей жизни он преимущественно посвятил подготовке тех, кто должен был в дальнейшем пояснять его идеи.

В перерыве между писательской и учительской деятельностью Гурджиев жил один, сначала в Америке, а затем в Париже. Двое людей, помогавших ему по хозяйству в течение полутора лет, с 1934 по 1935, в ярких красках описывали мне свой опыт. Один из них, Фрэд Лейтон, богатый молодой американец,

посещавший группы Орэйджа и приезжавший в Приорэ в 1927 и 1928 годах, рассказал мне, что Гурджиев тогда "работал очень мало, но очень много размышлял". По мнению Фрэда Гурджиев был истощен заботами о Приорэ, и ему нужен был отдых. Фрэд ходил за продуктами, а Гурджиев готовил огромное количество вкуснейших блюд со всего мира.

В апреле 1935 года Гурджиев принял важное решение, а возможно и был вынужден принять его в силу обстоятельств. Он указывает на это решение в последней главе своей последней книги, "Внутренний и внешний мир человека", когда описывает события, последовавшие за смертью Орэйджа. В середине июля 1935 года он отправился в Вашингтон, будучи почти уверенным, что ему удастся собрать деньги на реанимацию Института. Но его надежды были разбиты смертью потенциального спонсора Б авиакатастрофе, о чем уже было сказано в седьмой главе. Гурджиев тогда бурно отреагировал на это событие.

Ему пришлось пережить окончательное и бесповоротное крушение своих планов вновь открыть Институт. Он вероятно тогда думал о том, чтобы возвратиться в Ташкент и начать все сначала там, где он точно знал, что его примут. Однако сообщение из Советского посольства о том, что ему не будет позволено преподавать, отрезало этот путь. Смерть же сенатора, с которым он связывал свои надежды, стала зловещим напоминанием о его собственных несчастных случаях и смерти Орэйджа, произошедшей несколькими неделями ранее, когда тот уже собирался вернуться к Гурджиеву. Все указывало на необходимость принять важное решение. В свете нашего изучения связи между Гурджиевым и Учителями Мудрости очень важно знать, отправился ли он к ним за советом в промежутке между писательской и учительской деятельностью. Из тех фраз, которые он один или два раза произнес в 1949 году вроде бы следует, что в 1935 году он побывал в Азии; по его словам это была "Персия", к которой он возможно отнес и Туркестан. Должно быть это была непродолжительная поездка, и Гурджиев решил предпринять ее, чтобы посоветоваться с теми людьми, ко мнению которых он прислушивался, относительно следующего этапа своей деятельности. Как-то за обедом в начале 1949 года он сказал, что переломный момент в истории наступил с приходом к власти Гитлера, и что ему пришлось подождать, пока реакция людей на это не стала очевидной. Гурджиев пишет об этом времени в книге Жизнь реальна, только когда "Я Есть" как об очередном периоде максимальной напряженности Земли. Сам же закон периодического напряжения неоднократно упоминается в Рассказах Вельзевула, в особенности в главе "Россия", где Гурджиев называет его "одним из двух факторов, порождающих войны и революции". Он объяснял свое временное бездействие общемировой ситуацией, но часто говорил при этом, что ситуации, вызывающие у людей "тягу к свободе" также являются наиболее благоприятными и для самосовершенствования. В 1934 - 1939 годах ситуация в мире была одной из наиболее странных за всю историю; ни сами люди, ни правительства не желали видеть настоящее положение вещей. Религия переживала один из наиболее неблагоприятных периодов своего развития: оппортунизм

среди руководства и безразличие простых верующих подобно эпидемии охватили Христианство, Иудаизм, Ислам, Буддизм и Индуизм. Работа Гурджиева тоже пошла на спад, а со смертью Орэйджа и уединением Успенского в своей загородной резиденции, Лайн Плэйс, ее распространение вообще прекратилось. Сам же Успенский оставил свои надежды разыскать источник гурджиевского учения.

С тех пор прошло уже более трети века, и сегодня для нас очевидно, что Гурджиев тогда готовился к следующему этапу своей работы. В Рассказах Вельзевула он постоянно указывает на важность легоминизмов как способа передачи важных знаний от одного поколения другому; под этим понятием подразумевались словесные формулировки, которые в последствии могли бы быть разъяснены посвященными людьми, способными понять всю глубину их смысла. Рассказы Вельзевула были легоминиз-мом Гурджиева, и его последней задачей было подготовить людей, которые бы смогли исполнить роль посвященных, когда наступит подходящее время для распространения изложенных в этой книге идей. Одним из основных требований в отношении кандидатов на роль посвященного является способность достаточно гибкого и в то же время объективного восприятия. Также важно, чтобы посвященный не преследовал при этом своих личных корыстных целей. В связи с этим Гурджиев активно занимался поиском людей, потенциально способных развить в себе необходимые качества. Лучшим примером в этом отношении служит один из членов его собственной семьи.

С 1936 года Гурджиев почти безвыездно жил в Париже. Его брат Дмитрий умер. Приорэ пришлось продать; ученики и родственники разъехались. Гурджиев переселился в квартиру своего брата в дом 6 по улице Колонелс Ренард, которая и оставалась его домом в течение последующих четырнадцати лет. Сестра Гурджиева Софья ухаживала за умирающим мужем, а ее сын Валентин прожил со своим дядей почти год. Позднее Валентин много рассказывал о своем обучении у Гурджиева. Он должен был выполнять всю работу по дому и готовить еду для учеников, которые зачастую садились есть только после полуночи. Ему приходилось налету учиться самым разнообразным навыкам. По его словам Гурджиев требовал, чтобы он понимал все без слов. Он должен был предвидеть, на сколько учеников нужно было рассчитывать еду и какие именно блюда следовало готовить. Подразумевалось, что он должен настолько "улавливать" все намеренья Гурджиева, чтобы в случае необходимости он мог вмешаться и прервать беседу как раз тогда, когда Гурджиеву это было нужно. Валентин также должен был сохранять спокойствие, когда Гурджиев его яростно бранил, что он делал часто и неистово. Те, кому приходилось видеть Гурджиева в ярости, поймут, что значит неделю за неделей испытывать ее на себе. Все его тело начинало трястись, лицо наливалось краской и наконец из него просто вырывался поток брани. Впрочем, нельзя сказать, чтобы эта ярость была неконтролируемой, поскольку Гурджиев мог в любой момент остановиться, но вне всяких сомнений она была подлинной. Я не знаю, была ли она всегда во благо и преднамеренной, но в Валиком случае результат был

потрясающим, поскольку его способность держать себя в руках в условиях стресса помогла ему в будущем успешно справиться со многими трудностями. Сегодня, будучи старшим из ныне живущих членов семьи Гурджиева, он являет собой яркий пример результатов гурджиевской подготовки.

Начиная с 1935 года, Гурджиев проводил самые различные эксперименты с обучением. Его целью было оставить после себя людей, которые бы смогли разъяснять его учение. При этом обучение почти всегда сопровождалось чтением Рассказов Вельзевула.

Прежде чем обсуждать конкретные эксперименты, давайте рассмотрим методы Гурджиева и попробуем соотнести их с методами Ходжага-на. Конечно деление жизни Гурджиева на отдельные периоды в достаточной степени условно, но шесть периодов все таки выделяются довольно отчетливо: подготовительный этап, вплоть до пятнадцатилетнего возраста; поиск, завершившийся приблизительно в 1907 году, когда ему было тридцать лет; его жизнь в Центральной Азии и последующий переезд в Россию, что стало первым этапом его "внешней" деятельности; основание Института; период писательской деятельности; и, наконец, собственно учительство. В течение того периода, который я называю периодом внешней деятельности, Гурджиев заявлял, что его задача заключается в том, чтобы дать человечеству способ освобождения, и практически не занимался индивидуальным обучением. Он работал преимущественно с группами, что было довольно подробно описано Успенским в книге В поисках чудесного. Подобные же описания можно встретить и в других личных воспоминаниях, как например в книге де Гартманнов Наша жизнь с М-ром Гурджиевым. Хотя эти книги во многом и посвящены взаимоотношениям с Гурджиевым, это явно не были взаимоотношения между учителем и учениками в индийском или суфийском понимании. Гурджиев не был гуру или шейхом, поскольку ставил перед собой гораздо более широкие задачи, чем работа с отдельными учениками. Даже работа с группами была для него лишь экспериментальной деятельностью по подготовке к более широкомасштабной работе. До аварии 1924 года он постоянно говорил о том, что собирается открыть отделения Института по всему миру, чтобы готовить в них учителей и инструкторов, на которых в дальнейшем планировал возложить осуществление своей миссии. Однако те, кто тогда писал о своей работе с Гурджиевым, похоже, не понимали, что его больше интересовала судьба его широкомасштабного проекта, чем работа с отдельными людьми. Причем практически из всех таких описаний следует, что он лично работал с автором, причем иногда даже больше, чем с другими. Я думаю, что он действительно работал индивидуально со многими учениками - по всей видимости с теми, кто мог так или иначе помочь ему, и продолжал делать это до самого конца своей жизни.

Конечно же Гурджиев с самого начала стремился распространить свои идеи. Он изложил некоторые из них питерской и московской группам и рассчитывал на писательский

талант Успенского. Возможно еще не пришло время для окончательной разработки некоторых концепций Гурджиева, которые изложены очень сбивчиво даже в последней его книге. В то же время вполне очевидно, что Гурджиев хотел опубликовать свои космологические идеи. Брошюра "Проблески истины", на чтении которой Успенский присутствовал во время своей первой встречи с Гурджиевым, включает в себя концепцию "луча творения", "понятие космосов" и то, что мы называем "шкалой водородов". В последней использовалось то же платоновское полуторное соотношение двух и трех, которое позднее Успенский развил в своей книге *В поисках чудесного*. Иными словами, Гурджиев с самого начала заботился о распространении своих идей, но это следует отличать от учительства в полном смысле этого слова.

Гурджиев безусловно использовал группу в качестве одного из методов обучения. Это ярчайшим образом свидетельствует о его связи с суфизмом, в котором халка является одним из общепринятых способов (см. главу 2) работы шейха с учениками. Как и пишет Успенский, Гурджиев ставил группу во главу угла. При этом он выделял три направления работы: работу для себя, работу для группы и работу для учителя, или для Работы. Гурджиев никогда принципиально не изменял методы работы с группами.

Вторым методом суфийских шейхов является метод сохбат, направленный на пробуждение понимания у ученика. Он несколько отличается от метода работы с группами, включающего в себя упражнения и задания. Метод сохбат подразумевает обучение не словами а собственным присутствием учителя, что, вообще говоря, больше характерно для индийского даршама; ученик получает благословение через одно лишь присутствие шейха. Метод сохбат, название которого дословно переводится как "передача учительским уровнем", сопряжен с передачей барака, то есть "позволяющей энергии", которая служит мощным подспорьем в работе ученика. Гурджиев называет это "высшей эмоциональной энергией", а в Вельзевуле - ханбледзоип. Передача высшей энергии, которая может быть превращена в энергию ученика, является чрезвычайно важной частью всего процесса, и в этом смысле можно с уверенностью сказать, что Гурджиев всегда был учителем. Каждый, кто встречался с ним отмечал ощущение присутствия учителя, некую воздействующую на него силу, как это часто отмечали люди в присутствии великих индийских или дзен-буддийских Учителей, о которых говорят, что одно уже их присутствие трансформирует учеников.

Учитель обучает своих учеников в основном двум методикам: в Суфизме они называются вазифа и зикр. Вазифой называется то или иное упражнение, которое учитель вменяет в обязанность ученику. Термин зикр дословно означает "помнить", что в интерпретации Гурджиева значит "помнить себя". Особенность же суфийского зикра заключается в призывании имени Бога. Таким образом он представляет собой концентрацию внимания и воли на внутреннем божественном начале. Трудно сказать, широко ли Гурджиев использовал этот метод в работе с учениками на

ранних этапах своей деятельности, но он определенно давал группам различные задания или же поручал отдельным ученикам ту или иную индивидуальную работу. Как уже было сказано в пятой главе, Гурджиев "покаялся своему сознанию" вести, в определенном смысле, искусственную жизнь, избегая каких-либо позитивных отношений с людьми и напротив любыми способами вызывая у них неприязнь к себе. Это не позволяло ему использовать сохбат, который подразумевает взаимно доверительные отношения между учителем и учеником. Возможно именно этим объясняется тот факт, что в последние семнадцать лет жизни его методики значительно отличались от тех, которые он применял вплоть до 1932 года. Лишь после 1933 или даже 1934 года он смог применять более позитивные и мягкие методы работы с людьми.

В некоторых центрально-азиатских суфийских школах преподается и практикуется медитация. Там ее называют муракаба, что дословно означает "жду и созерцаю". Гурджиев никогда не учил этому. Он никогда не преподавал медитацию ни в дзен-буддийском варианте, ни так, как это преподносится сегодня во многих западных странах. Для суфиев медитация представляет собой чрезвычайно интенсивный процесс, в ходе которого человек получает возможность проникнуть за занавес собственной личности, пробивая себе путь сквозь собственные ментальные ассоциации и наблюдая силы, которые действуют за экраном его обычной осведомленности.

Можно сказать, что Гурджиев учил медитации, но в форме само-воспоминания, дополненной методикой, способствующей поглощению высшей энергии из вдыхаемого нами воздуха. Сочетание медитации и дыхания воздействует на внутреннее функционирование организма, и Гурджиев предупреждал всех своих последователей, что дыхательные упражнения опасны, и подкреплял свои предупреждения словами персидского дервиша (см. Встречи с замечательными людьми, стр. 187) о том, что они могут нанести серьезный вред. В результате некоторые из последователей Гурджиева в последствии выступали против дыхательных упражнений. Однако на самом деле за период своей учительской деятельности Гурджиев научил многим из них меня и значительную часть других учеников. (В 1923 году на ряде публичных лекций в При-орэ Гурджиев разъяснил принципы правильного дыхания.)

Учитывая все сказанное выше, можно сказать, что гурд/киевская версия медитации и дополняющих ее упражнений значительно отличается от обычного подхода к этому процессу, и в особенности от того, которым широко распространен сегодня на Западе. Судя по всему, сам он прошел обучение в практических школах Центральной Азии, где медитации с дыхательными упражнениями обучают уже многие века, как следует из учения Ходжагана (см. главу 2).

Таким образом, между медитацией, или муракабой, и призыватель-ными упражнениями, или закром, есть ряд различий, и эти методики используются для разных целей. Призывания, или

мантры, используются уже многие тысячи лет, причем всеми религиями и на всех путях духовного развития. В восточном Христианстве это хорошо известная "молитва сердца".¹ В Индуизме используются собственно мантры, а в Буддизме - также различные призывания и повторения. Использование зикра обязательно для всех суфийских общин и входит в процесс посвящения, в результате которого ищущий становится учеником. Во время посвящения шейх обучает его соответствующему зикру и одновременно передает барака, или энергию, делающую зикр плодотворным.

Разные школы практикуют зикр по-разному. Некоторые используют при этом упражнения с задержкой дыхания - хальфс-и-нефес', другие читают зикр-оиль-лисап в слух; а третьи читают его молча, то есть в сердце - зикр-биль-калб. На самом деле существует много литературы о различных видах зикра, которые используются в разных суфийских школах, также, как в индуистских и буддийских странах издается много книг о мантрах. Мавпра — это по сути дела то же самое, что и зикр — призывания из нескольких слов, которые нужно произносить ритмически, а в некоторых случаях и не ритмически; иногда соответственно сердцебиению, иногда дыханию, а иногда и некоторому внешнему ритму. Гурджиев был хорошо знаком со всеми этими методиками, но использовал их сравнительно редко, никогда не делая их достоянием широкой публики.

В Суфизме и в особенности в рамках Ходжагана никогда не обходились одними только упражнениями. Все Учителя говорили о необходимости /;и)«з<://«<:/ и инкисара, то есть дисциплины, аскетизма и добровольного страдания. Гурджиев называл это "сознательным трудом и преднамеренным страданием". В Рассказах Вельзевула используется составное слово парткдолгдыоти, в котором слово "обязанность" повторяется три раза: на армянском, русском и английском языках. Вряд ли кто-нибудь из Ходжей мог более настоятельно говорить о необходимости труда и страданий на пути самосовершенствования, чем это делал Гурджиев. На одной из своих лекций он объяснил, что подвергать себя преднамеренным страданиям означает вовлекать себя в болезненные ситуации ради помощи другим людям, и прежде всего в ситуации, сопряженные с негативными проявлениями тех людей, которым человек пытается помочь. Практически всем персонажам Рассказов Вельзевула пришлось осуществить парткдолгдыоти, чтобы обрести знания, необходимые для помощи человечеству и в особенности грядущим поколениям. Сам же Гурджиев рассматривал те страдания, которые ему пришлось перенести в связи с решением создать Институт и написать свои книги, как оплату долга за свое существование. Вместе с тем он создавал для своих учеников всевозможные трудности, которые они часто считали своим парткдолгдыоти. Учителя Ходжагана тоже значительно усложняли жизнь своих учеников на начальных этапах обучения, но ни Гурджиев, ни Учителя не делали этого более нескольких лет. Предполагалось, что к этому времени ученики должны были сами научиться создавать себе парткдолгдыоти и находить дисциплину и аскетизм в помощи

другим людям. Последовательное изменение страданий содержит в себе много чрезвычайно глубоких секретов, и я постараюсь как можно подробнее рассказать о соответствующем методе Гурджиева в следующей главе.

¹ также называемая "Иисусовой молитвой" (прим. перев.).

Одним из потрясающих аспектов учительской работы Гурджиева было то, что мы называли в Приорэ "упражнениями", которые позднее стали называться "движениями". В первой главе Вельзевула Гурджиев даже называет себя не иначе, как учителем храмовых танцев. При этом он часто отказывался от какого-либо иного статуса. Конечно никто не воспринимал этого всерьез, но для многих это было самой привлекательной частью обучения. Именно этими священными танцами и движениями был обусловлен его первый успех в Америке в 1924 году. На меня тоже оказала глубокое впечатление демонстрация движений в 1920 году, в здании по соседству с Верховным Раввином Константинополя. Безусловно уникальной заслугой Гурджиева было уже даже то, что ему удалось познакомить Запад с подборкой храмовых танцев и священных ритмов.

Гурджиев использовал методики, основанные на движениях, даже в Ташкенте, где местные жители были знакомы со священными танцами. Он продолжил заниматься ими со специальной группой в Ст. Петербурге; в период революции Гурджиев временно прекратил занятия, но затем возобновил их на Кавказе, и наконец ввел их в качестве одной из основных дисциплин, в третий раз открыв свой Институт уже в Тифлисе. Он продолжал использовать их в качестве значительного подспорья в распространении своих идей сначала в Институте при Фонтэнбло, затем в Париже и, наконец, в Соединенных Штатах в 1924 году, незадолго до аварии. После аварии обучение движениям было прекращено на период интенсивной писательской деятельности Гурджиева, но затем вновь продолжилось в 1928 году, и теперь уже движения преподавались американским группам, хотя и не вполне адекватно. Некоторые из учеников преподавали их в Англии. Сам же Гурджиев продолжил преподавать движения в Париже во время войны и обучал им, постоянно вводя нечто новое, почти до самой своей смерти в 1949 году.

По словам Гурджиева в древние времена движения занимали важное место в искусстве азиатских народов. Они также использовались в Африке и на Дальнем Востоке в священной гимнастике, священных танцах и религиозных церемониях. Искатели Истины, в группу которых входили археологи и специалисты по восточным религиям, установили, что эта священная гимнастика сохранилась в определенных частях Центральной Азии, в частности на территории от Ташкента до китайского Туркестана. Даже еще в начале нашего века священные танцы широко использовались в храмах и монастырях. Мне самому доводилось раньше наблюдать их, и я уверен, что значительная их часть сохранилась и до сегодняшнего дня. Люди, практикующие священную гимнастику, всегда знали ее смысл. В

некоторых монастырях и братствах долгое время сохранялись традиции, тщательно скрывавшиеся от обычных путешественников. Другие танцы можно увидеть без каких-либо особых препятствий. Некоторые из них широко известны, например, движения дервишей Мевлевийа или Руфаййа, на еженедельные церемонии которых допускаются посетители, в том числе и европейцы. Другие же, например танцы дервишей Хельветийа, то есть "уединившихся", показывают только тем, кого признали истинно ищущими. Причем наиболее важные, центрально-азиатские священные танцы не связаны с какой-либо конкретной религией. Они практикуются уже многие тысячи лет, и монастыри, в которых они сохраняются, обладают также и знаниями из далекого прошлого, передававшимися из поколения в поколение при помощи этих же самых священных танцев и ритуалов.

Можно научиться понимать смысл священной гимнастики и танцев только в процессе длительного изучения. При этом нужно посвятить равное количество времени наблюдению и участию. Тот же, кто действительно хочет научиться понимать их должен сам постичь заложенное в них искусство. В прошлом движения, выполнявшиеся тогда под аккомпанемент музыки или пения участников, можно было увидеть гораздо чаще. Многие из этих священных движений сопровождалась зикром. У дервишей Хельветийа есть даже специальный декламатор, чье пение напоминает танцорам о смысле их действий. Деревенские танцы в прежние времена были основной формой эстетического опыта всех народов и начали исчезать лишь сравнительно недавно; однако попытки сохранить и воспроизводить их по большей части предпринимаются без понимания их изначального смысла. Современные танцы, будь то балет или ритмические упражнения, ни коим образом не связаны со священной гимнастикой в той форме, в которой она существовала в прошлом. Мы рассматриваем танец, даже в его наивысшем значении, как выражение эстетического опыта. Его разделяют хореограф, музыканты и танцоры. Сравнительно новые правила постановки танцев и балета находят одобрение у одних людей и неприятие у других: они диктуются модой каждого нового десятилетия и субъективны как любое проявление личного вкуса. Единственным же основанием для их авторитетности служит популярность и известность разрабатывающих эти правила специалистов.

В древние времена искусству танца придавалось совершенно иное значение. Оно было непосредственно связано с религиозным и мистическим опытом, будучи при этом предметом научных разработок мудрейших людей каждой эпохи. В ходе своих собственных изысканий Гурджиев пришел к выводу, что священные танцы на сегодняшний день относятся к немногим дошедшим до нас прежде весьма многочисленным способам сохранения и передачи последующим поколениям важных знаний. По этой причине священные танцы всегда были одной из главных дисциплин, преподававшихся в эзотерических школах Востока. Они обладают двойным значением. Во-первых священные танцы и движения содержат в себе и выражают определенные принципы или же рассказывают о тех или иных событиях, признанных

настолько важными, что их сохранение просто считалось некоей обязанностью. Во-вторых, для самих участников они служат способом обретения гармоничного состояния бытия и дальнейшего продвижения духовного развития.

О первом из этих принципов Гурджиев рассказывает в главе "Искусство" из Рассказов Вельзевула. В эпизоде, посвященном танцу, он описывает достижения доисторической цивилизации, которая существовала в долине Тигра и Евфрата, имея в виду разработки времен расцвета Вавилонской империи. Как мы уже убедились с вами, обсуждая историю Сарманского Братства, эти разработки были перенесены в Центральную Азию через некоторое время после завоевания Вавилона Александром Великим. Тогда как в Месопотамии от них не осталось и следа, в Туркестане их всячески оберегали и передавали из поколения в поколение. Школы искусства, основанные в Центральной Азии после гибели вавилонских школ, последовавшей за завоеванием греками Персии, просуществовали сравнительно долго и их признаки прослеживались в митраист-ских и манихейских школах вплоть до времен правления Сассанидской династии.

Согласно легенде в Вавилоне образовалось общество ученых людей, решивших сохранить свои знания при помощи различных способов. Одним из них стало использование священной гимнастики. По словам Гурджиева они "демонстрировали всевозможные религиозные и народные танцы, как уже существовавшие и лишь отчасти измененные ими, так и созданные ими самими, сопровождая их необходимыми объяснениями" (см. Рассказы Вельзевула, стр. 475). Среди других способов сохранения древних знаний были всевозможные ритуалы, легенды и поучительные истории. В качестве примера использования этих способов сохранения знаний Гурджиев рассказывает о Законе Семи (Законе Гепта-парапаршинок) , который по его словам был хорошо знаком вавилонским мудрецам. Есть все основания полагать, что именно пифагорейцы приняли основное участие в повторном открытии этого закона, а сам Пифагор был одним из тех мудрецов, которых Камбис привез в Вавилон из Египта в 510 году до Р.х. Причем не только собрание мудрых людей, но и простые люди в то время чувствовали нечто мистическое в последовательной смене стадий естественных процессов. Они знали, что человек не может достичь своей цели методом лобовой атаки. Поскольку это чрезвычайно необходимое знание было в свое время утеряно, мир должен вновь обрести его. Заботясь о своих далеких потомках вавилонские мудрецы поставили перед собой задачу передать основные положения Закона Семи в различных формах искусства и ремесла. Вельзевул объясняет это своему внуку в следующих словах: "Для того чтобы ты получил лучшее представление и хорошо понял, каким образом они передали то, что им было нужно, в этих танцах, тебе следует знать, что ученые люди того времени уже давно знали, что в соответствии с Законом Семи каждая поза и каждое движение любого существа в общем случае всегда состоят из семи так называемых "взаимно уравновешенных напряжений", возникающих в семи независимых частях их природы, и что каждая из этих семи частей в свою очередь состоит из семи различных так

называемых "линии движения", и каждой из этих линий соответствуют семь так называемых "точек динамической концентрации", и все, что я только что описал, повторяясь аналогичным образом и в той же последовательности, но во все уменьшающихся масштабах, актуализируется в мельчайших частичках всех тел - "атомах".

Учитывая все сказанное выше, эти мудрые люди во время исполнения своих танцев вставляли в закономерно согласующиеся между собой движения запланированные несоответствия также, следуя некоторой закономерности, и определенным образом передавали при помощи них желаемую информацию и знания.

¹ см. главу 8

Составленная Гурджиевым программа демонстрации работы Института гармоничного развития человека в 1923 и 1924 годах в Париже и Нью Йорке включала в себя некоторые из этих движений. Далее я привожу выдержки из этой программы:

"Программа сегодняшнего вечера будет преимущественно посвящена движениям человеческого тела в соответствии с древневосточным искусством священной гимнастики, священных танцев и религиозных церемоний, сохранившимся в храмах Туркестана, Тибета, Афганистана, Кафиристана и Читрала.

Изыскания, в течение многих лет проводившиеся М-ром Гурджиевым и другими сотрудниками его Института в странах Востока, показали, что восточные танцы не утратили тот глубокий религиозный, мистический и научный смысл, который вкладывался в них в древние времена.

Священные танцы всегда были одним из основных предметов, преподававшихся в эзотерических школах Востока. Они преследуют две цели: во-первых, они содержат в себе и передают определенную форму знания, а, во-вторых, служат способом достижения гармоничного состояния бытия.

Комбинации неестественных движений в индивидуальной гимнастической постановке исполняются на пределе возможностей танцора, что помогает обрести определенные качества восприятия, достигать различных уровней концентрации и добиваться требуемого направления мыслей и чувств.

Что же касается танцев как таковых, то они несут в себе совершенно иной смысл, чем тот, который мы на Западе привыкли придавать танцам. Важно понимать, что в древности танец был разновидностью искусства, а искусство служило целям высшего знания и религии. В те времена люди, посвящавшие себя изучению того или иного предмета, выражали свои знания в работах искусства, и в частности в танцах, подобно тому, как мы сегодня излагаем свои знания в книгах. Таким образом, древние священные танцы представляют собой не только способ выражения эстетического опыта, но также и своего рода книги, в каждой из которых содержится определенный фрагмент знания. Однако эти

книги позволялось читать далеко не всем, кто хотел бы, и не все из желающих могли бы их прочесть.

Тщательное изучение священных движений и танцев, проводившееся на протяжении долгих лет, дало практическое подтверждение их чрезвычайной важности для всех аспектов развития человека, тогда как одна из главных задач М-ра Гурджиева заключается в параллельном развитии всех способностей человека. Упражнения из священной гимнастики используются в этой системе в качестве метода развития моральных качеств учеников, а также их воли, терпения, слуха, зрения, осязания, способности концентрировать мышление и т.д."

В программе много внимания уделялось тем местам, в которых довелось побывать Гурджиеву, а также источникам танцев и ритмов. По его словам, надписи на некоторых великих азиатских сооружениях гласят, что они были воздвигнуты под аккомпанемент музыки и танцев. Традиция строить под музыку сохранялась в долине реки Пяндж и Керийском оазисе вплоть до начала нашего века. Программа демонстрации включала в себя упражнения, которые, как утверждал Гурджиев, были заимствованы из "храма медицины Сари на Тибете", а также из ритуалов эзотерической школы, "с незапамятных времен" существовавшей в огромных искусственных пещерах Киджерских гор Кафиристана. Кроме того в программе упоминались монастыри Максари Шериф и Хавар в Афганистане. Место Учансу - "текущая вода" - было центром текки дервишей Сухарийа в Каишгарии.

Программа заканчивалась описанием важного суфийского упражнения "стоп":

Упражнение заключается в том, что по команде "стоп" или по какому-либо другому заранее оговоренному сигналу ученик должен застыть на месте. Команда может быть дана где угодно и когда угодно. Что бы ни делал при этом ученик, работал ли, отдыхал, ел, находился ли он в Институте или где-либо еще - он должен немедленно остановиться. Его мышцы должны оставаться в том же напряжении, выражение его лица, его улыбка и взгляд должны застыть в том же положении, в каком их застала команда. Все это помогает начинающим ученикам в умственной работе, то есть ускоряет интеллектуальную деятельность, одновременно развивая волю.

Упражнение "стоп" не вводит никаких новых поз; это просто остановка начавшегося движения. Обычно мы меняем свои позы настолько бессознательно, что не замечаем промежуточных положений между позами. Это же упражнение делит переход от одной позы к другой на две части. Тело, остановленное внезапной командой, вынуждено застыть в положении, в котором бы никогда не остановилось самостоятельно. Это дает человеку возможность успешнее наблюдать за собой. Он может начать по-новому ощущать себя. И, наконец, это один из способов разорвать порочный круг своего автоматизма.

Произвольность наших движений иллюзорна. Психоанализ и изучение психомоторных функций по системе Гурджиева показывают, что любое наше движение, произвольное или вынужденное, представляет собой бессознательный переход от одной автоматической позы к другой. Из всех возможных поз человек выбирает именно те, которые соответствуют его личности, и как нетрудно заметить, этот репертуар вынужден быть весьма узким. В итоге все наши позы являются механическими производными. Мы не осознаем, насколько тесно сопряжены друг с другом три наших функции: двигательная, эмоциональная и мыслительная. Они зависят друг от друга, обуславливают друг друга и находятся в состоянии постоянного взаимодействия. Изменения в работе одной из них всегда сочетаются с изменениями в работе остальных. Положение нашего тела соответствует нашим переживаниям и мыслям. Перемена эмоций неизбежно порождает соответствующее изменение мыслительного процесса и позы. Смена мыслей высвобождает новый поток эмоциональной энергии, в результате чего естественным образом меняется и поза. Чтобы изменить свой образ мышления и общую направленность чувств, мы должны сначала изменить свои позы и движения, но в то же время без изменения эмоциональных и мыслительных стереотипов невозможно освоить новые двигательные позы. Нельзя изменить одно, не изменив другого. Например, если внимание человека сосредоточено на ведении боя, то автоматизм его мыслительного процесса и привычные движения предотвращают его переход на новый образ мышления, включая старые мыслительные ассоциации. Таким образом, мыслительные, чувственные и двигательные процессы человека не только сопряжены друг с другом, но и обречены всегда и во всем ограничиваться этими фиксированными рамками автоматических поз. Основная задача Института в плане подготовки человека к гармоничному развитию заключается в избавлении его от автоматизма. В этом отношении упражнение "стоп" оказывается очень полезным. Тогда как физическое тело застывает в непривычном положении, более тонкие эмоциональные и ментальные тела могут переродиться в новую форму.

Тем не менее нужно понимать, что именно внешняя команда необходима для вовлечения в действие человеческой воли, без чего он не смог бы сохранять промежуточное положение. Человек не может приказать себе остановиться, поскольку сопряженные позы трех наших функций подминают под себя волю человека. Внешняя же команда "стоп!" играет роль мыслительной и эмоциональной функций, состояние которых обычно определяет позу физического тела. В этом случае физическая поза, не будучи в своем обычном подчиненном положении по отношению к мыслительным и эмоциональным "позам", теряет свою силу, в результате чего ослабевают и другие позы. Все это позволяет нашей воле некоторое время руководить нашими функциями".

Если бы не авария 1924 года, Гурджиев безусловно начал бы использовать движения традиционным способом, подобно тому, как это делалось в древних храмах, то есть с основной целью передать знание непосредственно высшим центрам, минуя ум.

Однако в силу обстоятельств движения всегда использовались только для второй цели - для внутреннего развития их непосредственных исполнителей. Для Гурджиева тело было не просто физическим организмом, а организмом, наделенным тремя "мозгами", или тремя модальностями восприятия. Три "мозга" участвуют во всех наших действиях, но им не свойственна координированность и гармоничность. Таким образом, одним из бесспорно ценных результатов работы над движениями является пробуждение скрытых возможностей этих центров по приведению своей совместной деятельности в гармоничное состояние. Однако этот способ применим далеко не к каждому этапу развития, и в этом смысле гурджиевские движения часто использовались неправильно. На пути к достижению гармоничного состояния бытия один из первых этапов состоит в установлении должного баланса между этими тремя функциями. На самом деле у большинства жителей Запада чувства и органические ощущения не только недоразвиты, но еще и играют неестественную и даже вредоносную роль в их жизни. Именно вследствие ущербности наших чувств мы подвержены негативным эмоциям, а следствием ущербности органических ощущений является то, что наши телесные ощущения постоянно препятствуют свободной деятельности нашего сознания. При помощи правильно подобранных движений, совершаемых в правильной последовательности и с правильным пониманием их цели, можно устранить многие дефекты как-физические, так и эмоциональные, вследствие чего ученик приходит в более уравновешенное и естественное состояние.

Кроме того просто необходимо развивать внимание. Это достигается при помощи гимнастических упражнений, при выполнении которых необходимо сосредотачивать внимание на различных частях тела и знать, что именно они делают, не смотря на них и не думая об этом. Более сложные движения вырабатывают определенные качества восприятия и определенную степень контроля над состоянием сознания, что представляется очень трудным для обычного нетренированного западного человека.

Гурджиев также утверждает, что, работая над движениями, человек развивает собственное "Я", то есть свою "волю". На определенном этапе он обретает возможность чувствовать совершенно независимо от собственного тела и в то же время быть его безраздельным хозяином. Можно испытывать чувства, причем даже очень тонченные, соответственно различным жестам и последовательностям движений, при этом не отождествляясь с ними. Все это крайне важно для развития воли.

Хотя священная гимнастика и все дополняющие ее методики составляют весьма важную часть учения Гурджиева, все его действия были направлены исключительно на достижение того или иного конкретного результата, например, определенных перемен в ученике. Он давал такому ученику упражнения на некоторое время, после чего отменял или изменял их, и точно так же было и в случае движений. Он не требовал от работавших над

собой учеников, использовавших движения исключительно для этой цели, чтобы они продолжали практиковать их в течение нескольких лет. Те же, кто изъявлял желание участвовать в демонстрациях, делали это ради Работы, и в их случае упражнения были не столько частью обучения, сколько способом служения.

Конечно многие видели в этих движениях нечто сродни спектаклю. Они очень красивы и производят глубокое впечатление на психику зрителей. Однако красота в этом случае вторична, и я думаю, что Гурджиев согласился бы с высказыванием индийского мудреца: "Красота не ведет нас к Богу; красота ведет нас лишь к красоте".¹ Освобождение достигается не при помощи красивых и гармоничных движений, и Гурджиев также учил уродливым и нескладным движениям, которые помогали людям освобождаться от одержимости собственной внешностью. Было странно видеть, как во время обучения женщины не хотели корчить гримасы и выполнять уродливые движения, несмотря на понимание того, что они работают над движениями ради собственного развития, а не для того чтобы вызывать восторг у зрителей.

В рамках работы по обучению кандидатов в посвященные Гурджиев использовал различные методы для людей разных типов и полов. Он постоянно отслеживал людей, которые бы потенциально могли излагать его идеи. Хотя он и не отвергал людей с небольшим потенциалом, их обучение в основном строилось по общим принципам, тогда как люди с большими возможностями испытывали на себе все необычайные возможности Гурджиева в полную силу.

Методы обучения мужчин явным образом отличались от методов обучения женщин. В Рассказах Вельзевула Гурджиев отводит женщинам пассивную роль, в противоположность свойственной мужчинам активной роли. Мужчин, не исполняющих своей роли, равно как и женщин, пытающихся исполнять мужскую, он относил к третьему полу, практически бесперспективному с точки зрения трансформации. Все это весьма прозрачно описано в главе "Россия" Рассказов Вельзевула. Такое на первый взгляд пренебрежительное отношение к женщинам создало много проблем для современных людей, старающихся не замечать этого различия. И тем не менее многие женщины были не только преданными, но и очень успешными ученицами Гурджиева и возможно даже достигли большего, чем основная часть мужчин. Основное же различие состоит в форме возможных взаимоотношений между учителем-мужчиной и учеником-мужчиной в сравнении со взаимоотношениями между учителем-мужчиной и ученицей-женщиной.

¹ См. Дж. Г. Беннетт, Долгое паломничество (готовится к изданию на русском языке) и Элементарная систематика, или наука понимания (книга издана в 2001 г. - прим. ред.).

В Приорэ у мужчин и женщин были совершенно разные роли. В Учебном доме мужчины сидели справа, а женщины слева. По

субботам мужчины вместе с Гурджиевым отправлялись в русскую баню. Там он рассказывал многое из того, что не предназначалось для женских ушей. После бани устраивался отдельный мужской обед, за которым тосты произносились преимущественно за мужчин, в соответствии с практически общепринятыми обычаями дервишей. Лишь после аварии жизнь в Приорэ стала приобретать скорее семейный, нежели рабочий характер, и разделение мужчин и женщин было несколько изменено. Вместе с тем некоторые женщины выполняли в Приорэ исключительно важные и ответственные задачи. Мм. Успенская, которая тогда заведовала кухней, была при этом весьма действенным и строгим учителем. Мне довелось усвоить несколько незабываемых уроков всего лишь за неделю работы на кухне в качестве подконтрольного поваренка. Мм. де Гартманн играла исключительно важную роль в хозяйственной деятельности Приорэ, и я слабо представляю себе, как без нее Гурджиеву бы удалось удерживать все на плаву. Несколько позже Мм. де Зальцман стала правой рукой Гурджиева, и без ее поддержки ему вряд ли удалось бы организовать свою работу таким образом, чтобы она могла быть продолжена после его смерти. Эти три женщины играли крайне важную роль, и, тем не менее, Гурджиев настаивал, что женщине не свойственно брать на себя ответственность и принимать решения.

Тем не менее не всем женщинам удавалось войти в тесные отношения с Гурджиевым. Как я уже сказал, даже те три женщины, которые больше всех помогали ему — Мм. Успенская, Мм. де Гартманн и Мм. де Зальцман, соблюдали некоторую дистанцию между ним и собой, хотя в случае женщин все обстояло иначе, чем в случае мужчин. Гурджиев оставлял за ними свободу действий в том плане, что они могли в любой момент уехать или вернуться, и я думаю, что они без особых трудностей могли бы возобновить отношения с ним. С другими ученицами у Гурджиева были несколько иные взаимоотношения. В некоторых случаях никакого сексуального элемента не было вовсе, в других же этот элемент был весьма выраженным. Сексуальная жизнь Гурджиева поражала своей непредсказуемостью. В его жизни были периоды, когда он вел воздержанную, почти аскетическую жизнь, вообще не притрагиваясь к женщинам. Иногда же он как с цепи срывался, и нужно признать, что периоды распутства были гораздо более частыми, нежели аскетические. Временами он вступал в сексуальные взаимоотношения не только с подавляющим большинством всех женщин, подпадавших под его влияние, но также и с собственными ученицами. Немалое число учениц родило от него детей, и некоторые из них всю жизнь поддерживали тесную связь с Гурджиевым. Некоторые же были настолько близки с ним, насколько это вообще возможно, но сексуальных взаимоотношений между ними не было. В 1949 году в Париже мне довелось узнать, что часть женщин вообще склонялись к мнению, что только женщины способны по-настоящему понять Гурджиева и что только переспавшие с ним женщины были по-настоящему посвящены в Работу. По понятным причинам я не могу объективно судить об этом, но для некоторых женщин взаимоотношения с ним на почве Работы и

секса составляли неделимое целое. Для других же все было совершенно иначе. Гурджиев мог быть "всеми для всех женщин".

С начала учительского этапа своей деятельности, то есть с 1934 года, Гурджиев завязал тесные отношения с небольшой группой выдающихся женщин. Это были Жоржетт Лебланк, бывшая хозяйка Мэтрлинка; Маргарет Андерсон, одна из основательниц Бриф ревю; Кэтрин Ульм, написавшая Историю монахини и другие. Некоторое отношение к этой группе имела также Джейн Хип. В течение двух или трех лет Гурджиев проводил с этими женщинами необычный эксперимент, используя методики, приводившие их в необычное психическое состояние. Они развили свои способности гораздо быстрее, чем ученики, окружавшие Гурджиева в более ранние годы его деятельности. Все эти женщины впоследствии сумели добиться значительного успеха, в большинстве своем как писательницы. Все это я узнал из мемуаров двух или трех из этих женщин, в которых они описали свой опыт. Мне разрешили их прочесть, но не позволили процитировать. Я надеюсь, что они все-таки решатся опубликовать свои рассказы о событиях этих лет, поскольку это бы стало уникальным описанием обучающих методик Гурджиева и, в частности, использования галлюциногенов не только для модулирования психического опыта, но и для открытия скрытых каналов человеческой психики. У этих женщин сохранялись особые отношения с Гурджиевым вплоть до самой его смерти. Они всегда могли рассчитывать на особый прием, когда приходили навестить его. То же самое относилось и к английским женщинам, которые однако были гораздо более сдержанными и по всей видимости не вступали с Гурджиевым в сексуальные отношения. Я имею в виду Мисс Александер, Мисс Элионору Крауди и никогда не покидавшую Гурджиева удивительную Мисс Гордон, которая умерла в Париже добившись необычайных результатов в работе над собой. Мисс Мерстон после 1932 года отправилась в Индию и осталась при Шри Рамане Махариши в Тируваннамалае; она играла важную роль в хозяйственной деятельности Приорэ, пожалуй, вторую по значению после Мм. де Гартманн. Кроме того следует назвать Миссис Луизу Марч, приехавшую в качестве немецкой секретарши помочь с переводом Вельзевула на немецкий язык.

Помимо этих женщин, с которыми у Гурджиева были в той или иной степени особые отношения, преимущественно потому, что они были способны помочь ему в его работе, было также много учениц, которые стремились к более тесным отношениям с ним. Постоянно ходили слухи, что Гурджиев соблазнял практически всех женщин, которые к нему приходили, да и сам он подливал масла в огонь. Он зачастую говорил молодой девушке, пришедшей к нему в первый или во второй раз, что ей следует остаться после того, как все уйдут или же вернуться и постучать в его дверь; это было похоже на обещание некоего необычного опыта. Некоторые девушки пугались и не приходили. Некоторые же приходили, но были как-то не так настроены, вследствие чего Гурджиев обычно вручал им пригориню конфет и, делая вид, что не понимает цели их прихода, отсылал обратно. Однако, более здравомыслящие женщины, которые понимали, что придя к Гурджиеву получают не особую духовную поддержку, а

просто сексуальные отношения, судя по всему, действительно их получали.

Гурджиев всегда старался внушить своим ученикам, что секс следует отделять от интеллектуальной и эмоциональной жизни человека. Секс - это секс, и соответственно не только позволителен, но и необходим для нормального процесса нашего развития.' Из главы "Чистилище" Рассказов Вельзевула явным образом следует, что Гурджиев считал сексуальную энергию (экзиозхари) главным источником питания высших тел человека. При этом его учение о трансформации сексуальной энергии носит очень субъективный характер, и он специально подчеркивал, что в этом плане не существует общих правил. В некоторых случаях он считал правильным воздержание; в других — рекомендовал интенсивную сексуальную активность; в других — самоконтроль; в других — взаимную преданность мужчины и женщины с целью создания единой души. В некоторых же случаях он рекомендовал, пусть даже как временную меру, безоглядно беспорядочные сексуальные связи, чтобы избавить человека от одержимости сексом. Такое разнообразие рекомендаций по поводу секса показывает, что Гурджиев не считал правильным устанавливать какие-либо общие правила, что могло бы привести не только к неверному пониманию, но и причинить много вреда.

¹ См. Дж. Г. Беннетт, Се/с<г(книга издана в 2000 г. прим. перев.).

У Гурджиева был особый подход к каждому ученику, но все же в его взаимоотношениях с людьми можно выделить два основных типа. Сравнительно небольшое число людей он считал потенциальными независимыми источниками развития и распространения своих идей и методов, то есть потенциальными посвященными. К ним Гурджиев относился очень взыскательно, и во взаимоотношениях с такими людьми всегда наступал определенный момент, когда он вынуждал их покинуть его. Самым известным из таких людей, пожалуй, был Успенский. Он был до самого конца своей жизни предан Гурджиеву, которого считал необыкновенным человеком. Он всегда говорил, что именно Гурджиев дал ему надежду найти выход из состояния механичности и хаоса, в которое по его мнению все глубже погружался мир. У него не было сомнений в том, что Гурджиев действительно знал действенный метод, и решил посвятить всю свою жизнь его распространению. И все же через два года Гурджиев начал отдалять его от себя. Впервые они встретились в 1915 году, но начали работать вместе лишь в 1916, а к 1918 Успенский уже принял свое первое решение уйти от Гурджиева и начать самостоятельную работу. Позднее они вновь сблизились в Константинополе, и вновь стали теснейшим образом взаимодействовать. Когда же Успенский переехал в Лондон, а Гурджиев - в Берлин, их взаимоотношения казались очень многообещающими, трудно было даже представить себе, как бы они стали распространять Работу отдельно друг от друга. Бомба разорвалась в 1924 году, когда Успенский объявил нам, что разрывает все отношения с Гурджиевым. Тогда же он сказал нам, что мы должны сделать выбор и либо вернуться к Гурджиеву, либо впредь воздерживаться от контактов с ним. Поначалу могло

показаться, что это решение исходило непосредственно от Успенского, но со временем выяснилось, что все было задумано самим Гурджиевым во благо Успенского — он поставил перед Успенским препятствие, которое тому следовало преодолеть. При этом Гурджиев все устроил таким образом, чтобы тот не смог преодолеть его сразу же. Только уединившись и поняв всю подоплеку ситуации, он мог в конце концов прийти к решению вернуться. Но Успенский так никогда и не вернулся.

С 1924 по 1947 год, то есть в течение двадцати трех лет Гурджиев и Успенский ни разу не встречались, и Успенский не позволял произносить имя Гурджиева в своем присутствии. Гурджиев со своей стороны всегда пренебрежительно отзывался об Успенском и даже обвинял его в саботировании Работы с той точки зрения, что он не взял на себя письменное изложение системы в доступной для всех форме и тем самым заставил его заниматься непривычной работой писателя. Один из ближайших друзей и учеников Успенского рассказал мне о проведенном с ним вечере, в то время, когда тот уже довольно много пил. Это был конец сороковых годов, незадолго до смерти Успенского. Выпив уже немало спиртного, он вдруг сорвался и закричал: "Разве он не знает, как я люблю его? Почему он не позволяет мне вернуться? Он знает, что нужен мне, а я знаю, что нужен ему!" Этот крик отчаянья, в искренности которого я нисколько не сомневаюсь, показывает, насколько Гурджиев умел осложнять жизнь тем, на кого возлагал самые большие надежды.

Я уже писал об обстоятельствах, вынудивших Томаса де Гартманна уехать из Приорэ в 1928 году. Орэйдж, принявший грандиозное решение пожертвовать всем - бросить свою работу и полностью посвятить себя Гурджиеву в 1923 году, что он еще раз подтвердил, подписав знаменитое обязательство в 1930 году - ушел от Гурджиева в 1931 и решил посвятить себя пропаганде системы Социального Доверия Дугласа. На самом деле Гурджиев предъявил Орэйджу требование, которое бы могло помочь ему избавиться от своего главного недостатка, будь он в силах это требование выполнить. Именно неспособность Орэйджа принять нужное решение вынудила его вернуться в Лондон, где ему удалось добиться больших успехов во внешней жизни, правда не столько в плане пропаганды Социального Доверия, сколько в качестве главного литературного редактора Нью Инглиш Ушли. Однако он все-таки решил любой ценой вернуться к Гурджиеву и даже объявил друзьям об этом решении. Он провел последнюю передачу на В.В.С. и свернул свою деятельность в собственной газете и Социальном Доверии. В ту же ночь он умер от сердечного приступа. В Третьей серии Гурджиев пишет, какое колоссальное впечатление оказала на него смерть Орэйджа. Я думаю, что в этом случае Гурджиев рассчитывал на возвращение Орэйджа и не допускал возможности его преждевременной смерти.

Др. Сджернваль повсюду сопровождал Гурджиева с самого начала его работы в России. Вместе с ним он прошел через все перипетии и ужасы революции и побега с Кавказа, с ним же переезжал из Константинополя в Берлин, Брюссель, Лондон, Париж и помог ему основать свой Институт. Др. Сджернваль

был также правой рукой Гурджиева в его поездках в Америку в 1924 году. Вместе с женой они были старыми и близкими друзьями Гурджиева, но все же и в их случае Гурджиев создал ситуацию, в которой они просто не могли оставаться с ним. Они покинули Приорэ и больше никогда не возобновляли связи с Гурджиевым.

Я помню, как был потрясен случаем с двумя молодыми русскими. Ивановым и Ферапонтовым, жившими в Приорэ в 1923 году. Последний был моим инструктором по движениям, и я познакомился с ним еще раньше в Константинополе. Никто не мог и подумать, что кто-нибудь из этих двоих учеников когда-либо расстанется с Гурджиевым. Ферапонтов был его секретарем, владея английским лучше всех остальных учеников. Он же переводил основную часть лекций, и вместе с Ивановым они были главными демонстраторами движений. Несмотря на все это, им тоже пришлось уехать. Сначала они отправились в Австралию, а затем я встретил их в Афинах, где и узнал некоторые обстоятельства их отъезда. Я не стану рассказывать трагическую историю этих двух молодых людей, которые были настолько талантливыми, что должны были стать опорой Гурджиева в распространении его идей и методов. Однако они не смогли выдержать того, как Гурджиев обращался с ними; они не могли понять того, что Гурджиев не давал им понять.

Я уже писал об Александре де Зальцманне. Он оказался потрясающим сценическим дизайнером, и именно придуманное им освещение отчасти обусловило то огромное впечатление от демонстрации движений в Театре на Елисейских Полях, которое среди прочих довелось получить и мне. Де Зальцманн был необычайно одаренным человеком. Я трудился вместе с ним на лесных работах в Приорэ, и тогда казалось, что он всю жизнь был лесником, но к моему удивлению я позднее узнал, что лесом он до этого занимался всего лишь две недели вместе с Гурджиевым на Кавказе. Де Зальцманн и его жена Жанна, были для Гурджиева основной опорой в организации Института в Тифлисе, и они играли колоссальную роль в жизни Приорэ. Однако и де Зальцманну пришлось уехать. Его здоровье пошатнулось, и он умер через несколько лет в Швейцарии.

Мне трудно что-либо сказать о себе в этом смысле. Познакомившись с Гурджиевым в 1920 году, я практически сразу увидел в нем своего учителя. Когда в 1923 году я приехал в Приорэ, он явно дал мне понять, что берет меня в свои ученики, и я был тогда полностью уверен, что вся моя будущая жизнь будет тесно связана с ним. Я намеривался вернуться в Приорэ и в конце концов стать одним из его помощников. Однако, уехав из Приорэ в августе 1923 года, я вновь увидел Гурджиева лишь в августе 1948 уже в Париже, то есть ровно через двадцать пять лет. Что заставило меня уйти от Гурджиева, и как я мог не понять смысла происходившего тогда, я даже сегодня не вполне могу объяснить. Возвратившись к Гурджиеву в 1948 году, я сказал ему, что потерял лучшую часть своей жизни за эти двадцать пять лет отсутствия. Он ответил: "Нет, так было нужно. Иначе вы бы не смогли получить того, что я теперь могу дать вам. Вы не могли остаться со мной. Теперь же вы останетесь". И я действительно

оставался с ним с того времени вплоть до конца его жизни. Для меня было очень удивительно, что по прошествии двадцати пяти лет я смог снова вернуться к нему. В определенном смысле Гурджиев продолжил мое обучение с того же этапа, на котором оно прервалось после нашего предыдущего разговора на турецком в 1923 году. Опыт, полученный мной за прошедшее с тех пор время, мои успехи и неудачи сделали ситуацию совершенно иной, и все же я опять чувствовал себя ребенком, только начавшим постигать окружающий мир.

Я оказался одним из тех, кто был отослан Гурджиевым и не мог понять, почему и даже как это произошло. Однако были и другие, которые смогли остаться и стать практически частью его семьи. Они в большей степени зависели от Гурджиева, в большей степени были готовы к пассивной роли, и Гурджиев не предъявлял к ним тех же требований. Некоторые же приходили к нему в горе и всегда получали от него помощь и поддержку. Другим он позволял преподавать свои методы, движения, упражнения и работать с новыми группами, но это все происходило в годы войны, когда невозможно было что-либо планировать. Если бы он не чувствовал приближение смерти, как мне кажется, многие из приблизившихся к нему в последние годы людей также были бы отосланы.

Прежде чем закончить обсуждение учительской деятельности Гурджиева, давайте подытожим ее результаты за все эти годы. Судя по всему, он начал брать учеников с 1909 года, и наверное десятки тысяч последователей разделяли его идеи. Но не многие из них были знакомы с Гурджиевым лично, и еще меньшее число людей поддерживало с ним ту или иную личную связь. Однако людей, которые так или иначе получили от него некое личное руководство и которые считали себя его учениками, по-видимому было не меньше тысячи. Насколько я могу судить, лишь небольшому числу людей удалось благодаря методу Гурджиева выйти за обычный уровень развития и "реализовать свое бытие". И все же, хотя их и не так много, их значение колоссально, и даже если не все из них широко известны, они сегодня играют важнейшую роль в мире.

Чтобы оценить тот или иной процесс, нужно знать, какую цель он преследовал. Гурджиев хотел научить как можно больше людей методам трансформации энергии, необходимым для эволюции человечества. В этом отношении ему удалось добиться относительно скромных успехов. Кроме того в его задачи входила подготовка "посвященных", которые бы могли толковать Рассказы Вельзевула как легоминизм и открыть миру глубокий смысл этой книги, когда мир будет готов к этому. Поскольку последняя задача относится к будущему, я решил подробнее обсудить ее в последней главе.

Глава 11

ЧЕЛОВЕК

Если человек, подобно всему живому и неживому во вселенной представляет собой аппарат для трансформации энергий, то что же в нем особенного? Если мы выполняем свое космическое предназначение, то на что мы можем надеяться в личном плане? На одной из публичных лекций 1924 года в Нью Йорке, за полгода до аварии, Гурджиев сказал следующее: "Человек - как могущественно это звучит! Собственно само слово "человек" означает "венец творения": но что общего между современным человеком и этим названием? В то же время человек действительно должен быть венцом творения, поскольку в нем изначально заложена возможность обрести свойства, точно соответствующие свойствам Актуализатора Всего Сущующего во Всей Вселенной". Далее он добавил: "Чтобы обладать правом называть себя человеком, нужно быть таковым". Двести лет назад Гете написал: "man sollt streben zit werden was er Ist" - "Человек должен стремиться стать собой". Пожалуй, эта фраза лучше всего подходит для описания гурджиевского учения о человеке.

Наше заблуждение сводится в основном к тому, что мы претендуем на тот статус и привилегии, которые подобают настоящему человеку, не пошевелив при этом и пальцем, чтобы стать таковыми. Начиная с семнадцатого века, понятие "прав человека" настолько укоренилось в нашем отношении к миру, что даже последователи идей Гурджиева редко по-настоящему задумываются над выводами из ответа на вопрос о смысле нашего существования. Мы привыкли рассматривать вещи с точки зрения возможности их использования для наших собственных целей, но при этом у нас почему-то не возникает предположения о том, что и мы тоже можем быть нужны для какой-то иной цели помимо удовлетворения своих собственных желаний или самое большее своих человеческих потребностей. Мы в полной мере не применяем к себе весь смысл того факта, что благородство человека заключается только в том, кем он способен стать и что способен дать, а не в том, кем он является и чем обладает на данный момент. Одна из причин этого кроется в нашем эгоизме, но не меньшее препятствие составляет наше невежество. Мы не знаем, кем можем стать, и что можем дать. Чтобы узнать все это, необходимо понять связь между нашей человеческой природой и природой вселенной. Именно в этом нам помогает Гурджиев.

Доктрина взаимного поддержания гласит, что все существующее служит той или иной цели и что человеческая задача заключается в трансформации энергии. Если это так, то наше отношение к человеку и его судьбе должно быть коренным образом изменено. Мы больше не можем считать себя вольными делать с Землей все, что нам заблагорассудится, конечно, не нанося при этом вреда другим людям и не ставя под угрозу их будущее. К сожалению именно такой позиции придерживаются сегодня соответствующие организации. Причем с доктриной взаимного поддержания не согласуются не только представления современных нерелигиозных людей. Западные религии, которые мы причисляем к Иудейско-Христианской традиции, учат, что "мир создан для человека" (а "человек создан для Бога"). Принято считать, что восточные представления о том, что для человека

само существование на Земле является неестественным состоянием и что он может высвободиться из него, не согласуются с идеей того, что человек служит некой цели и должен выполнить свою задачу вне зависимости от своего желания. Однако противоречие есть только в том случае, если мы считаем "существование" единственной реальностью. Буддийская нирвана смущает тех, кто не может понять, что существование является ограниченным состоянием из которого мы можем выбраться. Слова Гурджиева о том, что мы должны "оплатить долг своего существования" вполне согласуются с идеей того, что, оплатив этот долг, мы тем самым можем уйти от ограничений существования. Настоящие же несоответствия возникают, если отождествлять существование с реальностью и считать, что уже благодаря одному только факту своего существования человек занимает определенное место в реальном мире. На этих же позициях основываются гуманистические представления о "праве" человека на безмятежную и счастливую жизнь. В итоге, все упирается в то, что именно следует понимать под долгом существования.

С тех пор, как отношение людей к жизни стало основываться в большей степени на правах, чем на обязанностях, мы потеряли представление о смысле и предназначении собственного существования. По утверждению Гурджиева в предыдущую эпоху все обстояло иначе. Он говорит, что в определенный период истории, а именно во времена Шумерской цивилизации, люди знали, что цель жизни заключается не в удовлетворении собственных желаний, а в выполнении космической задачи.

Все учение Гурджиева и его собственная жизнь противоречат самым дорогим для современного человека представлениям. К примеру, мы верим в безграничный материальный прогресс, подстегиваемый правом человека властвовать над природой и все в большей степени влиять на мир, в котором мы живем. В последнее время эти представления даже перестали ограничиваться нашей планетой, и люди всерьез подумывают о колонизации других планет и даже заселении далеких галактик. Все это порождается глубоко укоренившимися в нас представлениями. Даже если отбросить все явные преувеличения, все равно ничем нельзя оправдать игнорирование человеком всех форм нечеловеческого существования, так же как и то, что мы рассматриваем все свои обязательства исключительно с антропоморфной позиции. Как это ни прискорбно, человек действительно создал Бога по своему собственному подобию и приписывает ему те же самые требования, которые мы, люди, предъявляем к миру. Трудно даже представить себе, насколько мы ограничены своим антропоцентрическим миром. Нас не привело в сознание даже открытие современной наукой миров, абсолютно недоступных нашим органам чувств. Эти миры либо слишком малы, либо слишком огромны, либо их существование определяется периодами времени, настолько превосходящими продолжительность жизни человека, что мы просто исчезаем на их фоне. Кажется, что вселенная навсегда останется недоступной для нашего

непосредственного восприятия. Человек остается заточенным в собственноручно созданном и им же самим выдуманном мире, и все старания Гурджиева показать абсурдность такого подхода, по большей части наталкивались на стену непонимания.

Люди обращаются к учению Гурджиева как правило потому, что осознают неадекватность других систем или идей, а также потому, что их не устраивает жизнь, которую они ведут. Они охотно принимают некоторые основные положения, в том числе то, что человек "спит", что он не знает себя, что у него нет "Я" и "воли". В лучшем случае, они понимают, что, работая над собой, может быть и можно исправить эти недостатки нашей природы. Но если понимание смысла трансформации на этом заканчивается, то человек все равно остается замкнутым в кругу эгоцентрических концепций. Для того чтобы сделать следующий шаг вперед, нужно спросить себя, действительно ли мы готовы принять доктрину взаимного поддержания, поскольку она подрывает представление о том, что мир создан для человека и напротив утверждает, что человек создан для служения миру. При этом следует понимать, что в рамках трюгаавто-эгократа мы служим не Богу, а окружающему нас миру.

Я решил начать главу с обсуждения этого обстоятельства, поскольку для понимания всей важности учения Гурджиева необходимо иметь в виду, что он не просто предлагает новую систему самосовершенствования, улучшения своей жизни и исправления недостатков нашей природы. Он предлагает совершенно новое мировоззрение и новое понимание цели и предназначения человеческого существования.

Краткое описание человеческой ситуации Успенский приводит в своей небольшой работе Психология возможной для человека эволюции. Он показывает в этой книге, как можно легко убедиться в том, что мы не сознательны в общепринятом понимании этого слова. Основную часть своей жизни мы проживаем в состоянии автоматических движений и "мышления" без какой-либо инициативы или даже осведомленности о происходящем. На Западе мы считаем себя вечными индивидуумами; мы приняли аргумент Декарта: "Я мыслю и значит существую". Хотя он уже давно был опровергнут Юмом и другими скептиками, Гурджиев делает его отправной точкой нового понимания. Поддерживая мнение скептиков о том, что у человека нет "Я", он в то же время показывает, что можно до некоторой степени изменить свойства постоянно сменяющих друг друга "я" в нашей осведомленности, поняв, что они находятся в состоянии рабства, и начать работу по собственному освобождению. Многие из этих идей, казавшихся революционными, когда Гурджиев впервые изложил их в 1921 году, сегодня подтверждаются исследованиями бихе-виористов и заявляются в качестве новых открытий. Вывод, к которому пришел Успенский в результате своих изысканий, заключается в том, что человек очень редко может что-либо решать самостоятельно, в силу:

- 1. своей неспособности действовать по собственной сознательной инициативе.**
- 2. своей порабощенности ранее сформировавшимися привычками.**
- 3. той степени, в которой он подвержен влиянию внешнего мира, и**
- 4. неизменных свойств своей природы.**

Сегодня практически все признают, что человек осознает только часть себя, тогда как чрезвычайно важный процесс, сопряженный с его природой, протекает вне его сознательной осведомленности. Доктрина "бессознательного", введенная Гартаманном и ставшая краеугольным камнем психологии Фрейда, сегодня уже получила статус вполне ортодоксальной, хотя, как это ни странно, природа бессознательного понимается сегодня так же мало, как и сто лет назад. Поэтому, несмотря на то, что отношение Гурджиева к человеку неприемлемо для современной психологии, многих людей сегодня привлекают его идеи и методики. Следует однако иметь в виду, что это всего лишь надводная часть айсберга. Как только заканчивается анализ человеческих недостатков и демонстрация методов борьбы с ними, мы вторгаемся в абсолютно чуждую современной психологии сферу.

Под гармоничным развитием человека Гурджиев подразумевает удивительный процесс, в результате которого человек получает возможность освободиться от ограничений обычной природы человека, входить в различные состояния сознания, открывать новые горизонты понимания и уходить от ограничений нашего земного существования. В качестве наиболее удобной трактовки гурджиевской концепции развития человека наверное следует назвать предложенное им же деление человеческой природы на семь категорий. У человека есть мыслительная, чувственная и инстинктивная природы, которые у разных людей выражены не в одинаковой степени. У большинства людей преобладающее положение занимает физическое тело, инстинкты, физические привычки и секс. Людей, у которых преобладает физическое тело, Гурджиев называет людьми №1. При этом люди №1 совсем не обязательно относятся к тем, кого мы обычно называем людьми "физического типа". Такой человек может быть довольно умным, интересующимся различными идеями, но если пристально пронаблюдать его поведение, то оказывается, что оно в основном диктуется материальными предпосылками. Он не воспринимает чувства других людей, да и по отношению к себе не испытывает практически никаких чувств. Может показаться, что он выносит разумные суждения, но на поверку оказывается, что они основываются скорее на количестве, чем на качестве и скорее на видимом и осязаемом, чем на осознанном отношении к фундаментальным ценностям.

Кроме того есть много людей, в жизни которых преобладают чувства, хотя таких людей и гораздо меньше, чем

относящихся к первой категории. Для них эмоциональное состояние значительно важнее физического и умственного. Людей этой категории Гурджиев называет людьми №2. Для человека №2 характерны сильные чувства; вне зависимости от степени развития его физического тела, чувства в его жизни занимают доминирующее положение. В своем крайнем проявлении человек №2 эмоционально экзальтирован. Его симпатии и антипатии выражены чрезвычайно ярко, иногда бывает трудно понять, чем он восторгается, а надежды и страхи не связаны с фактической стороной мира. Однако не все люди №2 чрезмерно эмоциональны; главная отличительная черта этой категории заключается в том, что такие люди больше доверяют чувствам, чем материальным предпосылкам или абстрактным идеям. Человек №2 может любить деньги и вещи, но в его случае они служат скорее для удовлетворения самолюбия, чем материального благополучия. Такой человек может разделять чувства других, но только в том случае, если он сам имеет к ним то или иное отношение. Хотя люди второй категории и восприимчивее людей первой категории, они вместе с тем как правило и более эгоцентричны.

В людях третьей категории, то есть людях №3, преобладает мыслительная сторона. Они живут теорией или же оценивают все с позиции "да" или "нет", согласия или несогласия. Это люди логического типа, у которых ум преобладает над телом и чувствами. Такие люди составляют наименьшую группу, и их можно узнать по таким характерным особенностям, как, например, отсутствие чувств или инстинктов, тенденция абстрагироваться и стремление решать проблемы в основном при помощи слов, а не действий. По словам Гурджиева, в своей жизни мы видим вокруг себя почти исключительно людей этих трех категорий. Он называет их "современными людьми или людьми-машинами". Пока между этими тремя сторонами человеческой природой не установлено равновесие, дальнейшее сбалансированное развитие остается невозможным.

Для человека №4 напротив характерно равновесие между физическим телом, чувствами и мышлением; хотя главная его особенность заключается в наличии "постоянного центра тяжести". Другими словами, у него прочно и окончательно сформировано отношение к жизни, и есть система ценностей, которую он считает настолько обоснованной, что живет в соответствии с ней. Эта система ценностей должна так или иначе включать в себя двойную обязанность: служить космической цели и реализовывать свою судьбу. Устами Ашиаты Шиемаши (см. главу 3) в пяти фразах Гурджиев сформулировал принципы, которых должен придерживаться каждый, кто стремится быть настоящим человеком. Эти принципы вытекают из решения выполнить свое предназначение на Земле. Это в свою очередь наделяет человека №4 решимостью, которой нет у людей первых трех категорий. Человек №4 уже сделал первый шаг на пути к преодолению собственного эгоизма. Он знает, куда должен лежать его путь, и готов принести необходимые жертвы, чтобы достичь своей цели.

Следующая стадия, которую олицетворяет человек №5, уже выходит за рамки существования. На этом этапе возникают трудности с адекватным выражением гурджиевского учения при помощи слов. Согласно общепринятым представлениям, человека №4 - это и есть идеал человека. Человек №4 уравновешен, он выносит здравые суждения, придерживается верной и неизменной системы ценностей; он знает, что должен делать в этой жизни и полностью посвящает себя этому. Он знает, что необходимо чем-то жертвовать, и готов к этому. Обычно под понятием "хороший человек" мы подразумеваем именно такого человека, и мы не требуем от него ничего большего, кроме как продолжать в том же духе. Однако по словам Гурджиева, у человека №4 еще нет ничего, что бы выходило за рамки жизни. Гурджиев говорит о скрытой внутренней трансформации человека, в результате которой человек переходит на новый уровень бытия, уже не подверженный ограничениям существования, и таким образом оставляет позади определенный порог. Тогда у него появляется второе тело, которое, хотя и отличается от физического, тем не менее сформировано из существующих элементов. Для обозначения этого второго тела в третьей главе Рассказов Вельзевула Гурджиев вводит термин кесджан, то есть "вместилище души". Во многом это то же самое, что и астральное тело теософов, за исключением того, что у людей №1, №2, №3 и даже №4 оно присутствует лишь в зачаточном состоянии.

В этом как раз и заключается одна из основных отличительных черт антропологии Гурджиева: человек изначально не обладает бессмертной душой, хотя и не является при этом бездушным механизмом. Он представляет собой естественное существо со сверхъестественным потенциалом. В него заложено зерно бессмертия, но никто не может гарантировать, что оно прорастет. На первой стадии формируется тело кесджан, что происходит согласно законам существующего мира, но независимо от его ограничений, в частности от ограничений пространства и времени. Перейдя на этот новый уровень, человек начинает отличаться от обычных людей. Человек №5 живет в равновесии относительно материального и духовного миров. У него есть два тела, причем тело кесджан способно обрести "объективный разум". Тем не менее до этого он остается подверженным ограничениям своей человеческой природы. Он достиг того, что естественно и правильно для человека. Далее же следует трансформация, превосходящая его собственную индивидуальность.

Человек №6 - это наверное то же самое, что и бодхисаттва в Махаяна Буддизме, или великие святые и вадис в Христианстве и Исламе соответственно'. Такой человек больше не заботится о собственном благополучии и посвящает себя спасению всех существ. То, что можно сказать о человеке №6, основываясь на нашем обычном опыте, может привести к неверному пониманию. Главное, что человек №6 уже не привязан к существующему миру. Он освобожден от ограничений существования. На это указывают слова, приписываемые пророку Мухаммаду: муту каб-лен теннуту, или "умрите, прежде чем умереть". Смысл этих слов непонятен, если по меньшей мере не имеешь опыта освобождения

от ограничений существования. Таким образом мы приходим к тому пункту учения Гурджиева, далее которого мы не можем представить себе развитие человека даже мысленно. У человека №6 есть "тело высшего бытия". Оно является оплотом объективного разума, основы бессмертия. Человек №6 пережил смерть и воскрес трансцендентальным образом.

Человек №7, достигший окончательного освобождения, уже не подвержен никаким ограничениям, даже ограничению собственной индивидуальности. Здесь мы сталкиваемся с еще одной трудностью. Наше мышление не может не проводить различий между единственным и множественным числом, между одним и многим. Мы не можем представить себе такое положение вещей, в котором числа перестают иметь какое бы то ни было значение и в котором уже бессмысленно что-либо считать, поскольку невозможно проводить какие-либо различия. Причем это всего лишь одна из особенностей положения человека №7. Таким образом, мы вынуждены воспринимать все это как почти абстрактную схему, хотя и очень важную, поскольку в ней Гурджиев показывает, что пошел гораздо дальше религиозных и теософских представлений о развитии человека и мистическом союзе.

Я всегда поражаюсь этой схеме семи категорий людей. Когда я впервые присутствовал на лекции по учению Гурджиева в 1920 году, Успенский взял лист бумаги в нашей квартире в Константинополе и нарисовал диаграмму, изобразив три градации человека параллельно друг другу, затем расположил четвертую на том же уровне, то есть все еще в рамках ограничений существования. Я тогда в полной мере не понял смысла вертикальной линии, направленной в сторону людей №5, 6 и 7. Для меня было особенно интересно вернуться к этой диаграмме по прошествии более чем пятидесяти лет и посмотреть уже в другой перспективе на то, что мне было показано тогда, когда я только собирался познакомиться с Гурджиевым.

Важно иметь в виду то, как Гурджиев трактует вопрос о душе. Рассказывая о встрече мудрых людей в Вавилоне за пять веков до Христа, Гурджиев высмеивает полемику о душе и показывает, насколько бессмысленно обсуждать этот вопрос с позиции нашего обычного опыта. Возможность формирования души связана с наличием у человека определенной комбинации энергий, которые, хотя и находятся в дезорганизованном состоянии, тем не менее, несут в себе весь потенциал его опыта.¹ Эти вещества могут быть приведены в организованное состояние, в результате чего трансформируются в тело кесджап, вместилще души. Обычный человек, в котором эти вещества не "кристаллизованы", не бессмертен, хотя в нем и есть некий чувствительный элемент, способный пережить смерть физического тела. У этой чувствительной массы нет постоянной формы, и она в конце концов рассасывается. Человек становится бессмертным, только когда уже создал, или сформировал, в себе полноценную душу. При этом его бессмертие не сопряжено с существованием, поскольку основывается на объективном разуме.²

По-другому цель развития человека можно сформулировать как единение с Богом. Эта концепция очень близка к тому, что в Христианстве называется блаженным видением. Сюда же относится ряд очень важных представлений о человеке и его судьбе, которые распространены среди южных суфиев (см. главу 2) и в несколько модифицированной форме присутствуют в христианском мистицизме. Северные же суфии считают единение с Богом, Тохид, либо неадекватным выражением, либо очередной, но не конечной стадией на пути развития. Настоящей же целью северные суфии, как и Буддисты, считают освобождение от ограничений существования. Вопрос в том, придерживался ли сам Гурджиев доктрины итлак, или "освобождения", которую, как я думаю, Хасан Шушуд совершенно справедливо приписывает Ходжагану и Учителям Мудрости. Это очень важный вопрос, ответить на который можно, лишь очень пристально изучив гурджиевское учение о человеке.

¹ Этот комплекс энергий названный Дж. Г. Беннеттом в *Драматической Вселенной* веществом души, вовлекается в человеческую тотальность в момент зачатия и служит основанием для последующего формирования души. Подробнее см. 3 Том *Драматической Вселенной* и *Духовную психологию*, изданную в 2000 г. (прим. ред.).

² Беннет различает ум - автоматический, чувствительный и сознательный, и высшие Пе хо-нальный и Объективный разумы. Последние опираются на комплексы энергий, включающих Е3 и Е2 соответственно, что выводит их за рамки существования, или обусловленного мира. Подробнее см. *Драматическая Вселенная*, Том 3 и *Духовную психологию* (прим. ред.).

Итак, мы с вами уже обсудили упрощенную трактовку опыта человека с точки зрения трех его составляющих - мыслительной, чувственной и инстинктивной. Гурджиев связывает их с тремя центрами, имеющими анатомическое представление, то есть связанными с различными элементами нервной системы человека. Это более или менее очевидно, и впервые услышав эту концепцию, мы провели много экспериментов и наблюдений, чтобы подтвердить ее достоверность. Гурджиев однако усложнил нам задачу, проведя различие между двигательным и инстинктивным центром к прибавив еще сексуальный центр, так что всего получилось пять. Затем к этим пяти центрам прибавилось еще два - высший эмоциональный и высший интеллектуальный. Таким образом всего получилось семь центров. Гурджиев часто использовал в этой связи специальную диаграмму, на которой был изображен человек, состоявший из трех частей и напоминавший трехэтажный завод. В *Рассказах Вельзевула* все было несколько изменено, и в отношении человека там практически везде используется термин "трехмозговое существо". Обладание тремя мозгами выделяет человека среди всех остальных форм жизни, делая его Суцностный паттерн подобным структуре всей вселенной. Именно в этом и состоит смысл эпизода, который я привел в начале главы: человек способен "обрести свойства, точно соответствующие свойствам Актуализатора Всего Существующего во Всей Вселенной", поскольку может стать

независимой и самодостаточной волей, освободив свои три мозга от внешних влияний. Вообще потенциальность играет центральную роль в Рассказах Вельзевула, но само это понятие Гурджиев подробно не развивает и не объясняет. Вследствие этого многие путают психологическую концепцию человека как существа с тремя, четырьмя, пятью или семью мозгами с космологической трактовкой человека как существа, построенного в соответствии с Законом Трех.

Все это вновь возвращает нас к вопросу Гурджиева и ответу, который обсуждался в предыдущей главе. Поскольку человек сам может быть носителем согласующей силы, то принято говорить, что он создан по образу Божьему. От способен олицетворять собой принцип функционирования космоса, посредством которого духовный и материальный мир приводятся к гармонии друг с другом и достигается божественная цепь. Утверждающая, или положительная, сила локализуется в голове человека, то есть в его мозге. Отрицающая, или негативная, сила свойственна телу человека, его сенсорно-двигательной функции. Третья, или согласующая, сила присуща его эмоциональной природе, рассредоточенной в различных центрах в области груди. Эта концепция, согласно которой эмоциональная природа человека рассредоточена по некоторому числу точек имеет психологическое значение, однако не менее важно понимать, что Гурджиев таким образом показывает, что согласующая сила входит в отдельные центры и действует через них. Это универсальная духовная сила, как можно понять из доктрины Великого Духа или же христианской концепции Святого Духа как универсальной любви, которая объединяет Отца и Сына,¹ а Единый Бог объединяется со своим творением. Так или иначе, даже поверхностное понимание гурджиевской трактовки Закона Семи проливает неожиданный свет на теологическую доктрину Святой Троицы. Гурджиев явно имел это в виду, поскольку называл первичную эманацию Первоисточника Теомертмалогосом, или Богом Мира. Соответствующие эпизоды часто приводятся в качестве подтверждения гностических источников идей Гурджиева, но Гностицизм не предусматривает неопределенности действия законов, которая занимает очень важное место в учении Гурджиева. Если Гурджиев действительно обнаружил нечто, неизвестное научно-философскому миру, то наверное это связано с загадочным Ессейским Братством, которое по его словам ему повелось посетить в 1890-ых годах.

Нужно признать, что описание Гурджиевым человека как трехмозгового существа и его психологическое учение о центрах несколько спутаны. Эта путаница до некоторой степени была преднамеренно создана Гурджиевым, поскольку он как правило сначала высказывал идеи в незавершенной форме, а затем постепенно изменял их, пока ученики не были готовы воспринять идею в ее полноценной форме, которая бы в противном случае поставила их в тупик. Возможно именно по этой причине комментаторам не удалось понять весь смысл термина "трехмозговое существо" в Рассказах Вельзевула.

Теперь нам предстоит обсудить переход от концепции трехмозгово-го существа к понятию четырех частей человека. В последней главе Рассказов Вельзевула, "От автора", человек сравнивается с экипажем, в кагором повозка олицетворяет собой физическое тело человека, лошадь - его чувства, а возница - ум. Пассажир же — подлинный хозяин и владелец экипажа, олицетворяет "Я". Гурджиев неоднократно утверждает, что у человека нет "Я" и "воли". В этой же самой главе он нагляднейшим образом показывает, что у человека нет "предполагаемой воли". Часто это оказывается почвой для непонимания. Нужно понимать, что четвертая часть человека, его "Я", как раз и является его настоящей "волей", но по причине пагубного образования, человек переходит в зрелый возраст без собственной "воли", или, другими словами, без собственного "Я". При этом место "воли" и способ, при помощи которого человек может развить свою "волю", очень редко обсуждаются как на страницах книг самого Гурджиева, так и в книгах о Гурджиеве, несмотря на то, что в многочисленных проспектах Института всегда упоминалось развитие воли. Сам же метод остается завуалированным.

¹ По католическим понятиям Святой Дух исходит как от Отца, так и от Сына, тогда как в Православии принято считать, что Святой Дух исходит только от Отца (прим. перев.).

Гурджиев всегда ясно давал понять, что обладание собственной волей является признаком настоящего человека. Соответственно и развитие человека должно не ограничиваться знанием и бытием, а строиться по принципу трех элементов - знания, бытия и воли. Неспособность понять это была одной из причин, по которым практическое применение методик Гурджиева не всегда приводило к тем результатам, на которые надеялись ученики. Люди не верили в возможность обретения "воли", или собственного "Я" в полном смысле этого слова, и не выполняли нацеленную на это работу с должной настойчивостью и интенсивностью. Внимательно прочитав все эпизоды из Рассказов Вельзевула, связанные с Вездесущим Окиданокхом, вы убедитесь в том, насколько глубоким и удивительным было понимание Гурджиевым "воли". Как я постарался показать в восьмой главе, это понимание стало одним из решающих этапов в поиске ответа на вопрос о смысле и значении жизни на Земле. На одной из лекций в Приорэ Гурджиева спросили: "Так что, ни у кого нет воли?" Он ответил: "У кого есть воля, у того есть, но вы не понимаете, что это значит. Сначала поймите, что у вас нет воли, и тогда вы сможете спрашивать с позиции знания, а не невежества, как вы это делаете сегодня". Он особо подчеркивал, что обрести собственное "Я" и свободную "волю" — это великое достижение, и это может оказаться недостижимым даже для тех, кто искренне этого желает.

Сегодня многие люди стали скептически относиться к предполагаемым перспективам человеческого развития. Если человек действительно содержит в себе зерно бессмертной души, и если ему уготована сознательная роль в эволюции мира, то почему же он сегодня все еще так далек от всего этого? Почему

тогда, следуя по пути самосовершенствования, мы терпим неудачу за неудачей? Оглядываясь назад, мы видим, что людям очень редко удавалось достичь того, что считается закономерным уделом человека. Все это вплотную связано с вопросом, более двадцати пяти веков терзавшим человечество: Как согласовать веру в любовь Божью с очевидными фактами страданий, грехопадений, болезней и разочарований. Этот вопрос не возникал до тех пор, пока во времена великих изменений, начавшихся за пять столетий до прихода Христа, не была провозглашена космическая справедливость и пока не появилась вера в то, что божественные силы благонамеренны, милостивы и полны любви к миру. До того времени было принято считать высшие силы амбициозными и безразличными к страданиям людей. Именно амбициозными, безразличными и даже враждебными по отношению к человеку. Поэтому ни у кого не вызывало удивления, что человек испытывает нужду и страдания, и что ни его личное благополучие, ни благополучие его потомков не могут быть гарантированы. Все это считалось в порядке вещей.

Очень просто отмахнуться от этого вопроса, отрицая существование какой бы то ни было цели и считая человека самодостаточным. Таким образом получилось бы, что человек страдает исключительно по причине своей собственной незрелости и своих же ошибок. Учась не повторять эти ошибки, человечество способствует своей неограниченной эволюции в направлении более благополучного образа жизни. В этом состоит суть гуманистического понимания человека, которое начало свое победное шествие в последние несколько веков и до сих пор захватывает все большие территории у религиозного теистического мировоззрения. Гурджиев же предлагает совершенно иную концепцию. Согласно ми тјју, который он развивает в Рассказах Вельзевула, в определенный период истории Земли высшие силы почувствовали, что на планете сложилась весьма нежелательная и даже опасная ситуация, угрожавшая равновесию всей солнечной системы и в частности эволюции луны. В связи с этим высшие силы вмешались и вживили в физическую природу человека орган, который было решено расположить у основания позвоночника. Этот орган, который Гурджиев называет "органом кундабуффер" воспрепятствовал людям увидеть реальное положение вещей и вынудил их основать свою систему ценностей исключительно на удовлетворении своих желаний и поиске счастья. В результате вживления этого органа эволюция человека приостановилась, что привело его к беззаботному животному существованию.

Гурджиев упоминал об органе кундабуффер в своих беседах и лекциях задолго до написания Рассказов Вельзевула, и вне всяких сомнений хотел, чтобы его историческое появление и исчезновение воспринимали буквально. В этом феномене нет ничего сверхъестественного или оккультного. Всем хорошо известно, что фронтальная лоботомия¹ уничтожает практически все неприятные эмоции, тогда как способность радоваться при этом может и не исчезать. Уже на довольно ранних этапах развития для человека было характерно довольно прямое положение тела, как и для современного человека. Однако среди древних предков

человека были в частности и неандертальцы, спина которых имела изогнутую форму, а голова занимала по отношению к ней несколько иное положение. Неандертальцы могли наслаждаться жизнью, но не умели говорить, так как это делаем мы сегодня. Около тридцати пяти тысяч лет назад неандертальцев неожиданно вытеснили оригнацийцы и другие предшественники современного человека. Все это прекрасно согласуется с тем, что пишет Гурджиев в десятой главе Рассказов Вельзевула. По словам Гурджиева возникла необходимость приостановить эволюцию человека до последнего Ледникового Периода. Он утверждает, что это было связано с развитием луны, а также состоянием солнечной системы, начиная со ста тысяч и заканчивая семьдесятю тысячами лет назад, когда в действительности и появились неандертальцы. Переход к современному человеку с его речевыми и творческими способностями начался около тридцати пяти тысяч лет назад и полностью завершился к концу последнего Ледникового Периода, то есть около двенадцати тысяч лет назад.² Все это вполне согласуется с рассказом Гурджиева.

Вроде бы пока не было обнаружено никаких непосредственных подтверждений вмешательства высших сил, но мы бы и не смогли обнаружить их при помощи тех средств, которыми располагаем на данный момент. В связи с этим Гурджиевское видение ситуации ничем не уступает любому другому. В то же время остается фактом то, что в течение почти ста тысяч лет эволюция человека стояла на месте, после чего взрывооб-разно начался новый ее этап тридцать-сорок тысяч лет назад. По словам Гурджиева это было нужно, чтобы гарантировать трансформацию необходимых энергий. Такое положение вещей сохранялось до тех пор, пока не миновала опасность прекращения трансформации человеком этих энергий. Тогда орган был удален, и эволюция человека продолжилась своим чередом. Тем не менее была допущена ошибка. Ответственные за всю эту операцию не предусмотрели, что в ходе этого длительного периода существования с личным удовлетворением в качестве основной ценности, человек вырабатывает набор привычек, которые будут передаваться из поколения в поколение. Набор этих привычек Гурджиев называет предрасположенностью к свойствам органа кундабуффер. Из всего этого следует, что, хотя человек и способен пройти весь путь своего развития от человека №1, 2 и 3 до человека №5, 6 и 7, ему постоянно препятствует неспособность видеть реальное положение вещей. Положение человека выражено легоминизмом "Ужас ситуации", приписанным в Рассказах Вельзевула Ашиате Шиемашу. Для того чтобы реализовать свое предназначение человек должен жить сознательно, но его сознательность поглощена бессознательностью и, опираясь на свой обычный сознательный ум, он продолжает жить, как если бы находился под действием органа кундабуффер. Все это сводится к тому же, о чем говорилось в начале главы, то есть к тому, что человек живет своими правами, в частности правом на поиск счастья, забывая при этом о своих обязанностях, в частности об оплате долга за свое существование. В качестве результатов действия органа кундабуффер Гурджиев называет разные проявления эгоизма, самолюбия, тщеславия, самомнения, самонадеянности и всего

того, что мы называем основными недостатками характера и всегда считали недостойным человека. Несмотря на это, мы продолжаем жить под властью своего эгоизма и других проявлений органа кундабуффер.

¹ ампутация лобной доли головного мозга - операция, также известная как лишение человека личности или превращение человека в "живой овощ" (прим. перев.).

² Подробнее обо всем этом см. Дж. Г. Беннетт, *Драматическая Вселенная*, Том 4 (прим. ред.).

Человек был наделен сознанием, и поскольку его истинная судьба заключается в достижении полноценного бытия, что-то в нас протестует против жизни, ограниченной влиянием органа кундабуффер. Еще в самом начале своих бесед с внуком (глава 16, "Время") Вельзевул объясняет ему, что во вселенной есть два принципа, определяющих продолжительность жизни. Первый называется фуласнитамнианским и вообще говоря свойственен человеку, хотя достижим для него лишь как результат развития воли через сознательный труд и преднамеренные страдания. Те, кто делает это, формируют в себе "второе бытие-тело кесджан", благодаря которому после завершения его формирования обретением объективного разума, они получают возможность непосредственно воспринимать космическую реальность. Другой же принцип, гтюкла/юз, является следствием разделения воли на противоположные стремления. Человек, ведущий такую жизнь, подвластен симпатиям и антипатиям и сменяющим друг друга пассивным и активным состояниям. Такое состояние является нормальным для низших уровней творения и животных, но неприемлемо для человека. Хотя так жить проще, и такая жизнь не требует особых усилий, такие люди оторваны от сознательности, и, если это не потерянные души, то они испытывают определенное беспокойство. Наверное все ощущают, что жизнь не такая, какой должна быть в действительности, и всегда есть люди, которых не устраивает эта ситуация, и они стараются найти из нее выход. Гурджиев называет это развитием "магнетического центра". Он работает противоположно органу кундабуффер вызывая состояние неудовлетворенности жизнью ради одного лишь удовольствия и побуждая найти путь из воображаемой жизни в реальную.

Концепция, согласно которой на определенном этапе эволюция человека была преднамеренно приостановлена, а затем возможность этой эволюции появилась снова, объясняет многие абсурдные аспекты нашей теперешней ситуации. Тем не менее многих смущает утверждение Гурджиева, что обязанность трансформировать энергии была возложена на человечество потому, что это необходимо для эволюции луны. Гурджиев несомненно был убежден в существовании определенной связи между луной и неудовлетворительными условиями существования на Земле. В Рассказах Вельзевула об этой связи свидетельствует вмешательство Архангела Луизоса, который во избежание неприятностей решил вживить людям орган кундабуффер. Неоднократно Гурджиев напрямую называет луну врагом

человечества. Некоторые люди смеются над утверждением Гурджиева, что мы служим "пищей для луны", как если бы он говорил нечто совершенно абсурдное. Так или иначе в этом утверждении есть нечто странное. Орэйдж просто объясняет, что луну следует понимать в психологическом смысле, однако в этом случае она была бы просто синонимом органа кундабуффер, и не было бы никакой необходимости вводить еще одно аналогичное понятие.

Гурджиев безусловно откуда-то узнал, что судьба человечества связана с луной. Понятно, что в гурджиевской трактовке судьбы человека вся эта концепция играет ключевую роль. Мы должны волей-неволей производить требующуюся тонкую энергию. Мы можем делать это добровольно или же не добровольно, в результате сознательного труда и преднамеренных страданий или же в результате смерти. В первом случае это фуласнитамнианский, а во втором итокланозский образ жизни. При этом Гурджиев утверждает, что высвобождение этой энергии в процессе умирания происходит у всех живых существ, а не только у человека. Разница же между человеком и животными заключается в том, что человек способен высвободить ее, благодаря собственному сознательному решению, и одновременно с ней уже для его собственных целей высвобождаются также два сопряженных вещества, необходимых для развития двух "тел высшего бытия" человека.

Таким образом, мы снова возвращаемся к доктрине тел высшего бытия, а также значению высших центров и объективного разума. Согласно учению Гурджиева человек способен развить три тела. Во-первых, свое физическое тело, развивающееся естественным образом; во-вторых, тело кесджап, развивающееся посредством собственного же сознательного труда; и, наконец, тело высшего бытия, которое называется телом души и развивается посредством преднамеренных страданий. Объективный разум не может войти в физическое тело человека. Обычные центры, то есть мыслительный центр, центр чувств, инстинктивный и двигательный центры, не могут быть инструментами объективного разума. Человек может начать обретать его, только когда его второе тело уже сформировано, хотя и не обязательно доведено до совершенства. Третье тело делает для человека доступным еще более высокий уровень объективного разума, при помощи которого он может понимать великий космический процесс и участвовать в нем.

Подобные представления о высших телах можно обнаружить также в буддийских и тантрических учениях Индии и Тибета, а также в суфийских доктринах Центральной Азии. В связи с этим, похоже, что эту часть своей системы Гурджиев разработал, опираясь на знания, полученные в восточном Туркестане, Афганистане, на Тибете и возможно также в Индии. Наверное многим известно теософское учение о том, что у человека есть нескольких тел. Считается, что они изначально присутствуют в нем как часть его природы, но пребывают в бездействии, пока человек не разовьет их при помощи определенных упражнений. Гурджиев же утверждает, что

человек лишь потенциально способен обрести эти тела, и эта потенциальность актуализируется только в ходе их развития посредством работы человека над собой. На самом деле между этими двумя подходами, которые могут на первый взгляд показаться противоречащими друг другу, нет большой разницы, и если мы говорим о возможности развития высших тел в человеке, то под этой возможностью вполне может подразумеваться определенный набор веществ, которые могут быть подвержены организации. Судя по всему, Гурджиев действительно имел в виду, что у нас есть материал для формирования высших тел в дезорганизованном, текучем состоянии, которому мы можем при помощи собственных усилий придать связную и организованную форму.

В этой связи есть некоторые различия между тем, что пишет Успенский в своей книге *В поисках чудесного* и собственным учением Гурджиева, изложенным в *Рассказах Вельзевула* и прочих работах. Успенский делает упор преимущественно на пробуждении высших центров, что открывает для человека высшие формы восприятия, знания и понимания. Функции этих двух центров расписаны очень подробно и составляют важную часть всего учения. Высший эмоциональный центр как орган дает человеку возможность знать реальность в отношении с ебя. Он является оплотом его сознательности и его "Я", а также опорой в принятии решений. Это орган личной индивидуальности человека, всегда присутствующий в нем. Успенский утверждает, что высшие центры развивать не нужно и что они есть у всех нас. Мы не способны использовать их исключительно по причине недостаточного развития низших центров. Высший интеллектуальный центр (не слишком удачно названный) обеспечивает нашу связь с космическими принципами. Использование в его отношении термина "интеллектуальный", который сразу заставляет нас думать о "мыслительном мозге", стало причиной многих недоразумений. Тем не менее, деятельность этого центра целиком и полностью выходит за рамки ума. Его функционирование не сопряжено с мышлением или ощущениями. Оно происходит вне времени и носит непосредственный характер и поэтому его невозможно описать с позиции мышления - пространственно-временной сферы.

По словам Гурджиева высший интеллектуальный центр служит инструментом человеку №7, то есть человеку, преодолевшему не только рамки индивидуальности, но и рамки самого "бытия". Он достиг той стадии, на которой его Сущностная природа уже полностью отличается от природы окружающих нас людей. Я уже цитировал удивительное описание Мейстером Экхартом "человека божьего"; в другом эпизоде говорится, что он воспринимает все так же, как Бог. Его восприятие представляет собой непосредственное божественное восприятие и поэтому совершенно непостижимо для нашего мышления. Возможно именно поэтому Гурджиев решил отказаться от термина "высший интеллектуальный центр" и оперирует понятием высших градаций объективного разума. В *Рассказах Вельзевула* он выделяет пять градаций объективного разума, каждая из которых соответствует определенному

высокому уровню развития. Там же говорится, что, если бы трехмозговые существа жили нормально в соответствии с фуласнитамнианским принципом, то длительность их существования не отличалась бы от таковой всех нормальных трехмозговых существ, обитающих в других частях вселенной. Они бы беспрепятственно существовали до окончательного завершения формирования второго бытие-тела, то есть тела кесджан, вследствие пробуждения высшего интеллектуального центра. По достижении этого уровня продолжительность жизни человека больше бы не зависела от случайных обстоятельств и определялась бы его собственным выбором, так что он мог бы продолжать жить на Земле вплоть до исчерпывающего выполнения своей задачи. В других же эпизодах, и в частности в главе "Плоды беспристрастного мышления", Гурджиев выделяет четыре градации объективного разума, из которых четвертая является высшей возможной для индивидуализированного существа и по его словам лишь на две градации отстоит от абсолютного разума Творца существующего мира.

Другая терминология, которую Гурджиев часто использует в Рассказах Вельзевула для обозначения высших состояний разума, указывает на то, что их можно понять по аналогии с нашим обычным опытом. Однако не следует слишком полагаться на эту метафору, чтобы не скатиться к антропоморфической тенденции. Даже о "Нашем Общем Отце Бесконечности", которого Гурджиев представляет как священную силу, давшую вселенной существование и спасающую ее, он пишет почти как о человеке. Так, он пишет, что нашей Бесконечности пришлось изрядно призадуматься и принять меры для решения проблемы, которая поначалу казалась неразрешимой. Все это очень трудно согласовать с абсолютными концепциями, которые были характерны для суфиев, и в частности для Ходжагана, и мы все время удивлялись, почему Гурджиев решил изложить свои идеи именно в такой форме.

В Рассказах Вельзевула Гурджиев проводит различие между Космическими Индивидуумами, воплотившимися Свыше и людьми, которые достигли высокого уровня объективного разума за время своей жизни на Земле и после своей смерти готовятся объединиться с Солнцем Абсолютом. Объединившись они становятся космическими индивидуумами. Я помню, как в одной из бесед Шиванпури Баба разъяснял все аналогичным образом. По его словам, завершив цикл существования на Земле и достигнув абсолютного освобождения, человек возвращается к источнику и ему больше не нужно воплощаться. Тем не менее такие люди могут возвращаться на Землю, как это сделал, например, Иисус Христос, чтобы помочь человечеству. Все это очень напоминает то, что в Рассказах Вельзевула Гурджиев писал о воплотившихся Свыше Посланниках и Космических Индивидуумах. Успенский даже где-то приводит слова Гурджиева о том, что "если бы возникла необходимость классифицировать бытие Иисуса Христа, то наверное Его следовало бы назвать Человеком №8". Это уровень индивидуального человека. Поскольку в Рассказах Вельзевула Гурджиев называет Христа Космическим Индивидуумом, наверное именно такой подход он и считает

верным, то есть, что некоторые уже полностью завершившие свое развитие существа приходят на Землю, чтобы выполнить ту или иную миссию. Вместе с тем, само пребывание на Земле трансформирует их, и, например, Ашиата Шиемаш, который прежде был Великим Святым, стал в итоге Самым Великим Святым и теперь является одним из тех Космических Индивидуумов, без которых Наш Общей Отец Бесконечность не решается предпринимать каких-либо мер во благо космоса. Как я уже писал выше, Гурджиев, судя по всему, был знаком с концепцией абсолютного освобождения, или ит-лак, Ходжагана. В высказываниях Учителей Мудрости очень много указаний на то, то итлак достигается только при помощи преднамеренных страданий. Можно соотнести это с Гурджиевской притчей о Святой Планете Чистилище. Те, кто оказываются готовыми до конца пройти путь самоотвержения, достигают одной и той же цели, под каким бы названием она не скрывалась.

На этом заканчивается Гурджиевская концепция человека. В соответствии с ней есть колоссальная разница между теми существами, которые перешли последний рубеж и появились вновь, уже от лица источника всего бытия, и теми, которые достигли наивысшего уровня совершенствования из доступных для человека, то есть стали людьми №7. Вместе с тем следует понимать, что мы говорим о редчайших из редчайших людей. Это постоянно подчеркивается суфиями. Например, в наших беседах Хасан Шушуд неоднократно говорил, что достигшие наивысшего уровня люди появляются реже, чем раз в столетие. Это существа иного рода - существа, создавшие себя сами; по словам Хасана Шушуда это даже не Бог: они по ту сторону Бога. Другими словами речь идет о невыразимых сферах, которым трудно уподобить, что-либо из понятного нам, ограниченным скудными возможностями восприятия существующего мира.

Возникает вопрос: "Что же играет роль связующей нити, тянущейся от нашего обычного уровня бытия через различные градации, от человека, прошедшего лишь первые стадии своего развития до невыразимых сфер, которые выходят не только за пределы существования, но и за пределы самого бытия?" Ответ очень прост: это воля. Воля не зависит от уровня бытия. Она вездесуща. Это Вездесущий Окиданокх, который хотя и Един, может тем не менее подвергаться неограниченному делению, в результате чего создаются различные условия существования материального мира. Невозможно понять трансформацию человека, не принимая этого во внимание. Однако, рассматривая человека как личность, мы должны признать, что его Индивидуальность и его воля, не поддается наблюдению. Она не только невидима для других людей, но и сам человек не воспринимает ее в рамках своей обычной осведомленности, своего обычного сознания. Существует, как это называл Шиванури Баба, "завеса сознания", которая скрывает от нас нашу собственную реальность, то есть, нашу волю.

То же самое относится и к сознательности, которая по утверждению Гурджиева есть у каждого человека, но, будучи скрытой за обычным сознанием, не настолько деградирует, как

другие священные импульсы веры, надежды и любви. Нам же следует выяснить связь между сознательностью и волей. Собственно сознательность представляет собой присутствующую в нас организованную силу, которая может не только действовать, но и знать. Можно ли сказать то же самое о воле? Можно ли просто приравнять одно к другому, отождествив сознательность с волей, а волю с сознательностью? Что-то в этом не так, и мы должны внимательнее отнестись к этому вопросу.

В главе "Организация, содействующая существованию человека, основанная Великим Святым Ашиатой Шиешем" говорится, что Гурджиев [Вельзевул] нашел двух великих посвященных, которые уже осознали свою ничтожность. Он обстоятельно рассказывает им об объективном сознании и о возникновении факторов, способствующих его проявлению в трехмозговых существах. Он говорит: "Факторы, способствующие появлению бытие-импульса сознательности возникают в присутствиях трехмозговых существ из локализаций частичек "эманации-печали" нашего Вселюбящего и Долготерпеливого-Бесконечного-Творца; именно поэтому основу проявления истинной сознательности в трехмозговых существах иногда называют Представителем Творца". Кроме того говорится также, что причина печали заключается в затянувшейся борьбе между радостью и печалью во вселенной. Так как мы трехмозговые существа, "все мы" и вся наша Сущность должны единственно лишь страдать. Далее объясняется, что это необходимо, поскольку в противном случае импульс сознательности будет оставаться незамеченным. Это в свою очередь определяется постоянным противоборством двух противоположных функций, из которых одна основывается на желаниях планетарного тела, а другая - на стремлении к высшим уровням бытия. Такая трактовка сознательности характерна для более глубокой идейной основы, заложенной Гурджиевым в Рассказы Вельзевула, в сравнении с относительно простым пониманием сознательности, которое предлагает Успенский в своей книге В поисках чудесного.

Похоже, что сам Гурджиев стал иначе понимать сознательность, когда в 1927 году пережил колоссальный стресс, позволивший ему дописать свои книги. До этого он не рассматривал ситуацию человечества в такой категоричной форме. Следует при этом помнить, что сознательность представляет собой один из священных импульсов, которые он ранее назвал "положительной эмоцией", которую должно быть способно испытывать любое трехмозговое существо. Она знаменует собой рождение объективного разума, отличающего трансформированного человека. Хотя концепция сознательности и занимает одно из центральных положений в Рассказах Вельзевула и других работах Гурджиева, мы не должны забывать, что человеческой природе присущи и импульсы надежды, веры, любви и радости. Целью наших усилий отнюдь не является безысходное состояние неутолимых страданий, как могло бы показаться после первого прочтения этих эпизодов. Те из нас, кто следовал учению Гурджиева были слишком склонны

сосредотачиваться на мрачной стороне жизни и предполагали, что сама Работа по сути дела подразумевает отказ от радости и приятной стороны жизни. Нам следовало обращать больше внимания на жизнь самого Гурджиева, который настолько же умел радоваться, насколько умел страдать. В конце его жизни, на него невозможно было смотреть без сострадания. Его лицо было искажено страданиями. Их ослабляла только любовь всех окружающих его тогда людей, которым его учение оказало неоценимую помощь.

На самом деле невозможно адекватно говорить о тех, кто освободился от ограничений существования. В своей проповеди "Восстань, молодой человек!" Мейстер Экхарт говорит следующее: "Воспылайте к ним состраданием, дети мои; они от дома, но никто не знает их. Пусть ищущие Бога остерегаются, чтобы внешность не обманула их, когда они встретят особенных людей, которых трудной найти; никто не знает их по-настоящему, кроме тех, в ком горит тот же огонь".

Глава 12

ПУТЬ К НОВОМУ МИРУ

Ребенок долгое время живет в беспомощном состоянии, после чего следует период частичной зависимости от окружающих. Наконец, наступает ответственный возраст, когда он должен найти свое место в этом мире. Подобным же образом жизнь человечества на Земле со времени его беспомощности уже миллион лет находится в зависимости от окружающего мира, и должен наступить момент, когда ему предстоит взять на себя ответственность за свое развитие и даже может быть за свое существование. Между тем очень многое свидетельствует, что мы подошли к этому этапу, не будучи к нему готовы. Мы не знаем, какой образ жизни на Земле следует считать правильным для человечества. Мы не осознаем, что до сих пор все наши потребности обеспечивала великая природа и что мы сегодня безоглядно разграбляем скудные остатки ее запасов. Мы за один век расходуем то, что накапливалось миллионами и сотнями миллионов лет. Должного самоконтроля взрослого человека нет не только у человеческой расы в целом, но даже и у великих наций и сообществ. Как раса мы не контролируем свои аппетиты: ни сексуальные, ни эмоциональные, ни даже устоявшиеся и внушенные пристрастия. Мы ведем себя подобно испорченному ребенку, которым, собственно говоря, и являемся.

Обо всем этом и многом другом нас предупреждают отдельные люди и общества, заботящиеся о состоянии мира, но, как гласит любимая русская поговорка Гурджиева, все это оказывается "переливанием из пустого в порожнее". У нас нет ни знаний, ни понимания необходимых для того, чтобы поставить себя на место ответственного человечества в этой ситуации. О реальности же сегодняшнего положения может рассказать нам лишь ответ на вопрос Гурджиева: "В чем смысл и значение жизни на Земле вообще и человеческой жизни в частности?" Мы не можем стать ответственными до тех пор, пока не поймем, за

что именно мы несем ответственность. Если же мы не можем ответить на этот вопрос, то у нас остается лишь детский эгоизм.

Мы подошли к тому этапу обсуждения деятельности Гурджиева, когда уже пора выяснить, оставил ли он нам убедительные указания на будущее. В октябре 1949 года, за несколько недель до его смерти, я прочел в Лондоне ряд лекций под общим названием "Гурджиев — путь к новому миру" и именно по эмоциональным причинам дал настоящей книге то же самое название. Я был уже тогда убежден, что человечеству предстоит пройти через небывалый кризис и что только вмешательство Свыше может помочь ему пережить эти времена (см. Кризис в делах человеческих, 1948 г., последняя страница). Тогда никто не мог сказать, с какой стороны нагрянет буря. Мы не осознавали, что старый мир уже погиб и нам волей-неволей придется жить в новом. На нашей последней беседе с Гурджиевым незадолго до его смерти он говорил о будущем. Я сказал ему, что на своих лекциях указывал на Рассказы Вельзевула как на ключ к пониманию нужд человечества. Он кивнул головой в знак согласия и добавил, что между старым миром и новым идет война. Затем он характерным для него образом сказал: "Я должен сделать чик старому миру, иначе он сам сделает мне чик.¹ Теперь мне нужны солдаты, которые будут сражаться вместе со мной за новый мир". Я пообещал ему посвятить этому всю свою жизнь. Требования Гурджиева были четкими и понятными: публикация Вельзевула должна была сопровождаться принятием мер к его как можно более широкому прочтению и пониманию. Тогда я не понимал, что он рассматривал Рассказы Вельзевула как легоминизм, а под "солдатами" подразумевал посвященных, которые бы смогли толковать его. Хотя, судя по его словам, и можно было бы подумать, что его заботило ближайшее будущее, на самом деле он имел в виду длительный процесс трансформации человечества, результатом которого должно стать новое и доступное для всех людей понимание человечеством своего предназначения.

Давайте же посмотрим, что нам оставил после себя Гурджиев. С начала его поисков сменилось уже три поколения и еще одно поколение уже почти сменилось с момента его смерти. За семьдесят пять лет мировая ситуация изменилась полностью, и можно с полной уверенностью сказать, что старый мир умер. При этом предсказания конца девятнадцатого века более менее сбылись лишь в материальной сфере. Хотя в то время и невозможно было предвидеть появление тех или иных технологий, уже тогда все ждали колоссальных достижений в этой области. Неожиданным же, хотя и вполне закономерным, стал провал в человеческой сфере. Выросшему среди войн и революций Гурджиеву наверно было лучше видно направление событий, чем жителям Западной Европы и Америки. Тибетская экспедиция Янгхасбэнда 1902 года - война, которую мы таковой даже не считали, была с точки зрения Гурджиева предвестницей надвигавшегося кошмара. В своих работах и беседах он часто называл ее бомбой, погубившей надежды человечества. Сегодня мы знаем как исторический факт, что с 1903 года мировая

ситуация постоянно ухудшалась, но лишь в шестидесятых годах человечество наконец начало осознавать реальные масштабы нависшей над миром опасности. Мы настолько привыкли считать войну и в особенности атомную войну главной угрозой, что не замечали других подкрадывавшихся опасностей, пока уже не было почти слишком поздно. Человек утратил даже видимость контроля над своей судьбой. Не прошло и поколения с тех пор, как при основании Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско люди думали, что добрая воля со стороны великих держав способна обеспечить и защитить дальнейший прогресс. Пятьдесят лет назад, когда Гурджиев пришел на Запад со словами: "Человек - машина. Он спит. Он не способен ничего делать. Он не способен ничего контролировать. Его жизнь определяется извне", его идеи трудно было принять буквально. Сегодня то же самое говорят профессиональные исследователи человеческого поведения, философы и писатели. Нет никаких сомнений в том, что Гурджиев внес свой вклад в эту перемену позиции, хотя и невозможно игнорировать мрачный образ катящегося в пропасть мира, тогда как три миллиарда людей либо беспомощно наблюдают за этим, либо преследуют свои собственные эгоистичные цели. Все большее число людей, в особенности молодых, отказываются жить прошлым и упорно ищут лучшие способы существования, нежели бессмысленный "прогресс".

¹ Гурджиеву очень нравилось выражение "сделать чик". Оно имитирует звук, возникающий при раздавливании вши ногтем и означает полное уничтожение чего-то, от чего нужно избавиться.

Сегодня все больше людей понимают, что технология уже не в силах спасти человечество и что эта проблема вышла из-под контроля правительств и даже международных организаций. Если мы действительно хотим преодолеть опасность перенаселения, истощения ресурсов, загрязнения почвы, воздуха и океана и, пожалуй, самое страшное, восстания миллиардов немущих людей, то мы должны изменить свое отношение к жизни. Причем это изменение должно произойти не только среди небольшого числа духовно настроенных людей, но и среди подавляющего большинства тех, кто "наслаждается" плодами современной цивилизации.

В этом отношении гурджиевский подход к ситуации коренным образом отличается от того, что мы слышим от мудрых людей нашего времени. И трактовка его учения в настоящей книге тоже значительно отличается от позиции тех, кто писал о нем и его работе. При этом я различаю тех, кто считает "систему" Гурджиева не более чем проявлением его гения как человека, и тех, кто считает Гурджиева не более чем звеном в передаче этой "системы". Последние также склонны полагать, что какое-то звено этой цепочки передачи разорвалось, и мы потеряли контакт с источником. Я же отказался от обоих этих подходов и считаю, что Гурджиев постоянно поддерживал связь с определенным источником, которым могло быть Сарманское общество, или же какое-либо другое братство, способное вести очень долгосрочное наблюдение за положением вещей в мире. Я

думаю, что мы должны пересказать человечеству идеи, изложенные Гурджиевым в Рассказах Вельзевула, понятным для него языком. Делая это, мы будем помогать действующим факторам, которые мы не способны ощущать или знать умом - факторам, которые я назвал демиургическими разумами.¹ Эта гипотеза отчасти основана на признаках, хотя и весьма скудных, существования группы людей, сохранивших древнее знание, которое теперь дается нам в качестве ответа на вопрос о том, что следует делать человечеству, желающему вернуться на путь эволюции. Более убедительные доводы в пользу того, что человечество получает руководство на пути к новому миру, можно обнаружить в самих событиях. Традиционное знание, до сих пор скрывавшееся от посторонних, сегодня выплескивается в многочисленных формах по всему миру. Сегодня многие чувствуют приближение скорее благоприятных для человечества событий, нежели предпосылок нашего исчезновения.

Я убежден, что миссия Гурджиева была связана с восстановлением роли традиционного знания в жизни человечества. Его работа протекала в три этапа. Первый этап включал в себя попытки создать собственную организацию — Институт гармоничного развития человека. Вторым этапом заключался в создании легоминизма — Рассказов Вельзевула. Третьим этапом стала подготовка посвященных, то есть людей, которые должны взять на себя дальнейшее развитие его работы.

Если книга Рассказы Вельзевула представляет собой легоминизм, то что мы должны узнать из него? Это рассказ о ситуации человечества, реальной, а не воображаемой нами. Позиция Гурджиева включает в себя три основных пункта:

¹ Подробнее об этом см. Дж. Г. Беннетт, *Учителя Мудрости*, Москва, 1999 г. (прим. ред.).

1. Человек является трехмозговым существом, способным неограниченно эволюционировать. Он может стать свободным, сознательным индивидуумом, способным понимать функционирование мира и принимать участие в творческом процессе.

2. Судьба человечества свернула с должного пути. Человечество испытывает на себе последствия ошибок, совершенных не им самим, а "высшими силами" на ранних этапах его земной эволюции. Несмотря на то, что эта ошибка была впоследствии исправлена, она оставила человечеству в наследие эгоизм и нежелание видеть реальность, что обрекает его на жалкое существование, в сравнении с другими трехмозговыми существами вселенной.

3. Человек должен играть свою роль во взаимном поддержании всего существующего. Он может делать это посредством своего сознательного труда и преднамеренных страданий или же делать это пассивно, как животное. В первом

случае он становится бессмертной душой и активным участником достижения космической цели.

Эта концепция коренным образом отличается от общеизвестных религиозных представлений, а также философских и научных систем Запада, Индии, Китая и Леванта. При каждом соприкосновении с ней она кажется все более и более замечательной. С одной стороны, она представляет человека потенциальным союзником Творца мира, способным внести свой собственный вклад независимой творческой воли. Для того чтобы реализовать свой потенциал человек должен трансформироваться. С другой стороны, его путь преграждает почти что неустранимое препятствие: Он не способен и не желает видеть реальность. Он предпочитает жить в иллюзии и в конце концов полностью исчезнуть, нежели работать над своей ситуацией. При этом самая удивительная особенность всей концепции заключается в том, что путь к освобождению лежит не через добродетельную жизнь, а через выполнение своей обязанности трансформировать энергии, необходимые для космической цели.

Рассказы Вельзевула требуют комментариев, но я бы взял на себя неоправданную смелость, заявив, что моя интерпретация на сто процентов соответствует намерениям самого Гурджиева. В этом отношении единого мнения не было даже среди ближайших его учеников. Он часто делал запутанные и противоречивые заявления, которые однако нельзя было списать ни на необдуманность, ни на тенденциозность. Мы настолько привыкли ожидать от мудрых людей ясного смысла и однозначных утверждений, что нам трудно "переваривать" Гурджиева. Он хорошо знал, что то чувство удовлетворения, которое переполняет мыслительный аппарат человека, когда он видит соответствующую своему ментальному паттерну формулировку, препятствует настоящему пониманию. Все подлинные истины открываются нашему уму только под покровом противоречий и парадоксов. Рассказы Вельзевула навсегда останутся закрытой книгой для тех, кому не удастся понять это. Гурджиев использует очень яркие утверждения и читатели обычно либо отвергают их, либо воспринимают буквально.

Нет смысла разъяснять эти эпизоды тем, кто хорошо разобрался с главой "Форма и последовательность". В этой главе Вельзевул объясняет своему внуку план своих рассказов, вводя особое различие между "разумом знания" и "разумом понимания". Только второй может стать неотъемлемым достоянием человека и вывести его за рамки земной жизни. При этом Гурджиев использует термин "созерцательное размышление"¹ для обозначения того пронизательного действия, при помощи которого мы осмысливаем и переживаем глубоко ощущаемые противоречия человеческого опыта. Возможность созерцательного размышления могут реализовать только люди, полностью посвятившие себя поиску смысла и цели своего существования и жизни в соответствии с его результатами. Эту задачу должен решать каждый человек, и никто не может сделать этого за нас, поскольку именно в этом состоит развитие

нами собственного бытия. Гурджиев всегда утверждал, что эта задача возложена на нас нашим Творцом, и именно это он подразумевал под словами "оплачивать долг своего существования" или "расплачиваться с великой природой". Мы остаемся не более чем тенями людей, пока не создаем себя сами, что означает не просто трансформировать свою Сущностную природу, сформировав тела высшего бытия, но также и укоренить в них объективный разум, который дает возможность понимать цель Творения и вносить свой независимый вклад в ее достижение.

Удивительное учение о человеке, включающее в себя все сказанное выше, вряд ли можно встретить где-либо еще. Оно обретает для нас практический смысл, только если мы принимаем вывод о том, что мы объективно нужны, то есть у каждого из нас есть нечто уникальное, что мы можем предложить творению. Как я уже писал раньше, среди религий откровения лишь Зороастризм объясняет сотворение человека потребностью Доброго Духа (Аюры Мазды) в помощи в борьбе с агрессией Аримана. В иудейской традиции фигурирует сатана, но в этом случае в задачу человека не входит покорение сатаны, что считается делом ангелов. В то же время в Рассказах Вельзевула нет никакого враждебного образа: ни Аримана, ни сатаны, ни какого-либо другого источника зла. Говорится лишь, что "определенные индивидуумы самого высокого уровня" допустили непростительную непредусмотрительность, ставшую причиной бесконечных несчастий человечества. Нетрудно заметить, насколько такая позиция отличается от всех остальных представлений о грехопадении человека.

¹ В английском языке это одно слово: *contemplation*, но на русский язык оно переводится по-разному, в зависимости от контекста. В данном случае, принеся в жертву удобочитаемость, переводчик решил использовать комбинацию эквивалентов из соображений адекватности (прим. перев.).

Если Гурджиев сам изобрел эту космологию, то можно назвать это проявлением величайшего неординарного гения. Однако его сила заключалась в его поиске и решимости выполнить свою миссию. О том, что он не был обученным мыслителем, можно наверняка сказать, судя по незаконченности значительной части его рассуждений. Успенский не был далек от истины, назвав систему Гурджиева "фрагментами неизвестного учения". Гурджиев нашел, или вернее ему было позволено найти, некоторые чрезвычайно важные знания, представляющие исключительную ценность для будущего человечества. Сегодня мы переживаем критический переходный период, когда требуется, чтобы эти знания стали доступными для всех, кто мог бы ими воспользоваться, и это долг, превосходящий все мотивы личного характера.

Я изложил свое собственное понимание в Драматической Вселенной, и нет смысла воспроизводить его здесь. Ключ же содержится не в самих Рассказах Вельзевула, а в диаграмме, или символе, который Успенский коротко описывает в своей книге В

поисках чудесного, а сам Гурджиев преподал с некоторыми замечательными добавлениями на лекциях в Приорэ в 1923 году. Я привожу эти диаграммы и соответствующие концепции в приложении 2.

Идея того, что "Бог создал человека для него самого, а мир - для человека", хотя и относится прежде всего к Христианству, тем не менее выражает общую позицию всех религий. Ее же взял на вооружение и атеистический материализм, вычеркнув лишь упоминание о Боге, в результате чего человек даже был освобожден от ответственности перед Богом за то, что делает со "своим миром". Эта безобидная по своему замыслу идея стала настоящим проклятием для человечества. Именно в ней заключается причина безответственного отношения человека к природе и его эгоистическое стремление к собственному благополучию ценой благополучия всего окружающего.

Идея "Бог создал человека для него самого" предполагает не меньший эгоизм также и со стороны Бога, который становится особенно очевидным, когда мы вспоминаем о страданиях людей и пытаемся разобраться с проблемой зла. Некоторые люди до сих пор склонны полагать, что Бог требует от человека только подчинения и любви, в особенности, когда это требование сопровождается обещанием вечного блаженства для подчинившихся и вечного проклятия для бунтарей. Мир не взывает к творцу, которому не нужно его творение, а жаждет убедительного ответа на вопрос "Зачем мы существуем?" Большинство же людей и прежде всего молодых людей убеждены, что мы должны быть и действительно являемся ответственными за свою судьбу, а не беспомощными игрушками в руках "непостижимого проведения". Все это выражается в "бунтарстве молодых", принимает ли оно агрессивную форму или нет. Эти же тенденции просматриваются и в циничном использовании силы, когда каждая группировка, нация, государство или сверхдержава играет в игру "каждый за себя и плевать на крайних". Мы вернулись к дикой и жестокой политике ассирийцев и римлян, усугубив ее колоссальными масштабами своих действий.

Сложность жизни заставила человечество возложить свои надежды на организации. Сюда относятся как различные партии и молодежные организации, так и индустриальные корпорации, профсоюзы и международные организации. Как это ни странно, все второстепенные организации используют силу и власть для достижения своих целей, и только такие международные организации, как ООН, Всемирная организация здравоохранения и Всемирный совет Церквей этой власти не имеют. Эти организации, которые возможно и могли бы положить конец конфликту, просто-таки одиноки в своей неспособности предпринимать что-либо эффективное. Учитывая все сказанное выше, можно понять, почему сторонний наблюдатель из другого мира, каким представлен Вельзевул, делает вывод, что человечество желает конфликта и делает все возможное, чтобы воспрепятствовать его предотвращению. Вельзевул постоянно выражает свой ужас и недоумение в связи с тем, что люди

периодически во все возрастающих масштабах берутся за уничтожение существования друг друга, и это не просто протест против войны. Гурджиев привлекает внимание к фундаментальному отсутствию цели в человеческой жизни. По словам Вельзевула мы убиваем друг друга бесцельно, ни с того, ни с сего. Воюющим сторонам конечно так не кажется, но бессмысленность войны начинают понимать все больше и больше людей, в особенности рожденных после Второй Мировой Войны.

Люди сегодня разделились на сторонников и противников организаций. Последних очень много, но они не организованы. Простые люди по всему миру ощущают себя попираемыми ордой великанов. Пытаясь защитить себя, они создают те же самые организации, от которых пытаются укрыться. При этом большинство вступающих в организации составляют люди, невольно оказавшиеся рабами ситуации, от которой зависит их жизнь, но которая им глубоко противна.

Это странное разделение может показаться менее значительным, чем разделение на "имущих" и "неимущих", и менее опасным, чем конфликт сверхдержав или безжалостное использование власти разного рода олигархиями. На самом же деле это самый серьезный симптом болезни мира. Если великие благонамеренные организации не способны уберечь нас, то чего же нам желать, кроме стерильной анархии?

Решение, которое предлагает Гурджиев, указано в самых первых главах Рассказов Вельзевула, в которых он показывает на всевозможных примерах, что на человечество оказывают значительное влияние только те идеи, которые охватывают всех. Действия, которые предпринимает Вельзевул для уменьшения числа жертвоприношений включают в себя распространение идей, обращенных к простым людям. Бесполезность же попыток проведения реформ сверху высмеивается в рассказе о честном молодом бесе, воспротивившемся насильственному сбору налогов на Атлантиде. Ашиате Шиемашу в итоге удается создать ненасильственное общество, путем внедрения идеи сознательности. Он делает это потому, что видит бесполезность обращения к "лучшей природе" человека с позиции веры, надежды и любви.

Вряд ли перспектива стать "сыном Божьим" в результате пробуждения сознательности вызовет энтузиазм у большинства жителей современного мира. Однако есть и абсолютно реальная "угроза ситуации", проявляющаяся в перенаселении, уменьшении запасов пищи, истощении ресурсов, загрязнении окружающей среды и недовольстве миллиардов неимущих. Если приглядеться ко всем этим угрожающим факторам, то становится очевидным, что все они проистекают из нарушения принципа взаимного поддержания. С позиции общепринятой морали могут звучать призывы не быть эгоистичными и проявлять сострадание по отношению к неимущим, не быть сексуально распущенными и не заходить слишком далеко в стремлении к обогащению. Мы периодически слышим предупреждения, что без великодушия, терпимости и самоограничения человечество неизбежно

погибнет. Тем не менее понятно, что подобные моральные упреки не эффективны без соответствующих санкций. Прежние санкции не возымели своего действия, и вместе с ними уходит и старая мораль.

В этом заключается одна из основных проблем мира. Для нас большие не убедительны никакие доводы, за исключением собственного выживания. Однако и это относится лишь к человечеству в целом. Этот довод мало беспокоит отдельного человека, который видит, что может продолжать преследовать свои личные интересы, если группа, к которой он принадлежит обладает достаточной властью. Против власти не существует мер, за исключением общепризнанных идей.

Сегодня мы стоим перед необходимостью чем-то реально жертвовать ради будущего, в котором мы возможно уже и не будем жить. Не найдется и одного человека на десять тысяч, который был бы способен на такое самоотвержение. Учение Гурджиева указывает на казалось бы отсутствующую связь: наше собственное сегодняшнее благосостояние тесно связано со всей жизнью на Земле и ее будущим. Мы не можем реализовать себя даже в плане обретения счастья и защищенности, если не играем свою роль в космической драме. Во всех призывах к сознательности человека остановить загрязнение окружающей среды, разграбление ресурсов и уничтожение растительной и животной жизни есть недостающее звено. Все эти призывы оставляют без ответа вопрос: "Почему это должно значить для меня больше, чем мое собственное благосостояние и благосостояние моей семьи?" Гурджиев же объясняет, почему наше собственное благосостояние не в меньшей степени чем достижение "реального бытия" зависит от избранного нами способа служения жизни на Земле.

Если объективно посмотреть на жизнь людей, то мы видим, что наше подлинное желание заключается именно в том, чтобы заручиться гарантированным благосостоянием для себя лично и для своих близких, то есть своей семьи и друзей, но прежде всего для себя. Из учения Гурджиева, как и вообще из любого настоящего учения следует, что этого можно достичь только посредством "сознательного труда и преднамеренных страданий" на благо окружающего мира. Когда мы прочно усваиваем эту истину, что достигается только в результате перемежающихся успехов и неудач, наше отношение к жизни и сама наша жизнь меняются безвозвратно. Для решения этой задачи большинству из нас необходима поддержка и подбадривание. В этом как раз и может заключаться основная помощь со стороны учителя. Гурджиев поддерживал нас своей духовной энергией, ханбледзоин, и подбадривал нас, снова и снова демонстрируя возможность реального изменения нашего бытия. Как же без такой помощи и поддержки люди смогут убедиться в том, что только "неэгоистичная работа" делает жизнь стоящей?"

Мы сегодня переживаем такой исторический момент, когда угроза катастрофы, если даже не уничтожения человечества, стала настолько очевидной, что миллионы людей начали серьезно

над ней задумываться. Причем это в большей степени относится к молодым людям, а не к уходящим поколениям. Ощущение "отсутствия будущего" порождает такое отношение к жизни, которое в комбинации с пробужденным пониманием, делает человека готовым к сознательному труду и преднамеренным страданиям. Сотни тысяч людей сегодня были бы готовы пройти процесс трансформации, будь они уверены, что это сработает и приведет не только к их личному спасению, но также и к облегчению участи окружающих людей. Кроме того нельзя не отметить удивительное понимание ужасной угрозы, которую таит в себе ширококомасштабное уничтожение жизни на Земле, а также самого вещества планеты, на которой мы все живем. Те, кто уже почувствовал, но еще не понял ту степень, до которой современный человек отошел от своей судьбы, воспринимают учение Гурджиева так, как это было почти невозможно, когда он впервые пришел на Запад пятьдесят лет назад.

Помимо всего этого сегодня многие начинают осознавать, что обособленность, дающая человеку власть над бездушной природой, совершенно не подходит для решения наших реальных проблем. Принцип "Разделяй и властвуй" был залогом успеха на протяжении двух тысячелетий. На его основе было создано не меньше империй ума, чем империй тела. Мы можем проявлять силу в какой-то области только ценой собственного порабощения в другой области. Это универсальный закон, вытекающий из самой природы существования в пространстве и времени. Невозможно оценить все значение Рассказов Вельзевула, не поняв, что имел в виду Гурджиев, когда назвал ситуацию человечества последовательно и даже ускоренно ухудшающейся, что не следует путать с моральной деградацией, приписываемой "доброжелателями" молодому поколению. Из Третьей серии явным образом следует, что Гурджиева беспокоила именно все возрастающая механичность человеческой жизни, сопровождаемая массовым гипнозом и потерей способности выносить независимые суждения. Человечество беспомощно барахтается, и, хотя многие люди знают это, они не видят, в чем заключается причина.

Однако не следует считать Гурджиева пессимистом, поскольку он утверждает, что человек, как и другие "трехмозговые существа нашей великой вселенной" обладает неограниченным потенциалом самосовершенствования. Более того, по его словам наш Творец возложил на человека свои надежды как на помощника в управлении расширяющимся миром. Наше великое предназначение первично, а наши недостатки - результат стечения обстоятельств. Кроме того Гурджиев нигде не указывает, что падение человеческой расы зашло так далеко, что угрожает нашему существованию. Он даже утверждает, что время работает на нас. Когда Хассейн спрашивает Вельзевула, что может освободить человечество от гнета эгоизма, Вельзевул отвечает, что "Если этому свойству земных существ суждено исчезнуть с этой несчастной планеты, то это произойдет лишь по прошествии очень долгого времени, благодаря руководству того или иного существа с очень высоким уровнем

разума, или же в результате каких-нибудь необычайных космических событий" (Рассказы Вельзевула, стр. 1118).

Ключ к пониманию парадокса деградации и прогресса человечества следует искать в дуализме его природы. От того, что одна часть нас воспринимает как триумф человека над дикой природой, другая наша часть бежит, как от порабощения духа материей, тоскуя по непреходящим ценностям духа и отвергая соблазны материального мира. Мы колеблемся между этими двумя центрами притяжения, и никак не можем остановиться на чем-нибудь одном. В настоящее время искушение материальным прогрессом достигло своей наивысшей точки, и реакция уже началась. Мы уже не можем вернуться назад к наивным верованиям в потусторонний мир, которые устраивали наших предков. Мы видим, что человечество остро нуждается в новой основе для построения моста между двумя мирами, но не знаем, куда бежать.

Рассматривая учение Гурджиева с этой точки зрения, нетрудно убедиться в том, что это весточка о надежде. Неожиданный ответ на вопрос "Что нам избрать в качестве основы" заключается в том, что следует искать ее не в материи и не в духе, а в творческом содействии взаимному поддержанию. Наш отказ видеть реальность объясняется не умышленным игнорированием фактов и не дикарским безразличием по отношению к ценностям. Скорее это следствие нежелания вносить свой вклад в эволюцию солнечной системы, то есть в решение задачи, возложенной на нас как на трехмозговых существ. Именно это стало камнем преткновения атеистов и верующих. Они видели задачу в согласовании конкретных фактов познаваемого мира с абстрактными ценностями, которым мы лицемерно служим, сами не зная почему. Они не понимают, что уникальные творческие способности человека возлагают на него колоссальные обязанности, и, игнорируя их, мы лишаемся своего первородства.

Гурджиев говорит нам, что наше личное спасение, благосостояние человечества, а также эволюция Земли и солнечной системы тесно сопряжены друг с другом в процессе всеобщей трансформации, от которой зависит существование мира. Поскольку он мало что рассказывает нам о том, как именно все это происходит, мы должны с еще большим усердием искать ключ к пониманию в легоминизме Рассказов Вельзевула.

Ключ к пониманию человеческой жизни заложен в концепции взаимного поддержания. Только она способна справиться с искусственным барьером, который человек воздвиг между собой и Матерью Природой. Человек является в полном смысле естественным (природным) существом, но у него есть сверхъестественное предназначение, которое не может быть реализовано, если он не выполняет своих обязанностей по отношению к природе. Человек относится к высшему классу живых существ, но не может попасть в мир универсальных Существей, пока не освободит себя от ограничений своего животного существования. В прежние времена, например в случае

буддистов, под освобождением понималось обособление от природы или даже "уход" от природы. Духовные же стремления христиан и мусульман целиком и полностью сосредоточены на Боге, и они также игнорируют обязанности человека по отношению к природе или в лучшем случае считают их второстепенными. В результате сформировались в корне неверные и почти что катастрофические взаимоотношения между человеком и природой, ставшие причиной сегодняшних бед человечества.

Единственное, что может спасти нас в сложившейся ситуации - это полный пересмотр нашего отношения к природе. Такие хорошие люди, как Альберт Швейцер и Питер Скотт, чувствовали это интуитивно, но не находили этому объективных оснований. В результате их воззвания основывались либо на гуманистических, либо на "эстетических" представлениях, которые оказываются убедительными только в случае тех людей, чьи чувства уже открыты. Кроме того ни одна кампания в защиту природы не затрагивала саму суть проблемы. Это можно сделать, только представляя себе всю систему взаимоотношений, обеспечивающих существование и развитие вселенной. Одно из бесспорных достоинств этого аспекта учения Гурджиева заключается в том, что он достаточно прост, чтобы быть доступным любому человеку: "Существование каждого существующего объекта поддерживается другими существующими объектами, и сам он тоже обеспечивает существование других объектов, и это в том числе относится и к человеку". Теперь мы можем воспользоваться системой, обсуждавшейся в девятой главе, для воплощения этого принципа в реалистичную программу на будущее.

Из взаимоотношений двенадцати основных классов Сущностей можно сделать вывод о том, какие обязанности соответствуют каждой форме существования. Мы можем при помощи этой схемы сопоставить жизнь человечества на данный момент с тем, какой она должна быть в действительности. Подлинная цель существования человечества состоит в обеспечении сознательной и творческой эволюции Земли и всего что на ней существует, неживого и живого. Это колоссальная задача и ее выполнение должно стать величайшей гордостью человечества. Многие сегодня понимают, что, если эволюции суждено продолжаться, то это должно происходить при сознательном содействии человека, но лишь немногим удалось увидеть эту задачу во всей ее полноте и со всеми вытекающими из нее следствиями. На каждой своей стадии с момента появления жизни эволюция требовала жертв со стороны существования в пользу развития Сущности. До настоящего времени это обстоятельство выражалось в последовательной смене типов и родов организмов, которые какое-то время занимали преобладающее положение, а затем приходили в упадок. Если мы не хотим такой судьбы и для себя, то мы должны вменить себе в образ жизни служение и жертву. Система Гурджиева показывает нам, что это означает. То, что принадлежит к сфере нашей ответственности - земная кора и ее минералы, почва, растительность суши и океана, беспозвоночные, животные и сам

человек - как раз сегодня и вызывает у нас наибольшие опасения с точки зрения истощения ресурсов, обеднения почвы, эпидемий, перенаселения, голода и войн. Когда Гурджиев начал преподавать свою систему шестьдесят лет назад, все эти угрозы казались еще весьма отдаленными. Сегодня же они выходят на первый план. Сегодня гурджиевская концепция взаимного поддержания становится для нас последним предупреждением и одновременно величайшей надеждой. Это та реальная картина мира, которую можно воплотить в жизнь.

Именно эту задачу Гурджиев ставил перед нами и к ней же готовил своих учеников в конце своей жизни. Она прежде всего обращена к тем, кто способен смотреть глубже внешней стороны мира и за существованием видеть сущность. Однако для ее выполнения требуются также значительные знания, сила и организованность. И все же главным шагом должна быть фундаментальная перемена ценностей, и в новом мировоззрении человек обязан уступить свое первенство природе. Это очень горькая пилюля, но без нее мы погибнем. Конечно у нас есть еще немного времени на раздумье, но не следует его переоценивать. К концу нашего века Новая Эпоха должна прочно занять свое место в представлении всех людей.

Приложение 1

СТИЛЬ И ТЕРМИНОЛОГИЯ ГУРДЖИЕВА

Впервые знакомясь с работой Гурджиева по Рассказам Вельзевула, люди как правило бывают разочарованны его стилем и использованием странных неологизмов, которые порой кажутся совершенно излишними для передачи смысла. Причин, по которым Гурджиев решил создать свой собственный литературный стиль, было несколько. Во-первых, он хорошо знал, что ради прозрачности и связности изложения почти всегда приходится жертвовать гибкостью выражения и глубиной смысла.¹ В беседах и лекциях он совершенно не придерживался грамматических правил, и не следил ни за последовательностью, ни за связностью своей речи. После же того, как он более менее выучил французский и английский, он стал говорить на их умопомрачительной смеси, невзирая на лингвистические возможности слушателей. В своей разговорной речи мы все обращаем мало внимания на те правила, которым следуем в речи письменной;¹ Гурджиев же пошел еще дальше и отменил для себя вообще все правила.

¹ В значительной степени это также относится и к переводу, и, хотя переводчик делал все от себя зависящее, чтобы избежать перегруженных фраз, порой ему приходилось следовать традиции Гурджиева (прим. перев.).

При этом не следует думать, что он просто был небрежен в своей речи и писательской деятельности. Как и большинство жителей востока, в особенности армян, его очень интересовало использование слов. Он получал настоящее наслаждение от

филологических дискуссий. Впрочем, это не удивляло тех из нас, кто был знаком с арабскими и индийскими учеными, а также учеными некоторых других национальностей, которые любят всерьез обсуждать самые фантастичные этимологии и таким образом передавать смысл, который было бы просто невозможно передать в обычной речи. Поскольку же значение идей Гурджиева в гораздо большей степени сопряжено с их широтой и глубиной, чем с логической связностью и даже фактической обоснованностью, он был почти что обязан использовать новые и непривычные способы самовыражения. В первой главе Рассказов Вельзевула под названием "Предупреждение" он заявляет о своем намерении отказаться от "великосветского литературного языка", но ничего не говорит о причинах. Безусловно к ним не относится неспособность ясно и отчетливо выражать свои мысли. В книге Встречи с замечательными людьми Гурджиев показал, что вполне может пользоваться обычным стилем, хотя в его случае это и была обманчивая видимость, поскольку в каждой главе содержится скрытый смысл, который сумели распознать лишь очень немногие. В Третьей серии есть все от однозначных и простых рассказов о собственной жизни до чрезвычайно запутанных эпизодов, якобы взятых из древних манускриптов, для понимания которых требуется многократное прочтение, а также обширный опыт и долгие размышления.

Рассказы Вельзевула относятся к совершенно иной категории. Сами рассказы представляют собой экспериментальную комбинацию в новой литературной форме иносказательного стиля восточных притч и едкой западной сатиры. Однако в них есть и еще один элемент, присутствующий только в таких священных произведениях, как Евангелие от св. Матфея, Дао Дэ Цзин или Бхагават Гите. Он состоит в изложении учения, которое само по себе однозначно и связно, в такой форме, чтобы читатель мог уловить глубокий смысл, который при использовании обычного стиля теряет свою логику и значительность.

¹ В большинстве современных западноевропейских языков грамматическая разница между разговорной и письменной речью значительно более выражена, чем в русском языке (прим. перев.).

Я перечитывал Рассказы Вельзевула сорок или пятьдесят раз и очень много размышлял над ними. При этом я обнаруживал новые глубины смысла при каждом очередном прочтении. В определенном смысле это мешает мне помогать тем, кто еще не брался за серьезное изучение этих идей. Я зачастую рассчитываю на то, что читатель уже знает о несметных сокровищах, скрытых в этой книге, и поэтому готов серьезно потрудиться, чтобы найти их. В большинстве известных мне случаев, впервые услышав о Гурджиеве, люди начинают знакомство с ним с прочтения Рассказов Вельзевула и даже часто, следуя совету Гурджиева, перечитывают эту книгу три раза, но мне еще не доводилось встретить ни одного человека, который бы без посторонней помощи смог в полной мере открыть для себя глубину смысла наиболее важных эпизодов.

После смерти Гурджиева некоторые из его старых учеников попросили меня написать комментарий к Вельзевулу. Когда я написал несколько глав и разослал их для критики, практически все согласилось со мной, что было бы ошибкой опубликовать их. Если бы Гурджиев хотел, чтобы смысл этой книги был доступен любому читателю, он бы написал ее иначе. Сам он часто просил читать отдельные главы вслух, и если обнаруживал, что наиболее важные эпизоды воспринимались слишком легко, а значит почти наверняка и поверхностно, то переписывал их с тем, чтобы, как он сам говорил "зарыть собаку поглубже". Когда люди поправляли его, говоря, что он наверное хотел сказать "поглубже закопать кость", он рассержено отвечал им, что искать следовало не "кости", а именно "собаку". Собака - это Сириус, звезда собаки, которая в Зороастризме символизирует собой дух мудрости.

Совершенно очевидно, что с этой целью необходимо при помощи собственного понимания раскрыть для себя тайны Рассказов Вельзевула. В настоящей книге я рассказал лишь о некоторых основных принципах, которые Гурджиев хотел сделать очевидными для всех. Более тонкие моменты просто могут быть переданы обычным языком и должны быть восприняты при помощи комбинации прошлого опыта и непосредственного осознания, то есть того, что Гурджиев называет (в Рассказах Вельзевула) созерцательным размышлением, единственным способом обретения разума понимания. Его целью было подвести ученика к этому созерцательному размышлению, и я бы скорее нанес вред, чем помог ему в этом, облегчив задачу читателя.

Многие эпизоды Рассказов Вельзевула при поверхностном рассмотрении кажутся не многим более чем уже успевшая навязнуть на зубах сатира по поводу культуры начала двадцатого века. Однако на самом деле они содержат в себе весьма важное понимание процесса, посредством которого человек может найти выход из хаоса современной жизни. Некоторые же наиболее яростные и иногда казалось бы неоправданные атаки на человеческую глупость следует воспринимать как призыв к самонаблюдению и самоконтролю.

Помимо своего аллегорического и иносказательного стиля Гурджиев использует своеобразный прием, показывая плачевное положение человечества с позиции персонажа, который, хотя и является подобно человеку смертным трехмозговым существом, тем не менее появляется из отдаленного центра вселенной, будучи сосланным в наши края по причинам, не имеющим ничего общего с ситуацией человечества. Вельзевул понимает не все, что ему приходится увидеть, хотя по его словам и смог выяснить множество нюансов человеческой психики. Среди других персонажей присутствуют ангелы и архангелы, природа которых не разделена и которые по этой причине испытывают трудности с пониманием чувств обычных смертных. Они допускают ошибки, потому что не умеют входить в положение других. Кроме того в Рассказах Вельзевула упоминаются люди "воплощенные Свыше". Это Космические Индивидуумы как исторические, такие как Христос, Мухаммад, Будда и Моисей, так и мифические, например, великий святой Ашиата Шиемаш. Другие люди обретают статус

святых благодаря своему сознательному труду и преднамеренным страданиям. К ним относятся основатели братств или же такие великие ученые, как Чун Тро Пел, открывший Закон Семи. Женские персонажи не играют каких-либо значительных ролей в Рассказах Вельзевула, и очень мало говорится о жизни простых людей. Гурджиев использует такой удивительный *dramatis personae*¹ чтобы поддерживать у читателя постоянное чувство восприятия с позиции внеземного наблюдателя.

Для усиления этого чувства Гурджиев влетает в изложение им же придуманные слова, неологизмы, звукоподражательные термины и своеобразный синтаксис. Этот прием обычно бывает изнуряющим для человека, пока он не привыкает к этому языку. В Рассказах Вельзевула более двухсот слов не принадлежит ни к одному языку. У некоторых из них простое и очевидное происхождение: например слово *кесджан* на персидском означает "вместилище души", а *Триамазикамно* переводится с греческого как "собираю три воедино". У других слов, например, *Гептапараришинок* смешанное происхождение. При этом армянские корни, с которыми Гурджиев был знаком с детского возраста, непонятны для большинства западных читателей. Некоторые же слова придуманы почти что на ровном месте. Однажды, когда в 1949 году я был с Гурджиевым в Виши, он указал мне на виднеющуюся в окне вывеску магазина на противоположной стороне улицы и сказал: "Вот отсюда я взял слово *Булмаршиано*".

¹ лат. набор персонажей (прим. перев.)

В Рассказах Вельзевула встречается только около двадцати вымышленных слов, наделенных особым глубоким значением, и большинство из них мы уже обсуждали в соответствующих главах. Мне лично наиболее важным кажется термин *Трогаавтоэгократ*. Его происхождение не вызывает особых вопросов, тогда как смысл получился весьма утонченным. Слова *трого*, "я ем", *авто*, "сам", *эго*, "я" и *кратизо*, "поддерживать" заимствованы скорее из современного, нежели классического греческого языка. Гурджиев также использует комбинацию *Автократ* в качестве одного из имен Бога, а в данном термине части этого слова перемежаются с очень обыденным выражением *эго трого*. В космическом смысле Бог питается от творения, а творение - от Бога. По этой причине у них должны быть различные и обособленные природы. Соответственно Бог насколько это возможно отделился от творения, сделав его относительно независимым от Себя. Ограниченный человеческий ум не способен постичь мистические взаимоотношения между единой Безграничной Волей и множеством ограниченных волей. Трудно понять, каким образом они могут участвовать в функционировании одного и того же мира. Гурджиев четко дает понять свою точку зрения, утверждая, что с самого начала наш вселюбящий Отец Создатель возложил надежду на человека, равно как и на всех остальных трехмозговых существ, как на Своих потенциальных помощников в управлении миром и его расширении. В Рассказах Вельзевула Гурджиев представляет *Ашиату Шиемашиа* в качестве яркого примера Космического Индивидуума, который к настоящему времени достиг такого

высокого уровня развития объективного разума, что Творец не предпринимает никаких важных действий, предварительно не согласовав их с ним. Как я уже писал выше, Ашиата Шиемаши олицетворяет собой Трогоавтоэгократ. Слово шием также означает "солнце", и это может означать, что он был воплощением солнца. Даже такое существо не рождается ни совершенным, ни непогрешимым. Он тоже проходит через процесс эволюции до того этапа, на котором на него может быть возложена величайшая космическая ответственность.

Гурджиев называет Трогоавтоэгократ то принципом, то законом, то эманацией Солнца Абсолюта, а в некоторых случаях и способом стабилизации творения. Такое использование слов странно звучит на английском и вообще на всех индоевропейских языках, в которых разные части речи относятся к различным логическим категориям. В турецком языке нет таких различий, а Гурджиев вне всяких сомнений прекрасно владел турецким, причем до такой степени, что, судя по всему, именно на нем и общался с суфийскими учителями. Не похоже, что он знал персидский.

Для выражения своих мыслей Гурджиев использует всевозможные образы. При этом он прекрасно знал, что описательное изложение обманчиво и всегда извинялся перед читателем, если все-таки использовал его, как, например, при описании восхода солнца над Амударьей в последней главе Встреч с замечательными людьми. Все персонажи Рассказов Вельзевула представляют собой образы, олицетворяющие те или иные стороны человеческой или даже сверхчеловеческой природы, которые хотел изобразить Гурджиев. Даже замечательные люди из второй серии очень отчетливо стилистически выверены. Погоссян олицетворяет собой человека, работающего над собой через физическое тело, Елов - через ум, а Богачевский - через чувства. Персонажи последних глав Второй Серии представляют различные типы ищущих и показывают какую трансформацию они могут пройти. Для Гурджиева персонажи его книг были образами, символами или олицетворением Сущностных ценностей, которые он хотел донести до читателя. Они не были ни "реальными", ни даже "типами". События, даже происходившие в действительности, были включены не ради биографической точности, а с целью создать у читателя тот или иной образ или ощущение.

Гурджиев возвел в свой принцип на первый взгляд небрежное обращение со словами. Он материализовал абстрактные идеи, использовал конкретные выражения в абстрактном смысле и персонализировал законы и принципы. Все это требует от нас при чтении Рассказов Вельзевула улавливать его намерения и скрытый смысл, что значительно отличается от нашего обычного способа чтения книг. Труднее всего эта задача оказывается для профессиональных философов и лингвистов.

В качестве примера давайте разберем понятие закон, которое в трактовке Гурджиева до абсурдной степени отличается от его обычного современного использования. Для него законы не были абстракциями или даже обобщениями; с его точки

зрения они были настоящими элементами функционирования мира. Так, описывая Гептапарапаршинок, Гурджиев говорит, что "этот закон представляет собой постоянно эволюционирующую и инволюционирующую силу". Причем "сила" понимается как "траектория направления". О законе говорится, что он "существует" в различных ситуациях. На первый взгляд может показаться, что все эти высказывания только служат лишним доказательством небрежности мышления и стиля. Когда же понимаешь, что Гурджиев пишет о мире Сущности, то все становится на свои места. Тогда как мы считаем "объекты" реальными, а "законы" - описанием их поведения, для Гурджиева законы представляют собой Сущностную реальность, а объекты и в том числе даже существа - не более чем проявление их действия. Это может помочь нам понять, почему Гурджиев так часто пишет о "законах миро-поддержания и мирозидания", утверждая при этом, что одна из наших основных обязанностей заключается в их постоянном изучении.

Общепринятое мнение о том, что человек и мир созданы по одной и той же модели Гурджиев принимает как очевидную аксиому. Однако он расширил ее до последовательности из семи миров, или космосов, каждый из которых построен согласно Законам Трех и Семи. Символ, отображающий космическую модель даже стал общепризнанным символом учения Гурджиева, наверное во многом потому, что он был эмблемой Института гармоничного развития человека и снискал широкую известность у последователей Гурджиева. Это энеаграмма, или фигура из девяти линий, которая будет обсуждаться во втором приложении.

Мы должны стремиться к пониманию мира, поскольку именно таков способ обретения объективного разума как одной из составляющих цели нашего существования. Объективный разум должен быть нашей неотъемлемой собственностью, запечатленной в самом нашем бытии. Его нельзя обрести как некое знание, в частности как устно передающееся знание, которое может быть получено без особых усилий с нашей стороны, так как современное образование все больше базируется на облегчающих обучение приемах. Поскольку цель, а следовательно и методы Гурджиева были совершенно иными, я не стану оказывать читателю медвежью услугу, вызывая у него ложное чувство понимания.

Тем не менее, я считаю полезным рассказать о некоторых способах распознавания скрытого смысла. На первый взгляд кажется, что Вельзевул непримиримо критикует все попытки улучшить условия жизни людей. Например, в главе "Индия", он гневно протестует против предположения, что можно справиться с неприятными проявлениями других людей, загнав себя в далекую темную дыру и оставаясь там вплоть до конца своей жалкой жизни. Поскольку в этой связи он упоминает о монахах и монастырях, можно было бы подумать, что это атака на монашеский образ жизни. При более внимательном прочтении становится очевидным, что Гурджиев имеет в виду психологическое само-замуровывание. Тот, кто ищет спасения в

уходе от соблазнов и гордится тем, что держится в стороне от возможного вреда, не понимает самого смысла жизни. Гурджиев не критикует ни один конкретный образ жизни; он лишь показывает абсурдность позиций, лежащих в основе большинства образов жизни.

Гурджиев не говорит напрямую, что предлагает человечеству более простой и эффективный метод, чем известные к настоящему моменту. Он косвенно указывает на это в рассказе о различных моделях космических кораблей. Старые корабли использовали силы притяжения и отталкивания, и их эксплуатация требовала постоянного ухода и дозаправок. Под этим Гурджиев явно подразумевает "старый метод" кнута и пряника. Усовершенствованные корабли Святого Венома использовали уже только силу притяжения: человека может спасти вера и любовь. От него требовалось лишь довериться посреднику. Нетрудно узнать в этом трактовку Евангелия св. Павлом или учение Мухаммада о спасении надеждой. Недостаток обеих этих доктрин состоит в том, что они не учитывают риск существующего мира. Под атмосферой подразумевается прилежащее к каждой сущности силовое поле. У человека есть такая атмосфера, и когда два человека взаимодействуют между собой, они, сами того не осознавая, высвобождают определенные силы. Человек может любить своего ближнего до тех пор, пока он держится на расстоянии. Я могу быть добрым христианином и благоверным мусульманином, пока никто не наступает мне на ноги. Последняя модель космических кораблей, изобретенная архангелом Харитоном, принимает во внимание реальные обстоятельства существования. Собственно главный источник бед, раздражение, вызываемое поведением окружающих, может быть превращен в трансформирующую силу. И в действительности, практические методики работы над собой Гурджиева изобилуют примерами обращения во благо негативных сил.

Ярким примером в этом отношении служит другая история, в которой вопреки обыкновению не трудно увидеть аллегоричность. Я имею в виду историю из главы "Последний визит Вельзевула на Землю". Главном ее персонажем является добродушный московский еврей-фармацевт. Вельзевул замечает, что тот, приготавливая дуврский порошок, популярное в то время лекарство, содержавшее небольшую дозу опиума, заменяет в нем опиум на хинин и жженный сахар. Вельзевул поспешил возразить, что такой явный подлог незамедлительно будет выявлен. Дальнейший их диалог служит замечательным выражением взглядов Гурджиева на истинные и ложные пути духовного развития. Гурджиев бы прежде всего суфием, и объясняет, что невозможно распознать путь суфия только по его внешним признакам. На истинном пути передается духовная сила, барака, или ханбледзоин, которая позволяет ищущим достигать того, чего бы они никогда бы не смогли достичь при помощи одних лишь своих усилий. Однако можно находиться в полной иллюзии получения такой помощи, просто имитируя истинный путь. Так получается, когда человек доверяется методу, в котором отрицательный опыт переплетен с положительным, подобно

тому, как в ложном дуврском порошке хинин смешан с сахаром. Под опиумом в данном случае подразумевается барака, или высшая сила, которая становится необходимой истинному ищущему, что напоминает положение наркомана, неспособного обходиться без опиума.

Гурджиев всегда объединял три элемента общения - речь, язык и смысл в единое целое. Для этого он использовал принцип триады, описанный во всех его работах, но наиболее ярко в главе "Чистилище" Рассказов Вельзевула. Анодом, или силой со знаком плюс, или мужским элементом, всегда было намеренье, на котором основывался смысл. Катодом, или силой со знаком минус, был язык. Гурджиев всегда называл язык пассивным, или женским элементом разговора. Собственно речь, то есть среда общения, играла роль согласующего принципа, или нейтрализующей силы. В этом заключается одна из причин, по которым очень важно именно слушать чтение книг Гурджиева, и наверно поэтому Успенский называл его непревзойденным лектором, но плохим писателем. Речь согласует скудность нашего языка с богатством намерения. Гурджиев же был мастером речи. Он умел часами удерживать наше внимание в прокуренной и набитой до отказа комнате, где нам приходилось есть и пить больше, чем мы хотели. При этом необходимая концентрация внимания лишь отчасти была следствием того, что мы в каждую минуту ожидали от него чрезвычайно важные откровения, которые бы нам возможно уже не довелось никогда больше услышать. В первую очередь именно его бытие наполняло его речь такой силой, способной прорваться за панцирь наших личностей. В своих письменных работах он хотел добиться того же эффекта, и хотя это ему не всегда удавалось, в некоторых эпизодах его книг не меньше силы, чем было в его словах.

Конечно, в случае некоторых читателей эта сила несколько приуменьшается за счет незнакомых слов гурджиевского изобретения. Я уже писал о Трогаавтоэгократе и его важности для понимания космологии Гурджиева. Главная мысль состоит в том, что сотворение мира происходило в несколько стадий. Первой была стадия совершенно необусловленного состояния бытия, в котором Абсолютная Воля организовывала поле своей собственной деятельности. Это соответствует ведической доктрине первичного состояния, в котором Творец и его творения были неразделимы. Согласно философии Санкхья, за этим последовало появление трех гун, результатом чего стало возникновение всего разнообразия мира. Гурджиев выражает ту же идею в фундаментальном законе Триамазикамно, или, как он был назван в первой версии Рассказов Вельзевула, Триамония. В том варианте, который Гурджиев прочел американским группам в 1923 году, был удивительный фрагмент: "Он направил действие законов Триамония и Эфталогодикспс, которые были в самом Солнце Абсолюте, изнутри Солнца Абсолюта наружу, и таким образом появилось то, что называется теперь Богом Мира, или эманацией". Этот фрагмент, настолько напоминающий позицию гностицизма и неоплатонизма, использовался даже в качестве довода в пользу того, что у космологии Гурджиева было исключительно гностическое происхождение. Однако все

написанное далее не согласуется ни с трудами неоплатоников, ни с трудами Гностиков. Логос произошел из Абсолютного бытия, но оказался бесплодным. Причиной было то, что он лишь создал состояние полярности. "Когда наш Создатель направил силы Солнца Абсолюта изнутри наружу, получившиеся таким образом эманации поначалу не могли включать в себя все три силы Триамония в животворном состоянии. Только две из них были животворными: положительная и отрицательная силы". Таким образом Гурджиев обозначает первичный конфликт инь и ян, женского и мужского начал. Затем Гурджиев чрезвычайно важным образом вводит идею третьей силы: "В связи с этим наша Всемогущая Бесконечность была вынуждена в рамках первого творения оживить третью, нейтрализующую, силу при помощи Своей Собственной Воли". Совершенно очевидно, что такая концепция отличается от подхода христианских богословов, а также всех еретических позиций, высказывавшихся с третьего по восьмой век. Гурджиев явно опирается на среднеавилонский период Зороастризма. Безжалостный Геропасс-авилонский Зерван — не подчиняется даже Самому Творцу, и Он вынужден пойти на хитрость, чтобы обеспечить непоколебимость места Своего Бытия, Солнца Абсолюта.

Третью силу Гурджиев назвал Фагологирия, что по-видимому означает перестановку сил при питании и кормлении собой. По какой-то причине в последней версии Рассказов Вельзевула этот термин не присутствует, как, впрочем, и не говорится, что Наша Бесконечность была вынуждена оживить нейтрализующую силу Своей Собственной Волей.

Причиной этих изменений конечно же не был принципиальный пересмотр соответствующей части космологии. Таким образом Гурджиев "закапывал собаку глубже". Я бы, например, не догадался, что он хотел дать понять этим случаем проявления Закона Трех в опубликованной версии, если бы у меня не было возможности сравнить новый вариант с более очевидным старым. Гурджиев придавал очень большое значение своему описанию законов мирозидания и мироподдержания. Он не хотел подвергать это свое произведение анализу и критике философов и теологов, и поэтому написал его таким языком, который бы эти ученые мужи просто не стали разбирать, но при этом он старался писать и не слишком запутанно, чтобы обычный достаточно умный читатель смог уловить замысел, если будет готов приложить к этому некоторые усилия.

Если посмотреть на язык и терминологию Рассказов Вельзевула в целом, то не остается сомнений, что Гурджиев был последователен в их использовании, и у него была определенная цель. Он создал легоминизм и преподнес его миру в такой форме, которая должна обеспечить его сохранение. Кроме того он намеревался подготовить посвященных, которые бы смогли толковать этот легоминизм, но умер, не доведя эту часть своей работы до конца. Поэтому мы вынуждены приложить все усилия для самостоятельного выполнения этой задачи.

Приложение 2

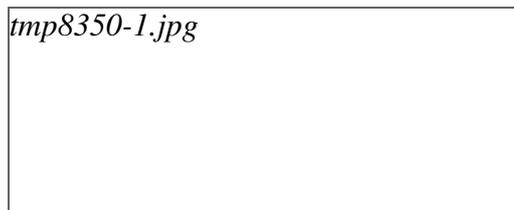
ВЕЛИКИЕ ЗАКОНЫ

Мы привыкли думать и говорить о мире с точки зрения объектов и событий, то есть абстракций. Для Гурджиева же мир был всеобщим процессом трансформации энергий, регулирующимся двумя фундаментальными законами, а также многочисленными "второстепенными" законами, проистекающими из взаимодействия фундаментальных. При этом двумя основными составляющими реальности он считал связи и трансформации. Первые определяются Законом Трех, также называемым Триамония и Триамазикамно, а вторые - Законом Семи, также известным, как Эфта-логодиксис или Гептапарапаршинох. Взаимодействие этих двух законов отражено в эннеграмме и Диаграмме Всего Живого, о которой говорилось в девятой главе. Кроме того в главе "Чистилище" Гурджиев упоминает в связи с этим шкалу энергий различных "градаций животворности", состоящую из двенадцати уровней. Тщательное изучение показывает, что первым двенадцати числам соответствуют различные законы, или принципы, взаимосвязи и трансформации веществ. За исключением чисел пять, семь и одиннадцать, все они образуются путем того или иного комбинирования двух и трех, на что собственно и указывает Платон в своем изложении пифагорейской доктрины в Тимее. Однако Гурджиев отходит от платонической традиции в своем описании взаимного поддержания, которого не было ни в греческой космологии, ни в европейских системах до прихода Гурджиева на Запад.

Тем не менее концепция взаимного поддержания явно была в той или иной форме известна, поскольку ее элементы присутствуют в Розинкрей-церовской литературе шестнадцатого и семнадцатого веков. Именно в то время Ходжаган сворачивал свою деятельность в Центральной Азии и передавал свое знание различным суфийским братствам, а также вероятно и европейским обществам с аналогичными основными целями. Ро-зинкрейцеровский символ пентады, фигурирующий в Systema Universi Д-ра. Флуда, точно соответствует Диаграмме Всего Живого, а следовательно Трогоавтоэгократическому принципу. В этой же работе изложена

¹ лат. Система Вселенной (прим. перев.).

доктрина квинтэссенции и трансформации. У каждого элемента космоса есть высшая и низшая природы, взаимодействие которых образует квинтэссенцию. У Гурджиева есть аналогичная концепция, выраженная в формуле: "Высшее смешивается с низшим, образуя среднее" (Рассказы Вельзевула, стр. 763). Ниже я привожу символ пентады:

tmp8350-1.jpg

Пять вершин на разных уровнях диаграммы отображают пять узловых точек. Слева направо на диаграмме изображено три вида взаимоотношений:

1. Собственное значение; квинтэссенция.

2. Нижележащий и вышележащий классы Сущностей.

3. Положение в Трогоавтоэгократическом процессе.

В качестве примера можно взять человека. Квинтэссенцией человеческой природы является сознательность. Человек создан сознательным существом. Он наделен возможностью выбора и, в силу того, что относится к трехмозговым существам, "сотворен по образу Божьему". Однако сознательность не является высшим свойством человека. Его природе присущи творческие способности, наличие которых как раз и делает его подобным Богу: благодаря этому обстоятельству, потенциально человек может быть демиургическим разумом. У человека также есть и животная природа, которую он эволюционно перерос, но которая, тем не менее, позволяет ему жить бессознательно, то есть, одними ощущениями. Человек един по своей Сущности, и триадичен по своей природе. Все люди в той или иной степени осознают свой творческий потенциал и свои животные инстинкты, но знают при этом, что сознательность воспрещает им отождествлять себя с ними. Гораздо сложнее убедиться в том, что мы питаемся Сущностями зародышевого класса и в свою очередь предусмотрены в качестве пищи для Космической Индивидуальности. Далее мы будем последовательно обсуждать эти Трогоавтоэгократические отношения, применительно к каждому классу Сущностей.

Пентада представляет собой базовую систему ценностей. Она необходима для того, чтобы отвечать на такие вопросы, как гурджиевский: "В чем смысл и значение этого существования?" При этом под Сущностным классом в системе Гурджиева понимается совокупность всех сущностей, занимающих особое место в космическом порядке, то есть в соответствии с тем, что они собой представляют, из чего возникают, во что трансформируются, чем питаются и кого питают. Таким образом получается всего пять пунктов, и поэтому для полного описания Сущностного класса требуется пентада. Если в гурджиевской системе действительно есть смысл, то она должна дать нам внятную и достаточно простую систему универсальных ценностей и обязанностей. Первый Сущностный класс, названный ранее "теплотой", образован субстанцией, на основе которой была создана вселенная. Это то же самое, что и тапас индусов, фигурирующий в гимнах Веданты в качестве первого творческого

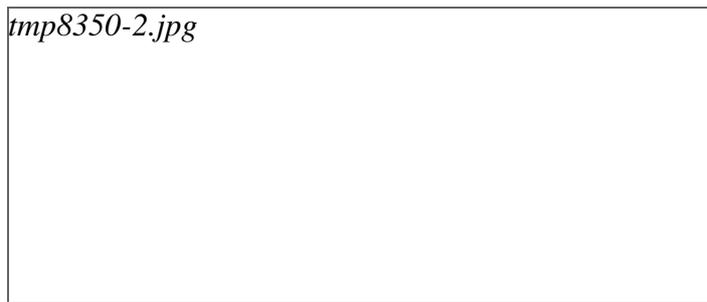
стремления. С физической точки зрения теплота представляет собой бесформенную энергию, которая может быть превращена в другие виды энергии только при помощи тепловых двигателей и генераторов. Все формы энергии в процессе своих превращений высвобождают или абсорбируют тепло. Все это вполне соответствует написанному в Рассказах Вельзевула об эфирокрило. У теплоты, также как и у любого другого класса Сущностей, есть верхняя и нижняя границы. Верхняя граница достигается при очень больших температурах, когда теплота может непосредственно превращаться в материю, например, в случае реакции слияния, в результате которой водород превращается в гелий. Такого рода реакции протекают при температурах в десятки миллионов градусов, и концентрация энергии достигает такого высокого уровня, что теплота материализуется в атомы. При достижении своей нижней границы, теплота приходит в состояние нулевой энтропии, что Гурджиев называет "абсолютным устойчивым спокойствием". Все это вполне удовлетворяет определению Сущностного класса. Теплота вездесуща, и ее с самых древних времен интуитивно считали условием эволюционирования в сторону более высоких уровней существования. Именно поэтому словом тапас называют как теплоту, так и аскетизм и жертву.

Второй класс Сущностей, который я назвал "простейшие" включает в себя все состояния материи, в которых отсутствует какая-либо структура, превосходящая молекулярный уровень, но которые в то же время можно определить как сущности. К простейшим относятся химические элементы, а также такие другие сущности, как например электрические и магнитные поля и радиация. В том числе в этот класс входят воздух, вода и солнечный свет. Земная кора под слоем каменистых пород состоит из простейших веществ. Мы можем представить себе первичное состояние существования, в котором все состояло из простейших сущностей. Этому классу не могут соответствовать никакие ценности, и следовательно это не был особый уровень бытия. На этой стадии не могло быть и пищи, поскольку согласно Трогаавтоэгократическому принципу пища образуется на уровне, предшествующем предыдущему. Гурджиев отразил это во фразе: "водород без Святого Духа" - очень характерной для него чрезвычайно емкой и вместе с тем такой лаконичной. Можно также сказать, что сами по себе простейшие не способны развиваться, но могут служить средством для развития других.

Третий класс, который я назвал "кристаллическим" известен нам как твердое состояние материи, которому присущи определенное строение (паттерн) и соответствующие свойства формы. Так, каменистые породы, образующие внешний слой земной коры изначально выкристаллизовались из простейших веществ первичной земной материи. У всех камней есть определенная структура, даже если и нет видимой невооруженным глазом кристаллической основы. У океанов тоже есть собственная структура соленой воды, которая значительно отличается от простейшего состояния водяного пара, присутствовавшего в атмосфере Земли до того, как сконденсировались океаны. Таким образом этот Сущностный

класс образует многокилометровой толщины поверхностный слой, покрывающий всю Землю водой, льдом, скалами и воздухом. Он возник в основном в результате воздействия тепла, света и силы притяжения на первичное состояние Земли. Следовательно мы можем сказать, что пищей для земной коры служат "теплота и беспорядочное движение". Без теплоты Земля была бы мертвой планетой; но теплота должна поглощаться в соответствии с определенным паттерном, чтобы поддерживался жизненно необходимый баланс между сушей, водой, воздухом и льдом.

Земная

tpr8350-2.jpg

кора представляет собой полноценный Суцностный класс, включающий в себя как простые состояния материи, так и щебень и даже долинный детрит, которые настолько приближаются по своим свойствам к почвенной суцности, что могут обеспечивать существование растительной жизни. Пять пунктов кристаллической Суцности можно обозначить при помощи следующей диаграммы:

В этом случае мы сталкиваемся с начальным уровнем взаимного поддержания. Многообразие существующих форм и их сложных взаимоотношений сведено в систему Суцностных связей взаимного поддержания. "Одухотворение существования" заключается в организации низших форм в процессе их ассимиляции высшими формами. С другой стороны, "реализация Суцности" состоит в проявлении в существующем мире высших паттернов ценности. Именно поэтому вся система в целом называется взаимным поддержанием. Космическое значение каждого Суцно-стного класса определяется тремя пунктами, то есть тем, чем он является, во-первых, сам по себе; во-вторых, как источник питания более высокого класса Суцностей; и, в-третьих, с точки зрения питания более низким классом Суцностей. Таким образом, питательная связь обретает всеобъемлющее значение, хотя вся важность этой концепции в учении Гурд-жиева, по какой-то причине не нашла четкого отражения в Рассказах Вельзевула.

Я бы теперь хотел обратить ваше внимание на то, какое понимание роли жизни на Земле можно вынести из размышления над этим Суцно-стным классом кристаллов. Как мы видим, это не просто случайный процесс агрегации, но в то же время и не предопределенный или в готовом виде созданный мир, а всеобщий процесс обмена веществ, общекосмический Ансанбалуйазар и Трогоавтоэгократ в действии. Мы, люди, также участвуем во

всем этом, хотя и опосредованно, поскольку имеем возможность оказывать благотворное или губительное влияние.

Планета, на которой мы живем, отнюдь не является неживой массой, подвергающейся лишь гравитационным и температурным воздействиям. Это космос, обладающий своим собственным Суцностным паттерном (структурой), а следовательно и своей собственной судьбой. Мы тоже участвуем в этой судьбе, но она развивается в настолько огромных масштабах времени, что даже за сто поколений наблюдения невозможно было бы заметить явных признаков изменения. На одной из своих лекций в Приорэ Гурджиев сказал, что у "камней, ветра и волн" есть собственная жизнь, которую мы можем ощущать, но участвовать в которой мы не можем. На этой основе образуется биосфера, трансформирующая и концентрирующая энергии, за счет которых Земля и Луна приближаются к осуществлению своей космической судьбы. У этой судьбы есть как эволюционный, так и инволюционный аспекты. Это комбинированный процесс реализации и одухотворения. Под "реализацией" я в данном случае подразумеваю действие, в результате которого дух обретает тело, а под "одухотворением" — процесс обретения телом духа. Они неразделимы. В этом же заключается смысл греческого высказывания *odos sto kato*, "путь вверх также является и путем вниз". В Рассказах Вельзевула все это называется общекосмическим Ансанбалуязаром.

Все это четко прослеживается в истории Земли. В результате разделения Земли на уровни, от земной коры до атмосферы, она была трансформирована в тело, способное взаимодействовать с исходящими от солнца духовными импульсами. Гурджиев явным образом дает понять это в главе "Чистилище" Рассказов Вельзевула.

На следующем этапе одухотворение существования происходит на самой поверхности планеты, в слое почвы, средняя толщина которой составляет всего лишь один - два метра, или одну десятиллионную часть диаметра Земли. Общй объем почвы составляет приблизительно 500000 кубических миль, или одну тысячную часть объема земной коры, или всего лишь одну миллионную часть объема Земли. Я привожу здесь все эти цифры в подтверждение мнения Гурджиева о том, что количество значительно уменьшается по мере возрастания качества с позиции шкалы бытия. Структура же всегда сохраняет свои основные черты.

tmp8350-3.jpg

Низшей природой почвенного класса Сущностей являются кристаллы, а высшей - растительность. Кроме того ни у кого не должно вызвать удивления, что почва питается простейшими. Единственная необычная и удивительная особенность этой диаграммы заключается в связи между почвой и зародышевой сущностью. Гурджиев указал на это, назвав червей типичными одномозговыми существами. Всем известна тесная связь между круглыми червями и жизнью почвы. Мы должны чувствовать большую близость к почве, которую по праву можно назвать материнской утробой жизни, если считать саму Землю ее матерью.

Почвенная сущность постоянно находится в состоянии трансформации. Знание этого конкретного механизма трансформации очень полезно для понимания Трогоавтоэгократа в целом. Почва растет за счет всевозможных продуктов распада: осадочных пород, образующихся в процессе разрушения скал и приносимых горными реками; пыли, приносимой ветрами, а также остатков растительных и животных организмов. Все это отображено на символе в виде питательной связи между почвой и простейшими. Почва является динамической Сущностью, и ее значение определяется в большей степени тем, чем она может стать, нежели тем, что она представляет собой на данный момент. В результате "обработки" почвы простейшими, не соответствующими ее Сущностному паттерну, например, определенными химическими веществами, которые сегодня применяются в широких масштабах, она теряет свой динамизм и больше не способна обеспечивать собой здоровое питание для зародышевой сущности. Наблюдаемые сегодня факты экологического дисбаланса служат ярким тому примером. Тем не менее следует смотреть на это обстоятельство глубже и понять, что, насылая почву, мы нарушаем космический закон, а это неизбежно влечет за собой возмездие. Современный человек продолжает игнорировать космические законы, даже после того, как они стали ему известны, и он не понимает, что именно в этом заключается причина многих его бед.

Даже если нам и не известны эти законы, мы можем чувствовать их в глубине своего бытия, благодаря сознательности. Сотни тысяч людей глубоко опечалены тем, что делается сегодня в отношении почвы и зародышевой Самости. Возможно они и объясняют свое недовольство слишком поверхностно, но они многое предпринимают ради сохранения нашего наследия. Если бы они воспринимали все это глубже, то знали бы, что и как следует делать. Мы должны рассматривать почву в качестве особого Сущностного класса, играющего собственную роль в космической гармонии. У нас нет права нарушать ее Сущностный паттерн, служащий генератором трансформации, связывающей неживое состояние материи с живым. В ходе этой трансформации образуются и высвобождаются энергии, необходимые для космических целей. Этот процесс гораздо важнее, чем мы можем себе представить, и мы нарушаем его себе на погибель. В прошлом многие цивилизации погибли именно потому, что нарушали космические

законы, которые невозможно обойти или поставить на служение нашим иллюзорным человеческим целям.

Человек особенно близок к почве, поскольку сам является динамической Сущностью, в которой происходят космические трансформации. Другими словами, человек тоже является своего рода "почвой", связывающей бессознательное и сознательное состояния материи, хотя он и не понимает, что нельзя уйти от своей судьбы.

Растительная Сущность статична. Растение тоже является существом, хотя в гурджиевском понимании и не одухотворенным, не обладающим мозгом. В Рассказах Вельзевула Гурджиев называет растения "субпланетарными формациями" и разделяет их на три основных класса. Первый класс, обнастралнианский, служит только целям самой Земли.

Его основная функция заключается в поддержании жизненно важного баланса между землей, воздухом и водой. Растения связывают углерод и образуют кислород, а кроме того производят углеводы, белки и жиры. Это важнейшие космические функции, которые не способна осуществлять никакая другая Сущность. Растительная жизнь существовала на нашей планете задолго до появления первых организмов с мозгами. На подготовку к зарождению животной Сущности потребовался почти миллиард лет. В течение всего этого времени на суше постепенно развивалась почва, в атмосфере накапливался кислород, в морях разрастался планктон, а на фоне всего этого устанавливался климат. В этой колоссальной подготовительной работе центральная роль была отведена бесцветковым растениям. По выполнению этой задачи растительность начала бурно диверсифицироваться. Появились цветковые растения, составляющие второй класс растительных Сущностей по Гурджиеву, или ох-татралнианский класс растений. Растения этого класса не только служат цели поддержания структуры Земли, но также обеспечивают эволюцию более высоких форм жизни, энергии которых, как особо указывает Гурджиев в главе "Закон Гептапарашинох", исходят от солнца и других планет солнечной системы.

Третья категория растительных Сущностей называется полормедех-тианской, и это означает, что такие растения могут концентрировать энергии, источник которых находится "вне солнечной системы" и которые связаны с высшими состояниями сознания. Сюда относятся виноград, из которого делается вино, табачное растение, опиумный мак, конопля и некоторые грибы, то есть растения, оказывающие специфическое воздействие на психику человека. Все они указаны в Авестийской Хаоме и Санскритской Сомае и уже тысячами лет используются для вхождения в такое состояние сознания, в котором человек может воспринимать космическую реальность. Особым образом они связаны с человеком, на которого их использование возлагает священную ответственность.

Структура растительной Сущности отображена на следующей диаграмме:

tmp8350-4.jpg

Растительная Сущность включает в себя ряд потенциалностей, от почвы до зародыша: растительность возникла на основе предшествующих форм, и в ходе своей эволюции дала начало зародышевой Сущности. На первый взгляд можно было бы предположить, что она питается почвой. Однако вернее будет сказать, что она производит почву в результате собственного обмена веществ, жизни и смерти. Ее пища более примитивна, чем почвенная Сущность. Все элементы земной коры, все кристаллические формы, образовавшиеся за миллиард лет, проникают в растения, в которых рассеиваются, концентрируются и попадают в почву. Между четырьмя классами Сущностей - теплотой, простейшими, кристаллами и почвой происходит постоянный обмен веществами и энергиями. Гурджиев называет это нижней тетрадой Ансанбалуязара. Растительность же является низшим членом тетрады жизни. Говоря языком Вельзевула, она индивидуализирована, но не одухотворена, поскольку не имеет системы мозгов.

Первой одухотворенной Сущностью является зародышевая, обозначенная как "беспозвоночные" на Диаграмме Всего Живого и собирательно называемая также одномозговыми существами в Рассказах Вельзевула. Как и в случае растений, в классе зародышевых Сущностей можно выделить три категории. К первой относится тип беспозвоночных, которые участвуют в энергетических трансформациях Земли, и, хотя непосредственно с человеком не связаны, тем не менее опосредованно обеспечивают его существование. Деятельность таких беспозвоночных, как черви и насекомые, а также животный планктон в морях создает условия для нашего существования. Ко второй категории относятся микроорганизмы, которые вырабатывают вещества, воздействующие на организмы животных и человека, то есть активные химические вещества. В качестве примера организма из третьей группы всегда приводят зародыш пшеницы, то есть то, что Гурджиев называет "фосфора". По его словам пшеница есть на всех планетах, населенных трехмозговыми существами, и служит их основной Сущностной пищей. Зародышевая Сущность особым образом связана с половым размножением и по своей природе динамична.

tmp8350-5.jpg

Зародышевая Сущность, как показано на этой диаграмме, получает питание от почвы и служит пищей человеку. В процессе трансформации участвуют три динамические Сущности. Почва, зародыш и человек постоянно находятся в процессе развития. Почва отнюдь не является готовым продуктом: она должна постоянно обновляться, и то же самое относится к зародышевой Сущности. Некоторые из энергий, образующихся таким образом, мы можем в определенной степени воспринимать в своем опыте, и именно они делают нашу жизнь столь характерно человеческой. Поскольку у нас, как и у животных, есть животные организмы, мы тоже получаем пищу от растительной Сущности, но "земное" значение человека заложено в его связи с зародышевой Сущностью. Это также объясняет, почему сексуальная активность занимает такое важное и осязаемое место в человеческой жизни и почему Гурджиев утверждает, что сексуальная энергия, экзиозхари, дается человеку как средство самосозидания и развития своих высших тел.¹ У истока эволюции животного мира стояла именно зародышевая, а не растительная Сущность.

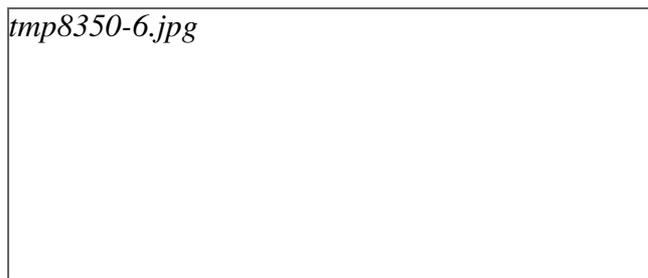
К шестому классу относятся все хордовые животные, но прежде всего млекопитающие, которые обладают полностью развитой двухмозговой системой. Животные также имеют тройное космическое значение. Животные концентрируют практически все возможные разновидности чувствительной энергии. По этой причине мы наблюдаем у животных до удивительного подобные человеческим чувственные реакции. По словам Вельзевула эти энергии составляют необходимую часть Трогоавтозо-краты всей солнечной системы. Если нужна энергия, вырабатываемая каким-то видом животных, то и сам этот вид тоже непременно нужен. Поэтому, если мы уничтожаем какой-либо вид животных, то сами оказываемся вынужденными вырабатывать соответствующий спектр энергий. Не понимая этого, мы допускаем исчезновение целых видов животных, и даже преднамеренно уничтожаем их ради собственной выгоды, как, например, происходит с китами. У многих из нас возникает чувство, что с этим что-то не так. И на самом деле будущее человечества будет поставлено под колоссальную угрозу, если мы позволим этим пагубным процессам пойти слишком далеко. Возможно такой вариант был предвиден и "озверение" человечества является одним из возможных результатов нашего сегодняшнего образа жизни.

Из приведенной ниже диаграммы следует, что животная Сущность служит пищей демиургической Сущности. Это казалось бы странное обстоятельство многократно упоминается

в Рассказах Вельзевула. Дело в том, что без образуемых животной Сущностью психических энергий демиурги не могут выполнять свою работу. Гурджиев постоянно подчеркивает это в Рассказах Вельзевула и этим же объясняет войны и жертвоприношения. Тем не менее он однозначно дает понять, что необходимость в истреблении других жизненных форм, равно как и неизбежность войн остались в прошлом. Если мы хотим войти в Новую Эру, то должны понять, что невозможно истреблять животные Сущности, также как и человеческие без нежелательных последствий.

Подробнее об этом см. Дж. Г. Беннетт, Секс, Москва, 2000 г. (прим. ред.)

tmp8350-6.jpg

На диаграмме отображено статическое равновесие между растительным и животным царствами в их отношениях с демиургическими разумами, руководящими развитием солнечной системы. Однажды поняв эту идею, приходишь к выводу, что нынешнее отношение к природе, делающее человека центром жизни и власти на Земле, должно быть вытеснено совершенно новым.

Итак, мы подошли к седьмому Сущностному классу - человеку. Прежде всего следует отметить, что человек может обладать совершенно разными Сущностными природами. Наверное можно даже сказать, что в этом смысле есть три типа людей. К первому относятся люди, живущие в соответствии с принципом итокланоз. Вторые живут по фуласнитам-нианскому принципу. Третий же составляют только те исключительно редкие индивидуумы, которые воплотились Свыше. Подобно демиургам они приходят в существующий мир, уже будучи полностью развитыми, и с определенной миссией. В таком делении людей на три типа нетрудно усмотреть аналогию с классификацией других Сущностных классов. Истинно человеческой Сущностью обладают живущие по фуласнитамнианскому принципу. Это люди, находящиеся в процессе трансформации, конечной целью которой является единение с Космической Индивидуальностью. Именно в этом смысле человек служит "пищей" Космической Индивидуальности. Люди же первого типа образуются от животной Сущности или возможно возвращаются к ней.

Приведенная ниже пентада в сжатой форме показывает все значение человеческой судьбы, обсуждавшееся во второй главе.

По своей природе человек располагается между животными и демиургическими Сущностями. Это напоминает нам фразу св. Августина:

"Немного выше животных, немного ниже ангелов". Другими словами человек с одной стороны может избрать для себя пассивную полуживотную жизнь, а с другой стороны имеет возможность использовать свои творческие способности для трансформации мира. Человек является как-животным, так и творцом. Это отражено в Рассказах Вельзевула, и здесь система Гурджиева согласуется с фундаментальными представлениями

tmp8350-7.jpg

всех религий. Человек должен выбрать один из трех вариантов. Он может обречь себя на жизнь "думающего животного", ища удовольствия и избегая страданий. Это жизнь согласно принципу итокланоз. На этом пути он также может использовать присущие его природе демиургические возможности для достижения своих эгоистических и самоубийственных целей. В Рассказах Вельзевула эту ситуацию олицетворяет Хас-намусс. Человеческое предназначение не предусматривает ни того, ни другого. Как человек человек должен работать и страдать, служа космической цели и формируя вместилще для объективного разума. В итоге такой человек должен объединиться с Космической Индивидуальностью, или осуществить Тохид, в терминологии суфиев. Но и это еще не конечный этап, поскольку путь абсолютного освобождения должен привести его к тому состоянию, которое Гурджиев называет Бесконечностью нашего Общего Создателя.

Эволюционный потенциал человека безграничен, поскольку у него есть возможность освободиться от ограничений существующего мира. Однако его путь лежит не вовне этого мира, а через него. В этой связи Гурджиев делает весьма значительное заявление о том, что Творец ждет от человека "помощи в управлении расширяющимся миром". Казалось бы это противоречит представлению о том, что конечная цель эволюции человека находится за рамками существования и даже бытия.

Доктрина освобождения несет в себе невыразимую тайну. Мы обычно понимаем свободу как свободу "от" какого-либо состояния или принуждения. Сущностная же свобода заключается в отсутствии условий, а не в уходе от обязанностей. Нашему Создателю человек нужен не меньше, чем Он сам человеку; но это антропоморфное представление. Человек в самом сердце своего бытия уже является Творцом. Он превосходит разделение на одно и множество, великое и малое. После снятия

всех ограничений не остается ничего кроме Единой Воли, то есть "51". Таким образом Трогоавтоэгократ проявляет себя как космическая любовь. Все в мире дарует и само получает жизнь, и добровольное, осмысленное принятие этой взаимодополнительности - это как раз и есть любовь. В откровении мы видим, что Христианская Евхаристия является отражением Трогоавтоэгократа, а также то, что она произошла от зороастрийского пира любви. Литургическая жертва отнюдь не представляет собой одностороннее действие, в котором Космическая Индивидуальность жертвует себя людям. Это также и жертва обособленным существованием со стороны человека. Несколько лет назад я прислуживал на Мессе Отцу Настоятелю монастыря св. Уэндрий-Фонтанелля. Во время благодарственного молебна я был потрясен осознанием того, что Христос вошел в меня, а я вошел в Него. Тогда же для меня перестала в этом смысле существовать разница между питанием и служением пищей, и я почувствовал, что истинно являюсь Богом, а Бог истинно является мной. С тех пор я стал понимать Трогоавтоэгократ как проникновение Самого Бога в Творение и Его в нем проявление. Творение состоит из динамичной воли и статичного бытия. Человек по Сущности принадлежит к динамичной части. Демургическая же Сущность является наивысшей индивидуализированной сущностью статического порядка. Демурги как класс соответствуют тому, что в Рассказах Вельзевула называется священными индивидуумами из "центра", которые управляют миром по Воле Создателя. Из всего, что написал Гурджиев однозначно следует, что он действительно верил в существование сверхчеловеческих, но при этом ограниченных существ, не застрахованных от ошибок. В Рассказах Вельзевула ярким тому примером служит описание "непредусмотрительности", обрекшей человечество на склонность к игнорированию Сущностной реальности.

Космическая Трогоавтоэгократ Индивидуальность

tmp8350-8.jpg

Многое из написанного в настоящей книге опирается на предположение о том, что в настоящее время демургические разумы осуществляют замысел глобального масштаба. Человечество опять угрожает дальнейшей эволюции солнечной системы. В связи с этим и предпринимаются адекватные меры. Наша главная насущная обязанность заключается в содействии этой работе своими собственными усилиями. В частности мы обязаны установить должные отношения с животным царством. Многие подспудно чувствуют это, но никто не понимает действительных причин. Мировому порядку требуются энергии, которые человечество не образует должным образом. Они могут

быть получены экстенсивным путем, в результате массовой гибели жизни, или же интенсивным путем, благодаря сознательному труду и преднамеренным страданиям отдельных людей и общин. Мы как раса должны понять, что творческую цель необходимо ставить превыше всего. Если она не будет достигнута с нашим добровольным и деятельным участием, то ее реализуют за счет нас. Следуя своему предназначению, мы становимся помощниками силы, создающей мир. Мы входим в сферу демиургической деятельности и можем помочь демиургическим разумам в их нелегкой работе, пока еще есть немного времени. Их задачей является содействие Трогоавтоэгократу, поддерживающему гармонию космоса. В этой связи Вельзевул упоминает Управляющего всеми Отделами Пештвогиера, являющегося одним из "наиболее приближенных к нашей Бесконечности" священных индивидуумов.

Приведенная выше диаграмма показывает, как высшая природа демиургической Сущности сливается с Космической Индивидуальностью.

Девятая и последняя пентада отображает Космическую Индивидуальность как связующее звено между Творцом и всемирным процессом. Вельзевул использует термин Теомертмалогос, подразумевая под ним "Бога-Мира", или Космическую Индивидуальность. При этом "священные индивидуумы, воплотившиеся Свыше" являются проявлениями Бога-Мира. Это уже богословская сфера, и дальнейшее развитие этого вопроса может показаться не связанным с путем к Новому Миру. Однако Гурджиев, напротив, всегда утверждал, что человечеству необходимо новое понимание Бога и Творения, без которого на вопрос о смысле и предназначении жизни на Земле невозможно дать удовлетворительный ответ. Даже только поняв, что все существующее действительно необходимо, что нет ничего пустячного, не имеющего цели, мы можем уже получить новую основу для веры, любви и надежды; уже только одно это объясняет слова Гурджиева о том, что сознательного человека можно совершенно обоснованно называть Сыном Божьим.

То, что человек присутствует в этой высшей пентаде, пусть даже и в качестве ее низшего члена, должно напоминать нам о достоинстве человеческой природы.

tmp8350-9.jpg

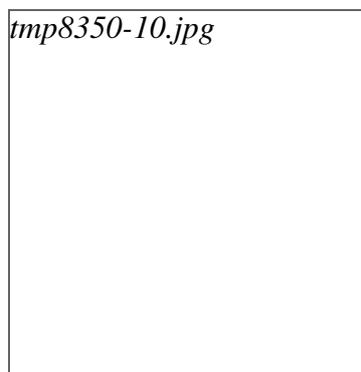

Понятие "Трогоавтоэгократ" можно по праву назвать основным вкладом Гурджиева в новую космологию, поскольку оно дает ответ на вопрос "Почему у мира именно такая структура?" Оно позволяет нам понять взаимосвязь всех Сущностных классов.

Оно объясняет причину нашего существования и показывает, что означает настоящая эволюция. Однако это понятие не дает нам представление о том, как обеспечивать эволюцию в этом мире неопределенности и риска. Для того чтобы понять принцип функционирования мира, мы должны перейти от концепции Сущностных классов к концепции космосов. Космос - это мир. Мы знаем о том, что у всех космосов один и тот же основной паттерн. Этот паттерн складывается из сочетания космических законов трех и семи.

Все это приводит нас к совершенно иному символу, который Гурд-жиев называл эннеграммой. В третьей главе я писал о том, что этот символ и запечатленные в нем идеи были открыты Сарманским обществом приблизительно двадцать пять столетий назад и обрели новое рождение в пятнадцатом веке, когда арабы в полной мере разработали свою числовую систему.

Эннеграмма служит символом самоподдерживающейся эволюции, или трансформации. Суть этого символа состоит в том, что он отображает три независимых процесса, взаимно поддерживающих друг друга в определенных точках, причем без такой поддержки процессы бы потеряли свое направление и превратились бы в свою противоположность. Эннеграмма представляет собой тройной символ: треугольник и шестиугольник, вписанные в круг. Шестиугольник повернут таким образом, что его линии пересекаются три раза:

Интерпретировать этот символ можно необозримым количеством способов. Проще всего обозначить точки по окружности цифрами с одного до девяти, в результате чего треугольник будет обозначен цифрами три, шесть и девять, а шестиугольник - цифрами один, четыре, два, восемь, пять и семь, то есть хорошо известной повторяющейся последовательностью цифр остатка от деления любого целого числа на семь. Это свойство имеет смысл только в десятичной системе исчисления, из чего можно было бы заключить, что этот символ был открыт уже после разработки центрально-азиатскими математиками современной системы цифр, в которой цифра ноль имеет самостоятельное значение. Следовательно, тогда как число семь по-видимому считалось священным еще в шумерские времена, сама форма эннеграммы, судя по всему, была открыта в Самарканде в четырнадцатом веке. Этим обстоятельством можно было бы объяснить ее отсутствие в индийской и европейской литературе. Однако Гурджиев утверждал, что это гораздо более древний

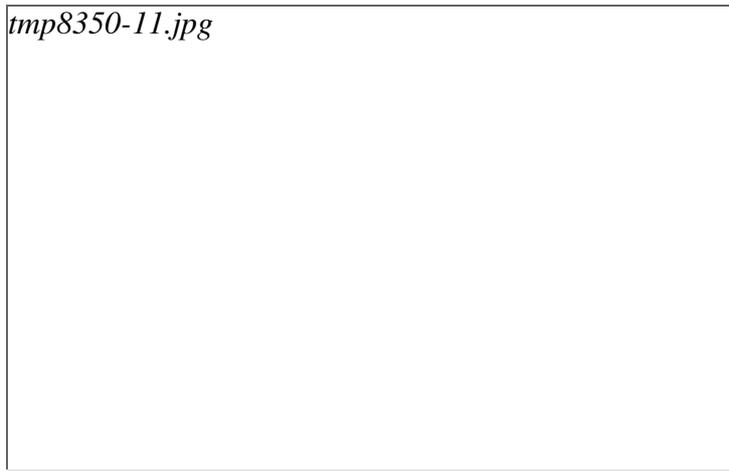
символ, и приписывал его Сарманскому братству. И то и другое может быть верно. Сарманское братство хранило секрет взаимного поддержания и вне всяких сомнений перевело свои знания на язык священных танцев и символов. Всему этому могла быть предана новая форма после открытий ученых Самарканда.

Первое, что нужно знать для правильного понимания и использования эннеаграммы, это то, что все три процесса, начинающиеся в точках девять, три и шесть, должны быть различными по своей природе, но в то же время сопоставимыми друг с другом. Если не вдаваться в подробности, то первый процесс должен быть функциональным, второй - связанным с бытием, а третий - с волей. Другими словами, первый процесс протекает в материальном, или осязаемом, мире, второй — в кесджан-ском, или психическом, мире, а третий - в духовном, или необусловленном, мире. Поскольку мы не способны непосредственно воспринимать психическую и духовную реальность, о втором и третьем процессах мы можем судить лишь косвенно, то есть по их проявлениям. Они сопряжены с трансформацией качеств и состояний.

Поскольку все это очень абстрактно, я приведу свой излюбленный пример с кухней, на которой готовится пища для общины. В данном случае мы имеем три процесса: изменения, происходящие собственно на кухне, изменение пищи и изменения, происходящие с питающимися. Они различаются по своему характеру, но пересекаются между собой на каждой стадии. При этом кухня является функциональным элементом. Пища - это бытийный компонент процесса. Воля же вовлечена в жизнь самой общины, которая должна питаться, чтобы выполнять свою задачу. Кроме того, есть шеф повар, который в нашем случае будет олицетворять собой закон, определяющий ход событий.

Видимый процесс идет по окружности, в направлении от нуля к девяти. Кроме того для связности и согласованности всех событий в целом требуются воздействия, траектория которых описывается точками один-четыре-два-восемь-пять-семь. Базовая триада кухня-пища-община обозначена точками три, шесть и девять.

События на кухне разворачиваются циклически. Вначале кухня чистая и пустая, а все инструменты и приборы находятся в местах своего хранения; в конце цикла все опять приходит в изначальное состояние. Процесс протекает от нуля и далее по кругу. Точка пять соответствует состоянию наивысшего напряжения, которое Гурджиев называет харнель аут, "место трансформации" (Рассказы Вельзевула, стр. 754, 758). После приема пищи кухня возвращается в исходное состояние и готова к следующему блюду.

tpr8350-11.jpg

Подобным же образом и пицца проходит несколько стадий: вначале продукты приносят из магазина (точка три), затем подготавливаются (четыре), затем готовится пицца (пять), затем подаются блюда (семь), и, наконец, пиццу съедают (восемь). Возвращения пиццы к исходному состоянию не происходит. Пицца входит в жизнь общины как источник энергии на грядущий день.

Община начинает свое участие с точки шесть, когда "звучит гонг". Пиццу подают, съедают и переваривают. Таким образом пути пиццы и общины сходятся, и для описания их дальнейшей трансформации требуется отдельная эннеаграмма.

Самая интересная и удивительная особенность этого символа заключается в возвращающейся последовательности точек один-четыре-два-восемь-пять-семь. Она потрясающе точно описывает алгоритм работы шеф повара. Распределяя работу, он должен держать в голове обработку продуктов, то есть идти от точки один к точке четыре. В результате поварам, помощникам и поварьятам будет указано, какие именно приборы, посуду и инструменты следует использовать (четыре-два). Шеф повар безусловно должен также думать и о самой трапезе. Таким образом, меню, распределение всех действий по времени и общий план событий продумываются в соответствии с линией два-восемь. Собственно готовка должна быть организована так, чтобы каждое блюдо было готово к определенному времени и месту (восемь-пять). Дополнение пиццы соусами и приправами, а также подача блюд описываются линией пять-семь. Все это время шеф повар должен лично присутствовать, чтобы следить за правильностью выполнения каждого этапа. Интересно, что только в этом случае направление линий действия и контроля совпадает - обе линии направлены от точки пять к точке семь. Затем шеф повар покидает кухню, оставляя на совесть своих подчиненных осуществление линии семь-один, то есть уборку кухни и ее подготовку к новому циклу работы.

Может показаться, что такое точное соответствие слишком теоретично. Найдите свой собственный пример. Единственное, на что следует обязательно обращать внимание, так это на то, чтобы выбранный вами процесс или событие были действительно полноценными и чтобы три линии трансформации были связаны соответственно с внешними условиями,

трансформируемым материалом и целью, или задачей всей деятельности. Уже давно Кларенс Кинг, главный инженер британского отделения Джэнеерал Моторс, показал, что для правильной работы завода, производящего механические устройства, например автомобили, необходимо организовывать его работу по принципу эннеаграммы (Систематика, Том 1, стр. 111). Кроме того, например, деятельность правильно организованной школы тоже должна основываться на трех процессах. Организм человека и вообще любой живой организм построены по той же схеме. Я надеюсь, что сказал достаточно, чтобы пробудить интерес читателя и подвигнуть его на изучение эннеаграммы ради его собственной пользы.¹

Эти два символа, пентада и эннеаграмма, отображают всю систему всемирных трансформаций энергий (Ансбалуйазар) и взаимного поддержания (Трогоавтоэократ). Гурджиев "ненавидел разъяснения", и я тоже не буду далее обсуждать эту систему. Я лишь могу уверить вас, что, занявшись изучением этих символов, вы не потратите времени даром.

Отношение Гурджиева к посвящению было очень ярко отражено в самом первом изложении его идей, Проблесках истины, написанных в 1915 году. Это описание встречи Гурджиева с одним русским интеллигентом. После того, как Гурджиев, используя различные диаграммы, блестяще рассказал о трансформациях энергий, протекающих в человеке и во вселенной, пришедший сказал: "То, что вы сейчас рассказали, глубоко поразило меня. Почему это знание держалось в тайне?" Гурджиев объяснил, что смог рассказать ему все это, потому что он прежде много работал и учился, добавив: "Благодаря этой работе, вашей собственной работе, вы теперь можете понять кое-что из того, что я вам рассказываю. Предположим теперь, что через год мы вернемся к обсуждению этого предмета. Предположим также, что вы весь этот год не ждали у моря погоды, а работали, и ваше понимание изменилось. Тогда через год вы будете в большей степени "посвящены". Вы говорите, что это "знание" держалось "в тайне". Это не так: просто люди не способны понимать. Я, например, был бы просто счастлив случаю обсудить с кем-нибудь интересующие меня вопросы без необходимости ставить себя на уровень понимания и умственных способностей этого человека. У людей не хватает слов для выражения некоторых мыслей. Когда важны не слова, а их источник, отсутствие понимания делает общение просто невозможным. То, что вы называете "тайной", на самом деле связано с невозможностью дать людям то, что они не способны принять".

Замысловатый символизм, странные неологизмы и перемену терминов Гурджиев использовал не для того, чтобы запутать и сбить с пути своих последователей, а для того, чтобы им пришлось самостоятельно потрудиться ради понимания скрытого смысла. Разъяснения с этой точки зрения будут ложной помощью, и, хотя посвящение действительно много значит, оно не состоит в облегчении задачи ищущего.

¹ Подробнее об эннеаграмме см. Дж. Г. Беннетт, *Драматическая Вселенная и Изучение Эннеаграммы*, Москва, 2001 г.